

Том 17, № 2 Volume 17, Number 2 2026

ISSN 2079-0910 (Print)
ISSN 2414-9225 (Online)

ТОМ 17 № 2 2026

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

СОЦИОЛОГИЯ

науки и технологий

Sociology of Science & Technology

Санкт-Петербург

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2026

Том 17

№ 2

Санкт-Петербург

Главный редактор журнала

Ащеулова Надежда Алексеевна, кандидат социологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Заместители главного редактора

Зенкевич Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Федорова Анна Александровна, кандидат социологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

Аблажей Анатолий Михайлович, кандидат философских наук, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

Аллахвердян Александр Георгиевич, кандидат психологических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия

Банержи Пармасарати, Национальный институт исследований научного и технологического развития, Нью-Дели, Индия

Бао Оу, Университет Цинхуа, Пекин, Китайская Народная Республика

Держина Ирина Геннадиевна, доктор экономических наук, Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия

Душина Светлана Александровна, кандидат философских наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия.

Иванова Елена Александровна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Иванчева Людмила, доктор социологических наук, Институт изучения общества и знаний Академии наук Болгарии, София, Болгария

Рентеци Мария, Университет им. Фридриха-Александра в Эрлангене и Нюрнберге, Германия

Скворцов Николай Генрихович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Соболев Владимир Семенович, доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал, Санкт-Петербург, Россия

Фуллер Стив, Факультет социологии Уорикского университета, Ковентри, Великобритания

Хименес Хайми, Национальный автономный университет Мехики, Мехико, Мексика

Юревич Андрей Владиславович, член-корреспондент Российской академии наук, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

Журнал основан в 2009 г. Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о перерегистрации журнала ПИ № ФС 77–75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовой коммуникации 11 февраля 2019 г.

Журнал индексируется с Т. 8, № 1, 2017

в “Emerging Sources Citation Index”

(Clarivate Analytics products and services)

Редакционный совет

Богданова Ирина Феликсовна, кандидат социологических наук, Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Бороноев Асалан Ольгонович, доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Вишневецкий Рафал, Университет кардинала Стефана Вышинского в Варшаве, Варшава, Польша

Елисеева Ирина Ильинична, член-корреспондент Российской академии наук, Социологический институт Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

Козлова Лариса Алексеевна, кандидат философских наук, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

Паттнаик Бинай Кумар, Институт технологий г. Канпура, Канпур, Индия

Сулейманов Абульфаз, Университет Ускюдар, Стамбул, Турция

Тамаш Пал, Институт социологии Академии наук Венгрии, Будапешт, Венгрия

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5

Тел.: (812) 328-47-12,

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: school_kugel@mail.ru

Сайт: <http://sst.nw.ru>

Выпускающий редактор номера: *С.И. Зенкевич*

Редакторы англоязычных текстов: *В.А. Курприянов,*

Н.В. Никифорова

Корректор: *Т.К. Добряня*

Подписано в печать: 25.05.2026.

Дата выхода в свет: 25.05.2026.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 17580-1. Цена свободная.

Отпечатано в типографии «Скифия-Принт»,

Санкт-Петербург, 197198, ул. Б. Пушкарская, д. 10.

© Редколлегия журнала

«Социология науки и технологий», 2026

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, 2026

S.I. VAVILOV INSTITUTE FOR THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
ST PETERSBURG BRANCH

**SOCIOLOGY
OF SCIENCE AND TECHNOLOGY**

2026

Volume 17

Number 2

St Petersburg

Editor-in-Chief of Journal

Nadia A. Asheulova, Cand. Sci. (Sociology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Assistant Editors

Anna A. Fedorova, Cand. Sci. (Sociology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia

Svetlana I. Zenkevich, Cand. Sci. (Philology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Editorial Board

Anatoliy M. Ablazhej, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Alexander G. Allakhverdyan, Cand. Sci. (Psychology), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Parthasarathi Banerjee, Dr., National Institute of Science Technology and Development Studies — NISTADS, New Delhi, India

Ou Bao, Tsinghua University, Beijing, China

Irina G. Dezhina, Dr. Sci. (Economy), Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russia

Svetlana A. Dushina, Cand. Sci. (Philosophy), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Elena A. Ivanova, Cand. Sci. (History), St Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

Ludmila Ivancheva, Dr. Sci. (Sociology), Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Nikolay G. Skvortsov, Dr. Sci. (Sociology), St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

Nikolay N. Smirnov, Dr. Sci. (History), St Petersburg Institute for History of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

Vladimir S. Sobolev, Dr. Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg, Russia

Steve Fuller, Prof., Dr. Sci. (Philosophy), Social Epistemology Department of Sociology, University of Warwick, Coventry, United Kingdom

Jaime Jimenez, PhD, Autonomous National University of Mexico, Mexico City, Mexico

Maria Rentetzi, Prof., PhD, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Germany

Andrey V. Yurevich, Correspond. member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The Journal was founded in 2009.

The Mass Media Registration Certificate:

PI № FC № 77–75017 on February 11th, 2019

Founder and Publisher: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

ISSN 2079-0910 (Print)

ISSN 2414-9225 (Online)

Publication Frequency: Quarterly

The Journal has been selected for coverage in Clarivate Analytics products and services. Beginning with V. 8 (1) 2017. This publication is indexed and abstracted in *Emerging Sources Citation Index*

Editorial Advisory Board

Irina F. Bogdanova, Cand. Sci. (Sociology), Institute for Preparing Scientific Staff, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Asalhan O. Boronoev, Dr. Sci. (Philosophy), Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia.

Rafał Wiśniewski, PhD, Cardinal Stefan Wyszyński University in Warsaw, Poland

Irina I. Eliseeva, Correspond. member of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia

Larissa A. Kozlova, Cand. Sci. (Philosophy), Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Binay Kumar Pattnaik, Dr. Sci. (Sociology), Indian Institute of Technology, Kanpur, India

Abulfaz D. Suleimanov, Dr. Sci. (Philosophy), Uskudar University, Istanbul, Turkey

Pal Tamas, Dr. Sci. (Sociology) Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary

Postal address:

Universitetskaya nab., 5, St Petersburg, Russia, 199034

Tel.: (812) 328-47-12 Fax: (812) 328-46-67

E-mail: school_kugel@mail.ru

Web-site: <http://sst.nw.ru>

Managing Editor: *Svetlana I. Zenkevich*

Editors of the English Texts: *Victor A. Kuprianov,*

Natalia V. Nikiforova

Corrector: *Tatyana K. Dobriyan*

- © The Editorial Board of the Journal “Sociology of Science and Technology”, 2025
- © S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная история науки и техники

<i>Р. Бахромзод.</i> Инфраструктура научного знания в исламском Золотом веке: институции, покровительство и акторно-сетевые конфигурации	7
<i>Г.И. Смагина.</i> «Нет больше человека, имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума»: сохранение памяти об умерших ученых в Петербургской академии наук в XVIII в.	30
<i>А.Л. Клейтман.</i> Командировка академика Иосифа Гамеля в Соединенные Штаты Америки (1854–1856 гг.): научные результаты	50
<i>А.Ю. Скрыдлов.</i> Научная семья в интеллектуальном пространстве Императорской России: начало династии Кёппенов	67
<i>А.А. Федотова.</i> Фетибаш, Гангру и другие: биографии царскосельских слонов	83

Технологии и общество

<i>Petar Kovacevic.</i> How to Research Institutions of the Technosocial Space? An Analysis of the Applicability of Three Meta-Institutional Concepts	118
<i>Nataliia D. Trishchenko.</i> Changing Modes of Scholarly Communication in Social Sciences and Humanities: A Literature Review	140
<i>Чжао Цзихуэй, Чэнь Шуан, С.Е. Гасумова, А.В. Старшинова.</i> Опыт цифровизации системы социальных услуг в Китае и России	154

Наука в правовом измерении

<i>В.А. Болдырев.</i> Влияние справочных правовых систем на юридическую науку	174
<i>Р.Ю. Колобов.</i> Правовое регулирование научно-исследовательской деятельности во Франции.	192

Эмпирические исследования

<i>М.О. Пискунов, Т.Н. Раков.</i> Леса сибирских академгородков и городское наследие советской большой науки (1950–2010-е)	206
<i>В.С. Шевченко.</i> Социальные технологии как инструмент укрепления гражданской устойчивости и интеграции в научную среду молодых ученых приграничных регионов России	230

Рецензия

<i>В.С. Соболев, Е.Г. Пивоваров.</i> Рецензия на книгу: «Дневник кругосветного плавания Ф.П. Литке на шлюпе “Камчатка” в 1817–1819 годах» / авторы-составители: Л.И. Спиридонова, Г.Н. Федорова. М.: Паулсен, 2026. 736 с.; ил.	243
---	-----

Информация для авторов.	249
---------------------------------	-----

В следующем номере.	250
-----------------------------	-----

CONTENT

Social History of Science and Technology

<i>Rizoi Bakhromzod</i> . Infrastructure of Scientific Knowledge in the Islamic Golden Age: Institutions, Patronage, and Actor-Network Configurations	7
<i>Galina I. Smagina</i> . «Gone Is the Man, Whose Name Designates an Epoch in the Annals of Human Reason»: Preserving the Memory of Deceased Scholars at the St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII Century	30
<i>Alexander L. Kleitman</i> . Academician Joseph Hamel’s Journey to the United States of America (1854–1856): Scientific Results.	50
<i>Andrey Yu. Skrydlov</i> . The Scientific Family in the Intellectual Landscape of Imperial Russia: The Origins of the Köppen Dynasty	67
<i>A.A. Fedotova</i> . Fetibash, Gangru, and Others: Biographies of Tsarskoye Selo Elephants	83

Technologies and Society

<i>Petar Kovacevic</i> . How to Research Institutions of the Technosocial Space? An Analysis of the Applicability of Three Meta-Institutional Concepts	118
<i>Nataliia D. Trishchenko</i> . Changing Modes of Scholarly Communication in Social Sciences and Humanities: A Literature Review.	140
<i>Zhao Jihui, Chen Shuang, Svetlana E. Gasumova, Alevtina V. Starshinova</i> . The Experience of Digitalization of Social Services System in China and Russia.	154

Science in Legal Dimension

<i>Vladimir A. Boldyrev</i> . The Influence of Reference Legal Systems on Legal Science	174
<i>Roman Y. Kolobov</i> . Legal Regulation of Research Activities in France	192

Empirical Studies

<i>Mikhail O. Piskunov, Timofey N. Rakov</i> . Forests of the Siberian Science Cities and the Urban Heritage of the Soviet Big Science (1950–2010s)	206
<i>Valeriya S. Shevchenko</i> . Social Technologies as a Tool for Strengthening Civic Resilience and Integrating Young Scientists from Russia’s Border Regions into the Scientific Environment.	230

Book Review

<i>Vladimir S. Sobolev, Evgeniĭ G. Pivovarov</i> . Book Review: Diary of F.P. Litke’s Circumnavigation on the Ship “Kamchatka” in 1817–1819 / Authors and compilers: L.I. Spiridonova, G.N. Fedorova. Moscow: Paulsen, 2026. 736 p.; ill.	243
---	-----

Information for Authors and Requirements for the Manuscripts of Articles for the Journal “Sociology of Science and Technology”.	249
---	-----

In the Next Issue	250
-----------------------------	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Ризои Бахромзод

кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник
Физико-технического института им. С.У. Умарова
Национальной академии наук Таджикистана,
старший научный сотрудник Института астрофизики
Национальной академии наук Таджикистана,
Душанбе, Республика Таджикистан;
e-mail: rizo@physics.msu.ru

Инфраструктура научного знания в исламском Золотом веке: институции, покровительство и акторно-сетевые конфигурации

УДК: 001.38

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-7-29

Исследование посвящено анализу инфраструктуры научного знания в период исламского Золотого века с акцентом на функционировании дворцов правителей, библиотек, домов мудрости, медресе, мастерских и обсерваторий, а также системы покровительства, обеспечивавшей формирование и распространение знаний. Целью является выявление механизмов формирования устойчивых научных сетей через взаимодействие ученых, правителей, материальных ресурсов и финансовых институтов. Для объяснения этого процесса применяются концепции акторно-сетевой теории, эпистемических сообществ и теории инфраструктур, без изложения методологических деталей. Результаты показывают, что устойчивое финансирование, включая жалованья при дворах и вакфы, наряду с доступом к библиотекам и инструментам, играло решающую роль в развитии науки, тогда как политические потрясения и утрата покровительства приводили к стагнации и миграции ученых. Особое внимание уделено переводческому движению и Дому мудрости в Багдаде, сети медресе и ранним обсерваториям. Сделан вывод, что успех научного развития определяется совокупным воздействием социальных, организационных и материальных условий.

Ключевые слова: исламский Золотой век, инфраструктура знания, покровительство, Дом мудрости, медресе, обсерватории, акторно-сетевая теория, эпистемические сообщества, вакф, переводческое движение.

Введение

Исламский Золотой век (примерно VIII–XIII вв.) часто представляется эпохой выдающихся ученых и блестящих открытий на обширной территории от Кордовы до Бухары [Renima, 2016; Расулиён, 2014]. Некоторые историки науки подчеркивали индивидуальный гений мыслителей вроде аль-Хорезми, аль-Кинди, аль-Фараби, Ибн Сины (Авиценны) и аль-Бируни, а материальные условия их работы и социальная среда рассматривались как второстепенные факторы [Gafurov, 1974; Asimov, 1980; Foltz, 2019]. В советской историографической традиции биографии таджикских ученых и мыслителей средневековья, таких как Фирдоуси, Ибн Сина, аль-Бируни или другие, нередко намеренно акцентировались на мотивах бедности, лишений и социальной уязвимости, формируя образ «гения-энтузиаста», который, будучи выходцем из народа, совершает научные подвиги вопреки безразличию или враждебности феодального окружения; подобное «обнищивание» жизнеописаний служило идеологической задаче: демонстрируя угнетающую природу средневековых общественных порядков и контрастируя их с условиями для науки в СССР, оно позволяло представить социалистический строй как исторически более благоприятную среду для развития таланта и свободного прогресса знания [Османов, 1974, с. 469; Григорян, 1958]. Например, Т.Н. Кары-Ниязов напрямую пишет: «Здесь, в Средней Азии, в условиях феодального гнета и гонений со стороны реакционного духовенства жили и творили лучшие сыны народа» [Кары-Ниязов, 1950]. Современные исследования все более убедительно показывают, что научный расцвет исламского мира был результатом сочетания взаимосвязанных факторов — имперского масштаба и политической стратегии, арабского языка как универсального языка науки, создания единого идеологически-цивилизационного пространства, а также стремления государства утверждать величие и превосходство через знание. В этой многосоставной системе особое место занимали и практические условия научного труда: устойчивое финансирование, институциональная поддержка и доступ к материальным ресурсам [Ehgamberdiev, 2025]. При этом цель настоящего исследования состоит не в исчерпывающем объяснении «причин» Золотого века, а в анализе именно этих инфраструктурно-экономических механизмов, обеспечивавших повседневную работу ученых и воспроизводство знания, которые во многом определяли возможность длительной и интенсивной исследовательской работы, формирование научных коллективов, создание инструментов и подготовку крупных сочинений, включая труды, посвященные покровителям.

Мы рассматриваем ключевые институциональные формы той эпохи — дворцы правителей, библиотеки и «дома мудрости», медресе (учебные заведения), мастерские и обсерватории, переводческие школы — и анализируем, как через них выстраивались устойчивые эпистемические сообщества ученых. Центральное внимание уделено системе покровительства и финансирования науки: как регулярное жалованье при дворе, вакфы (благотворительные фонды) и разовые щедрые пожалования создавали социально-экономические условия для исследований. Не менее важно понять роль материальных акторов — книг, приборов, зданий — во взаимодействии с людьми: в духе акторно-сетевой теории мы рассматриваем их частью сети, формирующей знания.

Таким образом, цель работы — с помощью современных теоретических рамок социологии науки переосмыслить феномен расцвета наук в исламской цивили-

лизации. Мы опираемся на три подхода: 1) акторно-сетевую теорию [Latour, 1996; Callon, 1999], которая призывает анализировать науку через гетерогенные сети взаимодействующих людей и вещей; 2) концепцию эпистемических сообществ [Knorr-Cetina, 1999], подчеркивающую роль сообществ практиков с разделяемой культурой знания; 3) теорию инфраструктуры [Star, Ruhleder, 1994], рассматривающую устойчивые материальные и организационные основы, неявно поддерживающие практику знания. Комбинация этих подходов позволит связать конкретные исторические факты (например, основание Байт аль-Хикма или финансирование обсерваторий) с общей социологической картиной научной деятельности. Структурно статья включает введение, теоретическое обоснование, описание методологии, основные разделы анализа по типам институтов, обсуждение параллелей с современной наукой и заключение с обобщающими выводами.

Теоретические рамки

Акторно-сетевая теория (ANT)

Акторно-сетевая теория — влиятельное направление в исследованиях науки и техники, разработанное Б. Латуром [Latour, 1996], М. Каллоном [Callon, 1999] и Дж. Ло [Law, 2008] в 1980-х гг. Основной тезис ANT состоит в том, что научная деятельность и знания формируются не изолированными гениями, а сетями разнородных акторов — как людей, так и нечеловеческих объектов. Согласно Латуру, любые значимые элементы научной практики — ученые, приборы, тексты, финансирование — следует рассматривать как равноправных «актантов», совместно определяющих исход научных процессов. Таким образом, технические артефакты (астролябии, обсерватории), институциональные арены (двор, библиотека) и сами исследователи объединяются в динамические сети, внутри которых конструируются факты и теории. Принцип «обобщенной симметрии» (Latour) предписывает описывать социальные и материальные факторы в единых терминах, избегая редукции как к «чистому обществу», так и к «чистой технике». Для нашего исследования акторно-сетевой подход полезен тем, что позволяет увидеть, как материальные инфраструктуры и объекты (здания, книги, инструменты, деньги) не пассивно служили фоном, а активно включались в формирование знаний — например, как наличие обсерватории влияло на развитие астрономии или как организация переводческой школы направляла потоки знаний. Мы будем рассматривать институции Золотого века как узлы сетей, в которых взаимодействуют правители-меценаты, ученые, техники, помещения и артефакты, совместно создавая новое знание.

Эпистемические сообщества и культуры

Понятие эпистемического сообщества вводит фокус на социальные группы, объединенные особым знанием, ценностями и методами [Ячин, Смирнова, 2012]. В классическом определении [Haas, 1992] эпистемические сообщества — это сети профессионалов с признанной экспертизой и авторитетом в определенной области, связанные общими убеждениями и нормами познания. Близкий подход антропологически развила Карин Кнорр-Цетина, вводя концепт «эпистемических культур» науки [Knorr-Cetina, 1999]. Она показала, что разные сообщества ученых (например, физики vs биологи) вырабатывают различающиеся практики формирования и обо-

снования знания. В нашем контексте важно, что в исламском мире формировались стабильные сообщества ученых — при дворах, в медресе, при библиотеках, — которые разделяли определенные эпистемические установки (язык науки, канон авторитетов, методы преподавания и т. п.). Эти сообщества можно рассматривать как своего рода «невидимые колледжи» [Полтавцева, 2013] или транслокальные сети ученых, объединенных общей интеллектуальной культурой. Например, кружок переводчиков при Байт аль-Хикма в Багдаде IX в. был эпистемическим сообществом, объединявшим христианских, персидских и арабских ученых вокруг задачи освоения античного наследия. Концепция эпистемических сообществ позволит нам проанализировать, как поддержка со стороны институтов (финансирование, помещения для встреч, переписка) консолидировала такие группы и обеспечивала преемственность знаний. Также она высвечивает, как внутри этих сообществ устанавливались стандарты исследования и механизмы верификации знаний, способствующие устойчивости научной традиции.

Теория инфраструктуры и устойчивость систем знаний

Сьюзан Ли Стар и Карен Руледер предложили рассматривать инфраструктуру как скрытый, но критически важный фундамент повседневной деятельности [Star, Ruhleder, 1994]. Инфраструктура — это не просто совокупность технических средств, но «вплетенная» в социальную ткань система, которая становится видимой лишь при сбоях. Ключевые свойства инфраструктуры, по Стар и Руледер, — встроенность (embeddedness) в другие структуры, прозрачность при использовании (т. е. она не требует постоянного изобретения заново), широта охвата и поддержка множества практик. Иными словами, инфраструктура — это то, что работает в фоновом режиме, обеспечивая устойчивость и повторяемость сложных действий. Применительно к нашей теме инфраструктура научного знания включает физические объекты (здания обсерваторий, библиотеки, приборы), организационные механизмы (финансирование через вакфы, административная поддержка) и информационные ресурсы (коллекции книг, каналы коммуникации). Теория инфраструктуры обращает внимание на то, что именно эти основы позволяли научной деятельности Золотого века развиваться непрерывно и кумулятивно. Например, постоянно пополняемая библиотека или длительно финансируемая обсерватория служили инфраструктурными узлами, вокруг которых из поколения в поколение формировалось сообщество ученых. Устойчивость инфраструктуры в большой мере предопределяла устойчивость самой науки: когда инфраструктурные элементы — скажем, система покровительства или сеть учебных заведений — разрушались (войны, кризисы), научная продуктивность резко падала. Мы будем применять идеи Стар и Руледер, чтобы понять, как институции и материальные ресурсы исламского Золотого века выполняли роль инфраструктуры, а также рассмотреть явления ее «видимости» при кризисах (например, что происходило с наукой при разрушении Багдада в 1258 г.).

Методология

Наше исследование носит междисциплинарный характер, сочетая исторический анализ и подходы из социологии науки. Методологически работа основана на качественном анализе письменных источников — как первичных средневековых

хроник и биографий [Nizami ‘Aruzi Samarqandi, 2015; Bayhaqī, 2014; Aufi Bukhari; Dawlatshoh-i Samarqandi, 2015], так и вторичной исторической литературы — сквозь призму описанных теоретических рамок. Мы провели обзор современной академической литературы по истории науки исламского мира, уделив особое внимание работам, раскрывающим социально-экономический контекст науки (например, труды Дж. Макдиси о мусульманских институтах обучения [Makdisi, 1981], Д. Гутаса о переводческом движении [Gutas, 1998], С. Брентес о патронаже математики [Brentjes, 2009]). Также привлечены исследования по социологии науки XX–XXI вв. для интерпретации исторического материала.

Аналитический подход можно назвать сравнительно-историческим с элементарно акторно-сетевым «картированием»: мы реконструируем связи между различными акторами (халифами-покровителями, учеными, институтами, вещами) в конкретных кейсах — таких как Байт аль-Хикма в Багдаде, придворный кружок Саманидов в Бухаре или обсерватория Насир ад-Дина ат-Туси в Мараге — и прослеживаем, как эти связи влияли на формирование знаний. Для этого из текстов выделяются сведения о финансировании, организации работы, используемых материальных ресурсах и социальных взаимодействиях ученых.

Мы отдаем себе отчет в ограниченности источников: средневековые тексты часто идеализируют покровителей или умалчивают о материальной стороне научной жизни. Поэтому мы критически сопоставляем разные свидетельства (например, персидские биографии, арабские хроники, данные археологии) и опираемся на новейшие интерпретации историков. Цель — не столько внести новые факты, сколько переосмыслить известные факты через новую линзу.

Анализ: инфраструктура знаний в исламском Золотом веке

Дворцы и придворное покровительство как центры науки

В ранний Аббасидский период дворы халифов и эмиров выступали главными «инкубаторами» науки, где сосредоточивались лучшие кадры и ресурсы. Халифы выступали меценатами, приглашая ученых ко двору, назначая их на должности и выплачивая щедрое жалованье из государственной казны. Еще халиф аль-Мансур (правил 754–775) приглашал к своему багдадскому двору астрологов, математиков и врачей из разных земель, заказывая переводы научных книг (например, «Зидж» — индийские астрономические таблицы) [Матвиевская, Розенфельд, 1983]. При его внуке Харун ар-Рашиде (786–809) зародилась традиция библиотеки и переводческого кружка при дворе — прообраза будущего Дома мудрости (Байт аль-Хикма). Однако наивысшего расцвета дворцовая наука достигла при халифе аль-Мамуне (813–833). Аль-Мамун целенаправленно превратил свой двор в научный центр: в 832 г. он учредил в Багдаде первый своего рода «академический» институт — расширенный Байт аль-Хикма с библиотекой, обсерваторией и переводческой школой. Возглавил его знаменитый врач Яхья ибн Мусавейх, а затем христианин-переводчик Хунайн ибн Исхак [Nasution et al., 2021]. При дворе аль-Мамуна собрались выдающиеся ученые своего времени — математики братья Бану Муса, энциклопедист аль-Хорезми, философ аль-Кинди, астрономы, врачи. Их труд не был бесплатным энтузиазмом: халиф щедро оплачивал работу ученых. По свидетельству историков, аль-Мамун награждал авторов и переводчиков золотом, равным весу их книг — т. е. вручал столь-

ко золота, сколько весил переведенный манускрипт. Хунайн ибн Исхак, пользуясь этим, даже писал крупным почерком на тяжелой бумаге, чтобы повесить вес книги и получить больше золота. Подобная практика способствовала значительному обогащению некоторых ученых: так, переводчики, работавшие под покровительством братьев Бану Муса при аббасидском дворе, получали, по свидетельству источников, около 500 динаров в месяц [Gutas, 1998] — огромную сумму по меркам того времени.

Придворное покровительство обеспечивало ученых не только деньгами, но и статусом и ресурсами. Так, выдающийся математик и астроном Мухаммад аль-Хорезми жил в Багдаде при дворах аль-Мамуна и аль-Му'тасима; он возглавлял Дом мудрости и был фактически придворным ученым. Эта позиция давала ему солидное жалование, доступ к богатой библиотеке и возможность безбедно заниматься исследованиями. Астрономический зидж, известный как «Зидж аль-Ма'муни», был подготовлен в рамках систематических наблюдательных программ, инициированных и поддержанных халифом аль-Ма'муном. Эти работы основывались на регулярных астрономических наблюдениях и вычислениях, проводившихся придворными астрономами в Багдаде и отраженных в таблицах, созданных под покровительством аль-Ма'муна [Zou'bi, 2017; Algeriani, Mohadi, 2019]. Схожим образом три брата Бану Муса выросли при багдадском дворе: их покровительством после смерти отца занялся сам аль-Мамун. Получив блестящее образование за счет казны, братья впоследствии и сами внесли вклад — финансировали переводчиков и собирали библиотеку греческих манускриптов, вкладывая свои придворные доходы в науку.

В региональных центрах исламского мира картина была аналогичной: правители-конкуренты старались не отставать от Багдада в покровительстве наукам. Таджикская династия Саманидов в Мавераннахре (IX—X вв.) славилась своим культурным меценатством. При дворе саманидского эмира Насра II в Бухаре поэт Рудаки и ученые чувствовали себя в привилегированном положении. Так, по легенде, Рудаки за одну поэму получил 10 тыс. золотых динаров [Baquer Moin, 1993], а за другую — 40 тыс. серебряных дирхамов. Рудаки стал невероятно богат: имел 200 слуг и караван из 400 верблюдов, груженных его имуществом, и современники писали, что после него ни один поэт не достигал такого достатка [Nasriddin, 2017; Dawlatshoh-i Samarqandi, 2015]. Естественно, подобная роскошь была исключением даже при дворах, но она подчеркивает масштаб возможного вознаграждения. Более типична судьба другого таджикского ученого-энциклопедиста Ибн Сины (980—1037): юный Авиценна начинал свою карьеру в Бухаре, где вылечил саманидского эмира от болезни и был допущен в дворцовую библиотеку — для него это открыло доступ к тысячам книг и общению с лучшими умами. После падения Саманидов Авиценна скитался по разным княжествам в поисках нового покровителя, пока не обосновался при дворе буидского правителя Хамадана (где даже стал визирем) и затем правителя Исфохана [Bakhromzod, 2025]. В Исфохане Ибн Сина, получив стабильное финансирование и должность придворного врача, прожил самые плодотворные годы — именно тогда он написал «Канон врачебной науки» и другие труды [Якубовский, 1953]. По словам его ученика Джурджани, Авиценна вел довольно роскошный образ жизни, как вельможа: после завершения очередного научного трактата он устраивал пиры с певцами [Gohlman, 1974; Сина, 1980]. Однако богатство он рассматривал как средство для науки — содержал переписчиков, покупал редкие книги. Этот пример показывает две стороны придворной жизни ученого: с одной — ресурсы и комфорт, позволяющие творить, с другой — зависимость от милости правителя и политиче-

ской ситуации. Стоило хамаданскому шаху разгневаться, Авиценна попадал в тюрьму, где не имел возможности работать месяцами; а смена династии могла выбросить ученого из дворца в изгнание.

Подведем итог: дворцово-придворная система покровительства в VIII–XIII вв. создала космополитические центры науки, куда стремились таланты со всего халифата. Багдадский двор аль-Мамуна привлек ученых из Хорасана, Сирии, Византии и Индии, сформировав многоязычное сообщество Дома мудрости. Аналогично в X в. к Саманидам в Бухару стекались персидские поэты и ученые, в Кордовский халифат — мудрецы со всего аль-Андалуса и Магриба. Придворный формат науки имел решающее значение на раннем этапе: централизованная власть могла направить значительные средства и быстро консолидировать эпистемическое сообщество. При этом уже тогда наблюдались первые «перекосы» — ученые были зависимы от покровителя, вынуждены посвящать труды владыкам (в надежде на награду) и иногда «петь под дудку» заказчика. Как метко заметил современный историк науки, ученым приходилось «играть ту мелодию, которую заказывает принц, если они берут у принца золото». Тем не менее в обстановке политической стабильности — например, долгого правления сильного халифа — такая система давала впечатляющие плоды, задавая тон развитию наук на столетия вперед.

Библиотеки, переводческие школы и «дома мудрости»

Одним из краеугольных элементов инфраструктуры знания Золотого века были библиотеки — как придворные, так и общественные и частные. Внедрение технологии производства бумаги (середина VIII в., после сражения при Таласе) значительно удешевило изготовление книг, что привело к книжному буму. Уже к концу IX в. только в одном Багдаде насчитывалось не менее 36 библиотек — от хранилищ при дворцах и медресе до лавок книготорговцев [Merlet, 1989]. Халифы и вельможи гордились своими собраниями. Легендарный Байт аль-Хикма (Дом мудрости) в Багдаде, основанный при Харун ар-Рашиде и расширенный при аль-Мамуне, стал символом синтеза библиотечного, академического и переводческого центра [Гиззатуллин, 2014]. Современники упоминают, что в нем хранились десятки тысяч книг по всем отраслям знаний — от греческой философии до индийской математики. По данным библиографа Ибн ан-Надима, в его каталоге упомянуто около 10 тыс. книг и 2 тыс. авторов, имевшихся в Багдаде [Mdallel, 2022]. Дом мудрости служил не только пассивным собранием книг, но и активным узлом коммуникации: там работали переводчики, копиисты, географы, астрономы. В духе акторно-сетевого подхода можно сказать, что Байт аль-Хикма был «обязательным центром прохождения» для знаний — через него в мусульманскую науку транслировались тексты с греческого, сирийского, персидского и других языков [Gutas, 1998]. Материальные акторы — книги и рукописи — были не менее важны, чем люди-переводчики: наличие библиотечной инфраструктуры позволяло накопить критическую массу информации для рывка в развитии наук.

Важной функцией библиотек того периода было организованное переведение (трансфер) знаний между культурами. При Байт аль-Хикма существовало специальное «Бюро переводов» (дár аль-тарджама), где команды учеников под руководством мастеров (часто христиан-несториан) переводили античные сочинения. Этот процесс не происходил стихийно — он финансировался и координировался государством. Помимо уже упомянутой практики оплаты золотом за вес книги, есть

сведения о фиксированном жалованье переводчикам. Семья христианских ученых Бану Таййиб и легендарный переводчик Хунайн ибн Исхак получали довольствие и помещения для работы. По некоторым данным, лучшие из них получали до 500 динаров в месяц оклада, что ставило их по доходам в ряд с высшими сановниками. Переводческое движение (VIII–X вв.) — яркий пример того, как эпистемическое сообщество формируется вокруг инфраструктурного проекта: общая цель (создать корпус текстов на арабском) и поддержка (финансы, книги, помещения) связывали людей разных вер и языков в единую научную сеть. Результат — к X в. арабоязычный мир имел почти все ключевые труды по философии, медицине, математике и астрономии, унаследованные от Древней Греции и других цивилизаций.

Примечательно, что традиция дворцовых библиотек и домов мудрости была подхвачена и за пределами Багдада. В Каире фатимидские халифы в X в. основали Дар аль-Ильм (Дом знаний) — крупную публичную библиотеку и одновременно академию, где велись переводческие работы и читались лекции. Эти учреждения выполняли полный цикл библиотечно-научных функций — систематический сбор и пополнение фондов, организацию хранения, перевод и редактирование текстов, их каталогизацию, аннотирование и разъяснение (комментирование) для широкой ученой аудитории. В управленческой практике особое внимание уделялось кадровой политике — от набора персонала до прозрачных механизмов служебного продвижения, а также ведению архивов и планированию расходов: действовали регламенты учета поступлений и расходов, т. е. прообраз современной системы бюджетирования для поддержания устойчивой работы библиотеки и учебных занятий [Актам, 2012].

В Кордовском халифате при халифе аль-Хакаме II (ум. 976) из стремления соперничать с аббасидским Багдадом и из подлинной любви к книгам была собрана одна из крупнейших библиотек Средневековья. По средневековым свидетельствам и оценкам исследователей, ее фонд колебался от 200 до 600 тыс. томов; чаще всего называют цифру около 400 тыс. рукописей [Hamerly, 2017]. При дворцовой библиотеке действовали скриптории и «книжная служба»: рукописи закупали и переписывали через агентов в городах Византии и исламского Востока, велись переводы с латыни, составлялись каталоги и инвентари. Книжная культура охватывала весь город: состоятельные андалусцы считали престижным иметь собственные собрания, хроники упоминают десятки частных библиотек (порядка 70), а переписчиков работало столь много, что ежегодно переписывались тысячи томов (в источниках встречается цифра около 18 тыс.) [Юрченко, 2012].

Такие центры формировали региональные узлы сети науки: между Багдадом, Дамаском, Каиром, Кордовой, Бухарой, Мервом велась переписка, обмен книгами, путешествия ученых.

Интересным историческим предшественником исламских «домов мудрости» была академия Гундешапур в Хузистане (Юго-Западная Персия). Основанный еще Сасанидами в III в., Гундешапурский центр включал в себя медресе, больницу-бимаристан, библиотеку, обсерваторию и переводческое бюро — уникальный для своего времени комплекс [Golshani, 2013]. После арабского завоевания он продолжил действовать, и в ранние Аббасидские годы многие его профессора перебрались в Багдад, приняв участие в становлении багдадского медицинского училища и библиотеки. Вместе с ними в Багдад было перевезено несколько много книг из Гундешапурской библиотеки [Söylemez, 2005]. По сути, багдадский Байт аль-Хикма отча-

сти моделировал Гундешапурскую школу, переняв ее многопрофильный характер. Таким образом, преемственность институциональной формы — еще один аспект инфраструктуры знаний: удачные модели (академия с библиотекой и больницей) формировались в новых центрах. Влияние Гундешапура особенно сказалось на медицине: уже при халифе Мансуре глава Гундешапурской школы Джорджис Бахтишу был приглашен лечить халифа и основал в Багдаде первую больницу, обучая там учеников [Mirzaee, Mohammadi, 2015]. Линия преемственности прослеживается вплоть до Низамийских медресе XI в. [Makdisi, 1981].

В качестве актантов сети библиотеки и дома мудрости выполняли роль хранилищ знаний (аккумулируя информацию) и коммуникативных площадок (объединяя ученых). Их устойчивое финансирование было критично: многие библиотеки содержались на средства вакфов или личного бюджета правителей. К примеру, фатимидский Дар аль-Ильм получал значительные суммы из казны халифа аль-Хакима. Если финансирование прекращалось, библиотека приходила в упадок или распродавалась (как случилось в Кордове после падения халифата). Но пока инфраструктура оставалась целой, она была «прозрачной» для пользователей: ученые могли брать книги, не задумываясь об условиях их сохранности, — нечто вроде того, что Стар называла прозрачностью инфраструктуры. В итоге богатые собрания книг позволяли средневековым ученым опираться на гигантские пласты предшествующих знаний, что в немалой степени объясняет, почему за короткий период IX–X вв. исламская наука сумела сделать резкий скачок (синтезировав античное наследие и добавив свое). Без библиотечной инфраструктуры это было бы невозможно.

Медресе и система вакфов: институционализация обучения

Если в VIII–IX вв. основными центрами науки были дворы и мажлисы при них, то с X–XI вв. начинается институционализация научного образования через медресе — специальные учебные заведения. Формирование сети медресе знаменовало важный поворот: наука и образование стали опираться не только на волю конкретного правителя, но и на институциональную устойчивость через фондовые механизмы. Истоки этой системы восходят к практике при мечетях: еще со времен Пророка мечеть была местом обучения. В крупных городских мечетях (например, в багдадской мечети аль-Мансура) уже в IX в. существовали регулярные занятия по религиозным и светским дисциплинам, где преподаватели могли получать содержание от власти. Однако первое официальное медресе обычно связывают с визирем Низам аль-Мульком, основавшим около 1067 г. в Багдаде Низамию — школу для подготовки правоведов шафиитского толка. За ней последовали десятки подобных колледжей по всему Халифату. Чем же отличались медресе от прежних форм обучения? Прежде всего, постоянной экономической базой: Низам аль-Мульк организовал финансирование медресе через вакф — целевой фонд, доходы от которого шли на жалованья профессорам, стипендии студентам, содержание зданий и библиотек [Kia et al., 2025]. Как отмечает исследователь исламского образования Дж. Макдиси, именно институт вакфа стал фундаментом стабильности мусульманских колледжей [Makdisi, 1961]. Здания медресе, как правило, строились на пожертвования султанов или сановников, а затем обеспечивались доходами от недвижимости (лавок, караван-сараяв, земель), закрепленных навечно за этой школой. Это позволило отделить судьбу учебного заведения от превратностей политической конъюнктуры: даже если династия сменялась, вакф оставался и медресе продолжало функционировать.

В XI–XII вв. система медресе распространилась от Багдада и Дамаска до Каира и Бухары. При Сельджуках, Зангидах, Айюбидах и других династиях основание медресе стало делом престижа [Berkey, 2007]. Такие центры, как Багдадская Низамия, Мустансирия (осн. в 1230-х гг.), обростали штатом преподавателей по различным наукам — прежде всего богословию, праву, но нередко и «фальсафе» (философии), математике, медицине [Makdisi, 1970]. Преподаватели получали регулярный оклад из вакфа, часто им предоставлялось жилье и питание. Студенты, особенно одаренные, могли получать стипендии — небольшие деньги или рацион, — что позволяло им целиком посвятить себя учебе. Такая институциональная опека формировала эпистемические сообщества нового типа: не при дворе, а при школе. Появилась должность мударриса (профессора) — профессионального ученого-педагога, чья карьера и доходы были связаны не напрямую с волей султана, а с репутацией в академической среде. Конечно, покровители все еще играли роль — назначение на престижную кафедру зависело от протекции визиря или султана, — но в целом система стала более масштабной и устойчивой [Makdisi, 1961].

Рассмотрим конкретный пример. В XIII в. в столице Рума (Конье) великий поэт и ученый Джалаладдин Руми занимал должность шейха-мударриса в медресе, унаследовав ее от отца [Iqbal, 2014]. Сельджукский султан пригласил отца Руми, знаменитого богослова Бахауддина Валада, и назначил его главным наставником. После его смерти молодой Руми возглавил школу, обучая несколько сотен, а по некоторым данным несколько тысяч студентов. Ему выплачивалось жалованье, обеспечивался дом; его высокое положение «профессора права» делало его уважаемым и состоятельным гражданином [Peacock, 2019]. Историки описывают Руми до встречи с Шамсом Табризи как богатого и влиятельного ученого. Это типичная карьера для крупных медиевистов: социальный статус, материальное благополучие и научная деятельность соединялись в фигуре наставника медресе [Fotoohi, 2013].

Другой пример — Насир ад-Дин ат-Туси: будучи уже знаменитым ученым, Туси в 1250-х гг. управлял вакфами и всеми учебными заведениями при дворе Хулагу-хана. По свидетельству ученых, Туси контролировал все вакфы земель монгольской империи и лично выдавал жалованье учителям и ученикам. Таким образом, даже монгольские правители поняли важность финансирования медресе как основы легитимности и культурного возрождения — и доверили это дело ведущему ученому [Shameli, 2010].

Важная черта медресе как инфраструктур — они обеспечивали преемственность и стандартизацию обучения. Ученые, пройдя через одну медресе (скажем, в Хорасане), могли затем преподавать в другой (в Каире), не выпадая из общего интеллектуального пространства — схожие учебные программы, единый язык (арабский для науки), признанные тексты. Это похоже на формирование сообщества практики [Lave, 1991] со своими «граничными объектами» — учебниками, дипломами, титулами, — которые были понятны по всему исламу. Медресе стали своего рода «репликаторами» эпистемических сообществ: школа в каждом городе растила новое поколение ученых, связанное с общей традицией. Экономическая устойчивость через вакфы позволяла этим сообществам не распасться. Даже во времена политического упадка (например, после монгольских завоеваний) многие медресе продолжали работу и тем сохраняли нить передачи знаний.

Однако стоит отметить, что медресе в Средние века в основном фокусировались на религиозно-правовых науках [Makdisi, 1970]. Естественные и точные науки

развивались там ограниченно (хотя были исключения, как обсерватория при Марагинском комплексе, совмещенная с учебным центром). Поэтому, наряду с медресе, сохранялись и неформальные научные кружки при обсерваториях, больницах и т. п., часто тоже требовавшие финансирования. В целом же к XII–XIII вв. две модели — «придворная» и «институциональная» — сосуществовали: ученый мог быть одновременно придворным астрологом султана и профессором медресе.

Обсерватории, мастерские и материальные «акторы» науки

Для полноты картины необходимо рассмотреть материальные ресурсы, которые обеспечивали практическую сторону средневековой науки: обсерватории, мастерские по изготовлению приборов, библиотеки как хранилища инструментов и материалов. С точки зрения акторно-сетевого подхода эти материальные объекты выступали полноценными участниками научных процессов — без них определенные открытия просто не могли случиться. Исламский Золотой век знает примеры целенаправленного создания крупных научных приборов и лабораторий под эгидой правителей. Еще аль-Мамун помимо переводчиков содержал и астрономов-наблюдателей: в 827–832 гг. по его указанию были оборудованы обсерватории в окрестностях Багдада (Шаммасия) и Дамаска (Касьюн) для уточнения астрономических констант [Blake, 2016]. Эти обсерватории снабдили большими квадрантами и армиллярными сферами; в проекте участвовали аль-Хорезми и др. Хотя они просуществовали недолго, сам факт государственной обсерватории был важным прецедентом. Позднее, в X в., буидский эмир Шараф ад-Даула в Рее тоже создал обсерваторию (ок. 988 г.), пригласив астронома Абу Махмуда Худжанди, который построил гигантский секстант [Абдулла-заде, 1986]. Таким образом, мы видим зарождение традиции «большой науки», где требуются коллективы и дорогостоящее оборудование, — и инициатива идет «сверху».

Мастерские по изготовлению научных приборов часто действовали при дворах. Астролябии, квадранты, водяные часы, механические планетарии — все это требовало высококвалифицированных мастеров и немалых затрат на материалы (бронза, серебро) и инструменты. Братья Бану Муса, будучи увлеченными механиками, организовали в IX в. в Багдаде нечто вроде инженерной лаборатории. Они написали книгу «Об устройствах» (Kitab al-Ḥiyal) с описанием 100 автоматических устройств — очевидно, многие из них они реально конструировали, получая поддержку от халифа. Также они создали автоматический сосуд, регулирующий уровень жидкости, — прообраз регулятора (это считается зарождением автоматики) [Banū Mūsā, 1979]. Все это стало возможно, потому что при дворе существовала потребность в инженерных диковинках и власти были готовы выделять ресурсы на эксперименты. Здесь мы видим интересный пример взаимовыгодного обмена: меценат получал эффектные устройства (часы, фонтаны, механические игрушки) для престижа, а ученые — возможность экспериментировать с техникой.

Материальные объекты науки в исламском мире служили не только инструментами исследования, но и «узлами притяжения» для формирования научных сообществ. Обсерватория как институция объединяла астрономов, математиков, конструкторов инструментов и переписчиков, превращаясь в пространство для совместной работы и передачи знаний между поколениями. Характерный пример — обсерватория Марага. Хотя она возникла уже после классического Золотого века, ее опыт показателен.

По свидетельству источников, Хулагу-хан выделил Насир ад-Дину ат-Туси огромные средства (20 000 динаров), земельные владения и вакфы для строительства целого научного комплекса с обсерваторией, библиотекой и жилыми помещениями. По описанию ученых, библиотека насчитывала до 400 000 томов, собранных из разных регионов, включая завоеванные города. В Мараге трудились десятки ученых из разных религиозных и культурных традиций — мусульмане, христиане, иудеи, а также приглашенные китайские специалисты. Эта многонациональная команда работала над созданием новых астрономических таблиц (зиджей Ильхани), которые стали основой для дальнейшего развития мировой астрономии. Здесь же изготавливались изысканные инструменты — большие астролябии, армиллярные сферы, трикветрумы [Mirbabaev et al., 2000].

Таким образом, Марага явилась не просто «наблюдательной площадкой», а эпистемическим центром, где щедрое государственное покровительство, доступ к источникам знаний и кооперация разных традиций позволили достичь выдающихся научных результатов [Shameli, 2010].

Позднее этот путь продолжила обсерватория Улугбека в Самарканде (XIV–XV вв.), где вокруг гигантского секстанта объединились лучшие астрономы ислама. Эти примеры показывают, что линия, начатая в ранних небольших обсерваториях IX в., вела к созданию крупных межрегиональных научных институтов [Кары-Ниязов, 1950].

В период VIII–XIII вв. наиболее значимыми материальными «инфраструктурами» были все же библиотеки (о них сказано выше) и больницы-бимаристаны. Медицина была практической наукой, требовавшей и учебных клиник, и инструментов, и медикаментов. Первые исламские больницы возникли в том же IX в.: в Багдаде визирь Али ибн Исса финансировал больницу, где работал выдающийся врач ар-Рази (разделявший время между больницей и придворной службой). Бимаристаны давали врачам практику, а ученикам — обучение у постели больного. Они содержались на средства казны или вакфов (например, бимаристан Нури в Дамаске имел щедрый вакф от султана Нур ад-Дина) [Dols, 1987]. Здесь приводим пример инфраструктурной роли: постоянное наличие больницы позволило накопить клинический опыт и усовершенствовать медицинские трактаты (ар-Рази, Ибн Сина и др. описывали наблюдения именно из практики). Больничные аптечки, хирургические инструменты, травники — все это материальные компоненты медицинской науки. Когда монголы razорили Багдад, знаменитый бимаристан Аль-Адуди был уничтожен и, по отзывам современников, медицинское знание в регионе откатилось на десятилетия [Alkadhat, 2020].

Стоит упомянуть также материал для записей — бумагу, пергамент. Внедрение бумаги, как уже сказано, радикально удешевило информационную инфраструктуру. Если до VIII в. книги были редки из-за дороговизны пергамента, то в IX–X вв. копирование научных трудов приобрело массовый характер. Торговцы книгами (варакун) имели целые магазины, где студенты могли покупать и переписывать трактаты. Это привело к быстрой стандартизации текстов и циркуляции идей по всему халифату. Бумага — скромный материальный актант — стала во многом катализатором научной коммуникации. Не случайно ее появление относят к факторам, способствовавшим Золотому веку [Гафуров, 1989; Bloom, 2001].

Рассматривая все эти примеры через призму Стар и Руледер, можно сказать: инфраструктура науки в исламской цивилизации была реляционной и многослойной.

Большая обсерватория могла выступать инфраструктурой для астрономов, но сама она опиралась на более базовую инфраструктуру — щедрое финансирование и политическую поддержку. Библиотека была инфраструктурой для переводчика, но и сама зависела от сети поставки книг и бумаги. Инфраструктура «вплетена» во множество уровней практики, и ее успешность определялась согласованностью этих уровней. В эпоху расцвета (IX–X вв.) наблюдается эта согласованность: богатая экономика Аббасидов и региональных династий давала ресурсы, социальные ценности (покровительство ученым как престиж) поощряли инвестиции в науку, а умножающиеся учреждения потребляли эти инвестиции для генерации знаний. В периоды же кризисов (конец X — начало XI в. в Багдаде, XIII в. в Хорасане) разлад в политико-экономической системе мгновенно бил по инфраструктуре знаний: рушились обсерватории, распадались кружки, книги гибли в пожарах. Следует отметить, что современные исследователи также подчеркивают взаимозависимость знаний и материально-физической среды их производства [Никифорова, 2021].

Подытоживая анализ: Золотой век был золотым не только из-за блеска умов, но и благодаря прочному фундаменту — сети людей, институтов и вещей. Дворцы правителей выступали узлами финансирования и организации, библиотеки и мастерские — средой материального воплощения идей, медресе — механизмом воспроизводства кадров. Все элементы поддерживали друг друга, образуя то, что можно назвать устойчивой системой знания. Когда один элемент выпадал, сеть могла адаптироваться — например, при ослаблении халифата роль покровителей взяли на себя султаны регионов, при упадке придворной культуры выручили медресе и суфийские обитатели, где тоже сохраняли пламя знаний. Такой пластичности и распределенности инфраструктуры во многом и обязано долголетие исламской научной традиции.

Обсуждение: параллели с современной научной системой

После рассмотрения устройства науки в средневековом исламском мире неизбежно напрашивается сравнение с нынешней организацией научной деятельности. Нельзя не заметить цикличность некоторых проблем и решений: то, как знания поддерживались тогда, резонирует с современными дискуссиями о финансировании науки, о стабильности карьеры исследователей и о научной инфраструктуре [Каримов, Ахметова, 2025].

Во-первых, это система патронажа и проектного финансирования. В Золотом веке наука процветала во многом благодаря крупным единичным меценатам — халифам, султанам, визирям, которые вкладывали ресурсы из личной или государственной казны в интеллектуальные проекты (построить библиотеку, пригласить ученого, проспонсировать перевод). Это похоже на нынешние грантовые проекты [Лазар, Стрельцова, 2015], с той разницей, что грантодателями были шахи и эмиры. Сегодня роль «халифов» играют государства (через научные фонды) и иногда частные благотворители или корпорации. Оба подхода имеют сходство: деньги стекаются из центра к ученым на определенные задачи. Однако в исламском мире IX–XIII вв. существовал и элемент стабильного содержания — ученый на должности (например, придворного астролога или профессора медресе) получал институциональное финансирование, а не разовый грант. Современная дилемма — поддержи-

вать ли науку через базовое финансирование научных учреждений или через конкурентные гранты — перекликается с той исторической ситуацией. Тогдашний опыт показывает: постоянное жалование (от двора или вакфа) давало возможность ученому работать длительно и фундаментально, не отвлекаясь на поиск средств. С другой стороны, разовые щедрые подарки (аналоги грантов или премий) стимулировали яркие рывки — перевод крупного корпуса, написание нового труда. Оптимальной выглядела комбинация: ученый обеспечен минимальным жалованием «на жизнь» плюс может получить бонус за выдающуюся работу. Современная наука все больше смещается к модели грантов (проектного финансирования), что породило явление прекарнизации научного труда: молодые исследователи вынуждены переходить с проекта на проект, не имея стабильной позиции в университете [Shapin, 2008]. В наши дни подобные опасения высказывают социологи науки: постоянная борьба за гранты мешает углубленной исследовательской работе, заставляя «короткими вспышками» добывать результат. Ученые оказались в положении предпринимателей, ищущих инвестиции. Но деньги всегда были нужны науке, вопрос — какой ценой они получают. Исламская модель показывала, что в идеале власть или общество финансируют науку не ради прибыли, а ради престижа и блага. Конечно, нельзя идеализировать покровителей прошлого — ими двигали политика и тщеславие, но, по крайней мере, не ставился вопрос монетизации знаний или окупаемости исследований.

Во-вторых, это прекарность и мобильность научных кадров. В Золотом веке многие ученые были мобильны: они переезжали из города в город в поисках лучших условий или спасаясь от войны. С одной стороны, это способствовало распространению знаний (переносу идей между регионами), с другой — ставило их положение в зависимость от внешних обстоятельств. Современный аналог — утечка мозгов и трудовые миграции ученых. Сегодня исследователи едут в страны и университеты с более выгодными грантами и лабораториями; по окончании контрактов — вынуждены снова искать место [Душина, 2017].

В-третьих, это инфраструктурные вызовы больших проектов. В исламской науке были «мегапроекты» по меркам своего времени — скажем, создание новых астрономических таблиц, требовавшее скоординированных наблюдений в течение десятилетия. Успех таких проектов (например, таблицы Ильхана в обсерватории Мараги) зависел от непрерывного финансирования и политической воли. В наши дни проекты вроде Большого адронного коллайдера, космических телескопов или геномики — аналогичные по длительности и ресурсоемкости. Они требуют консорциумов государств, миллиардных вложений и десятилетий работы тысяч людей. Исламские обсерватории финансировались правителями-единоличниками, и зачастую гибель покровителя приводила к закрытию проекта (например, после смерти Улугбека его обсерватория была заброшена). Современный мир может похвалиться более распределенной системой научной работы: проекты, как правило, носят международный характер, что снижает зависимость от одной персоны. Но риск остается: политические колебания, экономические кризисы могут «оборвать» инфраструктурную цепочку. Теория инфраструктур учит, что хорошая инфраструктура незаметна — она просто функционирует. В современности мы должны стремиться сделать поддержку науки столь же «прозрачной» и гарантированной, как работа электросети. Пока же финансирование науки — предмет борьбы, оно уязвимо. В средневековом исламе интересен опыт вакфов: это был внеполити-

ческий источник (частное благочестие), дающий устойчивое финансирование независимо от капризов двора. Возможно, аналог сегодня — благотворительные фонды, эндаументы университетов. На Западе крупные университеты живут отчасти на доход от эндаумента, поддерживая фундаментальные направления безотносительно сиюминутных трендов. Урок вакфов: рассеянная, децентрализованная поддержка иногда надежнее централизованной. В сочетании и двор, и вакф давали синергетический эффект.

В-четвертых, это социальный статус ученого. В эпоху Золотого века ученые могли достигать высокого социального статуса — визирей, судебных чинов, наставников принцев. Это обеспечивало им влияние и относительную защиту. В Новое время наука отделилась от государства и ученый стал «специалистом», зачастую без широкой власти. Сегодня проблема статуса проявляется как кризис доверия к науке: ученых могут не слушать в вопросах политики, их социальная роль не очевидна для публики, тогда как в исламском обществе образ алимов (знающих) был тесно связан с моральным авторитетом. Даже монголы, завоевав Хорасан, берегли астронома Туси, потому что понимали ценность знаний. Сейчас, в век популизма, ученые иногда оказываются «при дворе без влияния». Возможно, стоит вспомнить, что ученый — не только производитель статей, но и носитель культурных ценностей, хранитель рационального знания, как это понималось в средневековом исламе. Повышение престижности науки в обществе — долговременная задача, которую решали халифы (делая ученых придворными звездами) и которую предстоит решать современным политикам.

Политико-исторический контекст: в условиях расширения халифата и последующих имперских проектов власть стремилась выстроить единое идеологическое и административное пространство, где знание становилось инструментом престижа и легитимации. Поддержка переводов, учреждение библиотек и домов знаний, создание медресе и обсерваторий служили как государственная стратегия для демонстрации культурного превосходства, соперничества с внешними центрами силы, укрепления бюрократии и судебной-правовой системы, а также формирования общей интеллектуальной повестки. В этом смысле финансирование науки, привлечение ученых ко двору и институционализация образования выступали частью политической программы. Параллель с современностью очевидна: сегодня государства и наднациональные блоки также используют науку как ресурс «мягкой силы» [Lo, 2011] и конкурентоспособности, вкладываясь в флагманские проекты, рейтинги университетов и технологические платформы; язык глобальной науки (прежде всего, английский) выполняет объединяющую роль медиума, а политика научного финансирования все чаще становится частью стратегии национального развития и геополитического позиционирования [Callon, 1994; OECD Science, 2025].

Конечно, современная глобальная наука во многом отличается от средневековой — масштабом, скоростью коммуникаций, наличием формальной экспериментальной методологии. Однако, как показывают исследования (например, работы С. Шапина о социальной природе научного знания) [Shapin, 1982], некоторые основы остались прежними — наука по-прежнему делается людьми в сообществах, с использованием материальных средств, и на нее по-прежнему влияют деньги и власть.

Заключение

Анализ инфраструктуры научного знания исламского Золотого века показывает, что расцвет науки был результатом не отдельных гениев, а благоприятной экосистемы. В VIII–XIII вв. она включала покровительство правителей, институты хранения и передачи знаний, материальные ресурсы и устойчивые практики их использования. Ученые действовали в сетях, опиравшихся на библиотеки, финансирование и технологии письма. Вокруг этих институтов формировались устойчивые научные сообщества, передававшие знания и поддерживавшие исследовательские стандарты. Инфраструктурный подход выявил, что именно материальные и институциональные основы обеспечивали долговечность научных школ: даже после кризисов накопленные книги и инструменты сохраняли потенциал возрождения наук.

Также установлено, что финансово-организационные механизмы — патронаж и вакфы — были ключевым условием развития науки. Примеры Байт аль-Хикма, Саманидского двора и обсерваторий показывают зависимость научной активности от характера финансирования. Аббасиды создали условия для «большой науки» IX в., а позднее эстафету поддержания знаний приняли региональные династии и фонды. К XII в. сеть медресе, библиотек и вакфов уже обеспечивала устойчивое функционирование науки, сделав ее независимой от прихоти отдельных правителей, — в этом и заключалось главное достижение Золотого века.

Параллели с современностью выявили устойчивые закономерности: наука опирается на стабильное финансирование и высокий статус ученого; их ослабление ведет к снижению качества исследований. Опыт исламского мира показывает, что инвестиции в науку укрепляют не только знания, но и культуру и государственность: точные календари улучшали хозяйство, медицина спасала жизни, астрономия повышала престиж двора. Эти модели позже переняли Европа и Индия. И сегодня видно: страны, развивающие научную инфраструктуру, достигают интеллектуального и экономического лидерства, тогда как ее упадок ведет к утрате позиций.

Применение современных социологических теорий оказалось плодотворным: акторно-сетевая теория позволила рассматривать библиотеки и обсерватории как активные элементы науки, концепция эпистемических сообществ — как устойчивые профессиональные сети, а теория инфраструктур — как основу долговечности знаний. Такой интегративный подход помогает понять, что успех науки определяется не только гениями, но и организацией, традициями и социальной поддержкой. Ответы, найденные в X в. в Багдаде и Бухаре, остаются актуальными и в XXI в.

Литература

- Абдулла-заде Х.Ф.* Абу Махмуд Худжанди. Душанбе: Дониш, 1986. 112 с.
- Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история: В 2 кн. 2-е изд. Душанбе: Ирфон, 1989. 480 с.
- Гиззатуллин Р.А.* Роль Бейт аль-хикма в эволюции исламского образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 4. С. 138–143.
- Душина С.А.* Научный трансфер: еще раз о мобильности, мегагрантах и первых академиков // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 2. С. 87–103.
- Ибн Сина.* Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980. 551 с.

Каримов А.Г., Ахметова Э.И. Социальный капитал как фактор развития науки: социологический анализ на примере локального научного сообщества // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16. № 2. С. 149–175. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-2-149-175.

Кары-Ниязов Т.Н. Астрономическая школа Улугбека. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 328 с.

Лазар М.Г., Стрельцова Е.А. Грантовая система финансирования российской науки: итоги одного социологического опроса // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 3. С. 38–49.

Никифорова Н.В. «Места знания»: пространственный поворот в исследованиях науки, технологий и общества // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 3. С. 78–93. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-78-93.

Матвиевская Г.П., Розенфельд Б.А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VIII–XVII вв.). Кн. 1. М.: Наука, 1983. 479 с.

Османоу М.-Н.О. Фирдоуси // Большая советская энциклопедия. Т. 27. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. С. 469–471.

Полтавцева Н.Г. «Невидимые колледжи» / «воображаемые сообщества» // Труды Русской антропологической школы. 2013. Вып. 12. С. 90–98.

Расулиён К.Р. Роль иранских просветителей в развитии «Байтул Хикма» — «Дом мудрости» // Наука и инновация. 2014. № 2. С. 6–9.

Юрченко В.С. Культурная жизнь мусульманского населения Испании в VIII–XI вв. // Причерноморье. История, политика, культура. 2012. № 8. С. 222–226.

Якубовский А.Ю. Ибн Сина // Материалы научной сессии Академии наук УзССР, посвященной 1000-летию юбилею Ибн Сины. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1953. С. 6–29.

Ячин С.Е., Смирнова М. Ю. От экспертных к эпистемическим сообществам: к трансформации институциональных рамок власти знания в современном мире // Информационное общество. 2012. № 3. С. 39–48.

Akmat N.Z. Fatimid Library: History, Development and Management // Journal of the Bangladesh Association of Young Researchers. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 21–32.

Algeriani A.M.A., Mohadi M. The House of Wisdom (Bayt al-Hikmah), an Educational Institution during the Time of the Abbasid Dynasty. A Historical Perspective // Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 1297–1313.

Akkadhat M.A. Al-Adudi Bimaristan in Baghdad (371–656 H / 981–1258 BC). A Study in Its Historical Evolution and Cultural Role // Journal of Arts and Social Sciences. 2020. Vol. 10. No. 3. P. 43–55. DOI: 10.24200/jass.vol10iss3pp43-55.

Asimov M.S. Avicenna: Ibn Sina, a Universal Genius // The UNESCO Courier. 1980. Vol. XXXIII. No. 10. P. 4–8.

Aufi Bukhari N.M. Lubabul Albab, *Archive.org*. Available at: <https://archive.org/details/LubabulAlbab-NooruddinMuhammadAufiBukhariFarsi/page/n275/mode/2up> (date accessed: 03.05.2025).

Bakhromzod R. Legacy of Avicenna in Astronomy // arXiv preprint. 2025. arXiv:2505.18219. DOI: 10.48550/arXiv.2505.18219.

Banū Mūsā (Aḥmad, Muḥammad wa-l-Ḥasan ibn Mūsā ibn Shākir). The Book of Ingenious Devices (Kitāb al-Ḥiyal) / Transl. and annot. by D.R. Hill. Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Company, 1979. 267 p.

Baqer Moin. Searching for Bukhara // Asian Affairs. 1993. Vol. 24. No. 2. P. 170–179. DOI: 10.1080/714041211.

Bayhaqī K.A.-F. Tārikh-i Bayhaqī. Dushanbe: Bukhoro, 2014. 760 p. (in Tajik).

Berkey J.P. Madrasas Medieval and Modern: Politics, Education, and the Problem of Muslim Identity // Schooling Islam: The Culture and Politics of Modern Muslim Education. 2007. No. 19. P. 40.

Blake S.P. Astronomy and Astrology in the Islamic World. Edinburgh University Press, 2016. 163 p.

- Bloom J.M.* Paper before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World. Yale University Press, 2001. 270 p.
- Brentjes S.* Patronage of the Mathematical Sciences in Islamic Societies // The Oxford Handbook of the History of Mathematics / Ed. by E. Robson, J. Stedall. Oxford University Press, 2009. P. 301–328.
- Callon M.* Actor-Network Theory — the Market Test // The Sociological Review. 1999. No. 1. P. 181–195.
- Callon M.* Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993 // Science, Technology, & Human Values. 1994. Vol. 19. No. 4. 395–424.
- Knorr-Cetina K.* Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. London: Harvard University Press, 1999. 329 p.
- Dawlatshoh-i Samarqandi.* Tazkirat al-Shu‘arā’ (Biographical Dictionary of Poets) / Prepared for publication by Mukhlisa Nurulloeva. Khujand: Nashir, 2015. 544 p. (in Tajik).
- Dols M.W.* The Origins of the Islamic Hospital: Myth and Reality // Bulletin of the History of Medicine. 1987. Vol. 61. No. 3. P. 367–390.
- Ehgamberdiev S.* Patrons and Patronage in Central Asian Astronomy // Journal of Astronomical History and Heritage. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 382–399. DOI: 10.3724/SP.J.1440-2807.2025.02.07.
- Foltz R.* A History of the Tajiks: Iranians of the East. London: I.B. Tauris, 2019. 231 p.
- Fotoohi M.* Rumi’s Interaction with the Political Institutions of Power in Konya // Persian Language and Literature. 2013. Vol. 21. No. 74. P. 49–68. Available at: <http://jpll.khu.ac.ir/article-1-1667-fa.html> (date accessed: 13.04.2026) (in Persian).
- Gafurov B.* Al-Biruni: A Universal Genius Who Lived in Central Asia a Thousand Years Ago. The UNESCO Courier. 1974. Vol. XXVII. No. 6. P. 4–9.
- Gohlman W.* The Life of Ibn Sina: A Critical Edition and Annotated Translation. New York: State University of New York Press, 1974. 163 p.
- Golshani S.A.* The Effect of Jundishapur School on Baghdad Medical School // Journal of Research on History of Medicine. 2013. Vol. 2. No. 2. No. 49–56 (in Persian).
- Gutas D.* Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early ‘Abbasid Society (2nd–4th / 5th–10th c.). London: Routledge, 1998. 252 p.
- Haas P.M.* Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 1–35.
- Hamerly D.* The Córdoba Library of Caliph al-Hakam II // Libraries — Traditions and Innovations: Papers from the Library History Seminar XIII. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. P. 4.
- Iqbal A.* The Life and Work of Jalal-ud-din Rumi. Oxford University Press, 1999. 360 p.
- Kia J. et al.* The Triple Financial Resources of the Nizamiyya Schools with Focus on Iran During the Seljuk Era // Pegem Journal of Education and Instruction. 2025. Vol. 15. No. 3. P. 419–444. DOI: 10.48047/pegegog.15.05.52.
- Latour B.* On Actor-Network Theory: A Few Clarifications // Soziale Welt. 1996. Band 47. Heft 4. P. 369–381.
- Lave J.* Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 140 p.
- Law J.* Actor Network Theory and Material Semiotics // The New Blackwell Companion to Social Theory / Ed. Bryan S. Turner. Wiley Blackwell, 2008. P. 141–158.
- Lo W.Y.W.* Soft Power, University Rankings and Knowledge Production: Distinctions between Hegemony and Self-Determination in Higher Education // Comparative Education. 2011. Vol. 47. No. 2. P. 209–222.
- Makdisi G.* Muslim Institutions of Learning in Eleventh-Century Baghdad // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1961. Vol. 24. No. 1. P. 1–56.
- Makdisi G.* Madrasa and University in the Middle Ages // Studia Islamica. 1870. No. 32. P. 255–264.
- Makdisi G.* Rise of Colleges. Edinburgh University Press, 1981. 378 p.

Mdallel S. Financial Power and the Thirst for Knowledge: The First Arabic Translation Movement (8th to 10th Centuries) // Translation Matters. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 23–36. DOI: 10.21747/21844585/tm4_2a2.

Merlet S.R. Islamic Libraries of the Middle East // Libri. 1989. Vol. 39. No. 2. P. 127–140. DOI: 10.1515/libr.1989.39.2.127.

Mirbabaev A.K., Zieme P., Wang Furen. The Development of Education: Maktab, Madrasa, Science and Pedagogy // History of Civilizations of Central Asia. Vol. IV: The Age of Achievement: A.D. 750 to the End of the Fifteenth Century. Part Two: The Achievements / Ed. C.E. Bosworth, M.S. Asimov. Paris: UNESCO Publishing, 2000. P. 31–61.

Mirzaee A.A., Mohammadi S. A Study of the Growth and Flourish of Gundishapur Scientific Centre in Sasanian Period // Journal of Research on History of Medicine. 2015. Vol. 4. No. 4. P. 225–234.

Nasriddin A. From Rudaki to Attar. Khujand: Nashir, 2017. 396 p. (in Tajik).

Nasution A.A. et al. The House of Wisdom as a Library and Center of Knowledge // Library Philosophy and Practice (e-journal). 2021. No. 6467. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/6467/> (date accessed: 15.08.2025).

Nizami 'Aruzi Samarqandi. Four Discourses (in Tajik) / Ed. F. Nasriddinov. Khujand: Nashir, 2015. 192 p.

OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2025: Driving Change in a Shifting Landscape, OECD Publishing, Paris, 2025. DOI: 10.1787/5fe57b90-en.

Peacock A. Sufism and Political Power. Islam, Literature and Society in Mongol Anatolia // Cambridge Studies in Islamic Civilization. Cambridge University Press, 2019. P. 75–116.

Renima A.T. The Islamic Golden Age: A Story of the Triumph of the Islamic Civilization // The State of Social Progress of Islamic Societies. International Handbooks of Quality-of-Life. Springer, 2016. P. 25–52.

Shameli A.A. Nasir al-Din Tusi and His Socio-Political Role in the Thirteenth Century // Message of Thaqalayn. 2010. Vol. 11. No. 2. P. 51–74.

Shapin S. History of Science and its Sociological Reconstructions // History of Science. 1982. Vol. 20. No. 3. P. 157–211.

Shapin S. The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 488 p.

Söylemez M.M. The Jundishapur School: Its History, Structure, and Functions // American Journal of Islam and Society. 2005. Vol. 22. No. 2. P. 1–27.

Star S.L., Ruhleder K. Steps towards an Ecology of Infrastructure: Complex Problems in Design and Access for Large-Scale Collaborative Systems // Proceedings of the 1994 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work. 1994. P. 253–264. DOI: 10.1145/192844.193021.

Zou'bi M.R. Science Institutionalization in Early Islam: “Bayt al-Hikma” of Baghdad as a Model of an Academy of Sciences // Dirasat: Human & Social Sciences. 2017. Vol. 44. No. 3. P. 239–247.

Infrastructure of Scientific Knowledge in the Islamic Golden Age: Institutions, Patronage, and Actor-Network Configurations

RIZOI BAKHROMZOD

S.U. Umarov Physical-Technical Institute of the National Academy of Sciences of Tajikistan,
Institute of Astrophysics of the National Academy of Sciences of Tajikistan,
Dushanbe, Republic of Tajikistan;
e-mail: rizo@physics.msu.ru

The study examines the infrastructure of scientific knowledge during the Islamic Golden Age, focusing on the functioning of palaces, libraries, houses of wisdom, madrasas, workshops, and observatories, as well as the system of patronage that supported the production and circulation of knowledge. Its main objective is to reveal how stable scientific networks emerged through the interaction of scholars, rulers, material resources, and financial mechanisms. The analysis draws on the framework of actor-network theory, the concept of epistemic communities, and infrastructure theory to explain the formation and resilience of these knowledge systems without delving into methodological details. The results show that sustained funding, including court stipends and waqf endowments, along with access to libraries and instruments, played a decisive role in scientific growth, while political upheavals and the loss of patronage led to stagnation and migration of scholars. Particular emphasis is placed on the translation movement and the House of Wisdom in Baghdad, the network of madrasas, and early observatories. The findings demonstrate that the success of scientific development depends on the combined effect of social, organizational, and material conditions.

Keywords: Islamic Golden Age, knowledge infrastructure, patronage, House of Wisdom, madrasa, observatories, actor-network theory, epistemic communities, waqf, translation movement.

References

- Abdulla-zade, Kh.F. (1986). *Abu Makhmud Khudzhandi* [Abu Makhmud Khudzhandi], Dushanbe: Donish (in Russian).
- Akmam, N.Z. (2012). Fatimid Library: History, Development and Management, *Journal of the Bangladesh Association of Young Researchers*, 2 (1), 21–32.
- Algierani, A.M.A., Mohadi, M. (2019). The House of Wisdom (Bayt al-Hikmah), an Educational Institution during the Time of the Abbasid Dynasty. A Historical Perspective, *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*, 27 (2), 1297–1313.
- Alkadhat, M.A. (2020). Al-Adudi Bimaristan in Baghdad (371–656 H / 981–1258 BC). A Study in Its Historical Evolution and Cultural Role, *Journal of Arts and Social Sciences*, 10 (3), 43–55. DOI: 10.24200/jass.vol10iss3pp43-55.
- Asimov, M.S. (1980). Avicenna: Ibn Sina, a Universal Genius, *The UNESCO Courier*, XXXIII (10), 4–8.
- Aufi Bukhari, N.M. Lubabul Albab, *archive.org*. Available at: <https://archive.org/details/LubabulAlbab-NooruddinMuhammadAufiBukhariFarsi/page/n275/mode/2up> (date accessed: 03.05.2025).
- Bakhromzod, R. (2025). Legacy of Avicenna in Astronomy, *arXiv preprint*, arXiv:2505.18219. DOI: 10.48550/arXiv.2505.18219.
- Banū Mūsā (Aḥmad, Muḥammad wa-l-Ḥasan ibn Mūsā ibn Shākir) (1979). *The Book of Ingenious Devices (Kitāb al-Ḥiyal)*, trans. and annot. by D.R. Hill, Dordrecht; Boston; London: D. Reidel Publishing Company.
- Baqer Moin (1993). Searching for Bukhara, *Asian Affairs*, 24 (2), 170–179. DOI: 10.1080/714041211.
- Bayhaqī, K.A.-F. (2014). *Tārīkh-i Bayhaqī* [The History of Beyhaqi], Dushanbe: Bukhoro (in Tajik).
- Berkey, J.P. (2007). Madrasas Medieval and Modern: Politics, Education, and the Problem of Muslim Identity, *Schooling Islam: The Culture and Politics of Modern Muslim Education*, no. 19, p. 40.
- Blake, S.P. (2016). *Astronomy and Astrology in the Islamic World*, Edinburgh University Press.
- Bloom, J.M. (2001). *Paper before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World*, Yale University Press.

Brentjes, S. (2009). Patronage of the Mathematical Sciences in Islamic Societies, in *The Oxford Handbook of the History of Mathematics*, Eds. E. Robson, J. Stedall (pp. 301–328), Oxford University Press.

Callon, M. (1999). Actor-Network Theory — the Market Test, *The Sociological Review*, no. 1, 181–195.

Callon, M. (1994). Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993, *Science, Technology, & Human Values*, 19 (4), 395–424.

Dawlatshoh-i Samarqandi (2015). *Tazkirat al-Shu'arā'* [Biographical dictionary of poets], prepared for publication by Mukhlisa Nurullojeva, Khujand: Nashir (in Tajik).

Dols, M.W. (1987). The Origins of the Islamic Hospital: Myth and Reality, *Bulletin of the History of Medicine*, 61 (3), 367–390.

Dushina, S.A. (2017). Nauchnyy transfer: eshche raz o mobil'nosti, megagrantakh i pervykh akademikakh [Scientific transfer: once again about mobility, mega grants and the first academicians], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 8 (2), 87–103 (in Russian).

Ehgamberdiev, S. (2025). Patrons and Patronage in Central Asian Astronomy, *Journal of Astronomical History and Heritage*, 28 (2), 382–399. DOI: 106.3724/SP.J.1440-2807.2025.02.07.

Foltz, R. (2019). *A History of the Tajiks: Iranians of the East*, London: I.B. Tauris.

Fotoohi, M. (2013). Rumi's Interaction with the Political Institutions of Power in Konya, *Persian Language and Literature*, 21 (74), 49–68. Available at: <http://jpl.khu.ac.ir/article-1-1667-fa.html> (date accessed: 13.04.2026) (in Persian).

Gafurov, B. (1974). Al-Biruni: A Universal Genius Who Lived in Central Asia a Thousand Years Ago, *The UNESCO Courier*, XXVII (6), 4–9.

Gafurov, B.G. (1989). *Tadjhiki. Drevneyshaya, drevnyaya i srednevekovaya istoriya: V 2 kn.* [Tajiks: Ancient, ancient, and medieval history: in 2 books], 2 ed., Dushanbe: Irfon (in Russian).

Gizzatullin, R.A. (2014). Rol' Beyt al'-khikma v evolyutsii islamskogo obrazovaniya [The role of Bayt al-Hikma in the evolution of Islamic education], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 4 (4), 138–143 (in Russian).

Gohlman, W. (1974). *The Life of Ibn Sina: A Critical Edition and Annotated Translation*, New York: State University of New York Press.

Golshani, S.A. (2013). The Effect of Jundishapur School on Baghdad Medical School, *Journal of Research on History of Medicine*, 2 (2), 49–56 (in Persian).

Gutas, D. (1998). *Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early 'Abbasid Society (2nd–4th / 5th–10th c.)*, London: Routledge.

Haas, P.M. (1992). Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination, *International organization*, 46 (1), 1–35.

Hamerly, D. (2017). The Córdoba Library of Caliph al-Hakam II, in *Libraries — Traditions and Innovations: Papers from the Library History Seminar XIII* (p. 4), Walter de Gruyter GmbH & Co KG.

Hill, P. (2012). *The Book of Knowledge of Ingenious Mechanical Devices: (Kitāb fī ma'rifat al-ḥiyal al-handasiyya)*, Springer Science & Business Media.

Ibn Sina (1980). *Izbrannyye filosofskiye proizvedeniya* [Selected works in philosophy], Moskva: Nauka (in Russian).

Iqbal, A. (2014). *The Life and Work of Jalal-ud-din Rumi*, Kuala Lumpur: The Other Press.

Karimov, A.G., Akhmetova, E.I. (2025). Sotsial'nyy kapital kak faktor razvitiya nauki: sotsiologicheskii analiz na primere lokal'nogo nauchnogo soobshchestva [Social capital as a factor in the development of science: a sociological analysis based on the example of the local scientific community], *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy*, 16 (2), 149–175 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2025-2-149-175.

Kary-Niyazov, T.N. (1950). *Astronomicheskaya shkola Ulugbeka* [Ulugh Beg's astronomical school], Moskva, Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Kia, J. et al. (2025). The Triple Financial Resources of the Nizamiyya Schools with Focus on Iran During the Seljuk Era, *Pegem Journal of Education and Instruction*, 15 (3), 419–444. DOI: 10.48047/pegegog.15.05.52.

- Knorr-Cetina, K.K. (1999). *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*, London: Harvard University Press.
- Latour, B. (1996). On Actor-Network Theory: A Few Clarifications, *Soziale Welt*, 47 (4), 369–381.
- Lave, J. (1991). *Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Law, J. (2008). Actor Network Theory and Material Semiotics, in Bryan S. Turner (Ed.), *The New Blackwell Companion to Social Theory* (pp. 141–158), Wiley Blackwell.
- Lazar, M.G. (2015). Grantovaya sistema finansirovaniya rossiyskoy nauki: itogi odnogo sotsiologicheskogo oprosa [Grant funding system of Russian science: the results of a public opinion poll], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 6 (3), 38–49 (in Russian).
- Lo, W.Y.W. (2011). Soft Power, University Rankings and Knowledge Production: Distinctions between Hegemony and Self-Determination in Higher Education, *Comparative Education*, 47 (2), 209–222.
- Makdisi, G. (1961). Muslim Institutions of Learning in Eleventh-Century Baghdad, *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 24 (1), 1–56.
- Makdisi, G. (1970). Madrasa and University in the Middle Ages, *Studia Islamica*, no. 32, 255–264.
- Makdisi, G. (1981). *Rise of Colleges*, Edinburgh University Press.
- Matvievskaia, G.P., Rozenfel'd, B.A. (1983). *Matematiki i astronomy musul'manskogo sredne-vekov'ya i ikh trudy* [Mathematicians and astronomers of the medieval Islamic world and their works (8th–17th centuries)], Moskva: Nauka (in Russian).
- Mdallel, S. (2022). Financial Power and the Thirst for Knowledge: The First Arabic Translation Movement (8th to 10th Centuries), *Translation Matters*, 4 (2), 23–36. DOI: 10.21747/21844585/tm4_2a2.
- Merlet, S.R. (1989). Islamic Libraries of the Middle East, *Libri*, 39 (2), 127–140. DOI: 10.1515/libr.1989.39.2.127.
- Mirbabaev, A.K., Zieme, P., Wang Furen (2000). The Development of Education: Maktab, Madrasa, Science and Pedagogy, in C.E. Bosworth, M.S. Asimov (Eds.), *History of Civilizations of Central Asia. Vol. IV: The Age of Achievement: A.D. 750 to the End of the Fifteenth Century. Part 2: The Achievements* (pp. 31–61), Paris: UNESCO Publishing.
- Mirzaee, A.A. (2015). A Study of the Growth and Flourish of Gundishapur Scientific Centre in Sasanian Period, *Journal of Research on History of Medicine*, 4 (4), 225–234.
- Nasriddin, A. (2017). *Az Rudaki ta Attar* [From Rudaki to Attar], Khujand: Nashir (in Tajik).
- Nasution, A.A. et al. (2021). The House of Wisdom as a Library and Center of Knowledge, *Library Philosophy and Practice (e-journal)*, 6467. Available at: <https://digitalcommons.unl.edu/libphilprac/6467/> (date accessed: 15.08.2025).
- Nikiforova, N.V. (2021). “Mesta znaniya”: prostranstvennyy povorot v issledovaniyakh nauki, tekhnologii i obshchestva [“Places of knowledge”: spatial turn in studies of science, technology and society], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 12 (3), 78–93 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-78-93.
- Nizami ‘Aruzi Samarqandi (2015). *Chahar maqala* [Four discourses], ed. F. Nasriddin, Khujand: Nashir (in Tajik).
- OECD (2025), *OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2025: Driving Change in a Shifting Landscape*, Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/5fe57b90-en.
- Osmanov, M.-N.O. (1974). Firdousi, in *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet encyclopedia], t. 27 (pp. 469–471), Moskva: Izd-vo “Sovetskaya entsyklopediya” (in Russian).
- Peacock, A. (2019). Sufism and Political Power. Islam, Literature and Society in Mongol Anatolia, in *Cambridge Studies in Islamic Civilization* (pp. 75–116), Cambridge University Press.
- Poltavtseva, N.G. (2013). “Nevidimyye kolledzhi” / “voobrazhaemyye soobshchestva” [“Invisible colleges” / “imagined communities”], *Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly*, no. 12, 90–98 (in Russian).

Rasuliën, K.R. (2014). Rol' iranskikh prosvetiteley v razvitii "baïtul khikma" — "dom mudrosti" [The role of Iranian scholars in the development of bayt al-hikma], *Nauka i innovatsiya*, no. 2, 6–9 (in Russian).

Renima, A.T. (2016). The Islamic Golden Age: A Story of the Triumph of the Islamic Civilization, in *The State of Social Progress of Islamic Societies. International Handbooks of Quality-of-Life* (pp. 25–52), Springer.

Shameli, A.A. (2010). Nasir al-Din Tusi and His Socio-Political Role in the Thirteenth Century, *Message of Thaqaalayn*, 11 (2), 51–74.

Shapin, S. (1982). History of Science and its Sociological Reconstructions, *History of Science*, 20 (3), 157–211.

Shapin, S. (2008). *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*, Chicago: University of Chicago Press.

Söylemez, M.M. (2005). The Jundishapur School: Its History, Structure, and Functions, *American Journal of Islam and Society*, 22 (2), 1–27.

Star, S.L., Ruhleder, K. (1994). Steps towards an Ecology of Infrastructure: Complex Problems in Design and Access for Large-Scale Collaborative Systems, in *Proceedings of the 1994 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work* (pp. 253–264). DOI: 10.1145/192844.193021.

Yachin, S.E., Smirnova, M.Yu. (2012). Ot ekspertnykh k epistemicheskim soobshchestvam: k transformatsii institutsional'nykh ramok vlasti znaniya v sovremennom mire [From expert to epistemic communities: towards the transformation of the institutional frameworks of knowledge power in the modern world], *Informatsionnoye obshchestvo*, no. 3, 39–48 (in Russian).

Yakubovskiy, A.Yu. (1953). Ibn Sina [Ibn Sina], in *Materialy nauchnoy sessii Akademii nauk UzSSR, posvyashchennoy 1000-letnemu yubileyu Ibn Siny* [Proceedings of the scientific session of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR Commemorating the 1000th anniversary of Ibn Sīnā] (pp. 6–29), Tashkent: Izd-vo AN UzSSR (in Russian).

Yurchenko, V.S. (2012). Kul'turnaya zhizn' musul'manskogo naseleniya Ispanii v VIII–XI vv. [Cultural life of the Muslim population of Spain in the 8th–11th centuries], *Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura*, no. 8, 222–226 (in Russian).

Zou'bi, M.R. (2017). Science Institutionalization in Early Islam: "Bayt al-Hikma of Baghdad as a Model of an Academy of Sciences, *Dirasat: Human & Social Sciences*, 44 (3), 239–247.

ГАЛИНА ИВАНОВНА СМАГИНА

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

«Нет больше человека имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума»: сохранение памяти об умерших ученых в Петербургской академии наук в XVIII в.

УДК: 001.32+82-94«17»; 929

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-30-49

В статье рассматривается процесс институционализации памяти об умерших ученых в Петербургской академии наук на протяжении XVIII в. Особое внимание уделяется ключевым эпизодам: первой попытке чествования М.В. Ломоносова в 1765 г. (речь Н.Г. Леклерка при участии Я.Я. Штелина) и образцовым торжествам в память Л. Эйлера в 1783–1785 гг. (похвальная речь Н.И. Фуса, публикация, установка бюста). Автор обосновывает тезис о появлении жанра научного некролога в России уже в 1780-х гг. в разделе «Morts» издания «Nova Acta», где конференц-секретарь И.А. Эйлер разработал определенную структуру подобных текстов. В приложении публикуются некрологи, посвященные памяти академиков Г.Ф. Миллера и Я.Я. фон Штелина.

Ключевые слова: Петербургская академия наук, историческая память, похвальное слово, некролог, М.В. Ломоносов, Л. Эйлер, Е.Р. Дашкова, Я.Я. Штелин, наука XVIII в.

Сохранение памяти о скончавшихся коллегах — одна из самых устойчивых и по-своему благородных практик научного сообщества. Похвальное слово, произнесенное после смерти ученого, и некролог дают не только биографические сведения, но и важную для историка науки оптику: как именно современники понимали заслуги человека, какое место отводили ему в дисциплине и в корпоративной иерархии. Показательно, что оценка может быть выражена не прямыми характеристиками, а самим фактом публичного внимания — публикацией известия о смерти, организацией памятного заседания, выбором говорящего и тоном выступления. Такие некрологи и похвальные слова фиксируют «правильный» образ ушедшего и тем

самым включают механизмы академической памяти: кого и за что будут помнить, а чье имя со временем растворится в молчании.

Похвальное слово

В XVIII столетии во многих европейских академиях и научных обществах было принято отмечать кончину своего коллеги похвальным словом. Такую традицию во Французской академии ввел французский писатель и ученый, секретарь академии Б.Л.Б. де Фонтенель (1657–1757). После смерти каждого академика он произносил в собрании о нем *Éloge*, похвальное слово. Известно, что он составил около 70 похвальных речей¹. Среди них особо отмечают академические речи, посвященные Лейбницу и Ньютоу [Копелевич, 1974, с. 114]. Следует отметить еще одно выступление Фонтенеля. 14 ноября 1725 г. он произнес похвальное слово Петру I, скончавшемуся в начале года², и это была дань уважения не великому правителю России, а члену Французской академии. После кончины Фонтенеля этот обычай продолжил французский философ и математик М.Ж.А.Н. Кондорсе (1743–1794). Он написал и произнес около 50 речей в честь скончавшихся членов Парижской академии [Суворов, 2001, с. 2]. В Берлинской академии подобный ритуал появился в конце 40-х гг. XVIII в., когда неперменным секретарем академии был избран немецкий писатель и философ И.Г.С. Формей (1711–1797), исполнявший эти обязанности сорок лет. За это время он сочинил и произнес более 55 похвальных речей об ушедших из жизни коллегах по академии [Harnack, 1900, S. 304–310]. Потом эти речи в полном виде печатались в изданиях, выпускаемых европейскими академиями.

Насколько известно из протоколов заседаний Академической конференции, в Петербургской академии подобных заседаний в этот период не проводилось³.

Первое «Похвальное слово» в Петербургской академии наук прозвучало в честь академика Михаила Васильевич Ломоносова (1711–1765). Ученый скончался 4 апреля 1765 г. в Санкт-Петербурге в собственном доме на набережной р. Мойки между Большой Морской и Почтовой улицами и был похоронен 8 апреля на Лазаревском кладбище Александро-Невского монастыря.

Когда скончался М.В. Ломоносов, академик Я.Я. Штелин, незадолго до этого назначенный конференц-секретарем Академии⁴, выразил желание выступить с речью, посвященной памяти ученого. Он составил «Конспект» речи на латинском языке, предназначенной для такого выступления в Академической конференции⁵. При этом он считал, что организация подобных заседаний должна входить в обя-

¹ Похвальные слова Фонтенеля см. на сайте Французской академии. Режим доступа: https://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/Font_eloque.htm (дата обращения: 19.01.2026).

² Перевод похвального слова выполнен С.А. Мезиным. См.: [Мезин, 2015, с. 261–276].

³ См.: Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000.

⁴ Я.Я. Штелин исполнял обязанности конференц-секретаря с 7 марта 1765 по 22 февраля 1769 г.

⁵ М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников: сборник / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 24–26.

занности конференц-секретаря Академии, и полагал, что эта традиция должна быть воспринята и в Петербургской академии наук. Однако выступление Штелина с похвальной речью по случаю кончины Ломоносова не состоялось.

Но нововведения в Петербургской академии XVIII в. проходили поначалу с трудом и не встречали понимания. В составе Академической канцелярии после смерти Ломоносова остался только И.И. Тауберт, и он, видимо, побоялся самостоятельно принять такое важное решение, как организация памятного заседания. Такое решение необходимо было согласовать с президентом Академии графом К.Г. Разумовским, который в это время находился на Украине и отошел от академических дел, но числился на должности.

Столкнувшись с непониманием своей позиции в академических кругах, Штелин не отказался от самой идеи, но предложил другой вариант ее реализации: с похвальным словом Ломоносову должен был выступить другой человек.

15 апреля 1765 г. с похвальным словом Ломоносову, и не только ему, выступил ученый, личный врач гетмана Малороссии и президента Петербургской академии наук графа К.Г. Разумовского Николая Габриель Леклерк (1726–1798) — один из самых влиятельных и, во всяком случае, самых заметных французов среди тех, что служили в России в XVIII в. Леклерк произнес речь на французском языке по случаю того, что он был провозглашен почетным членом Петербургской академии наук [*Лекарский*, 1867; *Сомов*, 1983]. В протоколе заседания в этот день записано, что Николай Габриэль Клерк (Леклерк) произнес речь, в которой, «оплакивая кончину Ломоносова, восславил бессмертное имя Петра Великого и воздал хвалу нашей несравненной императрице»⁶.

11 апреля 1765 г. на заседании Конференции Академии наук Леклерк был принят в почетные члены Петербургской академии⁷. До выступления Леклерка почетные члены не произносили речей и не выступали с докладами на академических заседаниях. Идея о выступлении вновь избранного почетного члена была, безусловно, высказана Штелиным как конференц-секретарем Академии; также он принимал участие в подготовке речи Леклерка. Это подтверждает имевшая место в апреле 1765 г. переписка Штелина с Леклерком, ныне хранящаяся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки в фонде Штелина⁸.

В заседании Конференции 15 апреля 1765 г. (прошло чуть более десяти дней после кончины М.В. Ломоносова) участвовали семь человек: академики Я.Я. Штелин, И.Э. Фишер, И.А. Браун, С.К. Котельников, А.Л. Шлецер, А.П. Протасов и советник Канцелярии И.И. Тауберт. Все они работали вместе с Ломоносовым не один год. Одни сохранили о нем теплые и дружеские воспоминания, другие — не очень. Свое выступление Леклерк начал с благодарности за оказанную ему честь — возможность занять место в «святилище муз» и за избрание его почетным членом Академии. Далее он обращается к памяти Ломоносова: «Нет больше человека, имя которого составит эпоху в анналах человеческого разума, обширного и ясного ге-

⁶ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 2. СПб.: ИАН, 1899. С. 536.

⁷ Там же. С. 535.

⁸ Эта переписка опубликована: *Смагина Г.И., Сомов В.А.* Примите, дорогой друг, мою искреннюю благодарность»: Письма Николая Габриэля Леклерка из личного архива Якоба Штелина. 1765–1775 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 181–189.

ния, объявшего и осветившего многие жанры одновременно» [Пекарский, 1867, с. 179]. Леклерк особенно ценит Ломоносова как автора «Петриады» — так называли современники его героическую поэму «Петр Великий». Он отметил большие успехи и заслуги Ломоносова в науке и литературе: «...его будут чтить повсюду, где будут люди просвещенные. Слава тогда говорит всего громче, когда человек лишен возможности слышать ее». Затем Леклерк переходит к восхвалению Петра — этому посвящена большая часть речи — и восхвалению «чудес» екатерининского царствования (подробнее об этом см.: [Сомов, 1983, с. 100–101]). Несмотря на старания Штелина речь Леклерка не была напечатана.

Так или иначе, но 15 апреля 1765 г. почетный член Петербургской академии наук Николая Габриэль Леклерк (Клерк) на французском языке восхищался жизнью и творчеством великого Ломоносова. Это было единственное выступление, посвященное памяти Ломоносова, в Академии наук, в которой он прослужил 25 лет.

Второй пример отмечать кончину своего коллеги похвальным словом имел место в Петербургской академии наук только в 80-х гг. XVIII в. 7 сентября 1783 г. не стало великого математика Леонарда Эйлера (1707–1783).

Ближайший ученик и помощник Л. Эйлера академик-математик Н.И. Фус подготовил Похвальную речь своему учителю. Николай Иванович Фус (1755–1826), приглашенный в 1773 г. из Базеля в помощь Эйлеру, был женат на его внучке (дочери И.А. Эйлера) Альбертине, в течение десяти лет жил в его доме и помог ему подготовить к публикации около 300 статей. 13 октября 1783 г. он сообщил, что закончил составление Похвальной речи, готов прочесть ее, и просил директора Академии княгиню Е.Р. Дашкову определить день заседания. Дашкова назначила заседание на 23 октября, когда оно и состоялось⁹.

На заседании, посвященном памяти Леонарда Эйлера, председательствовала сама княгиня. Присутствовали все 14 академиков, которые находились в Петербурге, два адъюнкта, почетные члены Академии: граф А.С. Строганов, барон Г.Ф. Аш и лейб-медик И.Д.С. Роджерсон, а также архиепископ Могилевский Георгий (Конисский), друзья покойного и члены его семьи. После краткого вступительного слова, в котором княгиня выразила сожаление по поводу кончины великого Эйлера, Фус прочитал на принятом в то время в Академии французском языке Похвальную речь. В ней он впервые предпринял попытку показать вклад Эйлера в мировую науку: «Таковы суть труды, Эйлером поднятые, таковы подвиги, незабвенной памяти достойные. Потомки совокупят имя его с именами великих мужей Галилея, Лейбница, Невтона и всех, кои разумом своим сделали честь роду человеческому, имя его пребудет в памяти, когда имена толь многих погребены будут в вечности забвения, кои мимо текущую славою обязаны суетности нашего века¹⁰. Речь Фуса была единодушно одобрена собранием. В том же году она была напечатана отдельной брошюрой¹¹. Через несколько лет академик С.Я. Румовский объявил, что «в знак признательности своему прежнему почитаемому учителю он сам берет на себя

⁹ Протоколы заседаний Конференции... Т. 2. С. 708.

¹⁰ Фус Н. Похвальная речь покойному Леонарду Эйлеру // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 375.

¹¹ Fuz N. Éloge de monsieur Léonard Euler, lu a l'Académie Impériale des sciences, dans son assemblé du 23 octobre 1783. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1783. 127 p.

труд перевести эту Похвальную речь на русский язык¹². Перевод Румовского был опубликован в 1801 г. в «Академических сочинениях»¹³.

Скульптор Жан Доминик Рашетт (1744–1809), близко знавший покойного, выполнил мраморный бюст Эйлера, который, по отзывам современников, имел большое сходство с великим ученым. Княгиня Дашкова подарила для зала академического собрания колонну итальянского мрамора, на которую в торжественной обстановке 14 января 1785 г. установила бюст. После этого акта княгиня Дашкова сказала: «Академия может гордиться тем, что имела в своем составе столь великого ученого, и для меня является честью и удовлетворением установить в вашем присутствии изображение славного своими заслугами ученого к вящему украшению этого зала»¹⁴. Далее в протоколе, который вел И.А. Эйлер, отмечено: «Этот бюст, красота и совершенное сходство которого делает честь резцу и гению художника, был исполнен на средства господ академиков и адъюнктов, а ее сиятельство — их славный шеф, сверх того, способствовала созданию великолепной колонны, которая ему служит пьедесталом»¹⁵.

Начинания Академии наук по увековечению памяти Л. Эйлера стали известны в Европе и приветствовались учеными. Любопытно привести высказывание о печальных торжествах в Петербурге математика, политического деятеля Франции, иностранного почетного члена Петербургской академии Кондорсе: «Итак, народ, который мы в начале этого века принимали за варваров, в настоящем случае подает пример цивилизованной Европе — как чествовать великих людей при жизни и уважать их память по смерти; и другим нациям приходится в данном случае краснеть, что они не только в этом отношении не могли предупредить Россию, но даже не в силах ей подражать»¹⁶.

Некрологи

Еще одной формой сохранения памяти об умерших ученых являются некрологи. В исторической литературе принято считать, что некрологи в Российской империи появились в начале XIX в. [Калугин, 2015, с. 198; Ошипко, 2018, с. 83–87; Петровская, 1982, с. 223–226; Рейтблат, 2014, с. 195–202]. Первыми из них называют некролог Н.М. Карамзина, посвященный писателю И.Ф. Богдановичу (1743–1803) и опубликованный в нескольких номерах «Вестника Европы» за 1803 г.¹⁷, а также

¹² Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 4. СПб.: ИАН, 1911. С. 755

¹³ Фус Н. Похвальная речь покойному Леонгарду Эйлеру // Академические сочинения. 1801. Ч. 1. С. 97–167; перепечатано: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука: Сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 353–382.

¹⁴ Протоколы заседаний Конференции... Т. 2. С. 792.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Цит. по: [Чернов, 1935, с. 238].

¹⁷ Карамзин Н.М. О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 3. С. 227–228; Ч. 9. № 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111.

прозаический отрывок внутри стихотворения И.М. Борна «На смерть Радищева (1749–1802)» в альманахе «Свиток муз», вышедшем в том же году¹⁸.

Однако до сих пор исследователи обходили стороной некрологи, появившиеся еще в XVIII в. и посвященные ученым — прежде всего членам Петербургской академии наук. Первые такие тексты стали публиковаться в академических изданиях уже в 80-х гг. XVIII в.

В январе 1783 г. директором Петербургской академии наук была назначена княгиня Е.Р. Дашкова [Смагина, 2006, с. 12]. С этого времени главный журнал Академии стал выходить под названием “Nova Acta”. Новое издание сохранило структуру своего предшественника, включавшую историческую часть с ежегодным отчетом о деятельности Академии, однако в нем появился и совершенно новый раздел — “Morts”¹⁹. Исторический раздел печатался на французском языке, весьма распространенном в то время, тогда как научные статьи академиков (так называемые мемуары) могли публиковаться по желанию автора как на французском, так и на латыни.

В разделе “Morts” печатались некрологи и извещения о смерти вместе с краткой биографией об умершем человеке. В томе I “Nova acta” за 1783 г. этот раздел открывался сообщением о кончине великого Эйлера: «Помимо смерти знаменитого Леонарда Эйлера, о которой только что была прочитана похвальная речь²⁰, Академия в течение года понесла еще несколько значительных утрат, о которых мы намерены сообщить». В исторической части этого тома было опубликовано Похвальное слово Эйлеру, составленное Н.И. Фуссом на французском языке²¹.

В томе I также напечатан и первый некролог, посвященный выдающемуся ученому, просветителю, путешественнику, академику Петербургской академии Герарду Фридриху Миллеру (1705–1783). Двадцатилетним юношей он приехал в Россию, которая стала для него второй родиной, и около 60 лет беззаветно прослужил ей (приложение 1). В третьем томе “Nova Acta” за 1785 г. был опубликован некролог памяти академика Петербургской академии наук, выдающегося знатока искусств Якоба Яковлевича фон Штелина (1709–1785), воспитателя великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III. Молодым человеком он прибыл в Петербург в Академию наук и прослужил в ней пять десятилетий (приложение 2). Эти некрологи открывают серию мемориальных текстов, посвященных скончавшимся ученым Петербургской академии, в связи с чем они выносятся в приложение.

Эти некрологи, как и ряд других, публиковались анонимно, но с определенной уверенностью можно утверждать, что они написаны конференц-секретарем Петербургской академии, физиком и математиком, старшим сыном великого Эйлера — Иоанном Альбрехтом Эйлером (1743–1800). В круг обязанностей конференц-секретаря входили подготовка научных трудов Академии к изданию и составление обзора о ее деятельности для Исторического раздела.

И.А. Эйлер, будучи конференц-секретарем и ведя активную переписку с европейскими учеными, в разделе “Morts” также начал публиковать сообщения о кон-

¹⁸ Борн И.М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1803. Кн. 2. С. 136.

¹⁹ «Умершие» (фр.).

²⁰ Речь идет о заседании 23 октября 1783 г. См. выше.

²¹ Fuss N. Éloge de monsieur Léonard Euler // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 159–213.

чинах иностранных почетных членов Петербургской академии. Эти тексты, как и некрологи, обладали четкой структурой. Вероятно, математический склад ума автора способствовал выработке определенного стиля и логики изложения, что особенно важно ввиду зарождения жанра в России. Типовая структура была следующей: в начале указывались имя и фамилия ученого, затем его род занятий и должность. Центральное место отводилось перечислению академий и научных обществ, членом которых являлся покойный. В заключении освещались его научные достижения и личностные черты. Вместе с тем следует отметить, что И.А. Эйлер не всегда строго следовал выработанной им же самим схеме.

В качестве примера приведем некролог, посвященный французскому ученому-энциклопедисту Ж.Л. Д'Аламберу (1717–1783):

«Жан Лерон Д'Аламбер — непременный секретарь Французской академии, пенсионер (*pensionnaire ordinaire*) Парижской Королевской академии наук, член Лондонского королевского общества, Прусской и Шведской королевских академий наук и литературы, Болонского института, а также научных обществ Турина и Норвегии. Родился в Париже 17 ноября 1717 года.

Он был избран иностранным членом Петербургской академии 8 мая 1764 года и скончался в Париже 18 октября 1783 года.

Д'Аламбер, без сомнения, принадлежал к числу выдающихся математиков своего времени. Его *Трактат о динамике* стал одним из важнейших трудов в науке о движении тел. Решение, предложенное им для объяснения предварения равноденствий, равно как и его исследования по сопротивлению жидкостей и причинам возникновения ветров, представляют собой подлинные шедевры изощренной математики»²².

Некрологи представляют собой ценный источник для последующих биографических исследований. Показателен в этом отношении текст, посвященный известному врачу XVIII в., уроженцу Португалии Антониу Рибейру Санчесу (Саншесу) (1699–1783):

«Он прибыл Россию в 1731 г., и занимал там последовательно многие видные посты вплоть до 1747 г., когда уехал в Париж. Академия в Петербурге приняла его после отъезда 12 сентября того же года в число иностранных почетных членов и выделила ему пенсию, которой он пользовался до своей кончины, свидетельствуя живейшую признательность, и поддерживал, несмотря на присущие его возрасту недуги, регулярную переписку с Академией, сообщая ей все, что ему казалось интересным для науки. Он отдал свою дань природе 3 октября 1783 г. Лишь немногие из ученых пользовались столь большим почтением как он, но что польстило этому уважаемому старцу больше всего, и что его действительно растрогало, это милостивейшее обхождение, с которым Его Императорское Высочество, Государь Великий князь принял его, когда находился в Париже в 1782 г., под именем Графа Северного»²³.

В тексте некролога немецко-французского медика, химика и ботаника, профессора Страсбургского университета Я.Р. Шпильмана (1722–1783) присутствует

²² Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus I. Petropoli, 1787. P. 217–218.

²³ Под именем графов Северных по Европе путешествовали будущий император Павел I и его супруга Мария Федоровна.

характеристика его личных качеств: «Будучи столь же доброжелательным в сердце, сколь и уважаемым в своих знаниях, он был искренне любим своими учениками, некоторые из которых стали членами нашей Академии; с ними он поддерживал переписку до самой смерти, и они искренне скорбели о его кончине»²⁴.

* * *

Формирование традиции сохранения памяти об ученых в Петербургской академии наук XVIII в. представляло собой сложный процесс, который проходил медленнее относительно общеевропейской практики. Несмотря на отсутствие в первой половине столетия регулярных памятных заседаний, характерных для академий Парижа и Берлина, во второй половине века в России сложились две основные формы сохранения памяти об ученых: публичные похвальные речи и академические некрологи.

Инициатором внедрения традиции похвального слова выступил конференц-секретарь Я.Я. Штелин, однако первая попытка почтить память М.В. Ломоносова в 1765 г. реализовалась в компромиссной форме — через выступление почетного члена Н.Г. Леклерка. Подлинное становление ритуала приходится на 1780-е гг. и связано с деятельностью директора Академии наук княгини Е.Р. Дашковой. Памятные мероприятия в честь Л. Эйлера (торжественное заседание с речью Н.И. Фуса, публикация текста, установка бюста) стали эталоном чествования ученого.

Параллельно с этим при княгине Е.Р. Дашковой и конференц-секретаре И.А. Эйлере начала складываться традиция публикации некрологов. Введение специального раздела “Morts” в академическом издании “Nova Acta” способствовало появлению и развитию жанра научного некролога в России в последней четверти XVIII в.

Таким образом, к концу XVIII столетия в Петербургской академии наук сложилась традиция сохранять память об умерших ученых, о тех, чьи имена, по выражению современников, «составят эпоху в анналах человеческого разума».

²⁴ Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 214–215.

Приложение 1

<Г.Ф. Миллер>²⁵

Герард Фридрих Миллер, действительный статский советник Императорского архива в Москве и Российский историограф; кавалер ордена Св. Владимира третьей степени, член Королевской Академии наук в Стокгольме, Королевского научного общества в Лондоне, Экономического общества в Санкт-Петербурге и многих других ученых обществ, корреспондент Королевской Академии наук в Париже; родился 18 октября 1705 г. в Херфорде в Вестфалии.

Он прибыл 5 ноября 1725 г. в Санкт-Петербург, куда был призван как адъюнкт зарождающейся Академии. Он был свидетелем ее инаугурации, имевшей место 27 декабря того же года²⁶, и пережил всех тех, кто вместе с ним присутствовал на этом торжестве. Его первым делом было преподавание истории и географии ученикам Академии; затем он был причислен к Императорской библиотеке в качестве унтер-библиотекаря и был занят печатанием двух первых томов Комментариев,²⁷ а также редактированием «Санкт-Петербургских ведомостей» вплоть до июля 1730 г.²⁸, когда он был назначен ординарным академиком и профессором истории²⁹. В то же время он добился разрешения на путешествие по Германии, Голландии и Англии, причем Академия возложила на него разные поручения³⁰. Он вернулся в Санкт-Петербург 2 августа 1731 г. и читал публичные лекции до 1733 г. Затем он был зачислен в прославленную Камчатскую экспедицию³¹, но добрался только до Якутска, откуда, после десятилетнего отсутствия, вернулся в Санкт-Петербург вместе с господином Гмелином³². В 1747 г. Господин Миллер был назначен Российским историографом и ректором Санкт-Петербургского университета, который тогда относился к Академии³³; в 1754 г. он стал конференц-секретарем Академии, а в 1765 г.

²⁵ Здесь и далее перевод с французского осуществлен В.А. Сомовым, за что выражаю ему сердечную благодарность.

²⁶ 27 декабря 1725 г. состоялось первое публичное собрание Академии наук.

²⁷ *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae* (Комментарии Санкт-Петербургской Императорской Академии наук), первое научное периодическое издание Академии наук, выходило на латинском языке в 1728–1751 гг., было издано 14 больших томов. Это издание в XVIII в. трижды меняло свое название. Миллер участвовал в подготовке и издании первых двух томов.

²⁸ Редактировал «Санкт-Петербургские ведомости» на немецком и русском языках и «Примечания» к Ведомостям в 1728–1730 гг.

²⁹ Звание академика по истории в Петербургской академии получил в июле 1730 г.

³⁰ 16 июля 1730 г. уезжает в Германию для улаживания личных дел (смерть отца, Томаса Миллера); в то же время ему поручается ведение переговоров в Англии, Голландии и Германии от имени Академии (это была первая заграничная командировка петербургского академика).

³¹ Камчатская экспедиция, или Великая Северная экспедиция; Миллер руководил одним из академических отрядов в 1733–1743 гг.

³² Иоганн Георг Гмелин (*Gmelin Johann Georg*, 1709–1755), естествоиспытатель, медик, ботаник, этнограф, путешественник; адъюнкт по химии и естественной истории в Академии наук с 1727 г., профессор в 1731–1748 гг.

³³ Обязанности ректора Академического университета исполнял с 10 ноября 1747 по 18 июня 1750 г.

главным надзирателем Воспитательного дома в Москве, где он обосновался и где, наконец, был принят в Императорский архив. С этого момента он оставался причисленным к Коллегии иностранных дел³⁴ и продвинулся там до чина действительного статского советника, все время сохраняя за собой выплату жалования ординарного академика. Ее Величество, наша всемилостивейшая Императрица, почтила его своим особым благоволением и наградила орденом Св. Владимира третьей степени с лентой³⁵ сразу после его учреждения; он пользовался этим лишь недолго и умер, к всеобщему сожалению, 4 октября 1783 г.

Господин Миллер стал первым, кто указал на достоверные и добротные источники по русской истории. Собрание его трудов, опубликованных на немецком языке³⁶, и его «Ежемесячные сочинения»³⁷ снискали ему признание всех историков, как иностранных, так и местных. Он также намеревался написать полную историю Сибири, первый том которой действительно появился³⁸, но другие занятия помешали ему продолжить ее. Трудясь без устали, он постоянно собирал материалы, и у него не оставалось времени описывать их в соответствии с последовательным планом. Из-за этого случилось так, что после него, кроме вышеупомянутых сочинений, остались только разрозненные вещи, разбросанные по различным периодическим изданиям; среди них его изыскания о древних обитателях России, включенные в Исторический магазин³⁹ господина Бюшинга⁴⁰ и напечатанные по-русски в 1773 г., которые считаются его главным трудом⁴¹. Он добросовестно рассмотрел еще многие другие исторические сюжеты, но они не были предназначены для публики. Кроме того, он обогатил «Географический словарь России», напечатанный в Москве в 1773 г.,⁴² множеством интересных статей, а среди его бумаг находятся еще многие дополнения и исправления, которые были предназначены для второго издания.

Перевод выполнен по:

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.

Tomus I. Petropoli, 1788. P. 215–217.

³⁴ В Московский архив Коллегии иностранных дел был назначен 27 марта 1766 г.; трудился здесь до конца своих дней.

³⁵ Награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 22 сентября 1783 г.

³⁶ Для издания своих сочинений по российской истории, Миллер основал журнал на немецком языке “Sammlung russischer Geschichte” (SPb., 1732–1764. Bd. 1–9).

³⁷ Миллер основал журнал «Ежемесячные сочинения», которые издавались с 1755 по январь 1764 г., и был его главным редактором. Всего вышло 120 номеров.

³⁸ Книга Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел...» (СПб.: При ИАН, 1750. Кн. 1; 2-е изд. — 1787).

³⁹ Речь идет об издании А.Ф. Бюшинга “Magazin für die neue Historie und Geographie”, весьма популярного в Европе и России. За 1767–1788 гг. вышло 22 части.

⁴⁰ Антон Фридрих Бюшинг (Büsching Anton Friedrich, 1724–1793), немецкий географ, историк, педагог, издатель, с 1760 по 1765 г. пастор при церкви Св. Петра в Петербурге, старший советник Берлинской консистории.

⁴¹ Речь идет о книге Миллера «О народах издревле в России обитавших» (СПб.: При ИАН, 1773; 2-е изд. — 1788).

⁴² Подготовил и издал вместе с Ф.А. Полуниным «Географический лексикон Российского государства...» (М., 1773) с посвящением Екатерине II.

Приложение 2

Краткое жизнеописание господина фон Штелина

Якоб фон Штелин, действительный статский советник, директор Художественного департамента Императорской Академии наук и непрерывный секретарь петербургского Вольного экономического общества, член Королевской академии истории в Мадриде, Лондонского королевского общества и Лондонского общества антиквариата, Королевского голландского общества естественных и гуманитарных наук в Харлеме, Общества свободных искусств в Лейпциге, Исторического института в Геттингене и Общества пчеловодства в Оберлаузице, родился в вольном имперском городе Меммингене, в Швабии 10 мая 1709 г.

Его отец был членом Большого совета этого города, а его предки с древних времен занимали видные должности, как гражданские, так и церковные, в Базеле, Меммингене и Аугсбурге.

Молодой Штелин посещал сначала лицей родного города, а в 1728 г. отец отправил его в гимназию в Циттау, где он почти три года старательно изучал языки, изящную словесность и искусства; именно здесь он освоил искусство фейерверков, благодаря одному итальянцу, который тогда проживал там и блистал в этом искусстве⁴³. Покидая это учебное заведение в 1731 г., он издал там и защитил на публике свою диссертацию “De indole hominis et optimi principis, exemplo Traiani demonstrata”⁴⁴. Он объехал затем основные города Германии и посетил знаменитейших художников, ученых и библиотеки. Он остановился в Дрездене, где нашел возможность удовлетворить свою склонность к искусствам. Оттуда он отправился в Лейпцигский университет, где провел почти три года. Здесь он совершенствовался не только в любимых занятиях: в поэзии, мифологии, нумизматике и в изучении древностей, но и почерпнул еще всесторонний интерес ко всем наукам, вызывая тем самым всеобщую любовь в обществе. В последний год своего пребывания в Лейпциге он опубликовал немецкий стихотворный перевод Сафо⁴⁵, тем же размером, что и греческий оригинал, напечатанный параллельно, а также другие переводы итальянских и французских сочинений, которые тогда пользовались успехом. Наконец, во время празднеств, которые сопровождали восшествие на трон польского короля Августа III⁴⁶, он был увлечен изобретением многих аллегорических картин для торжественных иллюминаций, которые вызвали одобрение публики и восхищение знатоков.

Господин барон фон Корф⁴⁷, действительный камергер Ее Величества Императрицы Российской Анны Иоанновны, бывший в то время президентом Петербургской академии наук, узнав о талантах молодого господина фон Штелина, задумал

⁴³ Видимо, речь идет об Иоганне Даниэле Монталегре (1689–1768), под руководством которого Штелин изучал искусство фейерверков.

⁴⁴ Диссертация Штелина “De indole hominis et optimi principis, exemplo Traiani demonstrata” — «О природном даровании человека и наилучшего правителя: на примере [императора] Траяна».

⁴⁵ Сафо (Сапфо; ок. 630 — ок. 570 до н. э.), древнегреческая поэтесса.

⁴⁶ Август III (1696–1763), король Польши, а также курфюрст Саксонии.

⁴⁷ Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), дипломат, президент Петербургской академии наук в 1734–1740 гг.

привлечь его на службу в Академию; он чувствовал в этом тем большую необходимость, что именно в Академию двор всегда обращался за аллегорическими картинами в иллюминациях и больших фейерверках, которые тогда устраивались очень часто, и что в Академии тогда не было никого, кто достаточно увлекался бы этим занятием.

Господин фон Штелин вследствие этого, еще будучи в Лейпциге, получил назначение на пост адъюнкта Академии по истории на пять лет, но отклонил это первое назначение, ссылаясь на то, что ангажемент на столько лет казался ему, в его возрасте, слишком изнурительным, особенно из-за того, что эти годы нужно было провести в столь холодном климате, как петербургский. Он покинул при этом Лейпцигский университет в январе 1735 г. и отправился в Дрезден, где должен был поступить в качестве секретаря к генералу барону Левендалю⁴⁸, а затем сопровождать его старшего сына в путешествиях, что ему казалось более приятной возможностью и для его возраста, и для его интересов. Но в то время как он находился в ожидании прибытия генерала, которого дела заставили остановиться в Польше, он получил от барона фон Корфа второе предложение, предоставлявшее ему право покинуть службу в любое время, испросив разрешение шестью месяцами раньше. Такая свобода действий склонила чашу весов, и господин фон Штелин вернулся в конце апреля в Лейпциг, чтобы там присоединиться к профессору Лоттеру⁴⁹, также нанятому в Академию; так, они уехали вместе и, проведя несколько недель в Виттенберге, Берлине и Гамбурге, сели на корабль в Любеке и прибыли в Петербург 25 июня. Господин фон Штелин сейчас же отправился в Петергоф к господину барону фон Корфу, который оказал ему наилучший прием и представил его ко двору в тот же самый день.

Его первой обязанностью в Академии было составление немецкой газеты, или, скорее, написание ее целиком⁵⁰. Затем он представил ряд статей для исторических «Примечаний»⁵¹, которые тогда публиковались вместе с газетами, а по приказанию Президента он делал немецкие выдержки из итальянских *intermezzos* и комедий, игравшихся два раза в неделю, чтобы раздавать их при дворе до представления. Он также сочинил для собственных праздников императрицы и по поводу различных общественных торжеств многие оды и стихи на случай, которые завоевали ему благосклонность двора. Он предоставил артиллеристам проекты и эскизы аллегорических картин для фейерверков и иллюминаций; наконец, он создал рисунки и составил надписи к различным медалям, которые чеканились в память о выдающихся временах.

14 октября 1737 г. господин фон Штелин стал ординарным академиком и был назначен профессором красноречия и поэзии, по-прежнему при условии, что сможет покинуть службу, как только у него возникнет желание, лишь известив об этом за шесть месяцев. В новом качестве он прочитал публичную лекцию по естествен-

⁴⁸ Вольдемар фон Левендаль (1700–1756), саксонский граф, генерал-лейтенант на русской службе, военный губернатор Эстляндии.

⁴⁹ Иоанн Георг Лоттер (1702–1737), историк; прибыл в Петербург вместе со Штелиным в июне 1735 г., принят на должность профессора красноречия и греко-римских древностей, умер менее чем через два года после прибытия.

⁵⁰ Речь идет о «Санкт-Петербургских ведомостях», издаваемых в Академии не только на русском, но и на немецком языке.

⁵¹ «Примечания к Ведомостям» издавались как приложение к газете «Санкт-Петербургские ведомости».

ному праву и этике и другую о логике Вольфа⁵². В этом же году господин фон Корф поручил ему руководство Гравировальной палатой и «Примечаниями», которые Академия продолжала публиковать вместе с газетой.

Когда в октябре 1740 г. скончалась императрица Анна, господин фон Штелин был привлечен в Печальную комиссию — он предложил идеи для аллегорических украшений траурных покоев, катафалка и эпитафии в церкви Св. Петра и Павла в [Петропавловской] крепости; также он проводил инспекцию строительства различных памятников. Затем он составил их описание, которое включил в «Примечания» к газете 1741 г.⁵³

Господину фон Штелину было поручено под руководством тайного советника господина фон Беверна⁵⁴ переделать немецкую грамматику, которую Академия постановила напечатать для своих учеников и дополнить ее словоударениями⁵⁵. Он подготовил также проекты и эскизы картушей для российского картографического атласа, который Академия опубликовала в том году⁵⁶, и имел честь представить Ее Величеству императрице Елизавете, к празднику ее дня рождения, оду, посвященную ее восшествию на престол, которую он сочинил от имени Академии⁵⁷.

Когда двор отправился в Москву на коронацию Ее Величества Императрицы, господин фон Штелин получил приказ следовать за двором, чтобы составить проекты множества праздников, которые устраивались там по этому случаю, и руководить ими; именно тогда он впервые предложил проекты фейерверков огромной величины⁵⁸. После завершения этих праздников Императрица назначила его воспи-

⁵² Христиан фон Вольф (1679–1754), немецкий ученый, энциклопедист, учитель М.В. Ломоносова.

⁵³ *Штелин Я.Я.* Краткое описание печальной парадной залы, в которой тело императрицы Анны Иоанновны в открытом гробе поставлено... // Примечания к Ведомостям. 1741. Ч. 18–23. С. 69–92.

⁵⁴ Видимо, речь идет о Карле фон Бреверне (1700–1744), тайном советнике, дипломате, в 1740–1741 гг. президенте Петербургской академии наук. В оригинале, написанном на французском языке, скорее всего была пропущена одна буква. Напечатано: *Bevern*, а должно быть: *Brevern*.

⁵⁵ Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов; а ныне для употребления Санктпетербургской гимназии и вновь пересмотренная и исправленная. СПб.: Тип. ИАН, 1745. Первое издание «Немецкой грамматики», составленной Мартином Шванвицем, вышло в 1730 г. Издание, о котором идет речь, было переработано, исправлено и дополнено Я. Штелиным.

⁵⁶ Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сая империи, старанием и трудами Императорской академии наук. СПб.: Тип. ИАН, 1745.

⁵⁷ *Штелин Я.* Всеподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол... имп. Елисаветы Петровны... в торжественный праздник и высокий день рождения ея величества декабря 18 1741. Всеподданнейше представлено от Имп. Академии наук. СПб.: При ИАН, [1741]. Напечатано на немецком и русском языках в переводе М.В. Ломоносова. Также — в «Примечаниях к Ведомостям» (1741. Ч. 98–102. 8 декабря. С. 403–408).

⁵⁸ *Штелин Я.* Изображение и изъяснение фейэрверка и иллюминации которые апреля 25 дня 1742 году по благополучно совершившемся высоком помазании и короновании... государыни Елисаветы Петровны... при прочих публичных увеселениях пред домом ея имп. ве-

тателем Великого князя Петра Федоровича⁵⁹; должность эту он исполнял в течение трех лет, по истечении которых был удостоен чином надворного советника и ему было определено жалованье в тысячу руб. годовых⁶⁰.

По возвращении в Петербург ему было поручено изобретать аллегорические картины для фейерверков и иллюминаций, устроенных по поводу мира, заключенного со Швецией. По этому случаю он изобрел и ввел в фейерверки движущиеся фигуры, которые были очень хорошо встречены при дворе и затем все больше и больше совершенствовались⁶¹.

В 1745 г., при обновлении Академии, когда господин граф Кирилл Разумовский⁶² был назначен Президентом, он поручил господину фон Штелину руководство Художественным департаментом, который наш академик еще больше увеличил и где он подготовил многих искусных учеников. В 1748 г. ему удается создать при Академии наук Академию художеств⁶³, где граверы, архитекторы, лепщики, скульпторы и другие артисты, причисленные к Академии, должны были упражняться два раза в неделю, выполняя рисунки с натуры. Именно этому заведению Академия обязана

величества в Москве зажжены были. [СПб.]: При ИАН, [1742]. Текст напечатан на русском и немецком языках. Я.Я. Штелин руководил в Москве проектированием и организацией коронационных празднеств. Описание фейерверка было напечатано также в «Примечаниях к Ведомостям» (1742. Ч. 47 и 48. 10 июня. С. 185–192).

⁵⁹ Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих Голштейн-Готторпский, 1728–1762), внук Петра I, российский император, правил страной 186 дней (с 25 декабря 1761 (5 января 1762) по 28 июня (9 июля) 1762 г.).

⁶⁰ В 1742 г. Штелин был назначен на должность учителя к наследнику российского престола Петру Федоровичу (будущему Петру III). После свадьбы князя в 1745 г. Штелин был освобожден от должности учителя и назначен личным библиотекарем Петра Федоровича.

⁶¹ Изображение фейерверка и иллюминации, состоявшихся в Москве во время празднования мира «со шведскою короною», заключенного в 1743 г. после трех лет войны со Швецией, попытавшейся взять реваншем возвращенные Петром I в ходе Северной войны территории. См.: *Штелин Я.Я.* Краткое описание великаго фейэрверка которой по всевысочайшему указу ея величества... Елисаветы Петровны... в мирное торжество в Москве пред домом ея имп. величества представлен был дня, 1744 г. СПб.: ИАН, [1744]. Заглавие и текст на русском и немецком языках.

⁶² Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803), граф, государственный деятель, последний гетман Малороссии с 1750 г., президент Академии наук с 21 мая 1746 г. по 1798 г.

⁶³ По Регламенту Петербургской академии наук 1747 г., художественный комплекс Академии стал именоваться Академией художеств. Для управления Академией художеств в мае 1748 г. было создано Совещание по делам художественным, или Собрание Академии художеств, которое фактически возглавил профессор Я. Штелин. 12 апреля 1757 г. Я. Штелин был назначен «директором художеств» при Академии наук. В распоряжении президента Академии К.Г. Разумовского указано: «...надворному советнику и профессору Штелину, не оставляя прежних на него положенных при Академии дел, быть директором всех при Академии художеств, так как человеку довольно искусному и довольно разумеющему все художества, управляющимся при Академии» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 468. Л. 147–148; Гравировальная палата Академии наук в XVIII в. / Сост. М.А. Алексеева, Ю.А. Виноградов, Ю.А. Пятницкий. Л.: Наука, 1985. С. 123–124). В ноябре 1757 г. И.И. Шувалов основал Академию трех знатнейших художеств, которая благодаря своему учредителю вскоре оказалась под покровительством двора и лично императрицы Елисаветы Петровны. Вскоре часть лучших учеников Академии художеств при Академии наук были переведены в новую Академию.

тем, что имеет многих хороших граверов, из произведений которых еще сохраняются как планы и виды Санкт Петербурга, так и множество других эстампов и гравюр на меди, которые еще сегодня продаются в академической книжной лавке.

Когда Библиотека и Палата редкостей (Кунсткамера) были разрушены пожаром 1747 г.⁶⁴, господину фон Штелину, по указу, было поручено перестроить это здание, и он завершил все за три года к большому удовлетворению Президента, который велел повысить ему жалование на 200 руб. годовых.

В 1757 г. господин фон Штелин был назначен членом академической Канцелярии и директором Художественного департамента, затем цензором сочинений на иностранных языках и относящихся к изящной словесности, истории и искусствам.

Наш академик, кроме того, был определен в императорскую Монетную канцелярию, с правом голоса и участия в заседаниях, чтобы руководить там медальерами и учениками в их работах и предоставлять проекты реверсов для новых медалей, которые императрица велела чеканить; эта должность принесла ему выплату в 600 руб. годовых. Обязанности, относящиеся к медалям, и те, что он имел в Академической канцелярии, занимали его непрерывно до 1762 г., когда, после кончины славной памяти императрицы Елизаветы, он был сначала привлечен в Печальную комиссию и занят созданием проектов и рисунков для украшения траурного зала, катафалка для церкви в крепости и эпитафии. Едва он освободился от этой должности, как был отправлен по приказу Ее Императорского Величества, ныне правящей Императрицы в Москву, где был занят в комиссии по подготовке коронации и где представил не только проект большого фейерверка с движущимися фигурами, проект множества иллюминаций и всех аллегорических украшений императорского дворца, но также занимался их устройством, руководя работами художников в мастерских⁶⁵.

В 1763 г. господин фон Штелин был назначен статским советником. В 1765 г. он получил звание и обязанности неперменного секретаря Академии, приняв на себя ведение архива и возобновляя иностранную корреспонденцию; в следующем году Ее Величество Императрица назначила его членом академической комиссии⁶⁶,

⁶⁴ Пожар в Академии наук произошел 5 декабря 1747 г. Деревянная башня, в которой находилась обсерватория с инструментами, выгорела полностью. От Готторпского глобуса остался лишь металлический остов и дверца, да и той повезло лишь потому, что в момент пожара она хранилась отдельно. Галерея со шкафами с этнографическими коллекциями сильно пострадала, и многие привезенные из экспедиций предметы одежды, быта, верований народов Сибири, а также китайские вещи были уничтожены огнем. По последующим подсчетам, только книг сгорело 230 экземпляров, в том числе уникальные рукописи.

⁶⁵ *Штелин Я.* Описание аллегорического изображения в заключении великолепных торжеств при совершении коронации е. в. Екатерины Вторья... великим фейерверком представленного, в императорской резиденции в Москве против Кремля, сентября 1762 года. Moskau, gedr. bey der Kaiserl. Univ., [1762]. Заглавие и текст на русском и немецком языках.

⁶⁶ Для улучшения дел в Академии указом Екатерины II от 30 октября 1766 г. была упразднена существовавшая более четырех десятилетий академическая Канцелярия, а вместо нее учреждалась специальная Комиссия для управления научными и организационными делами. В ее состав вошли академики И.Г. Леман, С.К. Котельников, С.Я. Румовский, Я.Я. Штелин, отец и сын Эйлеры.

установленной при господине графе Орлове⁶⁷, которому Ее Величество доверила руководство Академией наук.

В тот же год он был избран, большинством голосов, депутатом от Академии наук в Законодательную комиссию⁶⁸, которая была учреждена в Москве во время пребывания двора в этой столице; но он отклонил эту почесть и предложил вместо себя господина коллежского советника Миллера, на что Академия согласилась.

В 1769 г. господин фон Штелин отказался от места неперемennого секретаря Академической конференции и передал его вместе с архивом господину профессору Эйлеру-сыну, которого граф Орлов наделил этими полномочиями. Благодаря этому, оказавшись менее занятым, чем прежде, он употребил свой досуг, который оставался после исполнения других обязанностей, для завершения истории государства и прогресса художеств в России — труда под заглавием “*Nachrichten von den schönen Künsten in Rusland*”⁶⁹, — написание которого он откладывал уже с давних времен и первую часть которого, включающую театр, балет и танцы, он издал в этом же году в 1-м томе “*Der Beylage zum neuver änderten Russland*” Господина Шлецера⁷⁰. Вторая часть, где рассказывается о музыке в России, была позднее включена во второй том того же сочинения. Затем он занялся редактированием анекдотов о Петре Великом⁷¹, собранных им на протяжении более чем тридцати лет по изустным рассказам людей, которые жили во времена этого воссоздателя России, а в конце 1774 г. завершил проекты для серии реверсов 125 медалей о жизни и деяниях Петра Великого⁷². Это сочинение, украшенное прекрасными рисунками, было преподнесено Ее Величеству Императрице и осталось в рукописи⁷³.

При производстве в чины, которое имело место по случаю празднования мира, заключенного в 1775 г. с Оттоманской Портой, господин фон Штелин получил ранг действительного статского советника.

Затем он принял большое участие в праздновании юбилея, или пятидесятой годовщины, основания Академии наук: он не только составил проекты украшений

⁶⁷ Владимир Григорьевич Орлов (1743—1831), граф (1762), камергер, директор Академии наук с 1766 по 1774 г., брат А.Г. и Г.Г. Орловых.

⁶⁸ Уложенная, или Законодательная, комиссия 1767 г. была создана для выработки новых законов вместо устаревшего Соборного уложения 1648 г. 19 февраля 1767 г. состоялись выборы депутата в Уложенную комиссию от Академии наук. Большинство голосов (7) получил академик Г.Ф. Миллер. Это произошло потому, что Я. Штелин, располагая двумя голосами, отдал их Миллеру, хотя мог использовать в поддержку своей кандидатуры.

⁶⁹ Перевод на русский язык см.: *Малиновский К.В.* Записки Якоба Штелина: В 3 т. СПб.: Крига, 2012.

⁷⁰ Август Людвиг Шлёцер (1735—1809), историк, публицист, в 1765—1767 гг. академик Петербургской академии наук.

⁷¹ Любопытныя и достопамятныя сказания о императоре Петре Великом, изображающия истинное свойство сего премудрого Государа и отца отечества, собранныя в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб.: Тип. Б.Л. Гека, 1786. 412 с.

⁷² Возможно, речь идет о рукописи «История Петра Великого в медалях, сочиненных Штелиным» (СПбФ АРАН. Ф. 170. Оп. 1. Д. 4. 78 л.).

⁷³ Сноска автора некролога: «Сочинение вышло только после его смерти; госпожа вдовствующая статская советница фон Штелин преподнесла его экземпляр Академии, так же как и копию последнего сочинения, оставшегося в рукописи».

академического здания и особенно зала заседаний для этого торжественного дня, но и сам руководил их осуществлением.

Когда госпожа княгиня Дашкова унаследовала в 1783 г. руководство Академией и академическая комиссия была упразднена, господин фон Штелин оказался еще более свободным от дел и снова взял на себя руководство газетой, что было его первым занятием по прибытии в Россию.

Вольное экономическое общество, которое приняло его в число своих членов на втором году после своего основания в 1766 г., спустя некоторое время возложило на него должность секретаря по иностранной корреспонденции, которую незадолго до того сложил с себя покойный надворный советник Леман⁷⁴. Господин фон Штелин исполнял ее до конца своих дней с пылкостью и рвением, которые воодушевляли все его дела, и, кроме того, он предоставил различные статьи для периодического издания этого Общества, под заглавием «Труды Вольного экономического общества».

В 1784 и 1785 гг. наш академик продолжил, как он и делал до тех пор, предоставлять проекты и эскизы типографских украшений как для книг, публиковавшихся Академией, так и для реверсов новых медалей, которые Двор и Правительствующий Сенат приказывали чеканить в память о благотворных великих деяниях, присущих славному царствованию, в которое мы живем.

Господин фон Штелин имел ровный и веселый нрав, и его превосходные добродетели заставляли всех, кто его знал, любить его и ценить. Так, он был желанным гостем, и его очень хорошо принимали в любом обществе.

Он отличался здоровьем, которое казалось не подверженным старости и в чем его счастливый и ровный характер играл, безусловно, наибольшую роль. Лишь весной 1785 г. его здоровье было резко подорвано и ухудшалось все больше и больше. Господин фон Штелин значительно ослаб, и его болезнь в конце концов проявилась как водянка в груди (*hydropisie de poitrine*). Между тем он сохранил до последнего дыхания героическое терпение и поистине христианское смирение. Он скончался очень тихо 25 июня 1785 г. на 77-м году жизни, прослужив Российской империи, а также Императорской Академии наук целых 30⁷⁵ лет.

Господин фон Штелин женился в 1742 г. на Елизавете Рейхмут, дочери Иоганна Рейхмута, первого проповедника и пастора лютеранской церкви в Москве; от этого брака остались трое детей: сын, Петр фон Штелин, советник посольства, проявивший себя в ученом мире как переводчик «Краткого летописца российских монархов» господина Ломоносова на немецкий язык⁷⁶, и две дочери, которых отец с удовлетворением выдал замуж еще при своей жизни.

Кроме сочинений покойного академика, о которых мы говорили в этом кратком очерке его жизни, укажем следующие:

Lobrede auf Johann Hammel, Kaiser Karl V. Hofmathematicus. Memmingen, 1728.

Prologo, la Russia afflitta e riconsolata, imprimé et représenté à Moscou en 1742, pour la fête du couronnement de l'Impératrice Elisabeth.

⁷⁴ Иоганн Готтлиб Леман (1700–1767), химик, горный советник, академик Петербургской академии наук.

⁷⁵ При печати текста была допущена опечатка. Штелин прослужил в Академии 50 лет.

⁷⁶ В 1765 г. находясь на дипломатической службе за границей, Петр Штелин издал «Краткий летописец» в Копенгагене (вторично — в 1771 г. в Лейпциге).

Kurze geographische Beschreibung des Fürstenthums Moldau, und der zwischen dem schwartzen Meere und der kaspischen See gelegner Länder und Völker, 1770. Von Tschirkassien oder den Kabardinischen Landen 1772. Inseré dans le magazin géographique de M. Le D. Büsching.

Kurtze Nachricht von dem neulich entdeckten Nord-Archipelagus 1774.

Перевод выполнен по:

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae.

Tomus III. Petropoli, 1788. P. 12–24.

Источники

Борн И.М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1803. Кн. 2. С. 136.

Карамзин Н.М. О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. 7. № 3. С. 227–228; Ч. 9. № 9. С. 3–18; № 10. С. 75–111.

Летопись Российской Академии наук. Т. 1 / Отв. ред. Н.И. Невская. СПб.: Наука, 2000. 998 с.

М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников: сборник / Сост. Г.Е. Павлова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 232 с.

Похвальные слова Фонтенеля см. на сайте Французской академии. Режим доступа: https://www.academie-sciences.fr/pdf/dossiers/Fontenelle/Font_eloque.htm (дата обращения: 19.01.2026).

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 2. СПб.: ИАН, 1899. 886 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 4. СПб.: ИАН, 1911. 1186 с.

Смагина Г.И., Сомов В.А. «Примите, дорогой друг, мою искреннюю благодарность»: Письма Николая Габриэля Леклерка из личного архива Якоба Штелина. 1765–1775 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 181–189.

Фус Н. Похвальная речь покойному Леонарду Эйлеру // Академические сочинения. 1801. Ч. 1. С. 97–167. Перепечатано в: Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М.: Наука, 1988. С. 353–382.

Fus N. Éloge de monsieur Léonard Euler, lu a l'Académie Impériale des sciences, dans son assemblé du 23 octobre 1783. St. Pétersbourg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1783. 127 p.

Fuss N. Éloge de monsieur Léonard Euler // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. P. 159–213.

[*Jean le Rond d'Alembert*] // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Tomus I. Petropoli, 1787. P. 217–218.

Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. 1. Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1787. 418 p.

Литература

Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.

Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий (середина XVII — середина XVIII в.). Л.: Наука, 1974. 265 с.

Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.

Онишко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского ун-та. 2018. № 1. С. 83–87.

Пекарский П.И. О речи в память Ломоносова, произнесенной в Академии наук доктором Ле-Клерком // Записки Императорской Академии наук. Т. 10. СПб.: Тип. ИАН, 1867. С. 178–181.

Петровская И.Ф. Некрологи в русской печати XIX — начала XX в. // Русская литература. 1982. № 3. С. 223–226.

Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 195–202.

Смагина Г.И. Сподвижница Великой Екатерины: очерки о жизни и деятельности княгини Е.Р. Дашковой. СПб.: Росток, 2006. 360 с.

Сомов В.А. Н.Г. Леклерк о М.В. Ломоносове // Ломоносов: Сборник статей и материалов. Сб. 8 / Отв. ред. Э.П. Карпеев. М.; Л.: Наука, 1983. С. 97–105.

Суворов О.В. Кондорсе // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 285–286.

Чернов С.Н. Леонард Эйлер и Академия наук // Леонард Эйлер (1707–1783): сборник статей и материалов к 150-летию со дня смерти / Ред.-изд. А.М. Деборин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 163–238. (Труды Института истории науки и техники. Сер. II. Вып. 1.)

Harnack A. Geschichte der königlich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 3. Berlin: Reichsdruckerei, 1900. 588 S.

“Gone Is the Man, Whose Name Designates an Epoch in the Annals of Human Reason”: Preserving the Memory of Deceased Scholars at the St. Petersburg Academy of Sciences in the XVIII Century

GALINA I. SMAGINA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: galsmagina@yandex.ru

This article explores the institutionalization of memory of deceased scholars at the St. Petersburg Academy of Sciences throughout the XVIII century. The author pays special attention to several pivotal episodes: the first attempt to honour the memory of M.V. Lomonosov in 1765 (N.G. Leclercq’s address with the participation of Ya.Ya. von Stehlin) and the exemplary commemoration of L. Euler in 1783–1785 (N.I. Fus’s eulogy, the publication of writings, and the unveiling of a bust). The author argues that the genre of “academic obituary” arose in Russia as early as the 1780s, in the “Morts” section of the “Nova Acta” periodical; I.A. Euler, a conference secretary, developed a specific pattern for the texts of this genre, published in this bulletin. The appendix contains obituaries dedicated to the memory of academicians G.F. Miller and Ya.Ya. von Stehlin.

Keywords: St. Petersburg Academy of Sciences, historical memory, eulogy, obituary, M.V. Lomonosov, L. Euler, E.R. Dashkova, Ya.Ya. Stehlin, XVIII century science.

References

Chernov, S.N. (1935). Leonard Eyler i Akademiya nauk [Leonhard Euler and the Academy of Sciences], in A.M. Deborin (Ed.), *Leonard Eyler (1707–1783): sbornik statey i materialov k 150-letiyu so dnya smerti* [Leonhard Euler (1707–1783): a collection of articles and materials on the 150th anniversary of his death] (pp. 163–238), Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).

Harnack, A. (1900). *Geschichte der koniglich preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, Bd. 3, Berlin: Reichsdruckerei (in German).

Kopelevich, Yu.Kh. (1974). *Vozniknoveniye nauchnykh akademiyy (seredina XVII — seredina XVIII v.)* [The appearance of scientific academies (the middle of XVII — the middle of XVIII century)], Leningrad: Nauka (in Russian).

Kalugin, D.Ya. (2015). *Proza zhizni: russkiye biografii v XVIII–XIX vv.* [The prose of life: Russian biographies in XVIII–XIX centuries], S.-Peterburg: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge (in Russian).

Mezin, S.A. (2015). *Petr I vo Frantsii* [Peter the First in France], S.-Peterburg: Yevropeyskiy Dom (in Russian).

Onipko, K.A. (2018). Pervyye russkiye nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian necrologies: heroes and contexts], *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo un-ta*, no. 1, 83–87 (in Russian).

Pekarskiy, P.I. (1867). O rechi v pamyat' Lomonosova, proiznesennoy v Akademii nauk doktorom Le-Klerkom [About a speech in memory of M.V. Lomonosov by Dr. Le-Clerk in the Academy of Sciences], *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*, vol. 10 (pp. 178–181), S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Petrovskaya, I.F. (1982). Nekrologi v russkoy pechati XIX — nachala XX v. [Necrologies in the Russian press in XIX and the beginning of XX century], *Russkaya literatura*, no. 3, 223–226 (in Russian).

Reytblat, A.I. (2014). *Pisat' poperek: Stat'yi po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [To write across: Papers on biographica, sociology and the history of literature] (pp. 195–202), Moskva: NLO (in Russian).

Smagina, G.I. (2006). *Spodvizhnitsa Velikoy Yekateriny: ocherki o zhizni i deyatel'nosti knyagini Ye.R. Dashkovoy* [The associate of Catherine the Great: Essays on the life and activities of a princess E.R. Dashkova], S.-Peterburg: Rostok (in Russian).

Somov, V.A. (1983). N.G. Leklerk o M.V. Lomonosove [N.G. Leclerc about M.V. Lomonosov], in E.P. Karpeev (Ed.), *Lomonosov: Sbornik statey i materialov. Sb. 8* [Lomonosov: A collection of articles and materials, no. 8] (pp. 97–105), Moskva; Leningrad: Nauka (in Russian).

Suvorov, O.V. (2001). Kondorse [Condorcet], in V.S. Stepin (Chief of scientific redaction), *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [The new philosophical encyclopedia: in 4 vols.], vol. 2 (pp. 285–286), Moskva: Mysl' (in Russian).

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЕЙТМАН

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института истории
естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Москва, Россия;
e-mail: malk@bk.ru

Командировка академика Иосифа Гамеля в Соединенные Штаты Америки (1854–1856 гг.): научные результаты

УДК: 001.32+929

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-50-66

Иосиф Христианович Гамель был первым членом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, направленным в научную командировку в Соединенные Штаты Америки. Путешествие ученого выпало на непростой период отечественной истории — Крымскую войну, смену руководства страны и политического курса правительства в связи со смертью Николая I и восхождением на престол Александра II. Пребывание Гамеля в Америке стало важным событием для общественной и научной жизни США, но руководство Академии наук оценивало результаты его командировки довольно критически. В статье на основе делопроизводственных материалов, публикаций в периодической печати и источников личного происхождения анализируется деятельность И.Х. Гамеля в Соединенных Штатах Америки, предпринимается попытка оценить ее научные результаты.

Ключевые слова: Иосиф Гамель, Соединенные Штаты Америки, Императорская академия наук в Санкт-Петербурге, международное научное сотрудничество.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 25-28-00148 «Научная деятельность академика И.Х. Гамеля и дисциплинарное становление истории науки и техники» (<https://rscf.ru/project/25-28-00148>).

Соединенные Штаты Америки были связаны с Россией тесными и взаимовыгодными политическими, экономическими и культурными связями на протяжении большей части своей истории. Длительный период фактически союзнических отношений, совпавший с широким распространением взаимных симпатий в русском и американском обществах, пришелся на вторую треть XIX в. [Курилла, 2005, с. 8]. Активизировалось экономическое сотрудничество между странами, особенно в научно-технологической сфере. США переживали промышленный переворот: велось строительство железных дорог, основным видом водного транспорта стали пароходы, активно развивалась тяжелая промышленность, начался процесс механизации сельского хозяйства. Для знакомства с новейшими техническими решениями в различных сферах, закупки оборудования Соединенные Штаты неоднократно посещали российские инженеры, командировавшиеся различными ведомствами. В 1854–1856 гг. в Америку впервые был направлен представитель Императорской академии наук в Санкт-Петербурге — ординарный академик по отделению технологии И.Х. Гамель.

Историография

История российско-американского сотрудничества в XIX столетии, в том числе в научно-технической сфере, активно изучается как отечественными, так и западными исследователями. В качестве наиболее значимых для разработки темы следует выделить исследования Н.А. Григорьян, И.И. Куриллы, Г.П. Куропятника, О.Н. Левшиной, В.Г. Смирнова и В.С. Соболева. В силу рассредоточенности источников по разным архивам, сложности и неоднозначности личности И.Х. Гамеля его командировка в Америку изучена хуже многих других сюжетов. Наиболее полно этот, как и другие вопросы, связанные с биографией и научной деятельностью Гамеля, проанализирован в монографии немецкого исследователя В. Страттенверта [Stratenwerth, 2020]. И.И. Курилла кратко рассмотрел его в рамках небольшой статьи [Курилла, 2006], а также на страницах монографии [Курилла, 2005, с. 284–285, 359]. Попыток специально проанализировать события, связанные с командировкой Иосифа Гамеля в Америку в 1854–1856 гг., в контексте истории науки и техники, определить ее научное значение до настоящего времени не предпринималось.

Источники

При написании статьи были использованы как архивные, так и опубликованные источники. Уникальные сведения о жизни и научной деятельности И.Х. Гамеля содержит биографическая рукопись, составленная его племянником Вильгельмом Гамелем, хранящаяся в Моравском архиве в г. Гернгутте в Восточной Германии¹. Обилие большого числа точно датированных сведений, достоверность которых подтверждается данными других источников, говорит о том, что в ее основе лежат дневниковые записи или мемуары И.Х. Гамеля. К этому документу активно обращался в своем исследовании В. Страттенверт. В отечественной историографии рукопись

¹ Unitätsarchiv in Herrnhut. R. 21.A. 59.

В. Гамеля ранее не использовалась. Важные сведения о научной деятельности И.Х. Гамеля в Америке содержатся в его отчетах в Академию наук, которые в настоящее время хранятся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (далее — СПбФ АРАН). Реконструировать, как принимались решения о направлении ученого в командировку, как оценивались результаты его деятельности, позволили делопроизводственные материалы Министерства народного просвещения и Императорской академии наук, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (далее — РГИА). При написании статьи использовались также опубликованные источники: научные труды Гамеля, написанные во время нахождения в Америке, напечатанные на страницах периодических изданий, а также заметки в американских газетах 1854–1856 гг.

Заграничные командировки академика Гамеля

Иосиф Христианович Гамель (1788–1862) собрался впервые посетить Америку, будучи уже немолодым человеком (в 1854 г. ему исполнилось 66 лет), известным специалистом в целом ряде научных областей, начиная от истории и педагогики и заканчивая физикой и химией. Ученый занимал особое место в отечественном научном сообществе, выступая в качестве доверенного лица и эксперта по различным научным и техническим вопросам для первых лиц Российского государства. Еще в начале XIX в. у него установились теплые личные отношения со многими членами царской фамилии. В 1810 г., будучи студентом Императорской медико-хирургической академии, он был всемилостивейше пожалован золотыми часами за изобретение электрической машины. В 1817–1818 гг. Гамель сопровождал великих князей Николая и Михаила Павловичей во время их путешествия по Англии. В 1818 г. за сочинение о способе взаимного обучения великая княгиня Мария Павловна наградила его золотой табакеркой. В 1825 г. императрица Александра Федоровна пожаловала ученому бриллиантовый перстень за подготовку технологического кабинета для наследника престола Александра Николаевича. В общей сложности в 1810–1861 гг. Гамелю было вручено более десяти высочайших наград, в том числе ордена: Святого Владимира 4-й степени (1836), Святого Станислава 1-й степени (1848), Святой Анны 1-й степени (1861) и др. На протяжении большей части своей жизни, со времени первой заграничной командировки (1813–1820 гг.) он напрямую из Государственного казначейства получал жалованье в размере 10 000 руб. в год, что было в несколько раз выше окладов штатных членов Императорской академии наук. Об особом положении ученого говорят также его длительные заграничные командировки. Он провел в Европе и Америке 23,5 года, или почти половину времени своей трудовой деятельности [Клейтман, 2025].

Первая заграничная поездка Гамеля продолжалась восемь лет (с сентября 1813 по сентябрь 1821 г.). Целью этой командировки было усовершенствование познаний молодого ученого по медицинской и технологической части². Большую часть времени он провел в Великобритании, совершая также поездки по Франции, Гер-

² Архив Внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. II-21. Д. 2. Л. 5–6 об.: Списание с предписания Министра Внутренних дел г[осподину] доктору медицины Гамелю от 25 июня 1813 г.

мании, Швейцарии и другим европейским странам. Находясь в Англии и Ирландии, Гамель занимался обследованием местных промышленных предприятий, выявляя и описывая новые технологии, которые могли быть внедрены в России. Важным итогом его научной деятельности стала книга, посвященная системе взаимного обучения, или Ланкастерской системе. Труд ученого по этой теме был благосклонно встречен научным сообществом и получил самые положительные оценки со стороны российского и ряда европейских монархов. Завершилась первая заграничная командировка Гамеля трагически: во время восхождения на Монблан возглавляемой им группы, которая планировала провести метеорологические наблюдения и испытать барометр новой конструкции, погиб один из проводников. Эта история получила широкое освещение в прессе и даже стала сюжетом для одного из рассказов Александра Дюма. Спустя несколько месяцев после происшествия на Монблане ученый вернулся в Россию [Захарчук, 2025].

Вторая поездка Гамеля за границу была тоже очень продолжительной — с мая 1839 по сентябрь 1845 г. Ее целью было «обозрение новейших заведений и открытий по части мануфактурной промышленности», главным образом в Англии, Шотландии и Ирландии³. Во время поездки ученый познакомился с одним из изобретателей фотографии Г.Ф. Тальботом и детально изучил его способ фиксации изображений на бумаге — калотипию. В Париже Гамель приобрел у сына другого пионера фотографии Ж.Н. Ньепса архив писем, являющихся уникальными источниками по истории фотографии⁴. Во время посещения в 1844 г. архивов и музеев Оксфорда и Кембриджа он обнаружил в музее Эшмола Оксфордского университета рукопись с описанием поездки в Архангельск английского посла Дадли Диггеса в 1618 г. Ученый установил, что ее автором был натуралист, садовод, ботаник и коллекционер Джон Традескант.

Целью третьей командировки Гамеля (1851) стало посещение Всемирной выставки в Лондоне.

Спустя несколько недель после возвращения из этой поездки ученый был направлен в Англию и Ирландию для изучения внедрявшихся на местных предприятиях новых технологий обработки льна. Эта, четвертая, командировка продолжалась с мая 1852 до февраля 1853 г. [Клейтман, Савка, 2025].

Планирование поездки в Америку

Командировка в США⁵ стала пятой по счету заграничной поездкой ученого. Как свидетельствуют сохранившиеся в РГИА документы, ее инициатором был сам И.Х. Гамель.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 12. Д. 383. Л. 377 об.

⁴ См.: Документы по истории изобретения фотографии: Переписка Ж.Н. Ньепса, Ж.М. Дагерра и других лиц / Ред. и авт. введ. ст. Т.П. Кравец; Отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 509 с., ил. (Труды Архива АН СССР; Вып. 7).

⁵ Здесь и далее используется принятая в современном русском языке аббревиатура «США», а не распространенная в отечественной литературе XIX в. «САСШ» (Северо-Американские Соединенные Штаты).

19 марта 1853 г. великий князь Александр Николаевич направил короткое письмо министру народного просвещения князю П.А. Ширинскому-Шихматову: «...академик действительный статский советник Гамель, возвратившись из-за границы, представил мне результаты своего путешествия. Ныне, по случаю имеющих вскоре открыться выставок изделий промышленности в Ирландии и Северной Америке, не признаете ли Вы полезным командировать туда Академика Гамеля? Обращаюсь к Вашему сиятельству с просьбою исходатайствовать ему, буде возможно, это назначение».

На следующий день из Министерства народного просвещения был сделан запрос в Императорскую академию наук относительно целесообразности направления ученого в Америку. Этот вопрос был вынесен на обсуждение конференции Академии, которая для принятия решения потребовала от Гамеля представить более подробный план работ в ходе командировки.

Как пояснил ученый, до отправления в Америку он планировал посетить открывающуюся в Дублине Выставку изделий промышленности, а также ряд предприятий для обработки льна в Англии, Шотландии и Ирландии. В США его интересовала Всемирная промышленная выставка, запланированная на лето 1853 г., а также «положение технической промышленности» в целом. Главной целью путешествия было выявление «усовершенствований, которые Россией с пользою могли бы быть приняты».

В заключении, представленном министру народного просвещения, вице-президент Академии наук князь С.И. Давыдов оценил перспективы деятельности ученого в Америке достаточно сдержанно: «Академия с своей стороны считает полезным командировать академика Гамеля по делам службы в Великобританию, Ирландию и Северную Америку до исхода будущего 1854 г., если на то воспоследует Высочайшее Его Императорского Величества соизволение, тем более, что г. Гамель состоит при Академии сверх штата и что могущие поступить в Академию поручения по его части легко могут быть возлагаемы на академиков Якоби, Фрицше и других»⁶. С.И. Давыдов отказался выделить дополнительные средства на эту поездку: «Как ожидаемая от изысканий г. Гамеля польза относится непосредственно к фабричной промышленности, то и справедливо было бы исходатайствовать ему просимое вспомоществование из сумм Государственного Казначейства»⁷.

Расписка Гамеля, что он не будет в Америке есть человеческое мясо

21 апреля 1853 г. министр народного просвещения А.С. Норов представил императору всеподданнейший доклад о планируемой командировке академика Гамеля в Великобританию, Ирландию и Северную Америку. На этот доклад Николай I наложил резолюцию: «Согласен; но обязать его секретным предписанием отнюдь не сметь в Америке употреблять в пищу человеческое мясо, в чем взять с него расписку и представить». В соответствии с этим распоряжением Гамель составил соответствующую расписку, которую 24 апреля А.С. Норов представил императору⁸.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 383. Л. 297.

⁷ Там же. Л. 297 об.

⁸ См.: [Николаев, 1920]; РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 270. Л. 1–9.

В биографических записках В. Гамеля было приведено объяснение такой необычной переписки. Во время путешествия великого князя Николая Александровича по Англии, в которой его сопровождал И.Х. Гамель, состоялась запомнившаяся им обоим беседа. Когда они сидели за накрытым столом, зашел разговор о вкусовых качествах различных видов мяса, в ходе которого ученый отметил, что по своим вкусовым качествам хорошо приготовленное человеческое мясо не должно уступать другим сортам. Император Николай вспомнил этот разговор спустя 36 лет, рассматривая документы о командировке Гамеля в Америку. Как отмечал ученый впоследствии, император, получив его расписку от А.С. Норова, принял ее с веселым лицом⁹.

Путь в Америку

В последних числах апреля 1853 г. Николай I утвердил всеподданнейший доклад А.С. Норова, согласно которому Гамель направлялся в Англию и Америку до конца 1854 г. Он обязан был ежемесячно доносить в Академию наук о своих занятиях и по возвращении из путешествия представить о них подробный отчет. 9 мая началось его очередное путешествие, затянувшееся на три последующих года.

Путь Гамеля лежал через Штеттин, Берлин, Остенде и Дувр в Лондон, куда он прибыл 20 июля 1853 г. 1 июля ученый посетил Великую промышленную выставку в Дублине. В середине сентября он принял участие в конференции Британской ассоциации содействия прогрессу науки, проводившейся в Лондоне, затем вернулся в Ирландию, где продолжил изучение новых технологий обработки льна, внедрившихся на предприятиях Белфаста, Дублина и Корка. В октябре Гамель выслал в Академию наук чернильницу и металлические перья как образцы нового технического способа серебрения стекла и золочения стали¹⁰.

4 марта 1854 г. ученый на пароходе из Ливерпуля отправился в Америку. 15 марта он достиг Галифакса и спустя несколько дней прибыл в Бостон.

Бостон, знакомство с коллекцией Дж. К. Уоррена (март — апрель 1854)

28 марта Гамель направил письмо непременно секретарю Академии наук Павлу Николаевичу Фуссу, в котором описал, как прошло путешествие через океан, и поделился первыми впечатлениями от пребывания в Соединенных Штатах. Отметив факт посещения Гарвардского университета и знакомства с крупными промышленными предприятиями в Лоуэлле и Лоуренсе, он остановился более подробно на описании коллекции доктора Джона Коллинза Уоррена¹¹. Большое впечатле-

⁹ Unitätsarchiv in Herrnhut. R. 21.A. 59.1. S. 27.

¹⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1853. Д. 5. Л. 23.

¹¹ Джон Коллинз Уоррен (John Collins Warren, 1778–1856), американский хирург, первый декан Гарвардской медицинской школы и один из основателей Массачусетской больницы общего профиля. Собрал коллекцию анатомических и патологических образцов, ко-

ние произвел на него выставленный в отдельном павильоне скелет мастодонта¹², до настоящего времени являющийся одним из самых полных когда-либо найденных скелетов этого вида ископаемых животных. Ученый был очень удивлен, увидев среди других экспонатов коллекции головной мозг и череп своего знакомого доктора Иоганна Гаспара Шпурцгейма¹³, умершего в Бостоне в 1832 г. и завещавшего передать их для проведения научных наблюдений и опытов. Заканчивая письмо, Гамель отметил, что будет стараться знакомить научные учреждения Америки с деятельностью Императорской академии наук, поскольку о ней знали там слишком мало¹⁴.

Американская ассоциация содействия развитию науки и Смитсоновский институт (апрель — май 1854)

Как сообщал Гамель в письме академику Фуссу, 28 апреля он принял участие в заседании Американской ассоциации содействия развитию науки и был избран в ряды членов этой организации¹⁵. На одном из первых заседаний Ассоциации 1854 г. лейтенант М.Ф. Мори¹⁶ выступал с докладом, посвященным косатке как малоизвестному биологическому виду. В описании путешествия Дж. Традесканта в Россию в 1618 г., рукопись которого Гамель выявил в одном из архивов Оксфорда и скрупулезно изучил, было приведено описание этого млекопитающего. 2 мая на секции «Геология, естественная история, химия и др.» он представил доклад на эту тему (“On the Delphinus, or Phocaena Orea, the Whale Killer or Thresher, mentioned by John Tradescant in the journal of his voyage to Russia in 1618”)¹⁷. В следующем году в периодическом издании Ассоциации была опубликована статья Гамеля, посвященная этому вопросу [*Hamel*, 1855c].

торая в 1847 г. была передана Гарвардскому университету, а в 1861 г. открыта для публики. В настоящее время Анатомический музей Уоррена, коллекция которого насчитывает более 15 000 экспонатов, расположен в Медицинской библиотеке Фр. Каунтуэя при Гарвардском университете.

¹² Warren Mastodon // American Museum of Natural History. Available at: <https://www.amnh.org/exhibitions/permanent/advanced-mammals/warren-mastodon> (date accessed: 06.04.2026).

¹³ Иоганн Гаспар Шпурцгейм (Johann Gaspar Spurzheim, 1776, Лонгуйх — 1832, Бостон), немецкий врач, популяризатор науки френологии (в современном понимании, псевдонауки, основным положением которой является утверждение о взаимосвязи между психикой человека и строением поверхности его черепа).

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1853. Д. 5. Л. 27—27 об.

¹⁵ Американская ассоциация содействия развитию науки (англ. AAAS, The American Association for the Advancement of Science), общественная организация, основанная в 1848 г., в настоящее время является крупнейшим в мире научным обществом, а также издателем известного научного журнала “Science”.

¹⁶ Мэтью Фонтейн Мори (Matthew Fontaine Maury, 1806—1873), американский морской офицер и ученый-метеоролог и океанолог. 29 декабря 1855 г. был избран иностранным членом-корреспондентом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге (Список членов Императорской академии наук, 1725—1907 / Сост. Б.Л. Модзалевский. СПб.: Тип. ИАН, 1908. С. 207—208).

¹⁷ The American Association for the Advancement of Science. Papers to be Read on Tuesday // Daily National Intelligencer (Washington City [D.C.]). 1854. May 2. P. 1.

Собрание, в котором принимал участие Гамель, проходило в строящемся здании Смитсоновского института¹⁸. Это учреждение вызвало живой интерес ученого. В письме академику Фуссу от 18 (30) апреля, направленном из Вашингтона, Гамель привел краткую информацию о его создании. Ученый отметил, что Дж. Смитсон, на средства которого был открыт институт, не только никогда не был в Америке, но и никогда не проявлял особого интереса к этой стране. Более того, он намеревался создать институт для расширения и распространения знаний не только в Америке, но и повсюду¹⁹.

Посещение Всемирной выставки (Нью-Йорк, май — июнь 1854). Изучение новых технологий печати

В апреле 1854 г. Гамель посетил Выставку промышленности всех наций в Нью-Йорке. Ученый отмечал, что ему повезло увидеть ее в том состоянии, в котором она была с момента открытия, поскольку спустя несколько месяцев работы выставки многие из экспонатов убирались и заменялись новыми. Торжественная церемония повторного открытия выставки состоялась 4 мая 1854 г.²⁰ Гамель принял в ней участие²¹, а на протяжении мая — начала июня 1854 г. продолжил знакомство с обновленной экспозицией [*Stratenwerth*, S. 117]. Большое впечатление на ученого произвели представленные на выставке новые виды скоростных ротационных печатных машин [*Greeley*, p. 109]. В 1857 г. по материалам, собранным во время нахождения в Соединенных Штатах, на страницах журнала «Сын Отечества» была опубликована статья ученого, содержащая исторический очерк изобретения и внедрения цилиндрических машин для тиражирования газет и журналов [*Гамель*, 1857].

Публикации о Гамеле на страницах американских газет

Иосиф Гамель, как академик, специально приехавший в Соединенные Штаты для знакомства с местными научными и образовательными учреждениями, изучения развития технологий, вызывал живое любопытство у американцев. Он стал героем большого числа статей и небольших заметок в различных газетах, в которых его визит рассматривался не как частное событие, а как проявление общей тенденции того, что европейское научное сообщество стало проявлять интерес к успехам Америки в различных сферах. Так, например, в номере выпускавшейся в г. Хартфорд (Коннектикут) газеты “*Religious Herald*” за 11 мая 1854 г. отмечалось: «Мы полагаем, что по всей Европе сейчас среди интеллектуалов ощущается общее

¹⁸ Смитсоновский институт — одно из старейших научно-исследовательских и образовательных учреждений в США. В настоящее время является крупнейшим в мире музейным и научным комплексом, включающим 19 музеев, 156 музеев-филиалов, 9 научно-исследовательских центров, систему научных библиотек, образовательные учреждения и др.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1853. Д. 5. Л. 28—29 об.

²⁰ Reopening of the Crystal Palace // *New-York Daily Tribune*. 1854. May 5. P. 5—7.

²¹ Re-Inauguration of the Crystal Palace // *American Phrenological Journal*. 1855. Vol. 21. P. 136.

желание узнать больше об образовательных системах Соединенных Штатов. Доктор Гамель из Санкт-Петербурга, один из самых выдающихся членов Королевской академии, действительный статский советник Российской империи и джентльмен, обладающий большими научными достижениями, был послан императором Николаем посетить различные образовательные, научные и благотворительные учреждения Соединенных Штатов. Доктор Гамель сейчас находится в Бостоне, знакомясь с государственными учреждениями этого города. Несколько лет назад он посетил Англию с аналогичной миссией»²².

Изучение устройства калорического двигателя Эрикссона и истории пароходства (лето — осень 1854)

В начале 1850-х гг. американское общество пристально следило за опытами по устройству нового типа двигателя, которые проводил известный шведско-американский инженер и изобретатель Джон Эрикссон (1803–1889). Он был автором ряда важных технических изобретений, например гребного винта, который заменил громоздкие лопастные колеса на пароходах. В 1853 г. был спущен на воду построенный по его проекту корабль водоизмещением около 2 200 тонн, оснащенный так называемым калорическим двигателем — четырьмя огромными цилиндрами, которые работали на горячем воздухе, нагреваемом углем. Как показали испытания, судно не могло развить достаточно высокую для дальних перевозок скорость, поэтому Эрикссон занялся его доработкой. Летом 1854 г. Гамель смог присутствовать на испытаниях его усовершенствованной версии. По мнению ученого, усилия по созданию двигателя, работающего на горячем воздухе, были напрасны; произведенные доработки привели к тому, что двигатель Эрикссона стал фактически паровым, но более сложной и при этом менее надежной конструкции. 19 (31) августа Гамель направил академику Фуссу подробный отчет по этому поводу, снабдив его описанием устройства калорического двигателя и краткими сведениями по истории его разработки. Вслед за этим ученый подготовил еще три историко-технических очерка, посвященных развитию пароходства в Европе и Америке. Гамель направлял рукописи этих очерков академику Фуссу, который передавал их для публикации в “*St. Peterburger Zeitung*” [Hamel, 1855b]. В письме академику Миддендорфу от 29 ноября 1855 г. ученый отмечал, что Эрикссон продолжал работать над улучшением конструкции своего двигателя. Как заметил Гамель, несмотря на полученную незадолго до того травму (во время испытания одного из механизмов изобретатель лишился двух пальцев — к счастью, среднего и безымянного, а не большого и указательного), ближайшее время он планировал представить новые планы и чертежи, в изготовлении которых он обладал замечательным мастерством²³.

Продление срока пребывания в Америке

В декабре 1854 г., согласно первоначальному плану, академик Гамель должен был возвращаться в Россию. 1 (13) декабря 1854 г. он направил письмо А.С. Норову, в котором просил продлить срок его пребывания в Америке. Ученый отмечал, что

²² The Religious Herald (Hartford [Conn.]). 1854. May 11. P. 2.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1853. Д. 5. Л. 44–45 об.

достижение истины при разборе сложных технических вопросов, особенно если ее сознательно пытаются скрыть, требует большого количества времени, а обнаружение недостаточно проверенных данных может оказаться не только бесполезным, но и вредным. В связи с этим он просил: «Если Ваше Высокопревосходительство затрудняетесь в испрашивании для меня бессрочного продолжения моей командировки, то всепокорнейше прошу исходатайствовать оное на двадцать один месяц на прежнем основании»²⁴. К письму А.С. Норову было приложено запечатанное в отдельном конверте послание наследнику престола великому князю Александру Николаевичу, содержащее такую же просьбу. Обращаясь к нему, ученый оправдывался, что в условиях продолжающейся Крымской войны не может вернуться в Россию. В Англии осталась большая часть собранных им материалов и бумаг, которые он планировал забрать на обратном пути из Америки²⁵.

А.С. Норов направил в Академию наук запрос относительно целесообразности продолжения пребывания И.Х. Гамеля в Америке. 5 февраля на него был представлен достаточно резкий ответ за подписью вице-президента Академии князя С.И. Давыдова, в котором отмечалось: «Последствия прежнего долговременного и настоящего пребывания его за границей не доставили до сих пор Академии ни одного полного и систематически обработанного материала по производимым им изысканиям. Из доставляемых им отрывков видно богатство собранных им сведений, но сведения эти, кажется, заключаются в заметках, не представляющих никакого систематического порядка и следовательно для него одного только понятных и как бы в тайне им хранимых»²⁶.

18 апреля С.И. Давыдов уведомил неперменного секретаря Академии, что 13 апреля император утвердил всеподданнейший доклад министра народного просвещения, согласно которому возвращение Гамеля в Россию отсрочивалось на один год, до 1 января 1856 г. При этом ему вменялось в обязанность немедленно доставить в Академию наук: 1) все дошедшие до него технические сведения об опытах, произведенных в Англии, относительно особого способа изолирования телеграфических подводных проводов без использования гуттаперчи, 2) краткий обзор собранных сведений отдельно по предметам и 3) подробную программу по каждому предмету, в каком порядке и последовательности будут изложены собранные им сведения по возвращении в Академию.

Участие в общественной жизни Нью-Йорка

Гамель находился в Нью-Йорке более года — с 8 июля 1854 до 1 июля 1855 г., а затем большую часть осени 1855 и начало 1856 г. Он принимал участие в различных общественных мероприятиях, связанных с образованием и наукой, которые проводились здесь в это время.

Как член Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства, он проявил живой интерес к деятельности Сельскохозяйственного

²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 383. Л. 346–346 об.

²⁵ Там же. Л. 347–347 об.

²⁶ Там же. Л. 336–336 об.

общества штата Нью-Йорк²⁷. В качестве почетного гостя Гамель присутствовал на XIV ежегодной ярмарке Общества, проводившейся 3–6 октября 1854 г. на Гамильтон-сквер. Ее организаторами в тот год также выступили Американский институт города Нью-Йорка²⁸ и Нью-Йоркское садоводческое общество. В рамках ярмарки проводились выставки скота (крупного рогатого скота, овец, лошадей, мулов), сельскохозяйственных орудий (косилок и жаток), фруктов и цветов, овощеводства и зерноводства. В один из дней проходило общее собрание Общества под председательством его руководителя У. Келли. На трибуне в ряду почетных гостей, среди которых были 10-й президент США Дж. Тайлер и член провинциального парламента Канады Д. Кристи, находился «государственный советник России» (Counsellor of State of Russia) И.Х. Гамель²⁹.

14 февраля 1855 г. проводилось ежегодное собрание Нью-Йоркского сельскохозяйственного общества. На нем традиционно был представлен отчет исполнительного комитета за истекший год, в рамках которого был сделан обзор сельскохозяйственных работ и улучшений в агротехнике, обнародованы лучшие поступившие от фермеров предложения относительно дренажа, орошения, удобрения и по другим вопросам. Академик Гамель также присутствовал на этом мероприятии в качестве почетного гостя³⁰.

24 апреля 1855 г. в Нью-Йорке состоялось торжественное открытие приходской школы № 4, располагавшейся на Ривингтон-стрит. Как сообщалось в публикациях в газетах, в нем принимали участие мэр Фернандо Вуд, пресвитерианский проповедник Аса Дж. Смит (в 1863 г. он стал президентом Дартмутского колледжа), изобретатель и промышленник Питер Купер, канцлер Нью-Йоркского университета Исаак Феррис и еще ряд знаменитостей, в том числе доктор Гамель из Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. На этом мероприятии произносились приветственные речи об истории возникновения и развития системы государственного школьного образования в Нью-Йорке, ученики читали стихи, исполняли музыкальные произведения. Репортеры отмечали, что школа очень хорошо технически оснащена. На первом этаже здания школы располагались гардеробы, гимнастический зал и комнаты начальных классов на 1 100 учеников. Второй этаж был предназначен для 340 учениц женской гимназии, третий — для мужской гимназии. Отопление здания осуществлялось при помощи водяного котла и чугунных труб, нагревавших воздух, далее расходящийся по зданию по вентиляционным каналам³¹.

²⁷ Сельскохозяйственное общество Штата Нью-Йорк (New York State Agricultural Society) было основано в 1832 г. для содействия развитию сельского хозяйства. Оно проводило регулярные собрания, ежегодную ярмарку штата Нью-Йорк, выпускало периодические издания.

²⁸ Американский институт города Нью-Йорка по поощрению науки и изобретений (The American Institute of the City of New York for the Encouragement of Science and Invention), общественная организация, существовавшая с 1829 до 1980-х гг., когда была объединена с Нью-Йоркской академией наук. Институт представлял собой ассоциацию изобретателей. Он занимался организацией выставок, лекций, посвященных новым технологиям.

²⁹ Fourteenth Annual Fair, 1854 // Journal of the New-York State Agricultural Society. 1854. Vol. V. October. No. 6. P. 53.

³⁰ Annual Meeting of N.Y. State Agricultural Society. Wednesday, February 14 // Journal of the New-York State Agricultural Society. 1855. Vol. V. March. No. 11. P. 89.

³¹ Dedication of Ward School No. 4 // New-York Daily Tribune. 1855. April 24. P. 5.

18 сентября 1855 г. Гамель участвовал в собрании Американского института города Нью-Йорка, на котором обсуждались вопросы консервирования фруктов и овощей [Meigs, 1856, p. 352].

17 октября 1855 г. ученый принимал участие в торжественном заложении краеугольного камня здания новой библиотеки Нью-Йоркского исторического общества³². Эта общественная организация была основана в 1804 г. видными горожанами, в том числе мэром города Деви́ттом Клинтонoм. Ей принадлежала богатая коллекция портретов, книг и документов по истории Соединенных Штатов. С 1816 г. общество располагалось в здании Нью-Йоркского института. Здание, заложенное 17 октября 1855 г., было достроено в 1857 г. Общество и его коллекции располагались в нем следующие 50 лет [Vail, 1954, p. 100–101].

Путешествие по США летом — осенью 1855 г. Изучение истории электрического телеграфа

Согласно данным рукописи из Гернгуттского архива, в первые дни июля 1855 г. ученый посетил Ниагарский водопад.

2 августа в газете “Glasgow Weekly Times” сообщалось, что уже неделю в городе Глазго штата Миссури гостит доктор Гамель из Санкт-Петербурга. Целью его пребывания здесь было изучение того, как выращивается и обрабатывается конопля — товар, составлявший основу местного хозяйства. Отмечалось, что ученый был близким человеком для семьи покойного русского царя Николая I, но покинул Россию незадолго до его смерти и уже около года находится в Соединенных Штатах³³.

4 августа 1855 г. Гамель был в Нью-Йорке, где вместе с 40 другими почетными гостями наблюдал за отправлением парохода «Калхун», который должен был проложить телеграфный кабель по дну моря до Ньюфаундленда³⁴. В ходе общения с С. Кольтом, С. Морзе и М.Ф. Мори, также присутствовавшими на этом мероприятии, ученый мог получить сведения о планах дальнейшей реализации масштабного научно-технического проекта по организации телеграфной линии между Америкой и Европой. Кабель планировалось проложить по маршруту между мысом Рейс в Ньюфаундленде и мысом Клир в Ирландии, определенному гидрографом М.Ф. Мори при помощи глубоководных измерений. Этот маршрут, известный как «телеграфное плато», имел длину 2 600 км и пролегал на глубине 3–4 км [Stratenwerth, 2020, S. 116]. В 1855 г. на страницах «Бюллетеня физико-математического отделения Императорской академии наук» была опубликована статья Гамеля, посвященная этому вопросу [Hamel, 1855a].

По данным В. Гамеля, с 8 по 30 августа ученый находился в Сент-Луисе на р. Миссури, а затем через Чикаго, Цинциннати, Питсбург и Филадельфию вернулся обратно в Нью-Йорк³⁵.

³² New York Historical Society. Laying the Corner Stone of the New Library Building // The Evening Post. New York. 1855. October 18. P. 2.

³³ Glasgow Weekly Times. 1855. August 2. P. 3.

³⁴ The Ocean Telegraph // Daily American Organ. 1855. August 4. P. 2.

³⁵ Unitätsarchiv in Herrnhut. R. 21.A. 59.1. S. 29.

6 октября академик Гамель отправился в столицу штата Коннектикут г. Хартфорд, где до конца октября гостил у известного изобретателя и промышленника С. Кольта³⁶.

Вопрос о продолжении командировки в 1857 г.

Зиму 1855–1856 гг. ученый провел в Нью-Йорке. 27 декабря 1855 г. он направил письмо министру народного просвещения А.С. Норову, в котором просил продлить пребывание его в Америке еще на один год. Гамель жаловался на тяжелые условия жизни в Нью-Йорке: «Ваше превосходительство едва ли поверит, что я снимаю квартиру и всегда живу в неотапливаемой комнате с очень маленьким столом, а мои бумаги и книги разбросаны вокруг меня по полу»³⁷. Ученый отмечал: «По собственным моим делам и для личных моих выгод мне бы нужно было как можно поспешнее возвратиться в С. Петербург, где воры вломились в мою квартиру и украли все лучшие мои вещи, но по усердному желанию моему соделаться полезным, не могу я решиться оставить полуоконченными начатые здесь изыскания»³⁸.

А.С. Норов запросил мнение Императорской академии наук относительно целесообразности пребывания Гамеля в Америке в 1857 г. В ответном письме граф Д.Н. Блудов, 26 ноября 1855 г. ставший президентом Академии, отмечал, что академик Гамель еще не исполнил ранее возложенные на него обязанности: не прислал сведения о проводившихся в Англии опытах изолирования телеграфных проводов, не представил отчет и программу дальнейшей работы. Новый руководитель Академии полагал, что пребывание ученого за границей «едва ли может принести особенную для технологии и вообще для промышленности пользу»³⁹.

Возвращение в Россию

С 1 января 1856 г. было прекращено финансирование командировки Гамеля в Америку. Уже по возвращении в Россию ему удалось добиться выплаты удержанного содержания. Он убедил руководство, что не вернулся в установленный срок, т. е. до 1 января 1856 г., не по своей вине, а поскольку продолжалась война и транспортное сообщение между Америкой и Россией было крайне затруднено. Ученый собирался в Россию экстренно, не завершив все запланированные дела и нарушая договоренности с американскими коллегами. Гамель покинул Нью-Йорк 24 мая 1856 г.⁴⁰ 5 июня он прибыл в Ливерпуль, откуда сразу же отправился в Лондон. 19 июня он продолжил путешествие через Дувр, Остенде, Берлин, Штеттин и Кронштадт в Петербург, куда прибыл 17 июля 1856 г. 8 августа 1856 г. он впервые принял участие в заседании Академии наук.

³⁶ The Daily Comet. 1855. October 26. P. 2.

³⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 383. Л. 351 об.

³⁸ Там же. Л. 353 об. — 354.

³⁹ Там же. Л. 346–346 об.

⁴⁰ A Distinguished Visitor Gone // New York Herald. 1856. May 24. P. 4.

Путешествие по Соединенным Штатам, изучение истории, природы и культуры Америки, знакомство с новыми, активно развивавшимися там технологиями, оказали большое влияние на круг научных интересов И.Х. Гамеля. На протяжении нескольких последующих лет важным направлением его изысканий стала история и перспективы развития электрического телеграфа — тема, к изучению которой его в значительной мере подтолкнуло наблюдение за развитием телеграфной связи в Америке и Европе, а также общение с работавшими в этой области американскими коллегами.

Вернувшись в Россию, ученый продолжил обрабатывать материалы по различным темам, собранные во время нахождения в Соединенных Штатах. На конференции Императорской академии наук 28 ноября 1856 г. Гамель представил коллекцию американских минералов, переданную в дар Музею Академии владельцем рудника Уитлекс в Нью-Йорке Чарльзом М. Уитли. Ученый предложил сравнить эти образцы с «черными хроматами железа» из Сибири, которые были обнаружены Иоганном Тобиасом Ловицем и по его инициативе выплавлены и переработаны в Москве в 1825 г. [*Stratenwerth*, 2020, S. 120].

30 января 1857 г. в Академии наук Гамель сделал доклад, посвященный авторству книги «Естественная история Северной Каролины». Опираясь на материалы, собранные во время нахождения в Америке, ученый опровергал общепринятую версию, что ее автором был Джон Бриккел, и доказывал, что она была написана англичанином Джоном Лоусоном, который изучал историю, флору и фауну этого штата на протяжении нескольких лет и был убит индейцами в 1791 г. [*Stratenwerth*, 2020, S. 121].

Научные результаты командировки академика Гамеля в США

В ходе поездки в Соединенные Штаты И.Х. Гамель познакомился с деятельностью научных институтов, университетов, общественных научных организаций и познакомил их с работой Императорской Академии наук, установил личные контакты с крупнейшими американскими учеными. Путешествия на пароходах, по железной дороге, посещение фабрик, заводов, типографий, участие в промышленных и сельскохозяйственных выставках Америки не могли оставить равнодушным ученого, с юных лет проявлявшего интерес ко всем научно-техническим новинкам и стремившегося внедрять в жизнь новейшие научные достижения. Письма, отчеты, публикации в периодической печати, доклады Гамеля о поездке в Америку знакомили российское и европейское научное сообщество с тенденциями общественного, политического и научно-технического развития Соединенных Штатов, с новыми технологическими решениями в различных сферах. Оставаясь одним из экспертов, определявших мнение российской политической элиты по научным и техническим вопросам, он способствовал формированию представлений вступившего на престол Александра II относительно программы Великих реформ, проявившихся в том числе в ослаблении государственного контроля, поддержке свободы слова и печати, предпринимательства, активизации развития железнодорожного и паромного транспорта и связи.

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 12. Д. 383.

РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 270.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1-1853. Д. 5.

Unitätsarchiv in Herrnhut. R. 21.A. 59.1.

[Гамель И.] Новейшие усовершенствования машин, введенных в Англии и Америке для печатания газет и других периодических изданий. Статья академика Гамеля // Сын Отечества. 1857. № 16. С. 369–371.

Документы по истории изобретения фотографии: Переписка Ж.Н. Ниепса, Ж.М. Дагерра и других лиц / Ред. и авт. введ. ст. Т.П. Кравец; Отв. ред. Г.А. Князев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 509 с. (Труды Архива АН СССР; Вып. 7).

A Distinguished Visiter Gone // New York Herald. 1856. May 24. P. 4.

Annual Meeting of N.Y. State Agricultural Society. Wednesday, February 14 // Journal of the New-York State Agricultural Society. 1855. Vol. V. March. No. 11. P. 89.

Dedication of Ward School No. 4 // New-York Daily Tribune. 1855. April 24. P. 5.

Fourteenth Annual Fair, 1854 // Journal of the New-York State Agricultural Society. 1854. Vol. V. October. No. 6. P. 53.

Glasgow Weekly Times. 1855. August 2.

Greeley H. Art and Industry as Represented in the Exhibition at the Crystal Palace, New York — 1853–4. New York: Redfield, 1853. XXV, 386 p.

Hamel J. Das Wahre über das Projekt, die beiden Welttheile Amerika und Europa durch den Atlantischen Ozean hindurch electro-telegraphisch zu verbinden // Bulletin de la classe physico-mathematique de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg. 1855a. T. XIV. No. 18. S. 283, 286.

Hamel J. Das Wahre über Ericsson's Caloric-Schiff, welches nicht, wie die Absicht war, durch erhitzte Luft in Bewegung gesetzt wird, sondern ein Dampfschiff ist. — Rückblick auf die Einführung der Dampfschiffahrt in Europa // Magazin für die Kunde des geistigen und sittlichen Lebens in Russland. Wissenschaftliche Mittheilungen aus den Beilagen der St. Petersburger Zeitung / Hrsg. C.F. Meyer. Dritter Jahrgang. St. Petersburg, 1855b. S. 445–457, 576–606, 617–628, 640–719.

Hamel J. The Whale-Killer, or Thresher, Mentioned by Tradescant in the Journal of His Voyage to Russia, in 1618 // Proceedings of the American Association for the Advancement of Science. Eighth Meeting, Held at Washington D.C., May, 1854. Cambridge, New York, 1855c. P. 258–271.

Meigs H. September 18th, 1855 // Transactions of the American Institute of the City of New-York, for the year 1855. Albany: C. Van Benthuysen, 1856. P. 352–366.

New York Historical Society. Laying the Corner Stone of the New Library Building // The Evening Post. New York. 1855. October 18. P. 2.

Re-Inauguration of the Crystal Palace // American Phrenological Journal. 1855. Vol. 21. P. 136.

Reopening of the Crystal Palace // New-York Daily Tribune (New-York [N.Y.]). 1855. May 5. P. 5–7.

The American Association for the Advancement of Science. Papers to Be Read on Tuesday // Daily National Intelligencer (Washington City [D.C.]). 1854. May 2. P. 1.

The Daily Comet. 1855. October 26.

The Ocean Telegraph // Daily American Organ. 1855. August 4. P. 2.

The Religious Herald (Hartford, Connecticut). 1854. May 11.

William C. Richards. A Day in the New York Crystal Palace and How to Make the Most of It. New York: G.P. Putnam and Co., 1853. 168 p.

Литература

Захарчук П.А. Описание И.Х. Гамелем (1788–1862) английских изобретений на страницах газеты «Северная почта» // История науки и техники. 2025. № 10. С. 28–39. DOI: 10.25791/intstg.10.2025.1578.

Клейтман А.Л. «Академик по особым поручениям»: специфика положения Иосифа Гамеля в Императорской Санкт-Петербургской академии наук // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLVI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Научное изучение и освоение России и сопредельных территорий (к 100-летию образования Академии наук СССР)» (27–31 октября 2025 г.). Вып. XLI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, Скифия-принт, 2025. С. 60–61.

Клейтман А.Л., Савка О.Г. Проблемы истории и технологии обработки льна в исследованиях академика Иосифа Гамеля // История и современное мировоззрение. 2025. Т. 7. № 3. С. 151–156. DOI: 10.33693/2658-4654-2025-7-3-151-156.

Курилла И.И. Академик И.Х. Гамель в Соединенных Штатах Америки // Сарепта. Вып. 1: 240-летию основания колонии Сарепта на Волге посвящается. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 78–86.

Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 487 с.

Николаев А.С. Запрещение по Высочайшей резолюции академику Гамелю употреблять в пищу человеческое мясо // Дела и дни: исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 406–408.

Список членов Императорской академии наук, 1725–1907 / Сост. Б.Л. Модзалевский. СПб.: Тип. ИАН, 1908. 404 с.

Stratenwerth W. Joseph Christian Hamel. 1788–1862. Ein deutscher Arzt, Naturforscher und Technologie aus Sarepta in russischen Diensten. Borsdorf: Edition Winterwork, 2020. 218 S.

Vail R.W.G. New-York Historical Society. New York: New York Historical Society, 1954. 547 p.

Academician Joseph Hamel's Journey to the United States of America (1854–1856): Scientific Results

ALEXANDER L. KLEITMAN

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: malk@bk.ru

Joseph Hamel was the first member of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg to be sent on a scientific mission to the United States. The scientist's journey coincided with a challenging period in Russian history: The Crimean War, a change in the country's leadership and government policy following the death of Nicholas I and the accession of Alexander II. Academician Hamel's stay in America was a significant event in the social and scientific life of the United States, but the leadership of the Academy of Sciences assessed the results of his mission rather critically. This article, drawing on official records, periodical publications, and personal sources, analyzes Academician Hamel's activities in the United States and attempts to evaluate scientific results.

Keywords: Joseph Hamel, United States of America, Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, International scientific cooperation.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 25-28-00148 “Scientific activity of academician J.Ch. Hamel and disciplinary formation of the history of science and technology” (<https://rscf.ru/project/25-28-00148>).

References

- Klejtman, A.L. (2025). “Akademik po osobym porucheniyam”: spetsifika polozheniya Iosifa Gamelya v Imperatorskoy Sankt-Peterburgskoy akademii nauk [“Academician on special assignments”: The specifics of Joseph Hamel’s position at the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences], *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii. Materialy XLVI Mezhdunarodnoy godichnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsional’nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossiyskoy akademii nauk “Nauchnoye izucheniye i osvoeniye Rossii i sopredel’nykh territoriy (k 100-letiyu obrazovaniya Akademii nauk SSSR)” (27–31 oktyabrya 2025 g.)*, iss. XLI (pp. 60–61), S.-Peterburg: SPbF IIET RAN, Skifiya-print (in Russian).
- Klejtman, A.L., Savka, O.G. (2025). Problemy istorii i tekhnologii obrabotki l’na v issledovaniyakh akademika Iosifa Gamelya [Problems of the history and technology of flax processing in the research of academician Iosif Hamel], *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye*, 7 (3), 151–156 (in Russian). DOI: 10.33693/2658-4654-2025-7-3-151-156.
- Kurilla, I.I. (2006). Akademik I.Kh. Gamel’ v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki [Academician J.Ch. Hamel in the United States of America], in *Sarepta. Vyp. 1: 240-letiyu osnovaniya kolonii Sarepta na Volge posvyashchaetsya* [Sarepta. Iss. 1: Dedicated to the 240th anniversary of the founding of the Sarepta colony on the Volga] (pp. 78–86), Volgograd: Volgogradskoye nauch. izd-vo (in Russian).
- Kurilla, I.I. (2005). *Zaokeanskiye partnery: Amerika i Rossiya v 1830–1850-e gody*. [Overseas partners: America and Russia in the 1830s–1850s], Volgograd: Izd-vo VolGU (in Russian).
- Modzalevskij, B.L. (Comp.) (1908). *Spisok chlenov Imperatorskoy akademii nauk, 1725–1907* [List of members of the Imperial Academy of Sciences, 1725–1907], S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).
- Nikolaev, A.S. (1920). Zapreshcheniye po Vysochayshey rezolyutsii akademiku Gamelyu upotrebyat’ v pishchu chelovecheskoye myaso [Prohibition by the Imperial Resolution for academician Hamel to eat human flesh], *Dela i dni: istoricheskiy zhurnal*, kn. 1, 406–408 (in Russian).
- Stratenwerth, W. (2020). *Joseph Christian Hamel. 1788–1862. Ein deutscher Arzt, Naturforscher und Technologe aus Sarepta in russischen Diensten* [A German physician, naturalist, and technologist from Sarepta in Russian service], Borsdorf: Edition Winterwerk (in German).
- Vail, R.W.G. (1954). *New York Historical Society*, New York: New York Historical Society.
- Zakharchuk, P.A. (2025). Opisanie I.Kh. Gamelem (1788–1862) angliyskikh izobreteniy na stranitsakh gazety “Severnaya pochta” [Description of English inventions by I.H. Hamel (1788–1862) in the “Severnaya Pochta newspaper”], *Istoriya nauki i tekhniki*, no. 10, 28–39 (in Russian). DOI: 10.25791/intstg.10.2025.1578.

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ СКРЫДЛОВ

кандидат исторических наук,
заведующий Сектором истории
Академии наук и научных учреждений
Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: askrydlov@gmail.com

Научная семья в интеллектуальном пространстве Императорской России: начало династии Кёппенов

УДК: 001(09):31(470)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-67-82

Статья посвящена проблематике истории семьи и научных династий и направлена на изучение процессов формирования исследовательских интересов, передачи профессиональных навыков и становления ученых в России первой половины XIX в. В этом контексте рассматривается ранняя история династии Кёппенов как показательный пример того, как семейный уклад и характер повседневного общения могли определять будущую научную деятельность. Исследование опирается на материалы личных фондов, опубликованные воспоминания и документы семейного архива. Реконструируются обстоятельства повседневной жизни, в которых складывались первые исследовательские навыки будущего академика-статистика Петра Ивановича Кёппена (1793–1864). Показано, что важную роль в его становлении как ученого сыграл родительский дом, где закреплялись представления о значении образования и внимательного отношения к источникам. Отмечена значимость круга близких друзей семьи — профессоров Харьковского университета и других интеллектуалов, знакомство с которыми направило интересы Кёппена в сферу статистики и политической экономии. Особое внимание уделено первым годам пребывания Кёппена в Санкт-Петербурге, когда во многом благодаря семейным связям он получил возможность стать частью научного сообщества, обрести наставников и расширить свои исследовательские ориентиры. Сделан вывод, что сочетание семейного опыта, поддержки друзей семьи и устойчивых интеллектуальных контактов определило не только научную биографию П.И. Кёппена, но и дальнейшее развитие династии, продолженной его сыновьями Федором и Владимиром.

Ключевые слова: научные династии, научная семья, Иван Иванович Кёппен, Петр Иванович Кёппен, история статистики.

Одной из актуальных проблем социальной истории науки является вопрос о том, как формируются исследовательские интересы будущего ученого. Изучение биографий выдающихся ученых убедительно показывает, что значительная часть

этих интересов формировалась задолго до обучения в университетах, в семейной среде. В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии усилился интерес к изучению истории научных династий, т. е. семей, в которых несколько поколений связаны общими исследовательскими интересами, профессиональными занятиями и устойчивыми контактами в научном сообществе [Coen, 2006, p. 395–417; Nye, 2009, p. 97–108; Абалкин, 2012, с. 401–412; Валькова, 2024, с. 807–809]. Обращение к таким сюжетам позволяет проследить истоки и формы межпоколенной преемственности в науке, показать роль семейного окружения в выборе профессионального пути. Для российской науки первой половины XIX в. этот исследовательский ракурс представляется особенно перспективным. В условиях ограниченного числа научных и образовательных институций существенная часть подготовки будущего исследователя происходила внутри семьи. Здесь формировался устойчивый интерес к определенным областям знания, перенимались привычки регулярной интеллектуальной работы и складывались первые профессиональные связи [Валькова, 2019, с. 54–64].

В качестве конкретного примера такой семейной преемственности в настоящей статье рассматривается династия Кёппенов. Ее основателем стал Иван Иванович Кёппен (Johann Friedrich Köppen, 1752–1808) — немецкий врач, приглашенный в Россию. Его сын Петр Иванович Кёппен (1793–1864) прошел путь от чиновника Харьковской губернской канцелярии до действительного члена Императорской Академии наук [Сухова, Красникова, 2000, с. 31–61; Тункина, 2000, с. 357–372; Бондарь, 2023, с. 81–96]. Центральное место в его научных занятиях занимала статистика в ее тогдашнем широком понимании, предполагавшем сбор и систематизацию сведений о природных условиях, населении и хозяйстве империи. Научные интересы П.И. Кёппена оказались близки его сыновьям. Федор Петрович Кёппен (1833–1908) стал зоологом и ботаником, участвовал в организации Русского энтомологического общества, много лет служил в Императорской публичной библиотеке, где возглавлял естественнонаучное отделение [Михеева, Щербак, 2025]. Владимир Петрович Кёппен (1846–1940) посвятил себя изучению климата в Главной физической обсерватории, затем в морской обсерватории в Гамбурге¹.

Ранняя история династии Кёппенов наглядно показывает, как научная традиция формировалась внутри семьи, изначально не связанной с академической средой. Эта история позволяет проследить, как на протяжении первых двух поколений произошел переход от врачебной практики к собственно научным занятиям, вхождение в корпорацию и закрепление в ведущих научных институциях. Именно в этот период складывались ключевые профессиональные связи и определялись основные направления исследований, получившие дальнейшее развитие в трудах следующих поколений. В центре этого процесса находилась фигура П.И. Кёппена, личная карьерная траектория которого во многом определила дальнейшее развитие семейной традиции [Скрыдлов, 2025b, с. 175–183].

О происхождении семьи известно главным образом благодаря обстоятельному очерку Ф.П. Кёппена [Кёппен, 1911], составленному им на основе семейного архива и устных преданий, а также материалам, которые П.И. Кёппен собирал в ходе своих

¹ Из личных воспоминаний Кёппена о его жизни до 1903 года, записанных им собственноручно // Владимир Кёппен. Ученый, посвятивший жизнь метеорологии / Сост. Э. Вегенер-Кёппен. М.: Паулсен, 2018. С. 17–22.

генеалогических занятий. Из этих источников следует, что в начале XVIII в. семья принадлежала к медицинскому сословию г. Шведта в Бранденбурге. Дед будущего академика служил там городовым врачом; эту же профессию унаследовал его единственный сын. Иоганн Фридрих Кёппен родился 29 мая 1752 г., окончил медицинский курс в Берлине. В 1778–1779 гг. он получил практические навыки хирурга в ходе войны за баварское наследство между Австрией и Пруссией и к 1781 г. дослужился до лейб-врача при гессен-кассельском дворе [Кёппен, 1911, с. 1–2].

Приглашение И.Ф. Кёппена в Россию стало возможным благодаря содействию швейцарского врача и философа И.Г. Циммермана. Известно, что он состоял в переписке с Екатериной II, которая, среди прочего, просила его подыскать опытных медиков, готовых поступить на российскую службу [Дингес, 2000, с. 160–189]. Из фрагментов писем Циммермана, опубликованных И.Н. Лагутиной, следует, что корреспондент императрицы планировал «найти среди большого числа врачей и хирургов таких, которые были бы образованнее многих знаменитых врачей в Петербурге. В Германии так много талантливых людей и тех, кто беден и готов к переезду» [Лагутина, 2024, с. 1418]. Предложение переехать приняли 26 немецких специалистов, которых предполагалось разместить «или в армии, или по главным провинциальным городам России» [Там же]. В их числе был Кёппен, которого Циммерман кратко характеризовал как «отличного хирурга и акушера» [Кёппен, 1911, с. 2]. Переезд И.Ф. Кёппена состоялся в 1786 г., и в России он стал именовать себя Иваном Ивановичем. Таким образом, начальным условием формирования научной династии Кёппенов стала горизонтальная мобильность. Очевидно, что переезд сопровождался переносом на российскую почву профессиональных ориентиров и моделей поведения, принятых в немецкой медицинской корпорации XVIII в. Впоследствии эти нормы — дисциплина и ответственность, культ образования и уважение к интеллектуальному труду — определяли домашний быт и задавали общий тон семейной жизни.

И.И. Кёппен был определен губернским врачом в Харьков. В то время город являлся центром наместничества, созданного в 1780 г. в ходе череды губернских реформ Екатерины II. Эти преобразования сопровождались организацией новых административных, образовательных и медицинских учреждений, которые испытывали острую нехватку квалифицированных специалистов. Назначение Кёппена пришлось на период становления и реформирования провинциальной медицинской инфраструктуры, и в скором времени помимо учреждений Харьковской губернии ему было поручено «навещать и губернию Полтавскую» [Кёппен, 1911, с. 2]. Несмотря на большую служебную нагрузку, молодой врач находил время, чтобы продолжать теоретические занятия. В 1789 г. он представил диссертацию “*Universa vulneribus et ulceribus medendi ratio, secundum praescepta med. et chir.*”² в Марбургский университет, где был заочно удостоен докторской степени. Диссертация на латинском языке сохранилась в личном фонде П.И. Кёппена в СПбФ АРАН³. В ее конце размещен автобиографический очерк, где Иван Иванович рассказывал о своем образовании, практическом опыте, учителях и первых шагах в профессии. Этот текст

² «Универсальный способ лечения ран и язв согласно предписаниям медицины и хирургии» (лат).

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 30. Оп. 1. Д. 519.

представляет самостоятельную историческую ценность, и в приложении к статье он публикуется полностью — в оригинале и в русском переводе (см. Приложение).

Чтобы подтвердить звание доктора в России, требовалось выдержать экзамен в Медицинской коллегии. По сообщению Ф.П. Кёппена, его деду удалось избежать поездки в столицу и ограничиться предоставлением в коллегияу работы «о болезнях, которые в Харьковской губернии лечить ему случалось». В апреле 1789 г. И.И. Кёппен был признан доктором медицины без экзамена [Кёппен, 1911, с. 3]. Это значительно повышало его социальный статус и открывало новые карьерные перспективы.

Когда его служебное положение стало устойчивым, И.И. Кёппен приступил к устройству семейной жизни. В августе 1790 г. он вступил в брак с Каролиной Ивановной Шульц (Caroline Friederike Schulz). Ее отец Иван Петрович Шульц (Johann Carl Paridon Schulz) переехал в 1773 г. из Гамбурга в Харьков, где управлял учебным заведением для дворян. Семья Кёппенов стала быстро расти: у супругов в общей сложности родились одиннадцать детей — пять сыновей и шесть дочерей, но двое из них умерли в младенчестве. Содержание большой семьи требовало значительных средств, и И.И. Кёппену приходилось, помимо непосредственных служебных обязанностей, искать дополнительные источники дохода. Он заведовал несколькими больницами в Харькове, отлучался в соседние губернии и вел частную практику.

Петр Иванович Кёппен стал первенцем в семье Ивана Ивановича и Каролины Ивановны⁴. Он родился в Харькове 11 февраля 1793 г., когда семья уже укоренилась в местной общественной среде. Повседневная жизнь семьи определялась обязанностями И.И. Кёппена, состоявшими из разъездов между больницами, приема пациентов и ведения обширной служебной переписки. Важную роль в хозяйстве семьи играла Каролина Ивановна, которая организовала пансион для девочек «для некоторого увеличения своих скудных средств» [Кёппен, 1911, с. 5]. Ранние годы Петра проходили в окружении людей, принадлежавших к образованному сословию. В круг общения семьи входили Иван Филиппович Вернет, писатель и педагог швейцарского происхождения, автор работ о философе Г.С. Сковороде. Еще одним другом семьи был Петр Федорович Пискуновский — выпускник Киево-Могилянской академии, первый харьковский провизор. О детстве Кёппена ценное свидетельство оставил его близкий друг Иван Николаевич Лобойко — филолог, профессор Виленского университета. В одном из писем он вспоминал их первую встречу, состоявшуюся в Харькове, когда Иван Иванович Кёппен впервые привел маленького сына показать, как проходит учебный процесс. Лобойко писал: «Воображение мое и память ясно сохраняют то впечатление, когда я видел Вас в первый раз вместе с родителем Вашим, который приводил Вас в Харьков в Казенное училище, чтоб показать Вам, какое там множество учеников, в числе коих был и я. Кажется, это было в 1800 году. Вам было не более 8 лет, а я был старше Вас 5-ю годами»⁵.

Важнейшим событием в общественной жизни Харькова стало открытие университета в январе 1805 г. Высшее учебное заведение создавалось в условиях дефицита преподавательского состава, и на свободные вакансии активно привлекались немецкие специалисты. Многие из них хорошо знали И.И. Кёппена и часто бывали в его гостеприимном доме, где велись беседы о философии, экономике, государ-

⁴ Из личных воспоминаний Кёппена... С. 17.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 511. Л. 28.

ственном управлении и новой научной литературе. Для юного Петра знакомство с университетскими профессорами оставило первые впечатления от людей науки и сыграло важную роль в собственном становлении. Позднее в своих заметках он упоминал, что при жизни его отца многие из университетских профессоров посещали их дом, и «частные прения профессоров при их посещениях принесли ему много пользы» [Кёппен, 1911, с. 8].

Одним из ближайших друзей семьи стал профессор Людвиг Кондратьевич Якоб (Ludwig Heinrich von Jakob). Выпускник, впоследствии профессор и ректор Галльского университета, он был автором многочисленных трудов по философии, богословию и праву. В начале XIX в. Якоб обратился к изучению статистики и политической экономии и опубликовал ряд работ на эту тему [Jakob, 1801, 1805]. После закрытия Галльского университета Наполеоном ученый переехал в Россию и в 1807 г. принял предложение занять профессорскую кафедру в Харькове. Здесь он играл заметную роль в университетской корпорации и продолжал публиковать труды в области камеральных наук [Jacob, 1809]. В 1809 г. одна из его статей, посвященная обращению ассигнаций в России, заинтересовала правительство, и ученого вызвали в Петербург для участия в работе финансовой комиссии. Здесь его знания и опыт оказались востребованы в ходе подготовки проектов финансовых и административных реформ. Якоб сблизился с М.М. Сперанским, участвовал в работе Комиссии по составлению законов и Статистического отделения при Министерстве полиции⁶. Для Петра Кёппена знакомство с Якобом стало одним из ключевых обстоятельств ранней биографии. В четырнадцатилетнем возрасте от профессора он впервые услышал о науках статистике и политической экономии. Хотя пребывание Якоба в Харькове продлилось всего два года, близкие отношения между семьями удалось сохранить и после его отъезда в столицу.

Образовательная траектория Петра Кёппена складывалась в непростых условиях. Одновременно с открытием Харьковского университета при нем заработал приготовительный класс для будущих студентов. Отец определил туда Петра, едва тому исполнилось 12 лет. Программа обучения была сложной для столь юного ученика, и вскоре он перешел в третий класс Харьковской гимназии. В 1808 г. он поступил вольным слушателем Харьковского университета, а в следующем году был принят студентом. Из-за крайне ограниченных средств семьи П.И. Кёппену пришлось совмещать учебу со службой. В 1806 г. он поступил подканцеляристом в Харьковское губернское правление, где был распределен в губернскую чертежную. Здесь он получил первый практический опыт участия в межевых работах, составлял планы и карты территорий, готовил копии документов. Во время работы в чертежной у Кёппена сформировались первоначальные навыки в области географии, топографии и картографии, которые стали основой для многих его научных работ.

Ситуация в семье ухудшилась в мае 1808 г., когда скончался И.И. Кёппен. По предположению его внука Ф.П. Кёппена, причиной ранней смерти стала изнуряющая служебная нагрузка. Петр Иванович вспоминал, что доброе имя отца многократно помогало ему в жизни⁷. После кончины главы семьи его вдова и дети оказа-

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3 (1821). Д. 330. Л. 21.

⁷ Автобиографическая записка П.И. Кёппена // Юбилей Петра Ивановича Кёппена, 29-го дек. 1859 г. СПб.: Тип. ИАН, 1860. С. 5.

лись в крайне стесненном положении. Назначенной пенсии в 300 руб. ассигнациями едва хватало на жизнь, а небольшие накопления резко обесценились. Значительная часть забот легла на Петра как на старшего сына.

Несмотря на сложные семейные обстоятельства, П.И. Кёппен сумел продолжить образование и успешно совмещать его со службой. Постоянная работа в чертежной, а затем в губернском правлении не помешали ему систематически посещать лекции и готовиться к экзаменам. К 1814 г. обучение в университете было завершено, и П.И. Кёппен получил степень магистра по отделению нравственных и политических наук. Университетский диплом открывал новые возможности как научной, так и административной карьеры, для построения которой было решено ехать в столицу. Переезд стал возможен во многом благодаря родственным связям. Тетка П.И. Кёппена Екатерина Семеновна была замужем за Николаем Максимовичем Яновским, который в то время служил начальником отделения Почтового департамента. Ф.П. Кёппен со ссылкой на заметки Петра Ивановича сообщает, что в ответ на просьбу Каролины Ивановны Яновский «изъявил полную готовность не только поместить его в своей семье и заботиться первое время о нем, как о своих собственных детях, но и определить его в почтовый департамент с жалованьем, на первый случай, в 500—600 руб. асс.» [Кёппен, 1911, с. 29].

В апреле 1814 г. Петр в сопровождении младшего брата Федора выехал в Петербург. Их путешествие растянулось на три месяца и сопровождалось трагическими обстоятельствами. По дороге оба брата заболели тифом и в Туле их состояние резко ухудшилось. Федор скоропостижно скончался, а Петр долго находился в тяжелом состоянии и оправился лишь через несколько недель. Несмотря на перенесенную болезнь и смерть брата, он продолжил путь и 22 июля 1814 г. прибыл в Санкт-Петербург, где начинался новый этап его жизни. По прибытии в столицу Кёппен был радушно принят в доме Яновских. Хозяин происходил из малороссийской дворянской семьи, получил образование в харьковских учебных заведениях и благодаря покровительству Д.П. Трошинского сделал успешную карьеру в почтовом ведомстве. Помимо государственной службы Яновский «не чуждался наук» и активно занимался филологией и лингвистикой. Наиболее крупное его научное достижение — издание при Академии наук трехтомного словаря иностранных слов [Словарь, 2010, с. 467]. Кёппен прожил два года в одной комнате с сыновьями Яновского. В дальнейшем он с благодарностью вспоминал о том, что имел в эти годы бесплатное жилье и пропитание.

Вторым домом, который распахнул двери перед Кёппеном, стала семья профессора Якоба — давнего друга его отца, который помнил Петра Ивановича еще по Харькову. Кёппен вспоминал, что часто гостил здесь: советовался по вопросам службы, обсуждал политико-экономические и философские вопросы и даже встречал Новый год. К этому времени Якоб стал заметной фигурой в столичной интеллектуальной среде. Благодаря его протекции Кёппен познакомился со многими известными учеными: академиком по статистике и политэкономии А.К. Шторхом, академиком-историком Ф.И. Кругом, профессором истории Главного педагогического института Э.Б. Раупахом и др.

Исключительную роль в становлении Кёппена как ученого сыграла семья Ф.П. Аделунга — видного историка, библиографа, лингвиста. Аделунг также был выходцем из немецких земель, учился в Лейпцигском университете и переехал в Россию в 1794 г., где некоторое время служил секретарем П.А. фон дер Палена.

С 1803 г. Аделунг был наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. Вместе с академиком А.К. Шторхом он работал над систематическим описанием изданий, вышедших в России на иностранных языках с 1801 по 1806 г., за что в 1809 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. [Скрыдлов, 2025а, с. 190–201]. Знакомство Кёппена с Аделунгом состоялось благодаря Якобу, и молодой ученый сумел завоевать его расположение. Если верить записям Кёппена, Аделунг помогал ему советами и рекомендациями, и в его доме Кёппен узнал «многих людей знаменитых, особенно иностранных путешественников и дипломатов» [Кёппен, 1911, с. 33], составлявших тогдашнюю интеллектуальную элиту Петербурга. Помимо гостеприимства, Аделунг помогал Кёппену в поисках места, где бы тот мог полнее реализовать свое стремление заниматься наукой.

Приобретенные в домах Якоба и Аделунга связигодились Кёппену, чтобы закрепиться в научной среде. В 1816 г. он участвовал в создании Вольного общества любителей российской словесности и впоследствии стал деятельным его членом. При создании Комитета по ученой части Императорского человеколюбивого общества он поступил туда членом-секретарем и работал над его уставом. Он начал активно публиковаться в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»⁸ — среди его статей были как переводы и извлечения из иностранной литературы, так и оригинальные тексты. Одна из этих работ, «Историческое исследование о Югорской земле», привлекла внимание крупнейшего мецената того времени Н.П. Румянцева. Эта публикация открыла для Кёппена двери в румянцевский кружок, в котором он участвовал при содействии Ф.П. Аделунга [Козлов, 1981].

Дружеские отношения Кёппена с семьей Аделунгов постепенно переросли в родственные. Единственная дочь Федора Павловича Александра отличалась умом и красотой и давно привлекала Кёппена. Их длительное общение закончилось тем, что в январе 1830 г. он попросил ее руки, и предложение было принято. Брак с А.Ф. Аделунг стал важным событием как в личной, так и в профессиональной жизни Петра Ивановича. Семья стала важнейшей опорой в годы, когда Кёппен совершал свои первые крупные шаги в науке. Сам Аделунг не только тепло относился к будущему зятю, но и помогал его научной карьере. Именно он содействовал приглашению Кёппена в Академию наук в качестве редактора немецкой версии Санкт-Петербургских ведомостей в 1834 г. Эта позиция укрепила связь молодого ученого с академической корпорацией, и в 1837 г. он занял штатную должность адъюнкта по классу статистики и политической экономии [Скрыдлов, 2025а, с. 215–238].

Таким образом, формирование научных интересов П.И. Кёппена можно рассматривать сквозь призму тех уровней влияния, которые последовательно обозначились в его биографии. Первый из них связан с родительским домом, где закладывались первоначальные представления о значении образования и систематического труда. Второй — с более широким кругом родственников и «семей друзей», включавшим дома Яновского и Якоба, которые сыграли решающую роль в выборе направления научных занятий. Третий — с семьей Аделунгов, ставшей для Кёппена постоянной опорой в его академической деятельности и определившей его поло-

⁸ «Соревнователь просвещения и благотворения» — ежемесячный журнал Вольного общества любителей российской словесности. Выходил в Санкт-Петербурге в 1818–1825 гг. Первым редактором стал один из учредителей общества А.Д. Боровков.

жение в научной среде. Их рассмотрение позволяет понять, как именно семейные связи и бытовая среда сказывались на его профессиональных интересах.

Влияние родителей проявлялось прежде всего в том, что благодаря им формировались первые представления Кёппена о работе с информацией, которые позднее определили характер его исследовательской деятельности. Важное значение имели не отдельные разговоры и не количество прочитанного, а более глубокие привычки: умение внимательно относиться к деталям, необходимость подтверждать сведения и фиксировать существенные наблюдения. Именно дома будущий ученый усваивал, что занятия наукой требуют кропотливости и регулярности. Эти установки задолго до университетского курса легли в основу тех исследовательских принципов, которые проявились в его позднейших занятиях статистикой, этнографией и сбором разнообразных материалов о территории России.

Если от отца Кёппен перенял основные принципы обращения с научным материалом, то общение с другом семьи Якобом во многом определило тематическое направление будущих исследований Кёппена. От него он впервые узнал о существовании статистики и политической экономии как отдельных областей знания, предполагавших систематическое изучение и анализ природных условий, населения и хозяйства страны. Важно и то, что в лице Якоба Кёппен видел ролевую модель ученого, чья востребованность не заканчивалась в университетской аудитории. Его труды обсуждались в правительственных учреждениях, к его выводам обращались при разработке административных и финансовых реформ. Пример Якоба подтверждал, что научная деятельность может сочетать академическую строгость с практической значимостью, и такое сочетание стало одним из важных постулатов последующих статистических работ Кёппена.

Вхождение в семью Аделунгов расширило исследовательские ориентиры Кёппена и придало им устойчивую академическую направленность. В этой среде занятия библиографией, коллекционирование и изучение письменных памятников и артефактов были частью повседневной интеллектуальной практики. Это окружение подтолкнуло его к занятиям, которые ранее лишь намечались, — к стремлению собирать и классифицировать источники, к истории книги, поиску и описанию памятников прошлого. Отчасти под влиянием Аделунга возник замысел «Библиографических листов» и интерес к древностям Южной России, который позднее вылился в археологическую и историко-описательную часть «Крымского сборника». Связь с семьей Аделунгов способствовала формированию у Кёппена исследовательского стиля, основанного на сочетании энциклопедической точности и внимания к полноте источников.

Влияние семьи на становление П.И. Кёппена как ученого имело не только индивидуальное значение, но и задало основу будущей научной преемственности. Те ориентиры, которые сложились у него благодаря родительскому дому, кругу Якоба и семье Аделунгов, получили продолжение в исследовательской работе его сыновей — Федора Петровича и Владимира Петровича. Они продолжили научную династию и переняли внимательное отношение к источникам и интерес к изучению природы и хозяйства страны, сделав эти подходы основой собственных исследований.

Приложение

[Жизнеописание Иоганна Фридриха Кёппена (1752–1808)]

CURRICULUM VITAE

Ego Ioann. Frid. Koppen, natus sum die 29. Maii 1752 in urbe Schwedt, quae est princeps Marchionatus Brandenburgici. Patrem habui Ioannem Fridericum in eadem urbe Chirurghum Civitatis. Mater fuit Francisca Guilielma nata filia Mahlerii Pastoris.

A prima inde iuventute mea, in animo habui, me totum studio medico dicare. Pater meus ab optimis praeceptoribus me erudiri curavit: Praecepta fidei Augustanae Confessionis in schola patria didici, nec non linguam gallicam latinam et graecam. Praeceptores habui Spröngerum Metropolitanum, Bartels, Rectorem, Kolbe, Conrectorem. Ab his vero, Rectore atque Conrectore, simul didici Historiam antiquiorum atque recentiorum temporum; nec non Geographiam. Simul vero iuvenis, patre duce, lectulos aegrotantium visitavi, nec non duce Chirurgo Legionis Gedicke, visitavi nosocomium militum. Verno tempore Anni 1770 veni Berolinum et ab ill. Theden nunc primo Exercitus Chirurgo Generali, demandatum mihi fuit munus Chirurgi Nosocomii. Berolini praelectiones virorum frequentavi illusterrimum, Sproegelii, osteologicas duce Waltero, Logicas Wegelii sec. Wolfium. Cium numero, qui Chirurgiam discunt Berolini, ab ill. Sproegelio, Decano Collegii, adscriptus sum, Praelectiones omnes b. Meckelii, viri immortalis, anatomicas audivi, nec non Walteri, viri summi, et Mayeri viri celeberrimi.

In theatro Berolinensi quoque vidi Operationes chirurgicas, reliquasque scholas virorum celeberr. Gleditschii, Ahlemanni, Sproegelii, Heuckelii, Brandesii, sedulo frequentare, non neglexi. Gönherum in physiologica sec. Hallerrum, et Wegnerum in Metaphysicis audivi. Post haec ill. Theden me Chirurgis militum adscripsit, qui sunt a tormentis bellicis, et Thedenium in praelectionibus suis ab eo tempore veneror fidelissimum praeceptorem. In Physica experimentalis praeceptorem excolui perill. Gerhard. In Botanica medica et physica scholas b. Gleditschii porro frequentavi, eiusque itineribus botanicis interfui. In Pathologia et Semiotica, Chirurgia medica, deinde Gönnerum et in mat. med. et Pharmacologia Gleditschium iterum praeceptores habui. Doctrinam de Luxationibus de Ossibus fractis, nec non artem deligandi vulnera me docuit Heuckelius. Etenim Ahlemannum in Pathologia et Semiotica praeceptorem habui, secundum dogmata Boerhaavii.

Anno 1775 ill. Mayer me socium sibi in laboribus suis anatomicis elegit, ego vero simul auditor eius fui in demonstrationibus osteologicis, angiologicis, splanchnologicis, syndesmologicis, nec non in praelectionibus eius de oculorum morbis, et physica experimentalis, Anthropologicaet.

Per annos tres, liceat ad annum usque 1778 eius scholis interfui. Simul vero Walteri, viri ill. praelectiones privatas, in Physiologiam, experimentis illustratam ill. Gerhardi, et cl. Gönneri recitationes Therapiae intern., e Gleditschii, de formulis medicis scribendis, sedulo frequentavi.

Muselium et Heuckelium in praxi medicochirurgica praeceptores habui, et his ductibus, lectuos aegrotorum visitavi in Nosocomio Charitatis Berolinensi.

Deinde sequutus sum castra militum, orto bello Regem inter Borussiae atque Imperatorem, in causa hereditatis Bavaricae.

Mense Nov. 1778 Praefect chirurgorum munus in me delatum. Curam gessi eorum, qui commeatum militibus advehunt. Finito autem bello, idem annus ab ill. Theden mihi demandatum, et hoc tempore quidem Legionis tertiae, quae Tormenta bellica gubernat, sanitatis curam gessi, ubi non defuit occasio manu et pharmacis militibus medendi.

Iam Voitus ille, pereximius Chirurgus, sed nimis cito morte nobis ereptus Chirurgiae Professor factus, mihi tradidit iterum universam Chirurgiam, doctrinam de arte vulnera deligandi, nec non Artem obstetricariam Steinio duce. Vir cl. Hagen, in nosocomio Charitatis fuit praeceptor meus in operationibus artis obstetriciae feliciter instituendis. Immortalia sunt viri doctissimi et experientissimi in me merita.

Anno 1781 Serenissima Princeps, Philippina Friderici II, Hassiae Landgravii Uxor, Chirurgi sui ordinarii munere, me ornavit. Cassellis vero mihi egregie profuit Bibliotheca Musaei Fridericiani.

Libros, quos frustra saepe quaesivi, communicavit Baldingerus, Principis Archiater, e sua Bibliotheca. Fautores et amicos inveni Huberum, et Baldingerum, qui humanissime mecum egerunt Archiatri ambo. Soemmerringium Professore in Anatome facile principem, optimum veneror praeceptorem in universa anatome, et ea imprimis eius parte, qua excellit de cerebri structura nec non in Anatome comparata. Visitavi etiam praelectiones Baldingeri et ill. Michaelis, tum medicas tum chirurgicas, nec non huius anatomicas.

Steinium, virum ill. et in arte sua celeberrimum, nec non experientissimum, privatim habui Professore in arte obstetricia fidelissimum.

Absente Steinio, iussu eius, curam gessi saepius Nosocomii obstetricii, quod tunc erat Cassellis. Non defuit itaque mihi occasio frequens, in arte obstetricia, chirurgica et medica, me ipsum exercendi. Immortales iam persoluo gratias omnibus atque singulis fautoribus et praeceptoribus meis, imprimis vero ill. Thedenio, qui paterno semper me amplexus est amore. Diu vivat salvus et incolumis, vir annis atque meritis praeclare conspicuus.

Anno demum 1786 verno tempore, contigit mihi summa felicitas, ut Augustissima Imperatrix totius Imperii Rossici, Catharina II mihi clementissime demandaret munus medici physici totius Gubernii Charkov, haud procul a Putlawa, ubi Petrus I Victor, vasti nostri imperii fundamenta iecit. In animo quidem tunc habui, ab ordine medicorum Marburgensi summos in medicina et chirurgia honores petere. Sed cum festinandum tunc esset mihi, ad hoc ipsum tempus coactus sum differre hoc negotium omne. Deo, Principi Guilielmo IX, cuius indultu Doctoris Diploma accepi, nec non ordini medicorum Marburgensi, gratias ago, et quas possum quid, maximas.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Он. 1. Д. 519. Л. 15–18 об.

Перевод⁹ Жизнеописание

Я, Иоганн Фридрих Кёппен, родился 29 мая 1752 года в городе Шведт, центре Маркграфства Бранденбургского. Отец мой, Иоганн Фридрих, был городским хирургом в том же городе. Мать — Франциска Гильельма, урожденная Махлер, дочь пастора.

С ранних лет я намеревался полностью посвятить себя изучению медицины. Отец позаботился о том, чтобы я обучался у лучших наставников. В родной школе я изучил основы утсбургского исповедания, а также французский, латинский и греческий языки. Моими учителями были преподаватель городской школы Шпренгер,

⁹ Перевод с латинского выполнен автором статьи.

ректор Бартельс и конректор Кольбе. У них же, ректора и конкретора, я обучался древней и новой истории и географии. Уже в юные годы, следуя наставлениям отца, я посещал палаты больных; под руководством полкового хирурга Гедике я бывал в военном госпитале.

Весной 1770 года я прибыл в Берлин, где по распоряжению достопочтенного Тедена¹⁰, занимавшего тогда пост главного хирурга армии, мне было поручено место хирурга при госпитале. В Берлине я посещал занятия выдающихся ученых: курс Шпрегеля¹¹ по остеологии, проводившийся под руководством Вальтера¹², а также курс Вегелина по логике, основанный на учении Вольфа¹³. По распоряжению достопочтенного декана Шпрегеля я был зачислен для изучения хирургии в Берлине. Я прослушал лекции по анатомии бессмертного Меккеля¹⁴, а также знаменитого Вальтера и прославленного Майера.

В Берлинском анатомическом театре я наблюдал хирургические операции и не упускал случая усердно посещать занятия знаменитых ученых — Гледитша¹⁵, Ахлеманна, Шпрегеля, Хенкеля¹⁶ и Брандеса. Я слушал лекции Геннхера по физиологии, основанной на учении Галлера, и Вегнера — по метафизике. После этого достопочтенный Теден причислил меня к военным хирургам артиллерийских частей; с тех пор я почитаю Тедена своим наставником. Экспериментальной физикой я занимался под руководством знаменитого Гергарда. Я посещал занятия покойного Гледитша по медицинской и физической ботанике, участвовал в его ботанических экскурсиях. Затем моими наставниками были Гённер — по патологии, семиотике и медицинской хирургии, а Гледитш — по предметам лекарственных средств и фармакологии. Геккель преподавал мне учение о вывихах и переломах костей и искусство перевязки ран. Кроме того, я обучался патологии и семиотике у Ахлемана, следовавшего учению Бургаве¹⁷.

¹⁰ Йоганн Кристиан Антон Теден (Johann Christian Anton Theden, 1714–1797), придворный хирург прусского короля, один из руководителей полевой хирургии в годы Семилетней войны, автор трудов по военной хирургии.

¹¹ Отто Теодор Шпрегель (Otto Theodor Sprögel / Sproegel, 1699–1760), немецкий врач и анатом, профессор анатомии *Collegium medico-chirurgicum* в Берлине, член Берлинско-Бранденбургской академии наук.

¹² Йоганн Готлиб Вальтер (Johann Gottlieb Walter, 1734–1818), немецкий анатом и хирург, профессор анатомии и хирургии в Берлине, автор известных анатомических атласов.

¹³ Кристиан Вольф (Christian Wolff, 1679–1754), немецкий философ, один из главных представителей рационализма, ученик Лейбница; преподавал в Галле и Марбурге, его логика и метафизика широко использовались в университетском преподавании медицины XVIII в.

¹⁴ Иоганн Фридрих Меккель (Johann Friedrich Meckel, 1724–1774), немецкий анатом, профессор анатомии в Берлине, один из основателей знаменитой анатомической династии Меккелей.

¹⁵ Иоганн Готлиб Гледитш (Johann Gottlieb Gleditsch, 1714–1786), немецкий врач и ботаник, директор Берлинского ботанического сада, профессор естественной истории и ботаники.

¹⁶ Иоахим Фридрих Хенкель (Joachim Friedrich Henckel, 1712–1779), прусский хирург, один из ведущих хирургов берлинского госпиталя *Charite*, с 1770 г. ординарный профессор хирургии при *Collegium medico-chirurgicum*, придворный хирург и советник прусского двора.

¹⁷ Герман Бургаве / Бурхаве, Бургав (Herman Voerhaave, 1668–1738), нидерландский врач, анатом и химик, профессор Лейденского университета, автор фундаментальных трудов, ставших основой клинического и терапевтического обучения в Европе.

В 1775 году достопочтенный Майер избрал меня своим помощником в анатомических занятиях; одновременно я посещал его демонстрации по остеологии, ангиологии, спланхнологии и синдесмологии, а также лекции о заболеваниях глаз, по экспериментальной физике и антропологии.

В течение трех лет, вплоть до 1778 года, я посещал его занятия. В то же время я слушал частные лекции высокочтимого Вальтера по физиологии, посещал занятия высокочтимого Гергарда по экспериментальной физике, лекции прославленного Гённера по внутренней терапии; а также Гледитша — о составлении медицинских рецептов.

Музелий и Хенкель были моими наставниками в медицинско-хирургической практике, и под их руководством я совершал обход больных в берлинском госпитале «Шарите».

Затем, с началом войны между королем Пруссии и Императором за Баварское наследство, я следовал за войсками.

В ноябре 1778 года на меня была возложена должность начальника хирургов. Я отвечал за сопровождавших обозы. По окончании войны в том же году достопочтенный Теден поручил мне заботу о здоровье солдат третьего артиллерийского полка. Здесь у меня было немало случаев лечить солдат хирургическими средствами и лекарствами.

Тогда же Воит, выдающийся хирург, но слишком рано похищенный у нас смертью, вновь читал мне весь курс хирургии, учение о перевязке ран и акушерство под руководством Steina¹⁸. Достопочтенный Хаген¹⁹ был моим наставником в госпитале «Шарите» при проведении акушерских операций. Его помощь была очень важна для меня.

В 1781 году святлейшая принцесса Филиппина²⁰, супруга ландграфа Гессенского Фридриха II²¹, удостоила меня должности придворного хирурга. В Касселе мне чрезвычайно была полезна библиотека Фредерицианского музея.

Книги, которые я долго и безуспешно разыскивал, предоставлял мне придворный архиатр Балдингер²² из своей личной библиотеки. Моими покровителями и друзьями там стали Хубер и Балдингер; они оба занимали должности архиатров и относились ко мне с большим расположением. Зоммерринг, первенствующий профессор анатомии, был моим превосходным наставником во всей анатомии, особенно в изучении строения мозга и в сравнительной анатомии. Я посещал также меди-

¹⁸ Георг Вильгельм Stein — старший (Georg Wilhelm Stein, 1737–1803), немецкий акушер и хирург, придворный акушер в Касселе, профессор акушерства.

¹⁹ Иоганн Филипп Хаген (Johann Philipp Hagen, 1734–1792), немецкий врач-акушер, работал в Берлинском госпитале «Шарите», занимался преподаванием акушерских операций и практики родовспоможения.

²⁰ Принцесса Филиппина Бранденбург-Шведтская (Philippine von Brandenburg-Schwedt, 1745–1800), дочь маркграфа Фридриха Вильгельма Бранденбург-Шведтского, с 1773 г. вторая жена Фридриха II, ландграфа Гессен-Кассельского.

²¹ Фридрих II, ландграф Гессен-Кассельский (Friedrich II. von Hessen-Kassel, 1720–1785), правитель Гессен-Касселя с 1760 г.

²² Эрнст Готтфрид Балдингер (Ernst Gottfried Baldinger, 1738–1804), немецкий врач, анатом и профессор медицины.

цинские и хирургические лекции Балдингера и высокочтимого Михаэлиса, а также его анатомические занятия.

Stein, выдающийся и чрезвычайно опытный врач, был моим наставником в акушерстве. Во время его отсутствия мне неоднократно поручали заведовать акушерским госпиталем в Касселе. У меня было немало возможностей набраться опыта в акушерстве, хирургии и врачебной практике. Ныне я приношу благодарность всем моим наставникам, и особенно достопочтенному Тедену, который всегда относился ко мне с отеческой заботой. Да здравствует этот муж, столь замечательный своими летами и заслугами.

Весной 1786 года мне выпало большое счастье: Всемиловейшая Императрица Российской Империи Екатерина II поручила мне должность врача всей Харьковской губернии, неподалеку от Полтавы, где победитель Петр I заложил основы великого государства.

Я намеревался испросить у медицинского факультета Марбурга высшую степень по медицине и хирургии, но из-за необходимости поспешного отъезда был вынужден отложить это дело. Я благодарю Бога, принца Вильгельма IX²³, по милости которого я получил диплом доктора, а также Марбургский медицинский факультет.

Источники

Автобиографическая записка П.И. Кёппена // Юбилей Петра Ивановича Кёппена, 29-го дек. 1859 г. СПб.: Тип. ИАН, 1860. С. 5–7.

Из личных воспоминаний Кёппена о его жизни до 1903 года, записанных им собственноручно // Владимир Кёппен. Ученый, посвятивший жизнь метеорологии / Сост. Э. Вегенер-Кёппен. М.: Паулсен, 2018. С. 14–61.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 30. Оп. 1. Д. 519.

СПбФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 511.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 3 (1821). Д. 330.

Литература

Абалакин В.К. Появление астрономических династий Струве и Кнорре и их сотрудничество (Дерпт, Пулково, Николаев) // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове. 2012. Т. 220. С. 401–412.

Бондарь Л.Д. «Библиографические листы» П.И. Кёппена в контексте развития международных славистических периодических изданий // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1. С. 81–96.

Валькова О.А. «Научная семья» в России в середине XIX века // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2019. С. 54–64.

Валькова О.А. Семья инженеров/ученых Субботиных перед лицом Великой революции: стратегии преодоления // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник на-

²³ Вильгельм IX Гессен-Кассельский (Wilhelm IX von Hessen-Kassel, 1743–1821), с 1785 г. ландграф Гессен-Касселя, с 1803 г. курфюрст Гессена под именем Вильгельма I.

учных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Н.А. Ястреб, Л.В. Шиповалова. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. С. 807–809.

Дингес М. Немецкие врачи в России второй половины XVIII века: конфликт культур // Русские и немцы в XVIII веке. Встреча культур / Отв. ред. С.Я. Карп. М.: Наука, 2000. С. 160–189.

Кёппен Ф.П. Биография П.И. Кёппена. СПб.: Тип. ИАН, 1911. 170 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 89. № 5).

Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. 168 с.

Лагутина И.Н. Переписка Екатерины II и врача-философа И.Г. Циммермана: новые архивные материалы // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 4. С. 1411–1428.

Михеева Г.В., Шербак Н.Л. Федор Петрович Кёппен. СПб.: Российская национальная библиотека, 2025. 180 с.

Скрыдлов А.Ю. Государствоведение в Императорской Академии наук: XVIII — первая половина XIX века. СПб.: Скифия-принт, 2025а. 288 с.

Скрыдлов А.Ю. Методы и источники для изучения научных династий: по материалам семьи академика-статистика П.И. Кёппена (1793–1864) // Исторический журнал: научные исследования. 2025б. № 5. С. 175–183.

Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 3. СПб.: Наука, 2010. 470 с.

Сухова Н.Г., Красникова О.А. К биографии П.И. Кёппена // Деятели русской науки XIX–XX веков / Отв. ред. И.П. Медведев. Вып. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 31–61.

Тункина И.В. П.И. Кёппен как исследователь Ольвии (становление археолога) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 357–372.

Coen D.R. A Lens of Many Facets: Science through a Family's Eyes // Isis. 2006. Vol. 97. No. 2. P. 395–417.

Jakob L.H. Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirtschaftslehre. Halle: Ruffische Verlagshandlung, 1805. XVI, 547 S.

Jakob L.H. Grundsätze der Polizeigesetzgebung. Halle: Verlag der Ruffischen Buchhandlung, 1809. 214 S.

Jakob L.H. Theorie und Praxis in der Staatswirtschaft: Ein Programm. Bielefeld: Universitäts-Bibliothek, 1801. 62 S.

Nye M.J. Scientific Families: Biographies and “Labographies” in the History of Science // Historical Studies in the Natural Sciences. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 97–108.

The Scientific Family in the Intellectual Landscape of Imperial Russia: The Origins of the Köppen Dynasty

ANDREY YU. SKRYDLOV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: askrydlov@gmail.com

This article examines the history of families and of scientific dynasties as a framework for tracing the development of research interests, the transmission of professional skills, and the formation of scholars in Russia during the first half of the nineteenth century. Within this context, it focuses on the

early history of the Köppen family, which offers a telling example of how domestic routines, everyday forms of interaction, and close personal ties could shape the direction of future scholarly activity. The article investigates the emergence of the scientific interests of a statistician and academician Petr Ivanovich Köppen (1793–1864). The analysis is based on materials from personal archival collections, together with published memoirs and documents from the family archive. It reconstructs the conditions of everyday life in which Köppen's first research skills were formed. Particular attention is paid to the decisive influence of his parental home, where attitudes toward the value of education and careful work with sources were instilled from an early age. The study also highlights the role of the family's circle of friends — among them professors of Kharkov University and other intellectuals — whose acquaintance directed Köppen's interests toward statistics and political economy. Special emphasis is placed on his first years in St. Petersburg, when family connections enabled him to enter the scholarly milieu, find mentors, and broaden his intellectual horizons. The article concludes that the combination of family experience, the support of family friends, and stable intellectual contacts shaped not only the scholarly biography of Petr Ivanovich Köppen but also the further development of the dynasty, continued by his sons Fedor and Vladimir.

Keywords: scientific dynasties, scientific family, Johann Friedrich Köppen, Petr I. Köppen, history of statistics.

References

Abalakin, V.K. (2012). Poyavleniye astronomicheskikh dinastiy Struve i Knorre i ikh sotrudnichestvo (Derpt, Pulkovo, Nikolayev) [The emergence of the astronomical dynasties Struve and Knorre and their cooperation (Dorpat, Pulkovo, Nikolaev)], *Izvestiya Glavnoy astronomicheskoy observatorii v Pulkove*, vol. 220, 401–412 (in Russian).

Bondar', L.D. (2023). "Bibliograficheskiye listy" P.I. Keppena v kontekste razvitiya mezhdunarodnykh slavisticheskikh periodicheskikh izdaniy ['Bibliographical sheets' of P.I. Köppen in the context of the development of international Slavic periodicals], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 1, 81–96 (in Russian).

Coen, D.R. (2006). A Lens of Many Facets: Science through a Family's Eyes, *Isis*, 97 (2), 395–417.

Dinges, M. (2000). Nemetskiye vrachi v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: konflikt kul'tur [German physicians in Russia in the second half of the 18th century: a conflict of cultures], in S.Ya. Karp (Ed.), *Russkiye i nemtsy v XVIII veke. Vstrecha kul'tur* [Russians and Germans in the 18th century: A meeting of cultures] (pp. 160–189), Moskva: Nauka (in Russian).

Jakob, L.H. (1801). *Theorie und Praxis in der Staatswirthschaft: Ein Programm*, Bielefeld: Universitäts-Bibliothek (in German).

Jakob, L.H. (1805). *Grundsätze der National-Oekonomie oder National-Wirtschaftslehre*, Halle: Ruffische Verlagshandlung (in German).

Jakob, L.H. (1809). *Grundsätze der Polizeigesetzgebung*, Halle: Verlag der Ruffischen Buchhandlung (in German).

Keppen, F.P. (1911). *Biografiya P.I. Keppena* [Biography of P.I. Köppen], S.-Peterburg: Tip. IAN (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk, 89 (5)) (in Russian).

Keppen, P.I. (1860). Avtobiograficheskaya zapiska P.I. Keppena [Autobiographical note of P.I. Köppen], in *Yubiley Petra Ivanovicha Keppena, 29-go dekabrya 1859 g.* [The jubilee of Petr Ivanovich Köppen, December 29, 1859] (pp. 5–7), S.-Peterburg: Tip. IAN (in Russian).

Keppen, V. (2018). Iz lichnykh vospominaniy Keppena o yego zhizni do 1903 goda, zapisannykh im sobstvennoruchno [From Köppen's personal recollections of his life until 1903, written in his own hand], in E. Vegener-Keppen (Comp.), *Vladimir Keppen. Uchenyy, posvyativshiy zhizn' meteorologii*

[Vladimir Köppen. A scientist who devoted his life to meteorology] (pp. 14–61), Moskva: Paulsen (in Russian).

Kozlov, V.P. (1981). *Kolumby rossiyskikh drevnostey* [The Columbus of Russian antiquities], Moskva: Nauka (in Russian).

Lagutina, I.N. (2024). Peregiska Ekateriny II i vracha-filosofa I.G. Tsimmermana: novyye arkhivnyye materialy [The correspondence of Catherine II and the physician-philosopher I.G. Zimmermann: new archival materials], *Quaestio Rossica*, 12 (4), 1411–1428 (in Russian).

Mikheeva, G.V., Shcherbak, N.L. (2025). *Fedor Petrovich Keppen* [Fedor Petrovich Köppen], S.-Peterburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka (in Russian).

Nye, M.J. (2009). Scientific Families: Biographies and “Labographies” in the History of Science, *Historical Studies in the Natural Sciences*, 39 (1), 97–108.

Panchenko, A.M. (Ed.) (2010). *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [Dictionary of 18th-century Russian writers], S.-Peterburg: Nauka (in Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 1286, op. 3 (1821), d. 330 (in Russian).

Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk (SPbF ARAN) [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 30, op. 1, d. 519 (in Russian).

SPbF ARAN [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 30, op. 1, d. 511 (in Russian).

Skrydlov, A.Yu. (2025a). *Gosudarstvovedeniye v Imperatorskoy Akademii nauk: XVIII — pervaya polovina XIX veka* [State studies in the Imperial Academy of Sciences: the 18th — first half of the 19th century], S.-Peterburg: Skifiya-print (in Russian).

Skrydlov, A.Yu. (2025b). Metody i istochniki dlya izucheniya nauchnykh dinastiy: po materialam sem'yi akademika-statistika P.I. Keppena (1793–1864) [Methods and sources for studying scientific dynasties: based on materials of the family of academician-statistician P.I. Köppen], *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*, no. 5, 175–183 (in Russian).

Sukhova, N.G., Krasnikova, O.A. (2000). K biografii P.I. Keppena [On the biography of P.I. Köppen], in I.P. Medvedev (Ed.), *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov* [Figures of Russian science of the 19–20th centuries], iss. 1 (pp. 31–61), S.-Peterburg: Dmitriy Bulanin (in Russian).

Tunkina, I.V. (2000). P.I. Keppen kak issledovatel' Ol'vii (stanovleniye arkheologa) [P.I. Köppen as a researcher of Olbia (the making of an archaeologist)], *Arkheologicheskiye vesti*, no. 7, 357–372 (in Russian).

Valkova, O.A. (2019). “Nauchnaya sem'ya” v Rossii v seredine XIX veka [‘Scientific family’ in Russia in the mid-19th century], in *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'yi i sotsial'noy istorii povsednevnosti* [Gender in the focus of anthropology, family ethnography, and the social history of everyday life] (pp. 54–64), Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN (in Russian).

Valkova, O.A. (2024). Sem'ya inzhenerov / uchenykh Subbotinykh pered litsom Velikoy revolyutsii: strategii preodoleniya [The Subbotin family of engineers / scientists facing the Great Revolution: strategies of adaptation], in I.T. Kasavin, N.A. Yastreb, L.V. Shipovalova (Eds.), *Nauka, tekhnologii i tsennosti v neustoychivom mire* [Science, technology and values in an unstable world] (pp. 807–809), Moskva: Russkoye obshchestvo istorii i filosofii nauki (in Russian).

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА ФЕДОТОВА

кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: f-anastasia@yandex.ru

Фетибаш, Гангру и другие: биографии царскосельских слонов

УДК: 791.82«18»(470)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-83-117

В статье исследуются режимы содержания и ухода за слонами, жившими в Царском Селе, загородной резиденции Романовых, с 1839 г. вплоть до коллапса империи в 1917 г. В общей сложности их было шесть: дары Николаю I, Александру II и Николаю II из Бухары, с Цейлона и из Абиссинии. Исключительность кейса царскосельских слонов в том, что они играли роль не только дипломатических подарков, но и домашних питомцев Романовых. И первое, и второе обстоятельство, подкрепленные общим статусом слонов как исключительных животных, обеспечивали слонам максимально возможный для животных в неволе уровень комфорта: заботливые смотрители и ветеринары, прогулки и купания, спокойная уединенная жизнь. Однако по большому счету слоны оставались пленниками: в помещении их держали прикованными. В 1860-х и 1870-х гг. царскосельских слонов отдавали в публичные зверинцы и зоосады, где условия содержания были гораздо более суровыми. Сохранившиеся сведения о жизни шести царскосельских слонов, об их смотрителях и ветеринарах позволяют делать некоторые выводы об экспертизе, на которую опирались люди, принимавшие решения по организации ухода за экзотическими животными при императорском дворе. После смерти слонов их тела, как и в более ранние периоды, могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев. Богатая историография дает возможность сравнивать содержание царскосельских слонов с тем, как содержались животные в публичных зверинцах и зоосадах Европы, Северной Америки и России в этот же период.

Ключевые слова: слоны, Царское Село, зверинцы, экспертиза, Российская империя, долгий XIX век.

Благодарности

Я признательна Е.В. Аксёненко за информацию о чучеле Фетибаша в музее кафедры зоологии и паразитологии Воронежского университета; М.М. Пироговской

(Университет Мюнхена) и Е.Н. Машенко (ПИН РАН) за обсуждение и ценные комментарии.

L'éléphant est, si nous voulons ne nous pas compter, l'être le plus considérable de ce monde: il surpasse tous les animaux terrestres en grandeur, & il approche de l'homme, par l'intelligence

Buffon, 1764

Введение

В рамках глобальной истории животных за последние десятилетия сформировался значительный пласт литературы, посвященный взаимодействию человека и слонов в исторической перспективе и в современном мире¹. Имеющиеся работы описывают как биографии отдельных слонов (большинство из них — это животные из зверинцев, цирков и зоопарков) [Amato, 2009; Nance, 2013, 2015; Daly, 2014], так и разные аспекты взаимоотношений наших видов: слоны как тягловые животные — больше всего их было занято на лесозаготовках [Saha, 2017], слоны, выполнявшие церемониальные роли и роли дипломатических подарков [Bedini, 1997; Sivasundaram, 2005; Wang, 2026], их истребление ради слоновой кости и трофейная охота на них, а также усилия по сохранению этих животных, созданию национальных парков для их выживания и для более «цивилизованной» охоты на них [Rothfels, 2007; Day, Garside, 2024; Leonardi, 2025], слоны как вредители сельскохозяйственных угодий [Skotnes-Brown, 2021]; слоны как музейные экспонаты [Cappellini et al., 2014; Fedotova, 2024, 2026b] и т. д.

Подобные темы, составляя часть истории животных, нередко затрагивают историю знания, в частности вопросы экспертизы: что конкретные группы людей или наука в целом знали и знают о том, как нужно выстраивать отношения со слонами для более эффективного взаимодействия с ними? В какой мере это знание в разные периоды и в разных регионах было основано на культурных традициях, а в какой — на «строго научных» исследованиях? Как часто слоновщики готовы взаимодействовать с носителями научного знания, и наоборот — насколько эти последние готовы признать ценность знаний слоновщиков? Как тела слонов (после их смерти) становятся экспонатами научных музеев?

Несколько работ появилось и на отечественном материале. Большая часть исторических работ рассказывает о слонах, подаренных русским царям от восточных монархов, и описывает события XVIII в. [Моисеев, 2010; Юхименко, 2015; Васильева, 2019; Pirogovskaya, 2025]. В целом же «российские» слоны остаются малоизученной темой несмотря на то, что материал имеется богатый. Данная статья призвана хотя бы отчасти заполнить эту лауну и расскажет о придворных слонах, живших в Царском Селе. Среди прочих проблем будет рассмотрен и вопрос экспертизы.

¹ Многие специалисты предпочитают термин *multispecies humanities*, что можно перевести как «многовидовая гуманиора». Обзор проблем, возникающих при изучении историками и антропологами отношений людей и слонов, см.: [Rothfels, 2021], а также в специальном выпуске журнала “Humanimalia: Elephant (Research) Routes”: Integrating Elephants into More-than-Human Narratives (2025. Vol. 16. No. 1).

Решение о переносе слоновника из Петербурга в Царское Село было принято в начале правления Николая I [Fedotova, 2026b]. За последующие годы, вплоть до коллапса империи (1917) в парке Царского Села последовательно содержались шесть слонов. Они были дипломатическими подарками Николаю I, Александру II и Николаю II из Бухары, с Цейлона² и из Абиссинии. Пять из них были азиатскими, *Elephas maximus*, Linnaeus, 1758, и один, точнее одна — африканской слонихой *Loxodonta africana* (Blumenbach, 1797). Как и в более ранние годы, тела придворных слонов могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев, и в этом смысле слоны оставались объектами внимания публики даже после смерти.

Основное внимание в данной статье будет уделено биографии двух слонов — самца Фетибаша и самки Гангру, которые жили в Царском Селе в 1839–1860 и 1849–1860 гг. соответственно. Именно о них удалось найти больше всего документов. В таблице 1 приведены краткие сведения о девяти слонах, живших при Санкт-Петербургском императорском дворе на протяжении долгого XIX в., точнее с 1796 по 1917 г.

Луиза Роббинс в своей книге 2002 г. предложила разделить экзотических животных, содержащихся в Западной Европе XVIII в., на две категории: порабощенные, как слоны, и изнеженные, как попугаи [Robbins, 2002]. Как показывает исследование Марии Пироговской [Pirogovskaya, 2025] по «русским» придворным слонам XVIII столетия и как сообщают документы XIX в., в Петербурге дела обстояли несколько по-другому: статус и слонов, и их зрителей-махаутов был значительно выше, чем любых других животных при императорском дворе и ухаживающих за ними людей, а существование их — намного комфортнее, так что «русских» слонов было бы корректнее отнести к группе изнеженных, или избалованных, пленников.

В первом разделе статьи описаны источники, которые удалось обнаружить о царскосельских слонах, и сказано об ограничениях, налагаемых этими источниками. Второй раздел посвящен тому, как слоны добирались до столицы Российской империи. Далее описана повседневная жизнь слонов и отдельно — надзор за их здоровьем. Пятый раздел рассказывает, что происходило со слонами, когда семья Романовых теряла к ним интерес, а министерство двора больше не видело смысла тратить средства на их содержание. В последней части представлены сведения об останках царскосельских слонов, ставших музейными экспонатами.

Источники

К середине XIX в. слоны³ стали сравнительно обычным объектом в передвижных зверинцах, цирках и зоосадах не только в Европе или Северной Америке, но и в России — об этом свидетельствуют газетные новости из Петербурга, Москвы, а так-

² Цейлонский слон был подарен Николаю Александровичу в бытность его наследником в 1891 г.

³ Вплоть до последней трети XIX в. это были почти исключительно азиатские слоны (*Elephas maximus*), но с 1870-х гг. Европа и Северная Америка стали все чаще видеть также и африканских (*Loxodonta africana*).

Табл. 1. Слоны при Санкт-Петербургском императорском дворе в долгом XIX столетии (1796–1917)
Table 1. Elephants at the St. Petersburg Imperial Court in the long 19th century (1796–1917)

	Откуда подарены	Пребывание при СПб имп. дворе	Дальнейшая судьба
Азиатский слон	Бухара	Вольнский охотный двор, 1796–1806	Чучело и скелет смонтированы для Кунсткамеры ИАН в 1806–1807, они до сих пор экспонируются в Зоологическом музее ЗИН РАН
Азиатский слон	Персия	Вольнский охотный двор, 1815–1823	Шкура и скелет переданы Казанскому университету; сохранились только три подошвы и, вероятно, два бивня
Азиатская слониха		Вольнский охотный двор, 1815–1827	Шкура и скелет переданы Варшавскому университету. Чучело экспонировалось до Второй мировой войны и было уничтожено одним из пожаров. Скелет экспонировался по крайней мере до начала XX в.
Азиатский слон Фетибаш, род. ок. 1834	С севера Индии в Кабул, затем в Бухару, и в Петербург	Царское Село, 1839–1860	В мае 1860 г. передан в зверинец Г. Крейцберга, умер через несколько недель. Останки проданы Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии, из них смонтированы скелет и чучело.
Азиатская слониха Гантру, род. ок. 1842	С севера Индии в Герат, затем в Бухару и в Петербург	Царское Село, 1849–1860	В 1960-х гг. скелет передан в ЗИН РАН, чучело — в Воронежский университет, где до сих пор экспонируется
Азиатская слониха Ляда (Ляду)	Бухара	Царское Село, 1860–1864	В мае 1860 г. передана в зверинец Г. Крейцберга, дальнейшая судьба неизвестна
Азиатский слон Мавлюбаш	Бухара	Царское Село, 1870–1872	Передана Московскому зоосаду, содержалась там по крайней мере до конца 1868 г.
Азиатский слон, род. 1888 или 1889	Цейлон	Царское Село, 1891–1902	Передан Петербургскому зоопарку
Африканская слониха, род. 1893 или 1894	Абиссиния	Царское Село, 1896–1917	Возможно, его останки были проданы А.В. Кокареву (1848–1908); изготовленное чучело стояло в стеклянном павильоне в саду особняка в Царском Селе (сегодня — ул. Московская, д. 55). После прекращения деятельности Министерства имп. двора бродила по Царскому Селу; осенью 1917 г. была передана в Московский зоосад, умела по дороге. Останки переданы в Дарвиновский музей. В 1927 г. изготовлено чучело, которое до сих пор экспонируется

Источники: [Федотова, 2023; Федотова, 2026]; РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362; Ф. 468. Оп. 15. Д. 246; Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Оп. 15 (91/929), Д. 43; РГИА. Ф. 482. Оп. 1 (782/1958). Д. 4463; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495, 6497, 6908, 6493, 6993, 6996, 7019, 7115, 7139, 8997.

же из провинциальных городов⁴. Однако документов по частным зверинцам и циркам в архивах накапливалось очень мало. Более того, владельцы старались скрывать всю неприятную информацию от посетителей, в том числе — о гибели животных. В случае смерти животного публике нередко сообщалось, что оно было передано в другой зверинец или цирк [Попов, 1878а, с. 26]. Санкт-Петербургский зоосад до конца имперского периода был частным предприятием, и поэтому документов по его дореволюционной истории сохранилось немного⁵. Некоторую информацию о его слонах можно извлечь из сообщений в научной и научно-популярной периодике, а также из газетных новостей, рекламных объявлений и путеводителей, которые издавались самими владельцами⁶. Однако такие источники очень часто дают лишь самые краткие сведения, которые не содержат даже указаний на пол, возраст или имя животного.

В этом смысле в лучшую сторону отличался Московский зоосад, который создавался силами общественной ученой организации — Комитета по акклиматизации животных и растений Московского общества сельского хозяйства, ставшего в 1864 г. самостоятельным Русским обществом акклиматизации животных и растений [Кулагин, 1900; Егорова, 2004]. Московский зоосад уже в имперское время публиковал не только путеводители, но и отчеты по своей деятельности, что включало не только перечисление приобретений и потерь⁷, но и сообщения об исследовательской работе, проводимой в зоопарке⁸. Это, однако, не означает, что биографии слонов Московского зоосада легко проследить по печатным или архивным источникам, к тому же последние находятся в Москве.

Соответственно, единственная категория слонов, документы о которых более или менее систематически накапливались в архивах Санкт-Петербурга, — это животные, которые содержались при императорском дворе. В разное время слоны и слоновщики (махауты) подчинялись различным ведомствам двора. В конце XVIII и первой трети XIX в. их содержали в зверинце императорской охоты — на так называемом Волынском (Охотном) дворе, сейчас это территория Обуховской больницы. Соответствующие документы поступали в фонд императорской охоты Российского государственного исторического архива (РГИА). С конца 1830-х гг. слоны жили в Царском Селе. За этот период бумаги накапливались в фонде Царскосельского дворцового правления того же архива.

После смерти слонов их останки могли отдавать в Академию наук. В XVIII в. натуралисты производили анатомические исследования этих слонов — сохранились

⁴ К примеру, «Санкт-Петербургские ведомости» 29 декабря 1853 г. в разделе «Внутренняя корреспонденция» сообщали о богатом зверинце Карла Берга, находящемся в Симферополе. В его коллекции имелся пятилетний дрессированный слон. Эта же газета 14 августа 1855 г. сообщала о приезде в Новгород зверинца Бернабо с ученым слоном. Таких сообщений в газетах 1850-х и 1860-х гг. можно обнаружить десятки.

⁵ О первых годах его существования см.: [Kotenko, 2024].

⁶ См. к примеру: [Рост, 1874; Попов, 1878а; Зефельд, 1890].

⁷ К примеру, В.В. Попов (1841–1900), являвшийся в 1878–1880 гг. директором Московского зоосада, публиковал дневники, в которых нередко упоминаются слоны, в частности Мавлюк, о котором речь пойдет ниже [Попов, 1878б].

⁸ См. к примеру: [Тоболкин, 1908].

протоколы вскрытий и даже рисунки⁹. В XIX в. зоологи и препараторы Академии наук обычно ограничивались снятием шкур и очищением костей для последующего изготовления музейных экспонатов¹⁰. Такие документы отложились в академическом архиве и фондах университетов, которым передавались кости и шкуры.

В петербургских архивах удалось обнаружить более полутора сотен дел с документами о придворных слонах долгого XIX в. Подавляющее большинство из них содержит информацию о закупке кормов и других припасов, о выплате жалованья служащим, по ремонту слоновьего павильона и прочей инфраструктуры. Более содержательных документов сравнительно немного — это контракты с махаутами, документы о приглашении ветеринаров и, самое интересное, — записки о каком-либо из слонов, составленные со слов его махаута.

Других источников удалось найти сравнительно мало. Придворные слоны почти не становились темой для газетных новостей, за исключением сообщений об их передвижениях. Пока обнаружено всего два газетных сюжета о слоновой жизни при дворе, и оба они кажутся не особенно достоверными¹¹.

Иногда слоны упоминаются в источниках личного характера — в частной переписке, мемуарах и дневниках. К сожалению, такие фрагменты обычно не особенно информативны и не обязательно надежны. Например, великий князь Константин Константинович в середине августа 1891 г. сообщал, что ездил с детьми смотреть слоненка, недавно привезенного в подарок цесаревичу из Сиама (Таиланда) [*Романов*, 1998, с. 182], — на самом же деле слоненок был с Цейлона, и о нем будет сказано ниже.

⁹ См. к примеру: [*Du Vernoi*, 1726–1728]; СПбФ АРАН. Р. 1. Оп. 4. Д. 1, 2.

¹⁰ Вскрытия слонов вновь стали производиться в зоосадах в конце XIX — начале XX в. в связи с тем, что зоосады стали претендовать на статус исследовательских центров. См. об этом специальный номер журнала “*Centaurus*” (2022. Vol. 64. No. 2): “*Science at the Zoo: Producing Knowledge about Exotic Animals*”. О вскрытии слона в Московском зоосаде см., например: [*Ваганов*, 1909].

¹¹ Первый сюжет — это якобы пересказ из русской газеты, появившийся в нескольких британских и американских изданиях; см., например: *An Elephant’s Gallantry*. St. Petersburg, April 2, 1817 // *The Ladies’ Weekly Museum, or Polite Repository of Amusement and Instruction*. 1817. October 18; *Foreign*. St. Petersburg, April 2, 1817; *An Elephant’s Gallantry* // *Hampshire Gazette*. 1817. November 12). Дама, которая часто приходила посмотреть на слона, обычно приносила ему хлеб и яблоки. Однажды животное в знак благодарности схватило даму хоботом за талию и посадило ее себе на спину. Бедная женщина, испуганная этим неожиданным проявлением галантности, закричала и умоляла снять ее. Слоновщики заверили ее, что разумнее оставаться на месте. Поэтому ей пришлось ждать, пока слон опустит так же осторожно, как прежде поднимал» [*Potts*, 2022, p. 908–909]. История кажется надуманной, и пока что не удается найти оригинального сообщения в русских газетах. Во втором анекдоте рассказывается, что якобы большая часть казенных средств, выделяемых на содержание слонов, поступает в карманы зрителей и что в этой коррупционной схеме участвуют в том числе и царскосельские ветеринары (Петербургское обозрение // *Северная пчела*. 1860. 21 мая. № 114. С. 464–465).

Долгая дорога в Петербург

Огромные, не приспособленные к суровому климату и дальним переходам животные должны были совершить переход из Центральной или Передней Азии на северо-запад Российской империи, т. е. в несколько тысяч километров. Путь слонов из Бухары до Петербурга описан в статье историка науки Галины Матвиевской на материалах Оренбургского областного архива [*Матвиевская*, 2008]. Здесь ее рассказ будет дополнен данными из петербургских архивов, в основном из РГИА. В таблице 2 сведена информация о доставке всех девяти слонов, которые стали подарками русскому императорскому двору в долгом XIX столетии.

Весной 1838 г. бухарский эмир отправил слона по кличке Фетибаш, примерно пяти лет от роду, в подарок императору Николаю I. Через десять лет, в 1848 г., тем же маршрутом была послана слониха Гангру, примерно такого же возраста. В Бухару они попали из Афганистана, а туда — с севера Индии¹².

В XIX в., до строительства железных дорог, путешествие слонов из Центральной или Передней Азии занимало два теплых сезона. По пути из Бухары слоны зимовали в Оренбурге, если шли из Ирана — то в Новочеркасске [*Fedotova*, 2026b]. На зимовку слонов размещали в полковых манежах — других помещений, которые могли бы вместить таких больших животных, в приграничных городах XIX в. обычно не было. Слонам шили теплую одежду: суконные попоны, непромокаемые накидки, отдельно для головы и для ушей, и сапоги из качественной кожи. Нередко сапоги были подкованы железом¹³.

Весной следующего года слоны вновь отправлялись в путь. Местные власти должны были по пути следования слона приготовить «приличные квартиры» «для ночлегов и роздыхов» слоновьего эскорта, а для самого слона — «просторные дворы и, если можно, крытые сараи или навесы», и необходимое продовольствие — пшеничный хлеб (до двух пудов на каждого слона в день), сено (до 10 пудов) и коровье масло (8–10 фунтов), а также сахар или мед (5–7 фунтов)¹⁴.

К тому времени, как слон от Оренбурга добирался до Волги в Самарской или Симбирской губернии, становилось ясно, что продолжать дорогу пешком невозможно. Слоны не способны проходить каждый день по 20–30 верст, их подошвы не приспособлены к твердым поверхностям и от долгих переходов превращаются в сплошную рану. Поэтому на Волге слона вместе с провожатыми грузили на баржу, и путешествие продолжалось по воде¹⁵. В 1860 г. слониху Ляду вели пешком и везли по воде до Москвы, а оттуда — по железной дороге. В 1870 г. трех слонов погрузили в вагоны в Нижнем Новгороде. Слоны были крупные, так что вагоны пришлось переделывать¹⁶.

Кто занимался доставкой слонов? Во-первых, восточные слоновщики, махатуы — их было не менее двух-трех на каждого слона. Во-вторых, ответственный чиновник, который мог быть и переводчиком. Он должен был вести переписку по

¹² РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493, 6993.

¹³ РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 747.

¹⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749. Л. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493.

¹⁶ РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362.

Табл. 2. Перемещение слонов до Санкт-Петербурга (1796—1896)
Table 2. The transportation of elephants to St. Petersburg (1796—1896)

	Маршрут	Сопровождение в дороге
Слон из Бухары, прибыл в Санкт-Петербург в конце 1796 г.	Зимовка в Оренбурге в 1895—1896; путь через Москву	нет данных
Слон и слониха из Персии, прибыли в Санкт-Петербург в конце 1815 г.	Тифлис — Моздок — Новочеркасск (зимовка 1814—1815) — Воронеж — Москва — Санкт-Петербург	Военный эскорт под предводительством прапорщика Нижегородского драгунского полка Султана Крым-Гереева; два старших махauta и два младших
Фетибаш из Бухары, прибыл в Царское Село осенью 1839 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1838—1839) — Бузулук — Самара — в Симбирской губернии погружен на тихвинку и далее водным путем до Тосны — Царское Село	Переводчик Оренбургской пограничной комиссии М. Б. Первухин, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска, три махauta «авганца» (в других документах — «азиатцы», «персияне»)
Гантру из Бухары, прибыла в Царское Село осенью 1849 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1848—1849) — Бузулук — Самара, в Симбирской губернии погружена на тихвинку и далее водным путем до Тосны — Царское Село	Переводчик Оренбургской пограничной комиссии Н. Ф. Костромитинов, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска, три махauta: старший — Ашубай Мулла Мухамедов, младшие Камаль-Бай Ялдаров и Якапбай Габитов
Ляда из Бухары, прибыла в Царское Село осенью 1860 г.	Бухара — Оренбург (зимовка 1859—1860) — Бузулук — Самара, далее водным путем до Москвы, а затем по железной дороге до Царского Села	Оренбургский чиновник М. И. Винер, четыре казака и урядник Оренбургского казачьего войска и три махauta: Латиф-хан Дин Мухаметов, Гайнуми Джумитов и Зейнулин; последний заболел в Оренбурге, его сменил бежавший из бухарского плена персианин Гассан Агаин — во время зимовки слониhi в Оренбурге он так к ней привязался, что отправился с ней в Санкт-Петербург, в дороге служил также и переводчиком
Мавлюбаш, прибыл в Царское Село летом 1870 г.	Бухара — Ташкент (лето 1869) — Оренбург (зимовка 1869—1870) — Нижний Новгород, далее поездом до Москвы и до Царского Села	Ташкентский ветеринар М. Заушкевич, три бухарца-махauta: Хагам Якумбаев, Сафар Роганбаев и Гурдый Курбанбаев; переводчик Занду
Слоненок с Сейлона, прибыл в Царское Село летом 1891 г.	Морем до Одессы; поездом до Царского Села	Два синглезских махauta до Одессы; затем два служителя Петербургского зоопарка Сейфулла Сейтбурханов и Бадретдин Расульджанов (в некоторых документах — Рассюлджан)
Слониха из Абиссинии, прибыла в Царское Село в августе 1896 г.	Французским пароходом от Джибути до Порт-Саида, русским пароходом Царь до Одессы; поездом до Царского Села	Возвращающиеся участники II экспедиции Н. С. Леонтьева, абисинец Аламо

Источники: [Федотова, 2023, Fedotova, 2026]; РГИА. Ф. 258. Оп. 8. Д. 362; Ф. 468. Оп. 15. Д. 246, 1167; Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Оп. 14. Д. 987; Ф. 482. Оп. 1 (1782/1958). Д. 4463; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6497, 6908, 6493, 6993, 6996, 7115, 8997; ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749.

пути следования с местными властями, организовывать ночлег, транспорт, поставку фуража и всего прочего необходимого в пути. В 1839 г. Фетибаша сопровождал переводчик Оренбургской пограничной комиссии Н.Ф. Костромитинов, слониху Гангру в 1849-м — переводчик М.Б. Первухин, а слониху Ляду в 1860 г. — пристав М.И. Винер¹⁷. В 1870 г. ответственным чиновником, сопровождавшим трех слонов, был ветеринар (что было новшеством), а переводчиком в 1860 и 1870 г. выступал один из младших махаутов. В-третьих, со слонами мог идти небольшой военный эскорт. Бухарских слонов в 1839, 1849 и 1860 г. сопровождали оренбургские казаки — пять человек, считая урядника. Когда слоны добирались до места, сопровождавшие получали награды за успешную доставку¹⁸, а один из махаутов мог остаться со слоном.

Перемещение колоссальных дипломатических подарков отмечала пресса. За 1860-е гг. удалось найти довольно подробные газетные репортажи, хотя они могли пересказывать не слишком точную информацию. Например, в мае 1860 г. сообщалось, что бухарский эмир подарил очень ценного белого слона¹⁹. Через пару месяцев и газетчики, и публика были разочарованы тем, что «новоприбывший слон (слониха Ляда. — *Прим. авт.*), как и все прочие слоны, мышинового цвета»²⁰. Аналогичное предположение делалось и в 1869 г., когда появились новости о трех слонах, подаренных Александру II²¹. В июне 1870 г. «Московские ведомости» подробно рассказали о прибытии трех слонов в Московский зоосад, сообщив их имена и возраст, однако трудно сказать, насколько надежны описания происшествий в дороге. В частности, сообщалось, что один из них, Мавлюк, отличался «буйным нравом» и за время пути травмировал двух слоновщиков²².

¹⁷ Формулярные списки Костромитинова см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 463; Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1127; дела по его службе см.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1846). Д. 6; Ф. 486. Оп. 2. Д. 1388. О Первухине см.: [Сартори, Шаблей, 2019]. Ни формулярные списки Костромитинова, ни статья о Первухине не упоминают «слоновых» миссий.

¹⁸ В 1815 г. каждый из двух старших слоновщиков получил 4 аршина сукна, 12 аршин московского атласа, серебряные часы и 50 руб. серебром; каждый из двух младших — 4 аршина сукна, 10 аршин московской тафты и 25 руб. серебром. Эти лица находились при полномочном после персидского двора, а бухарские махауты, пришедшие с Фетибашем, имели более скромный статус. Поэтому в 1839 г. старший махаут получил 5 аршин сукна, 10 аршин атласа и 30 руб. серебром; два его помощника — по 5 аршин сукна, 10 аршин атласа и по 15 руб. серебром. Костромитинов получил подарок из Кабинета ЕИВ в 600 руб. ассигнациями; казаки по 15 руб. серебром, а урядник — 25 руб. (РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418. Л. 23–25). Примерно такие же подарки получили махауты, казаки и переводчик Первухин, доставившие Гангру в 1849 г. (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 17–18).

¹⁹ Северный цветок. 1860. 28 мая. № 22. С. 339.

²⁰ Северная пчела. 1860. 25 июля. № 164. С. 671–672.

²¹ «В настоящее время бухарский эмир, в доказательство своего особенного уважения к русскому царю, посылает в Петербург трех громадных белых слонов» (Слон // Мирской вестник. 1869. Кн. 11. Отд. 3. С. 75).

²² «Одного из них он в <...> Оренбурге поднял хоботом на воздух и затем бросил на землю; с другим он точно также обошелся на второй станции от Бузулука. Обоих этих бухарцев подняли за мертвое с земли, и живы ли они теперь после такого воздушного путешествия, товарищи их, бухарцы, не знают» (Слоны и лошади, посланные эмиром бухарским в подарок русскому двору // Московские ведомости. 1870. 3 июня. № 117. С. 3).

Организация слоновьей жизни в Царском Селе: восточные махауты в русском окружении

В XVIII и первой четверти XIX в. слоновник располагался в самом Петербурге, как правило, составляя часть Охотного двора. В первой четверти XIX в. он находился на Фонтанке, рядом с Обуховской больницей. Город рос, так что в начале царствования Николая I инфраструктуру императорской охоты решено было передвинуть в Петергоф, а слоновник — в летнюю резиденцию Романовых, в парк Царского Села (рис. 1). Это означало, наряду с прочими трансформациями, изменение статуса слонов, который сместился от церемониальных животных, «аватаров власти» [Pirogovskaya, 2025], ближе к статусу домашних питомцев Романовых.

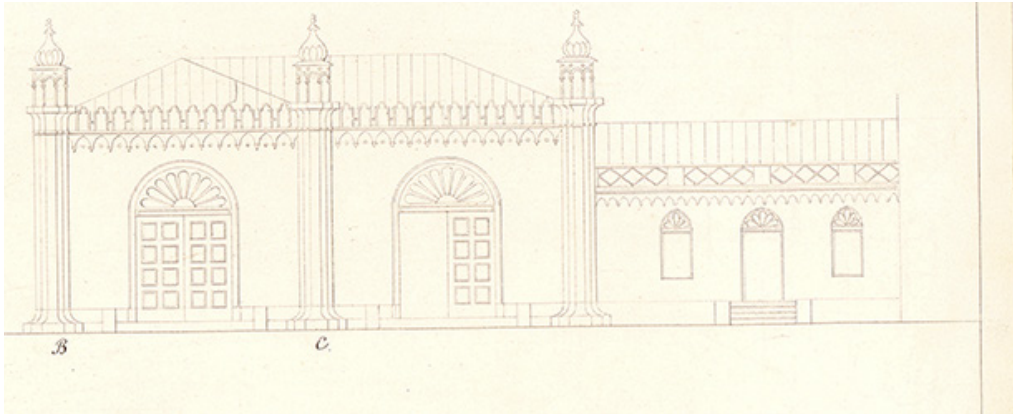

Рис. 1. Слоновья павильон, фасад, рис. архитектора И.А. Монигетти, 1849 г.
Источник: РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 20

Fig. 1. Elephant Pavilion, façade, drawing by architect Ippolito Monighetti, 1849.
Source: РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 20

Для XIX столетия пока обнаружено упоминание только двух торжественных событий с участием слонов: прибытие персидского посольства в Санкт-Петербург в честь заключения Гюлюстанского мира в декабре 1815 г., а через несколько дней — аудиенция посла у Александра I, в ходе которой были вручены подарки, в том числе слоны²³. Однако даже в Царском Селе слоны сохраняли часть своей представительской функции. Азиатские махауты и русские служители при слонах носили униформу с «восточным колоритом» (зеленые чекмени), а во время прогулок в праздничные дни слонов украшали узорчатыми попонами и подпругами с колокольчиками и кистями²⁴.

²³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 747. Л. 47–63; Описание торжественного въезда персидского посольства в Санкт-Петербург, 20 декабря 1815 г. // Московские ведомости. 1816. 1 января. № 1. С. 2–3; Описание публичной аудиенции персидского чрезвычайного посла у ЕИВ, Санкт-Петербург, 23 декабря 1815 г. // Московские ведомости. 1816. 1 января. № 1. С. 3–4. См. также: [Fedotova, 2026b].

²⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 30; Д. 6955. Л. 50.

В некотором смысле царскосельские слоны объединяли обе функции — домашних питомцев царской семьи и церемониальных животных. Это, с одной стороны, отражало «модерновые», «западные» тенденции, которые делали монархические семьи Европы XIX в. с их животными-компаньонами²⁵ более близкими к повседневной жизни. С другой стороны, содержание слона в качестве любимца августейшей семьи было явной декларацией более старых, сакральных и более «восточных» традиций. Если компаньоном «простого смертного» могла быть лошадь, собака или другое, небольшое и сравнительно привычное животное, то монарху (и его наследникам) подчинялся любой зверь, включая огромного и умного слона.

Слова Бюффона об исключительности слонов [Buffon, 1764, с. 2–3] вынесены в эпиграф не случайно. Статус дипломатического подарка сам по себе ничего не гарантировал другим животным. Ягуара, подаренного императором Бразилии в 1842 г., держали в тесной клетке, и он довольно быстро умер²⁶. Такая же участь постигла пару львов, подаренных негусом Абиссинии Менеликом II (именно он прислал африканскую слоницу, о которой речь пойдет ниже)²⁷.

Вместе со слонами в Петербург из Азии перемещались и махауты, а с ними — вся система организации ухода за слонами, т. е. происходил трансфер целого «технологического анклава», а не отдельных животных [Pirogovskaya, 2025]. Этим российская придворная практика отличалась от европейской — там обычно азиатский слоновщик, вскоре после прибытия слона на место назначения, отправлялся обратно на родину. Махаут нередко оставался со слоном при русском дворе на многие годы (табл. 3).

В помощники махауту в Царском Селе назначались по два человека на каждого слона из служителей императорской охоты. Попавший на службу к слонам зверовщик или егерь оставался при них надолго. Они кормили и поили слонов, пекли им пшеничные лепешки, выводили их на прогулки и т. д. Кроме них в царскосельский слоновник нанимали поденного рабочего для тяжелых работ (возка воды, колка дров, вывоз нечистот), женщину «для поддержания чистоты» и сторожа (табл. 3).

Однако осенью 1839 г. все три махаута, доставившие Фетибаша, возвратились в Бухару. На службу к слону был нанят Александр Александров, человек необычной судьбы. Он происходил то ли из персидских, то ли из константинопольских евреев, вероятно, из торговой среды. К 1821 г. он оказался в Петербурге, сменив и конфессию, и подданство²⁸. В России он служил курьером, станционным смотрителем, переводчиком на русско-персидской войне, участвовал в шпионской миссии и получил за это персональную пенсию. С 1825 по 1827 г. он был слоновщиком при

²⁵ По-видимому, отношения «человек и животное-компаньон» старше любой из цивилизаций; новшеством современной западной культуры было включение животных-компаньонов в общую капиталистическую инфраструктуру городов XIX–XX вв. [Ritvo, 1987].

²⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6492.

²⁷ Львы были доставлены в Царское Село в начале февраля 1901 г. Предполагалось, что Николай II осмотрит их, и затем они будут переданы в один из зоосадов. Лев умер в конце марта, а львица — в начале апреля, так и не дождавшись высочайшей аудиенции (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7143).

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 228. Бумаги 1821 г. приводят его «старое» имя — Мардахей или Мурдухай Мусюев, а также указывают его покровителя — министр народного просвещения князь А.Н. Голицын.

Табл. 3. Слоновщики в Санкт-Петербурге и в Царском Селе (1796–1917)
 Table 3. Elephant keepers in St. Petersburg and Tsarskoye Selo (1796–1917)

	Восточные махауты	Русские служители
Слон из Бухары, прибывший в Петербург в конце 1796 г.	Бухарцы Хан и Ахмет Бахмутов (в других документах — Мухаметев); жалование каждому 100 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира, с дровами и свечами. После смерти слона Хан отправился в Бухару, а Ахмет обосновался в Казани, где обзавелся семьей	Старший зверовщик Сергей Петров (жалование 36 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира), младший зверовщик (жалование 30 руб. в год + платье + хлебное жалование + квартира), женщина для печения лепешек на корм слону (30 руб. в год)
Слон из Персии, прибывший в Петербург в конце 1815 г.	«Персианин» Мухаммед Али Бек Люристан; после смерти слона в 1823 г. отправился на родину; жалование 100 руб. в мес. + квартира + 150–200 руб. в год на платье	Двое рабочих для тяжелых работ — уборка навоза, ношение воды, рубка дров, выпечка лепешек (25 руб. в мес. каждому)
Слониха из Персии, прибывшая в Петербург в конце 1815 г.	«Персианин» Айдар Али-Бек умер в ноябре 1825 г. Его заменил крещеный персидский еврей Александр Александров; жалование 100 руб. в мес. + квартира + 150–200 руб. в год на платье	Двое рабочих для тяжелых работ — уборка навоза, ношение воды, рубка дров, выпечка лепешек (25 руб. в мес. каждому)
Фетибаш из Бухары, прибывший в Царское Село осенью 1839 г.	Александр Александров (жалование 343 руб. серебром + квартира с дровами и свечами + униформа) умер в апреле 1845 г.; в 1845–1848 гг. — бухарский подданный Ассан Абдулин (уволен за пьянство в ноябре 1848 г.) с сентября 1849 г. — Камаль Ядгаров	Двое служителей имп. охоты: Алексей Сурков и Егор Лопухин (141 руб. в год каждому + квартира + награжденные в праздники), поленный рабочий (7 руб. в мес.), «женщина для наведения чистоты» (2 руб. в мес.) и сторож
Гантру из Бухары, прибывшая в Царское Село осенью 1849 г.	Бухарец Камаль Ятгаров (один из младших махаутов) остался в Царском Селе служить при двух слонах; жалование 343 руб. в год + квартира + униформа, через год жалование повышено до 543 руб.	Двое служителей имп. охоты Николай Пунин и Михаил Лопухин (те же условия)

Окончание табл. 3
End of Table 3

	Восточные махауты	Русские служители
Ляда / Ляда из Бухары, прибывшая в Царское Село в 1860 г.	Бухарец Камаль Ятгаров, жалование 720 руб. в год + квартира + униформа	Четверо служителей имп. охоты: Михаил и Егор Лопухины, Иван Сурков, Николай Пунин (последний в 1862 г. уволен «по болезни» — скорее всего за пьянство), поденный рабочий, «женщина для наведения чистоты» и сторож. Осенью 1864 г. Иван Сурков, выслуживший положенный срок, был уволен на пенсию
Мавлюбаш из Бухары, прибывший в Царское Село в 1870 г.	Бухарец Хагам Якумбаев, жалование 730 руб. в год + квартира + униформа	Двое служителей имп. охоты (Егор и Михаил Лопухины), поденный рабочий, «женщина для наведения чистоты» (3 руб. в мес.) и сторож. Егор Лопухин умер в феврале 1872 г.
Слоненок с Цейлона, прибывший в Царское Село в 1891 г.	Татарин Сейфулла Сейтбурханов из Ендовишинской вол. Сергачского уезда (был служителем Петербургского зоосада). Жалование 520 руб. в год + на платье + квартира	Нет данных
Слониха из Абиссинии, прибывшая в Царское Село в 1896 г.	Татарин Махмут Сейфулин из Ендовишинской вол. Сергачского уезда (был служителем Петербургского зоосада); уволен после смерти цейлонского слона в 1902 г. и нанят снова после смерти Сейтбурханова в 1913 г. Жалование 240 руб. в год + на платье + квартира; с 1913 г. — 520 руб. в год + на платье + квартира	Помощник с 1913 г. — сын Сейфуллы Сейтбурханова, Абдулла

слонихе на Охотном дворе [Fedotova, 2026b]. В 1839 г., когда ко двору прибыл новый слон, Александров подал ходатайство, чтобы вновь занять такую должность²⁹.

Точно так же, как слоны имели более высокий статус по сравнению с другими животными при дворе, махауты в придворной иерархии стояли выше смотрителей других животных. Это выражалось в более выгодных контрактах — жалование махаута было существенно больше, чем у смотрителя при любых других животных и даже чем у классного чиновника с похожей специализацией³⁰. Статус махаутов проявлялся и в том, что их экспертное мнение принималось во внимание. Если Александров заявлял, что слону нужны купания и для этого надо очистить, расширить и углубить один из прудов в парках Царского Села, а также сделать удобный спуск к воде, то именно это и делали³¹. Слоны были пленниками (в XIX в. слонов по-прежнему держали в помещении прикованными за ногу³²), но пленниками привилегированными, за которыми заботливо ухаживали. Если отталкиваться от категорий, предложенных Луизой Роббинс [Robbins, 2002], то русские придворные слоны были ближе к группе «избалованных», чем «порабощенных».

Во время службы Александрова он сам ведал выдачей денег своим подчиненным, закупкой корма (в частности, следил, чтобы сено, мука и все другие продукты были лучшего качества — см. прил. 1) и всех прочих припасов, принимал решения относительно рациона — например, с осени 1840 г. в холодное время года слону стали давать лук, чеснок, морковь и другие овощи³³. Иногда Александров покупал также финики³⁴. В документах нет объяснений, но, возможно, их использовали как лакомство, чтобы слон охотнее выполнял команды слоновщиков. Махауты, служившие позднее, видимо, пользовались меньшим доверием администрации, и всеми расходами по слонам с 1845 г. ведали смотрители императорской царскосельской фермы.

Не исключено, что махауты устанавливали режим посещения слонов, хотя прямых указаний на это пока не найдено. По мнению слоновщиков, большое количество посетителей беспокоило животных, поэтому публику допускали в ограниченном числе, в течение одного часа в середине дня. Разрешалось приносить слонам лакомства, особенно в виде фруктов, но не слишком много³⁵.

Рацион слонов оставался более или менее неизменным почти весь XIX в. Основную его часть составляли сено и пшеничный хлеб. Изменения зафиксированы

²⁹ РГИА. Ф. 519. Оп. 8. Д. 231; РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 487; РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418. Л. 28–30; Там же. Оп. 14. Д. 299; РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6908. Л. 28–30.

³⁰ К примеру, в 1850–1860-е гг. жалование махаута было в полтора раза выше содержания смотрителя зверинца Гатчинской охоты — чиновника X или IX класса (РГИА. Ф. 491. Оп. 4. Д. 291. Л. 80–87; Д. 314. Л. 1–6).

³¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6911. Л. 112–113, 130–140.

³² Обычная практика как на востоке, так и на западе; иногда слона приковывали за две или три ноги или, приковав за одну ногу, сковывали две или три ноги одной цепью (см. рис. 2). В зоосадах эта практика была оставлена только к концу XIX — началу XX в., когда для животных стали устраивать более просторные вольеры со рвами или другими надежными барьерами.

³³ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6916.

³⁴ См., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6928. Л. 70.

³⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993. Л. 10; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493. Л. 29.

Рис. 2. Слон Мавлюк в Московском зоосаду, фототипия Р.Ю. Тиле, ок. 1900 г. Перед слоном профессора Н.М. Кулагин (в темном пиджаке), А.А. Тихомиров (в светлом пиджаке), Д.М. Россинский (за навесом, в черном пиджаке).

Источник: АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 179. Л. 70

Fig. 2. Mavlyuk the Elephant at the Moscow Zoo, photo by R.Yu. Thiele, circa 1900. In front of the elephant are professors Nikolay Kulagin (in a dark jacket), Alexandre Tikhomirov (in a light jacket), and professor Dmitry Rossinsky is behind the canopy (in a black jacket).

Source: АРАН. Ф. 445. Оп. 2. Д. 179. Л. 70

только в 1890-х гг. Рацион стал, как мы бы сказали сегодня, более сбалансированным, разнообразным, и, по некоторому совпадению, в него вернулся «восточный колорит»³⁶ в виде риса и изюма (см. прил. 1). Впрочем, в этом рационе по-прежнему не хватало веточного корма.

Несколько раз в год слона мыли щетками с мылом (что, по отзывам махаутов, слоны очень любили)³⁷, а после этого кожу натирали маслом. В XIX в. для этого использовали дешевый сорт оливкового, так называемое деревянное масло. Его требовалось много (около полутора пудов на треть года для одного слона)³⁸, но эти расходы не вызывали возражений. Слонам в неволе надо подрезать ногтевые пластины на передней поверхности стопы, и поэтому Александров покупал нужные инстру-

³⁶ Рацион «русских» придворных слонов XVIII в. включал рис и маш [*Pirogovskaya*, 2025].

³⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993.

³⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 17; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6955 и т. д.

менты: «в инструментальной лавке у Казанского моста» «английскую пилу для резания ногтей», «английский ножик складной для резания мизинца, а для выравнивания ногтей — английский напилочек»³⁹. Кроме того, Фетибашу, очевидно, подпиливали бивни до $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ их обычной длины, что было обычной практикой в отношении ручных слонов на Востоке⁴⁰. Такие манипуляции требуют терпения со стороны слона и его доверительного отношения к махауту. По фото известного своим буйным нравом Мавлюка в Московском зоосаду видно, что ему никто не рисковал подпиливать бивни и ногти (см. рис. 2).

Александров умер в апреле 1845 г. На его место в июне того же года был принят на службу с тем же содержанием бухарский подданный Ассан Абдулин. Совершенно не ясно, какую подготовку имел Абдулин и по чьей рекомендации он был нанят. По-видимому, он не был усердным работником — пил, конфликтовал со своими русскими подчиненными и с непосредственным начальником, смотрителем императорской фермы. В ноябре 1848 г. Абдулин был уволен⁴¹. В это время в Царском Селе уже ожидали новый живой подарок из Бухары — слониху Гангру с ее слоновщиками, так что нового махаута искать не стали. Фетибаш до сентября 1849 г. находился на попечении только русских зверовщиков (они служили при нем уже десятый год)⁴². Сам факт найма Александрова, а затем Абдулина, т. е. возможность найти нужных специалистов прямо на месте, в те годы, когда в России еще не было зоосадов, да и передвижные зверинцы были сравнительно редки, говорит, что мы, по-видимому, существенно недооцениваем глобализацию и мультиэтничность имперской столицы в те годы.

Слониха Гангру прибыла в Царское Село в начале сентября 1849 г. Младший из сопровождавших ее трех махаутов, бухарец Камаль Ятгаров, согласился остаться в Царском Селе, чтобы заботиться о Гангру и Фетибаше. Двое других махаутов вместе с казаками и переводчиком Оренбургской пограничной комиссии отправились в обратный путь⁴³.

Следующим летом Камаль Ятгаров попросил поднять ему жалованье, чтобы он мог отправлять деньги родителям в Бухару, или отпустить его на родину⁴⁴. Как показал опыт с Абдулиным, найти компетентного слоновщика в Петербурге было непросто, поэтому жалованье Ятгарову увеличили. Он обзавелся женой, а затем и детьми. Сложно сказать, отправлял ли он деньги на родину или это с самого начала был лишь риторический прием. Ятгаров прожил в Царском Селе в общей сложности более 15 лет при трех слонах и уехал на родину весной 1865 г. с женой и пятью

³⁹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6911. Л. 38.

⁴⁰ Указания на подпиливание бивней имеются в документах XVIII [Pirogovskaya, 2025] и первой четверти XIX в. [Fedotova, 2026b]. В отношении царскосельских слонов прямых указаний на это нет, но чучело Фетибаша в Воронежском университете имеет муляжи укороченных бивней.

⁴¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 21–22; Там же. Д. 6951; РГИА. Ф. 478. Оп. 1, разд. 3/1002. Д. 122.

⁴² РГИА. Ф. 478. Оп. 1, разд. 3/1002. Д. 122; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6951; Там же. Д. 8928. Л. 135–136, 192; Там же. Д. 8940. Л. 338–339.

⁴³ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6493; РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987; ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 749.

⁴⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 14. Д. 987. Л. 36–37.

детьми⁴⁵. В 1858 г. Ятгаров просил наградить его медалью, а осенью 1864 г. обеспечить пенсией, но оба эти ходатайства остались неудовлетворенными⁴⁶.

«Технологический анклав», обеспечивавший уход за слонами, существовал в Царском Селе в 1830–1870-х гг., как и в более ранние годы на Охотном дворе [Pirogovskaya, 2025], почти замкнуто, испытывая очень мало влияния со стороны и оказывая мало влияния на практики других служб и служащих Царскосельского дворца и парков или на знания об экзотических животных и уходе за ними за пределами этого мирка. По крайней мере до нас не дошло ни одной истории о царскосельском мальчишке, который сбегал бы с уроков, чтобы помогать махауту, а позднее стал бы дрессировщиком слонов⁴⁷; или о садовнике, который выращивал бы в оранжереях Царского Села роскошные цветы и фрукты к императорскому столу, используя слоновий навоз в качестве исключительного удобрения⁴⁸. Ничего замечательного не известно ни о последующей судьбе русских помощников азиатских слоновщиков (табл. 3), ни о посещении царскосельского слоновника натуралистами⁴⁹.

Оговорка «почти» в отношении изолированности технологического анклава состоит в том, что «азиатская» система ухода, основанная на традиционном знании, постепенно упрощалась. Если в XVIII в. в диету придворных слонов входили такие «азиатские» продукты как рис, маш, нут или изюм [Pirogovskaya, 2025], то большую часть XIX в. они в слоновьем рационе не упоминаются (прил. 1). Кроме того, восточная экспертиза начала уступать практикам, основанным на «западном» знании, претендующем на рациональность. После смерти Александрова в 1845 г. ни один махаут не имел такого же авторитета, но их жалованье оставалось сравнительно высоким еще в 1870-х гг. Еще явственнее эти изменения заметны в том, как менялась организация контроля за здоровьем слонов.

«Традиционное» восточное vs «научное» западное знание: здоровье слонов

В статье 2005 г. Суджит Сивасундарам объясняет, как в XIX в. традиционное знание о слонах даже в Южной Азии начинает уступать авторитету западной на-

⁴⁵ В мае 1865 г. Камалю Ядгарову было 43 года. Его семья состояла из жены (Гильма Вафа, в девичестве Якгубова, 30 лет), трех сыновей (Мирза Насрулла, 10 лет, Мир Фейзула, 7 лет, и Мир Иосиф, 1 год) и двух дочерей (Зинат, 8 лет, и Биби Зюгря, 3 года). РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7019. Л. 28.

⁴⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6982. Л. 25–32; Там же. Д. 7019.

⁴⁷ Мальчишкой, сбегавшим с уроков, чтобы помогать ухаживать за слонихой, был Вадим Евгеньевич Гарутт (1917–2002), ставший крупным специалистом по хоботным [Гарутт, 2018].

⁴⁸ В документах по Царскому Селу нет никаких указаний, что операции со слоновьим навозом чем-либо отличались от операций с навозом с фермы. Его отвозили в специально отведенное место недалеко от фермы, а оттуда перепревший навоз брали для теплиц, садов и полей (Журналы заседаний Царскосельского Дворцового правления — РГИА. Ф. 487. Оп. 8).

⁴⁹ Имеется мнение, что П.К. Клодт изобразил на памятнике И.А. Крылову именно Фетибаша, и для выполнения набросков он ездил в Царское Село. Эта версия нуждается в документальном подтверждении. Клодт мог использовать в качестве модели и чучело слона в Зоологическом музее Академии наук.

уки, базирующейся на том, что считалось рациональной естественной теологией [Sivasundaram, 2005]. При петербургском дворе второй трети XIX столетия, где одновременно служил лишь один махаут, сопротивление традиционного восточного знания «научному» западному было весьма условным. Система, при которой решения относительно здоровья придворных слонов принимали махауты [Pirogovskaya, 2025; Fedotova, 2026b], почти сошла на нет после смерти Александрова в 1845 г., хотя один ее аспект сохранялся до 1870-х гг. — получение смеси специй как ежедневного «лекарства».

В соответствии с принципами слоновьей аюрведы слоны ежедневно получали смесь специй, считавшихся необходимыми для поддержания их здоровья. Смысл этих пряностей обсуждает в своей статье М.М. Пироговская ([Pirogovskaya, 2025]; список специй, которые ежедневно получал Фетибаш, см. в таблице 4). Для Фетибаша их закупал ветеринар царскосельской фермы, а не махауты, как это было для более ранних слонов при дворе, — возможно, потому что ветеринар чаще ездил в Петербург. Когда в Царском Селе поселилась Гангру, этот же набор специй стали закупать в двойном размере⁵⁰. Фактически уже это было отходом от принципов аюрведы: для каждой категории слонов нужно было составлять свою смесь. Гангру была самкой и примерно на 10 лет моложе Фетибаша, т. е. она должна была получать другую смесь.

Табл. 4. Смесь специй для Фетибаша

Table 4. Spice mix for Fetibash

	Количество	Сумма (в ассигнационных рублях)
Мелкого порошка сонного зелья <i>Pulveris opii puri</i>	4 унции 0,5 драхм 15 гран	26 руб.
Мелкого порошка восточного шафрана <i>Pulveris Croci Orientalis</i>	4 унции 0,5 драхм 15 гран	48 руб. 75 коп.
Мелкого порошка кучелабы <i>Pulveris Nucis Vomicae</i>	1 фунт 1 унция	6 руб. 24 коп.
Мелкого порошка горькой тыквы <i>Fructus Colocynthis preparati</i>	6,5 унций	7 руб. 80 коп.
Мелкого порошка укропного семени <i>Pulveris Seminis Anethi foeniculi</i>	2 фунта 2 унции	4 руб. 16 коп.
Мелкого порошка тминного семени <i>Pulveris Seminis Cari Carvi</i>	1 фунт 10 унций 6 драхм	3 руб. 52 коп.
Мелкого порошка кардамонного семени <i>Pulveris Seminis Cardamomi</i>	1 фунт 1 унция	33 руб. 28 коп.
Мелкого порошка айрного корня (<i>acori calami</i>) <i>Pulveris Radicis Calami Aromatici</i>	1 фунт 9 унций 1 драхма	6 руб. 76 коп.
Мелкого порошка имбирного корня <i>Pulveris Radicis Zingiberis</i>	2 фунта 10 унций 1 драхма	10 руб. 92 коп.
Мелкого порошка желтого корня (куркума) <i>Pulveris Radicis Curcumae</i>	1 фунт 2,5 унций 1 драхма	2 руб. 34 коп.
Мелкого порошка русского перца <i>Pulveris piperis Nigri</i>	1 фунт 10 унций 1 драхма	8 руб. 85 коп.

⁵⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6955. Л. 17–18, 41–42, 76–77.

Окончание табл. 4
End of Table 4

	Количество	Сумма (в ассигнационных рублях)
Мелкого порошка ароматной гвоздики <i>Pulveris Caryophilli Aromatici</i>	9 унций 6 драхм	9 руб. 75 коп.
Мелкого порошка вонючей камеди <i>Pulveris Gummi Assaefoetidae</i>	1 фунт 9 унций 1 драхма	25 руб. 35 коп.
Всего		193 руб. 72 коп.

Medicus Veterinarius Seperioris Ordinis Petiugavov

Источнику: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6908. Л. 71, 74; аналогичные списки имеются в делах по той же описи за другие годы, см. к примеру: Д. 6916. Л. 5, 7; Д. 6911, Л. 15, 51–54, 109; Д. 6928, Л. 22–23.

В отношении Ляды специи упоминаются только в бумагах о передаче слониhi, т. е. не исключено, что Ляда получала их только по пути в столицу⁵¹. Мавлюбаш, живший в Царском Селе с 1870 по 1872 г., на неделю получал «2 фунта топленого бараньего или говяжьего сала или масла с толченым перцем (¼ фунта), гвоздикой (¼ фунта) и инбирем (¼ фунта)»⁵², т. е. состав смеси стал более простым. Слоны, появившиеся в Царском Селе в 1890-х гг., таких специй не получали вовсе.

В целом можно говорить, что в XIX в. аюрведические практики в уходе за слонами постепенно уступали практикам «западной» ветеринарии. В 1815–1827 гг., когда в слоновнике на Волынском охотном дворе жили слоны, присланные из Персии, решения, как их лечить и какие лекарства для этого покупать, принимали махауты, в том числе Александров [*Fedotova*, 2026b]. Мы не знаем, были ли у Фетибаша какие-либо проблемы со здоровьем до середины 1840-х гг., в то время, когда за ним ухаживал Александров. Но в 1846 г. лечением раны на ноге Фетибаша занимался не махаут Абдулин, а ветеринар Яковлев, служивший при Лейб-гвардии Гусарском полке ЕИВ, квартировавшем в Царском Селе⁵³. Весной 1847 г. для консультации по поводу «воспаления дыхательных органов» у Фетибаша по просьбе Яковлева в Царское Село приглашали адъюнкт-профессора ветеринарии Медико-хирургической академии Егора Ивановича Шитта (1797–1864)⁵⁴.

Хотя к середине XIX в. физиология животных как научная дисциплина уже достигла некоторых успехов, ветеринарные практики все еще базировались на принципах гуморальной медицины, и в этом смысле методы западной ветеринарии име-

⁵¹ Список «слоновых» вещей, полученных в Царском Селе вместе с Лядой, включал «деревянные ящики с лекарствами инбирем, александрийским листом (*Senna alexandrina*, могла употребляться как слабительное. — *Прим. авт.*), кучелобой (челибуха, рвотные орешки. — *Прим. авт.*) и суриком» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6996. Л. 49). Документы по Царскосельскому дворцовому управлению (Ф. 487) за большую часть XIX в. сохранились неплохо, и поэтому можно предполагать, что специи для Ляды не покупались.

⁵² РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495. Л. 31. Из документов не ясно, делилось ли это количество на 7 дней или давалось за один раз.

⁵³ О визитах Яковлева к Фетибашу см.: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6938. Л. 25–27; Д. 6943. Л. 20–22.

⁵⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6943. Л. 31–34.

ли мало преимуществ перед «традиционным» восточным знанием. Так, ветеринар Р.К. Бурсиан, служивший при царскосельской ферме в 1850–1860-х гг.⁵⁵, определил в качестве причины энтерита у ламы «простуду желудка», которая началась из-за того, что животное поедало стебли травы, покрытые первым снегом. Чуму крупного рогатого скота Бурсиан не только пытался лечить желчью, смешанной с водкой, но и заявлял, что метод оказался успешным [Бурсиан, 1853, 1856].

С 1850-х гг. у Фетибаша случались «приступы болезни», которые ветеринары определили как диабет. По сохранившимся кратким описаниям можно предполагать, что это был не диабет и не какая-либо другая болезнь, а муст⁵⁶. Опытные махауты, в отличие от западных ветеринаров, знали, что такое муст, и владели приемами, позволявшими облегчить этот период для животного и для окружающих. В Европе к середине XIX в. о мусте могли знать содержатели цирков и зверинцев, которые специализировались на слонах, а также ветеринары, имевшие опыт работы в Южной Азии. К примеру, в 1841 г. один из британских ветеринаров, служивших в Индии, издал брошюру о слонах как тягловых животных и об их болезнях⁵⁷. Однако, во-первых, описание муста в этой брошюре очень краткое. Во-вторых, автор дал только один рецепт облегчения симптомов муста, добавляя, что в этом вопросе надо доверять опыту надежного махаута. В-третьих, вероятность, что эта или аналогичная работа попала в Петербург, невелика. Ветеринары, получившие обычное для Европы образование, т. е. специализировавшиеся на лошадях и рогатом скоте, имели мало шансов знать о мусте. Можно спекулировать о том, что мог знать о нем Камаль Ятгаров. Он прибыл в Петербург с молодой слонихой, а не со слонем-самцом. Живя в Петербурге, он был отрезан от других махаутов и не имел возможности «повысить квалификацию». Нельзя также исключать, что Ятгаров пытался рассказать про муст ветеринарам, но те не интересовались мнением малообразованного «азиатца», каким им мог казаться Камаль.

Описаний того, как лечили царскосельских слонов, удалось обнаружить очень мало. Сохранившиеся документы сводятся в основном к двум схемам. Это: 1) рапорт царскосельского ветеринара о том, что зверь болен, но примененный способ лечения действует и слон скоро будет здоров; 2) рапорт о том, что слон болен, и для сохранения здоровья ценного животного необходима консультация профессора из Медико-хирургической академии; в следующем рапорте приглашенный коллега одобряет лечение, назначенное царскосельским ветеринаром. И в первом, и во

⁵⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 21. Д. 1106. Л. 35–46.

⁵⁶ У взрослых самцов обычно раз в год на несколько недель резко поднимается уровень некоторых гормонов и меняется ряд других физиологических показателей. Они не могут нормально есть, становятся исключительно агрессивны и проявляют другие неприятные для себя и для окружающих признаки. В описаниях сезонной «болезни» Фетибаша упоминается «мочевой понос» (см., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 9), что может быть признаком не только диабета, но и муста. Еще более определенно свидетельствует о мусте упоминание темпорина, стекавшего из височных желез: «...на щеках открывались раны, из которых выходила материя вроде жира» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993. Л. 10).

⁵⁷ [Gilchrist, 1841]. Обзор того, что писали британские авторы об индийских слонах в первой половине XIX в., см.: [Sivasundaram, 2005].

втором случае в документах зафиксировано мало конкретики в описании способов лечения, и зачастую не приводилось ни описания симптомов, ни диагноза⁵⁸.

Одно из немногих исключений приходится на конец лета — начало осени 1853 г. Во время очередного муста⁵⁹ Фетибаш почти полностью потерял аппетит, исхудал, почему к нему и был вызван ветеринар Бурсиан. Последний назначил лечение от «расстройства пищеварительных органов вследствие простуды» и просил пригласить коллегу из Медико-хирургической академии. Прибывший адъюнкт-профессор Е.И. Шитт одобрил лечение, начатое Бурсианом⁶⁰. Кроме диагноза (расстройство пищеварительных органов и мочевого понос) в данном случае сохранился список лекарств, купленных Бурсианом для лечения слона: корень ревенный (ревень лекарственный) 1 фунт, калган 2 фунта, шафран восточный 9 унций, челибуха 9 унций, колоцин (колоцинт) 1 фунт⁶¹. Все это — лекарства из арсенала скорее «гуморальной», чем того, что мы бы могли назвать «научной» медициной.

Второе исключение — это болезнь Гангру зимой 1858–1859 гг., о чем Бурсиан опубликовал статью. Он задокументировал применение огромных количеств каломели (хлорида ртути) в качестве лекарства от запора и воспаления кишечника, клизм на том этапе, когда запор перешел в понос, и прочие решения в логике гуморальной медицины [Бурсиан, 1859]. Слониха выжила, несмотря на продолжительное лечение с помощью слоновьих (в прямом смысле слова) доз каломели и слабительных. Также из статьи видно, что, несмотря на жестокие с сегодняшней точки зрения методы лечения, о слонах искренне заботились. Больную слониху укрывали коврами, ее, ослабшую, мыли от вонючих испражнений и вливали ей в рот питье, ей предлагали именно ту еду, которую она в данный момент была готова принять, ее постоянно навещал ветеринар и т. д. В 1850-х гг. к царскосельским слонам приезжал по просьбам Бурсиана профессор Медико-хирургической академии Григорий Михайлович Прозоров (1803–1885) — вероятно, самый авторитетный ветеринар Петербурга в те годы⁶².

Если Прозоров или Шитт, на протяжении нескольких лет навещавшие слонов и консультировавшие царскосельских ветеринаров, и делали попытки найти печатные работы о физиологии или лечении хоботных, то до нас эта информация не дошла. Петербургские библиотечные каталоги не упоминают восточных текстов о слонах или работ, подобных брошюре Гилкрита [Gilchrist, 1841], т. е. пересказов того, что западный ветеринар мог узнать от восточных махаутов. Приходится констатировать, что в Петербурге, так же как в Южной Азии, «западное» знание выдавливало «восточную» экспертизу. Зоологи и ветеринары, получившие обычное для Европы образование, мало интересовались тем, что же восточное знание могло предложить в отношении животных, о которых на Востоке был накоплен огромный опыт.

⁵⁸ См., например: РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 5–9; Д. 6968. Л. 20–24; Д. 6982. Л. 38–40.

⁵⁹ Бурсиан ссылается на «мочевого понос, бывающий у слона кажногодно» (РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 9). Обильное мочеиспускание — один из признаков муста, но также и диабета, который ветеринары и подозревали у Фетибаша, не имея представлений о мусте.

⁶⁰ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6965Б. Л. 5.

⁶¹ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 8967. Л. 404.

⁶² РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6968. Л. 22–24; Д. 6982. Л. 40, 55–59.

Более того, мне до сих пор не удалось найти какие-либо указания на проявление интереса к *живым* придворным слонам со стороны *профессиональных* зоологов. То же самое фиксируется в отношении других крупных млекопитающих: интерес широкой публики соседствовал с безразличием со стороны профессиональных зоологов. Царскосельские слоны так же мало интересовали академическое сообщество, как зубры Гатчинской императорской охоты и охотничьих угодий князя Плесс (Силезия) или ибексы Гран-Парадизо (Альпы) [Nyhart, 2009; Hardenberg, 2021; Федотова, 2026а]. Экологии и этологии как отдельным областям исследований еще только предстояло сформироваться. Описания жизни отдельных видов мегафауны в дикой природе или в неволе в форме, выходящей за пределы морфологического и анатомического описания вида, могли появиться на страницах изданий, адресованных широкому кругу читателей, но не коллегам по академической среде [Soderqvist, 1986].

В тех немногих случаях, когда натуралисты все-таки проявляли интерес к подобным животным, Министерство двора такой интерес «внешних» экспертов не поощряло, несмотря на то что администраторы с мест подавали рапорты о необходимости пригласить специалиста. Например, финансирование экспедиции по изучению зубров в 1906–1908 гг. было получено с огромным трудом, а деньги на издание итогового труда так и не были выделены, хотя это было скромной суммой по сравнению с тем, сколько тратилось на охрану зубров в Беловежской пуше⁶³. Примерно в те же годы управляющий княжеством Лович, куда Романовы приезжали почти каждый год для охоты на оленей, планировал пригласить зоолога для изучения паразитов оленей. Министерство не запретило приезд специалиста, но и выделить средства на его командировку отказалось⁶⁴.

Ненужная роскошь, надоевшие игрушки: передача царских слонов в публичные зверинцы

Весной 1859 г. бухарский эмир отправил очередной подарок русскому царю — слониху Ляду. Для Министерства двора это означало новые хлопоты и расходы, включая необходимость пристройки к слоновому павильону помещения для третьего животного. Чтобы избежать этого, еще до прибытия Ляды было решено избавиться от Фетибаша и Гангру. В начале мая 1860 г. они были переданы в частный передвижной зверинец, который в это время находился в Петербурге и принадлежал прусскому подданному Готтлибу Крейцбергу⁶⁵.

Не вполне ясно, почему слоны были отданы именно Крейцбергу. Он специализировался на больших кошках и вообще хищниках и прославился экстремальной дрессурой. Даже авторы 1850-х и 1860-х гг. нередко описывали его представления

⁶³ РГИА. Ф. 515. Оп. 80. Д. 409.

⁶⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 24. Д. 1182.

⁶⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6996. Слоны были отведены в Петербург в ночь с 6 на 7 мая 1860 г. Готтлиб Крейцберг (Gottlieb Kreuzberg, 1810/1814–1874) в свое время был одним из самых известных содержателей зверинцев в Европе.

как жестокие⁶⁶. Крейцберг не был единственным кандидатом на слонов: в Петербурге более 30 лет существовал зверинец Вильгельма Зама⁶⁷. Остается предполагать, что у Крейцберга нашлись близкие ко двору покровители.

В частном зверинце слонов, привыкших к заботливым служителям, прогулкам в парке, уединению и комфорту, ждали гораздо более суровые условия жизни⁶⁸. Гвоздем программы Крейцберга был «африканский пир» — общее кормление хищников⁶⁹. Фетибаш умер через несколько недель. Гангру прожила дольше, хотя сложно сказать, насколько именно. В московских газетах с осени 1861 по апрель 1862 г. печатались объявления о зверинце Крейцберга, выступления которого включали учебного слона⁷⁰. Не исключено, что речь идет о Готтлибе Крейцберге и о Гангру, но это мог быть другой представитель семьи Крейцбергов и (или) другой слон. В августе 1862 г. в московских газетах вновь появились объявления о слоне, которого показывали «на Новинском валу во вновь устроенной временной арене», но эти объявления были более скромными и не упоминали Крейцберга⁷¹. В середине октября Московская аукционная камера продавала от имени Московской управы благочиния 18-летнего слона «вышины 4 $\frac{1}{4}$ аршин, длины 6 аршин, весом до 300 пуд, и фургон для помещения слона во время дороги, принадлежащий прусскому подданному Крейцбергу, на месте нахождения, Арбатской части, в балагане под Новинским, оцененные: слон в 25 рублей, а фургон в 10 рублей»⁷². «Биржевые ведомости» добавляли: «...это тот самый несчастный слон, которого покинул Крейцберг за его дурное поведение и который существовал до сих пор частною благотворительностью и призрением московской полиции»⁷³.

⁶⁶ Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 26 октября. № 234. С. 1–2; Москвич. Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1857. 6 декабря. № 264. С. 1092–1096; Петербургская жизнь. Заметки нового поэта // Современник. 1858. Т. 72. № 11. С. 131–160; Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1858. 14 мая. № 101. С. 435–436.

⁶⁷ После прибытия в Царское Село слонихи Ляды Зам ходатайствовал о том, чтобы слониху отдали в его зверинец. Министерство двора отказало сначала по той причине, что в Петербурге все еще находились бухарские посланники, а позднее — без объяснения причин (РГИА. Ф. 482. Оп. 1, разд. 782/1958. Д. 4463).

⁶⁸ К примеру, в 1858 г. в зверинце Крейцберга, находившемся тогда в Москве, умер молодой слон. Его тело купил зоологический кабинет университета св. Владимира (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 895. Л. 82).

⁶⁹ «Общее кормление» происходило «при вое, рыканиях, завывании, писке и крике. Страшный концерт, невольно наводящий ужас. <...> все это, может быть, и любопытно, но вовсе не привлекательно. Невольное чувство ужаса сжимает сердце, нервы болезненно напрягаются и доводят вас до лихорадочного состояния» (Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. 26 октября. № 234. С. 2).

⁷⁰ См. объявления в «Ведомостях Московской городской полиции»: 1861. 11 ноября. № 247; 1862. 2 января. № 1; 1862. 15 марта. № 58; 1862. 6 апреля. № 77. Размещался зверинец на Лубянской площади, а во время пасхальных праздников — на месте Подновинского гулянья. Описание зверинца см.: Письмо из Москвы // Русский инвалид. 1861. 29 ноября. № 265. С. 1096.

⁷¹ См., например: Ведомости Московской городской полиции. 1862. 11 августа. № 173.

⁷² Ведомости Московской городской полиции. 1862. 15 октября. № 221; 17 октября. № 223.

⁷³ Биржевые ведомости. 1862. 21 октября. № 224. С. 1.

В пользу того, что это могла быть Гангру, говорит только возраст животного. Весной того же 1862 г. столичные газеты писали о молодом азиатском слоне Джеке, «взбунтовавшемся» у Крейцберга (возможно, это был муст). В какой-то момент планировалось его отравить цианидом, но казнь была отложена⁷⁴. Мог ли Крейцберг выдавать слонику Гангру за молодого самца, какова дальнейшая судьба этого слона (или этих двух животных) — пока неясно.

Слониха Ляда прибыла в Царское Село 3 июля 1860 г. Старший махаут Латиф-хан Дин Мухаметов либо не хотел оставаться в Петербурге, либо наслушался рассказов про выгодную службу у белого царя. Он запросил непомерно высокое жалованье и другие привилегии⁷⁵. В итоге Министерство двора продлило контракт с Камалем Ятгаровым, который все еще находился в Царском Селе. Ятгарову была обещана прибавка к жалованью, так что он остался при Ляде⁷⁶, а в качестве его помощников остались все те же четверо служителей императорской охоты⁷⁷.

В 1864 г. великий князь Николай Николаевич Старший обратился с ходатайством отдать слонику для первого в империи зоологического сада, недавно созданного в Москве, — Николай Николаевич Старший был попечителем общества, создававшего зоосад. Ходатайство было удовлетворено, и конце сентября 1864 г. Ляда была оправлена по железной дороге в Москву⁷⁸. Слониха Ляда упоминается в газетных заметках о зоосаде по крайней мере до 1868 г.⁷⁹

В 1869 г. бухарский эмир подарил русскому царю трех взрослых слонов. По-видимому, еще в то время, когда слоны находились в пути, было принято решение передать двух слонов столичным зоопаркам. Московский зоосад получил самца Мавлюка, а Петербургский — самку Чанчал. Третий слон, Мавлюбаш, прожил два года в Царском Селе, но в 1872 г. также был передан в Петербургский зоопарк. Мавлюк прожил до сентября 1903 г. и часто упоминался в газетных заметках, а также в отчетах по зоосаду [*Попов*, 18786; *Кулагин, Петров*, 1895]. Поводом для новостей мог становиться «дурной характер» Мавлюка (он несколько раз вырывался на волю, нападал на служителей), плачевное состояние слоновника, а также дурное обращение служителей с животными — реальное или мнимое⁸⁰ (рис. 2).

Петербургский зоосад, в отличие от Московского, был частным предприятием, его отчетов не составлялось, а архивных документов сохранилось мало. В газетах

⁷⁴ Из Москвы (15 мая) // Русский инвалид. 1862. 22 мая. № 112. С. 379.

⁷⁵ Мухаметов потребовал жалованья 1 000 руб. в год себе и 600 — помощнику, говорящему по-русски, при казенных квартирах, кроме того, возможность за казенный счет съездить с сопровождающим лицом в Оренбург за своей женой (РГИА. Ф. 482. Оп. 16, разд. 782/1958. Д. 4463. Л. 17–20).

⁷⁶ Жалованье Ятгарова за время службы при Фетибаше и Гангру составляло 543 руб. в год при казенной квартире и униформе; на время службы при Ляде ему увеличили жалованье до 720 руб. в год (РГИА. Ф. 482. Оп. 1, разд. 782/1958. Д. 4463).

⁷⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 4352.

⁷⁸ РГИА. Ф. 472. Оп. 15, вн. оп. 91/929. Д. 43; Ф. 487. Оп. 8. Д. 7019.

⁷⁹ А-в. Московский зоологический сад // Русский инвалид. 1868. 5 октября. № 272. С. 3; более ранние ее упоминания: Русский инвалид. 1865. 26 января. № 20; 25 сентября. № 210.

⁸⁰ Прогулка слона по Москве. 30 сентября 1877 г. // Петербургский листок 1877. 4 (16) октября. № 192. С. 3; *Москвич*. О слонах Московского зоопарка // Московские ведомости. 1915. 10 (23) сентября. № 208. С. 2.

появлялись объявления о представлениях и сообщения о происшествиях, но зачастую эта информация недостаточно полная и надежная. Не исключено, что Мавлюбаш прожил в Петербургском зоосаде как минимум до начала 1874 г., и в заметке, напечатанной во «Всемирной иллюстрации» об испуганном слоне, бежавшем по улицам города, речь идет о нем⁸¹ (рис. 3).

Можно говорить, что создание зоологических садов, сначала в двух столицах в 1860-х гг., а в начале XX в. — и в других городах империи, придало новый смысл живым подаркам, адресованным монархам. Теперь дар в виде животного преподносился не только императору как олицетворению государства, но и всем жителям империи, которые получали возможность увидеть это необычное животное в зоосаду. Некоторые из живых подарков передавались в зоосады не сразу, а после нескольких месяцев или лет при дворе⁸².

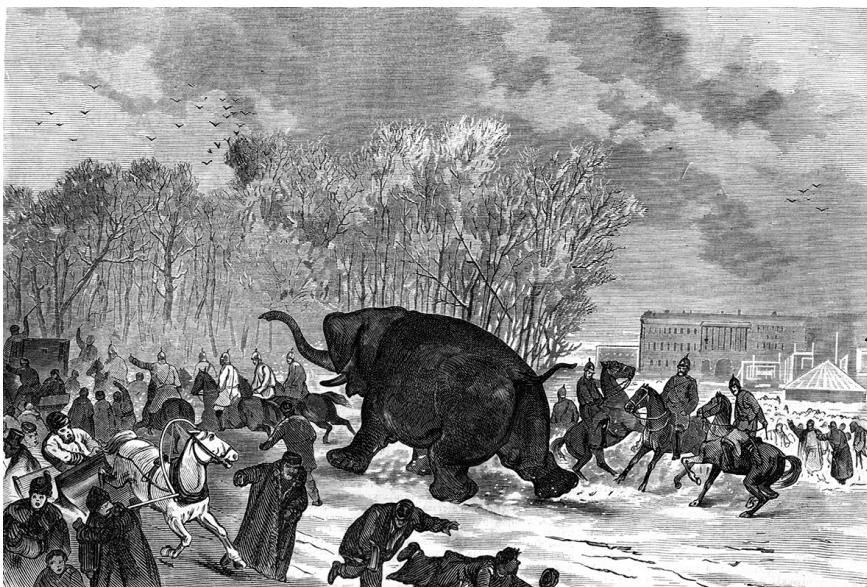

Рис. 3. Бегство слона из балагана Роста во время Масленицы, 9 февраля 1874 г.
Рисунок Н.Н. Каразина, гравер К. Вейерман.

Источник: Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 148

Fig. 3. The Elephant escapes from Rost's booth during Maslennitsa, February 9, 1874.
Drawing by Nicolay Karazin, engraver K. Weyerman.

Source: Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 148

⁸¹ Слон, напуганный происшествием в соседнем балагане, убежал с места народных гуляний обратно в зоосад (Бегство слона из балагана Роста во время Масленицы // Всемирная иллюстрация. 1874. Т. 11. № 9. С. 146, 148, см. рис. 3). Азиатские слоны упоминаются в путеводителях, издававшихся владельцем зоопарка [Рост, 1874, с. 16 и более поздние издания], но без объяснений, о каком конкретно животном идет речь.

⁸² К примеру, в 1897 г. негус Абиссинии прислал в подарок Николаю II двух обезьян. В 1899 г. самец умер, а самку, которая заскучала в одиночестве, отдали в Петербургский зоосад. В 1899 г. лаосский принц прислал две пары кошек. После недолгого содержания при дворе одна пара была передана в Московский зоосад, а вторая — в Петербургский (РГИА. Ф. 472. Оп. 43, внутр. оп. 472/2421. Д. 193).

Следующие слоны появились в Царском Селе в 1890-х гг. Николай II, в отличие от отца и деда, не старался ограничивать расходы двора, тем более что новая мода подняла популярность не только экзотических пород домашних животных, но и диких ручных. В последние десятилетия царствования Романовых в их резиденциях содержались ручные волки, лани, косули, северные и другие олени; в Царском Селе несколько лет жили лошади Пржевальского; мода на обезьянок, попугаев и других экзотических животных во дворцах, оранжереях и садах никогда не проходила полностью.

Первый из слонят был подарен Николаю Александровичу в бытность его наследником во время восточного путешествия в 1890—1891 гг. В этом путешествии в числе других развлечений Николай принял участие в двух охотах на слонов — на Цейлоне и в Сиаме. Слоненок был подарен после охоты на Цейлоне⁸³, хотя в газетных заметках и личных источниках про него нередко писали как про сиамского⁸⁴. В 1896 г. была привезена от негуса Абиссинии юная слониха примерно двух лет⁸⁵ — эхо политических игр, которые Россия тогда вела в восточной Африке.

С появлением публичных зверинцев и зоологических садов в России появилась и профессия служителя при диких животных, поэтому Царскосельское дворцовое правление в конце XIX в. в качестве слоновщиков нанимало обычных российских подданных, имевших опыт работы в зоосадах. Вместе с этим статус и жалование слоновщиков понизились и почти сравнялись со статусом и жалованьем других служителей при животных (табл. 3).

Для встречи слоненка с Цейлона в Одессу были отправлены два служителя Петербургского зоосада. Один из них — татарин Сейфулла Сейтбурханов — был принят на службу в Царское Село, где и оставался до своей смерти в 1913 г. Его сын Абдула еще подростком помогал отцу, а после смерти отца в 1913 г. стал помощником при его преемнике⁸⁶. Второй слоновщик — татарин из той же местности Махмут Сейфулин — был нанят в связи с прибытием абиссинской слонихи, уволен после смерти цейлонского слона и нанят снова после смерти Сейтбурханова.

Цейлонский слон умер в сентябре 1902 г.⁸⁷, а абиссинская слониха жила до коллапса империи и умерла осенью 1917 г., во время транспортировки в Московский зоосад. Сохранилось несколько фотографий Николая II и других Романовых со слонами — в основном с абиссинской слонихой.

Посмертная судьба слонов

История придворного слона не обязательно заканчивалась вместе с его или ее смертью — они могли становиться экспонатами естественно-исторических музеев.

⁸³ [Ухтомский, 1895, с. 204]; РГИА. Ф. 468. Оп. 15. Д. 246.

⁸⁴ См., например: Новое время. 1891. 11 июля. № 5518; выше уже говорилось, что великий князь Константин Константинович писал об этом слоненке как о сиамском.

⁸⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6497.

⁸⁶ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7115; Оп. 9. Д. 783, 784, 786, 787. По-видимому, мальчик в татарской одежде на некоторых снимках царскосельской слонихи — это Абдула Сейтбурханов.

⁸⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 7139. В деле сохранились счета из аптеки и заключение ветврача А. Нестерова. По его мнению, смерть наступила от паралича сердца (л. 31).

Посмертная судьба трех слонов, павших на императорском охотном дворе в 1806, 1823 и 1827 гг., описана в специальных статьях: они стали экспонатами Кунсткамеры (а затем Зоологического музея и Зоологического института Академии наук) [Fedotova, 2024], Казанского и Варшавского университетов [Fedotova, 2026b].

Слоны, которые умирали в публичных зверинцах и зоосадах, также могли попадать в музеи. Летом 1860 г. Крейцберг продал тело Фетибаша Санкт-Петербургской медико-хирургической академии⁸⁸. Для изготовления чучела академия наняла известного мастера папье-маше Иоганна Гейзера. Возможно, было произведено вскрытие Фетибаша и составлен его протокол. Во всяком случае, запрашивая сведения о жизни Фетибаша в Царском Селе, конференция академии объяснила, что нуждается в них для «составления описания вскрытия и препарирования»⁸⁹. Если документы о вскрытии сохранились, то их нужно искать в фонде академии в Российском государственном военно-историческом архиве.

В течение столетия чучело и скелет Фетибаша украшали один из холлов академии. В 1960-е гг. их было решено передать в Зоологический институт АН СССР. В процессе демонтажа чучела внутри него были найдены бумаги, позволившие установить провенанс экспоната и в том числе — имя мастера [Заславский, 1979, с. 127–128]. Затем чучело было передано на кафедру зоологии Воронежского университета, где находится и сегодня⁹⁰, а скелет остался в хранилище Зоологического института.

Из других царскосельских слонов известна судьба останков абиссинской слониhi, и есть предположения об останках цейлонского слона, умершего в 1902 г. Возможно, тело последнего было куплено эксцентричным миллионером А.В. Кокаревым. Во всяком случае в саду особняка Кокарева в Царском Селе (ныне г. Пушкин, ул. Московская, 55) находился стеклянный павильон с чучелом слона, поставленный приблизительно в то время, когда умер цейлонский слон [Козлов, 2010, с. 100].

Последние месяцы жизни абиссинской слониhi породили городскую легенду. После февраля 1917 г. большая часть структур Министерства двора потеряла финансирование. Деньги на содержание слониhi перестали поступать регулярно. Рассказывают, что слониhi бродила по Царскому Селу и ее расстреляли пьяные солдаты. Последнее является выдумкой. Осенью 1917 г. слониhi было решено отдать в Московский зоосад, но она по дороге умерла⁹¹. Ее тело было отдано Дарвиновскому музею, где в 1927 г. таксидермист Ф.Е. Федулов с помощниками смонтировал чучело, которое экспонируется и сегодня [Фадеев, 2020].

⁸⁸ РГИА. Ф. 487. Оп. 8. Д. 6993.

⁸⁹ Там же. Л. 7.

⁹⁰ Научный архив Зоологического института Российской академии наук (НА ЗИН РАН). Ф. 1. Оп. 6. Д. 169. Л. 284; Сухорослов М.С. Искусство таксидермиста // Воронежский университет. 1966. 22 февраля. № 7. Я признательна за эту информацию Евгению Васильевичу Аксёненко (кафедра зоологии и паразитологии Воронежского университета).

⁹¹ Если бы слониhi умерла в Царском Селе, не было бы смысла везти ее останки в Москву. В Зоологическом музее (ныне — Зоологический институт РАН) не было африканского слона.

Заключение

По слонам, содержавшимся при Санкт-Петербургском императорском дворе в XIX и начале XX в., сохранилось довольно много документов. Большая их часть — это рутинная переписка о закупке припасов и выплатах служителям, но имеются и контракты махаутов, записки о слонах, составленные с их слов, и другие содержательные документы. Кроме того, даже рутинные бумаги содержат любопытные детали об особенностях слоньего рациона или об уходе за животными. Работа в архивах других городов, например в Бухаре или Москве, могла бы дать новые подробности о животных, которые стали подарками «белому царю», о жизни слонов после их передачи в Московский зоосад, а также о людях, которые заботились об этих гигантах. Начатые проекты по оцифровке газет имперского времени обещают еще один интересный источник — по слонам передвижных зверинцев, цирков и городских зоосадов.

Если отталкиваться от деления, предложенного Луизой Роббинс [Robbins, 2002], слоны при российском императорском дворе XVIII, XIX и начала XX в. скорее попадают в категорию избалованных, чем поработанных пленников, в отличие от слонов в зверинцах Западной Европы. Благодаря статусу исключительных животных и дипломатических подарков им был обеспечен лучший из возможного в то время уход — хорошо подготовленные и заботливые слоновщики, качественный корм, прогулки, купания, визиты ветеринаров и т. д. Тем не менее слоны оставались пленниками, а во второй половине XIX в. их отдавали в публичные зверинцы, где условия содержания были гораздо более суровыми и где они могли сравнительно быстро погибнуть.

В XVIII в. слоны при российском императорском дворе, по выражению М. Пироговской, играли роль аватаров власти, однако в течение XIX столетия их статус менялся. В годы правления Николая I слоновник был перемещен из столицы в Царское Село — загородную резиденцию Романовых. Тем самым слоны становились в первую очередь домашними питомцами, а их церемониальная функция отодвигалась на задний план, хотя полностью все же не исчезала. Александр II и его окружение старались сократить расходы двора, и экзотические животные перешли в разряд излишней роскоши. В 1860-х гг. в России не только гастролировали большие европейские зверинцы и цирки, но и были созданы два первых зоосада — в Москве и Петербурге. Это придало живым подаркам, преподносимым монарху, новый смысл. Экзотическое животное становилось подарком не только лично императору как персонификации государства, но и всем жителям империи, так как они получали возможность видеть это необычное животное в публичном зоосаду. Николай II, в отличие от своего отца и деда, не считал нужным ограничивать траты августейшей семьи. Так что в 1890-х гг. слоны вновь появились в Царском Селе на правах исключительных домашних питомцев, вполне соответствующих исключительному статусу семьи Романовых (с точки зрения самой семьи).

Изменения происходили и в сфере того, как был организован уход за экзотическими животными и на чем базировалась экспертиза по контролю за их здоровьем. «Технологический анклав» по уходу за слонами, переносимый с Востока вместе с самими гигантами, в XVIII и первой трети XIX в. существовал вполне изолированно. Во второй трети XIX в. он начал уступать давлению «рационального» западной экспертизы, хотя «запад» все еще знал очень мало о слонах и их физиологии. Если

петербургские ветеринары и делали попытки получить информацию о слонах, например от британских коллег, работавших в Южной Азии, то мы ничего не знаем об этом. К примеру, в 1850-х гг. ветеринары пытались обращаться со слоном во время муста как с пациентом, страдающим диабетом.

Мне пока не удалось найти ни одного указания на проявление интереса со стороны профессиональных зоологов к слонам, жившим при дворе. Это в целом отражает сразу две более общие тенденции. Во-первых, крупные млекопитающие были мало интересны академическим наукам о жизни во второй половине XIX и начале XX в. Во-вторых, как показывает переписка, Министерство двора хотя и не запрещало своим администраторам приглашать внешних экспертов для консультаций, но и не поощряло такие вмешательства в свой достаточно закрытый мирок.

После своей смерти придворные слоны могли еще раз становиться подарками: в этом случае от императора — научному сообществу. Тем самым они оставались объектами внимания публики, теперь уже в качестве экспонатов естественно-исторических музеев. На данный момент известно, что стало с телами двух слонов, живших в парке Царского Села. Из останков Фетибаша Иоганн Гейзер смонтировал чучело и скелет, которые около сотни лет (с 1860-х до 1960-х гг.) находились в одном из холлов Медико-хирургической (Военно-медицинской) академии. Затем чучело было передано на кафедру зоологии Воронежского университета, а скелет оказался в Зоологическом институте РАН. Последняя обитательница царскосельского слоновника, африканская слониха, осенью 1917 г. была передана в Московский зоо-сад, но умерла по пути туда. Ее тело было отдано Дарвиновскому музею, а в 1927 г. Ф.Е. Федулов с помощниками смонтировал чучело, которое экспонируется до сих пор.

Приложение

Рацион слонов при Санкт-Петербургском императорском дворе

На один день на одного слона

1896—1872

Лепешки из лучшей пшеничной муки 2 пуда; коровье масло (топленое) 3—5 фунтов; мед 5 фунтов; сахар 1—4 фунта; сено 3—5 пудов, летом свежая трава, ежедневно или 2—3 раза в неделю, в остальные дни — сено.

С осени 1840 г. в холодные месяцы — небольшое количество овощей (лук, чеснок, петрушка, морковь).

1891—1917

8 утра: 5 фунтов риса, сваренных с 1/8 фунтами изюма или с сахаром, немного лука и чеснока;

10 утра: 1,5 фунта солода, 5 фунтов картофеля, 5 фунтов отрубей, 5 фунтов свеклы, 4 фунта моркови, 2,5 фунтов гороха. Поить теплой водой;

Полдень: пшеничные лепешки, выпеченные на снятом молоке, 10 фунтов;

5 вечера: 5 фунтов риса, сваренных с 1/8 фунтами изюма или с сахаром; немного лука и чеснока;

8 вечера: 1,5 фунта солода, 5 фунтов картофеля, 5 фунтов отрубей, 5 фунтов све-
клы, 4 фунта моркови, 2,5 фунтов гороха. Поить теплой водой;

10 вечера: 1,5 пуда сена.

Источники: РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1418; Ф. 478. Оп. 1, разд. 1/1000. Д. 52, 53, 59, 66; Ф. 487. Оп. 8. Д. 6495, 6497, 6908, 6911, 6916, 6928, 7005, 7015, 7043, 7115, 7137, 7139, 7151.

Литература

Бурсиан Р. Случай воспаления кишек и раздутости брюха у ламы // Записки ветеринарной медицины. 1853. Кн. 6. С. 4–8.

Бурсиан Р. Опровержение мнения о недействительности бычачьей желчи при чуме рога-
то скота // Записки ветеринарной медицины. 1856. Кн. 5. С. 269–274.

Бурсиан Р. Кишечный запор у слона. История болезни // Записки ветеринарной медици-
ны. 1859. Кн. 5. С. 189–200; Кн. 6. С. 256–260.

Ваганов С. Смерть слона Зембо // Ветеринарный врач. 1909. № 23. С. 360–361.

Васильева Д. Живые подарки: слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 // XXX Меж-
дународный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. СПб.:
НП-Принт, 2019. С. 179–187.

Гарутт Н.В. Очарованный слоном // Труды Зоологического института РАН. 2018. Т. 322.
№ 3. С. 215–221.

Заславский М.А. Ландшафтные экспозиции музеев мира. Л.: Наука, 1979. 211 с.

Зефельд А. 25-летие Санкт-Петербургского зоологического сада (1865–1890). СПб.: Тип.
Э. Гоппе, 1890. 56 с.

Козлов А.В. Сильвио Данини: материалы к творческой биографии. СПб.: Коло, 2010.
206 с.

Кулагин Н.М. Материалы по истории зоосада с 1864 по 1899 год. М.: Тип. Моск. ун-та,
1900. 83 с.

Кулагин Н.М., Петров Н.В. Краткий очерк истории устройства и развития Московского
зоосада // Труды Русского общества акклиматизации животных и растений. 1895. Т. 5. № 1.
С. 3–9.

Матвиевская Г. Слоны в Оренбурге // Гостиный Двор. 2008. № 23. С. 189–200.

Моисеев М. Слон Ивана Грозного // *Studia historica Europae Orientalis*. 2010. № 3. С. 209–
220.

Московский зоологический парк: к 140-летию со дня основания / Ред. Л.В. Егорова. М.:
Эллис Лак, 2004. 304 с.

Попов В.В. Поездка по зоосадам Средней Европы // Труды Русского общества акклима-
тизации животных и растений. 1878а. Т. 1. С. 25–49.

Попов В.В. Дневник Зоосада с 1 сентября 1878 г. по 1 сентября 1879 г. // Труды Русского
общества акклиматизации животных и растений. 1878б. Т. 1. С. 226–249.

Романов К.К. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М.: Искусство, 1998. 492 с.

Рост Е. Путеводитель по Зоологическому саду. СПб.: Тип. Гоппе, 1874. 24 с.

Сартори П., Шаблей П.С. В поисках счастливой судьбы в Оренбурге и форте Перовский:
Михаил Первухин как востоковед, должник и имперский чиновник // Электронный науч-
но-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 8 (82). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (дата обращения: 26.04.2026). DOI: 10.18254/S207987840006046-9.

Тоболкин Я.А. Санитарно-ветеринарный отчет по зоосаду за 1907 г. // Вестник Московского зоосада. 1908. Вып. 1. С. 29–32.

Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток, 1890–1891. Т. 2. СПб., Лейпциг: Брокгауз, 1895. 228, 249 с.

Фадеев И.В. Таксидермисты Федуловы в Дарвиновском музее // Труды Государственного Дарвиновского музея. Вып. 23. М.: ГДМ, 2020. С. 24–42.

Федотова А.А. Из заповедной пуши к царскому двору: беловежские зубры под Санкт-Петербургом // *Loci imperialis*. 2026a. № 2. В печати.

Юхименко Е. По улицам слона водили...: документ, литературный текст и российская действительность 1710-х гг. // Текст и традиция. СПб.: Росток, 2015. Вып. 3. С. 95–114.

Agreeable News from Persia. Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848 / Ed. D.T. Potts. Wiesbaden: Springer, 2022. 2023 p.

Amato S. The White Elephant in London: An Episode of Trickery, Racism and Advertising // *Journal of Social History*. 2009. Vol. 43. No. 1. P. 31–66.

Bedini S.A. The Pope's Elephant. Manchester: Carcanet Press, 1997. 302 p.

Buffon G. Histoire naturelle, générale et particulière. Vol. 11. Paris: De l'Imprimerie royale, 1764.

Cappellini E., Gentry A., Palkopoulou E., Ishida Y., Cram D., Roos A.-M., Watson M., Johansson U.S., Fernholm B., Agnelli P., Barbagli F., Littlewood D., Kelstrup C.D., Olsen J.V., Lister A.M., Roca A.L., Dalén L., Gilbert M. Resolution of the type material of the Asian elephant, *Elephas maximus* Linnaeus, 1758 (Proboscidea, Elephantidae) // *Zoological Journal of the Linnean Society*. 2014. Vol. 170. No. 1. P. 222–232.

Daly M. Topsy: The Startling Story of the Crooked-Tailed Elephant, P.T. Barnum, and the American Wizard, Thomas Edison. New York: Atlantic Monthly Press, 2014. 288 p.

Day Ch., Garside A. Wildlife Management in South Sudan, 1901–2021: Conservation Amidst Conflict // *African Studies Review*. 2024. Vol. 67. No. 3. P. 610–631.

Du Verno I. De cystema et ductu thoracico catopardi, phocae et elephanti // *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*. 1726–1728. T. 1. P. 342–350.

Fedotova A. The Provenance of a Kunstammer Elephant: Animal Diplomacy and a Prop Artist in the Early Nineteenth Century St. Petersburg // *Revista Prohistoria*. 2024. No. 42. P. 1–8.

Fedotova A. A Tale of Two Elephants: Animal Diplomacy in Imperial Russia // *Archives of Natural History*. 2026b. Vol. 53. No. 2, forthcoming.

Gilchrist W. A Practical Memoir on the History and Treatment of the Diseases of the Elephant. Calcutta: G.H. Huttman, Bengal Military Orphan Press, 1841. 78 p.

Hardenberg W. A Monastery for the Ibex. Conservation, State, and Conflict on the Gran Paradiso, 1919–1949. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2021. 255 p.

Kotenko A. For Fame and Fortune: The Origins of St. Petersburg's Zoo, 1865–1871 // *Urban History*. 2024. Vol. 52. No. 4. P. 604–621.

Leonardi C. Exploring Elephants in European Hunting Narratives from Nineteenth-Century Southern Sudan // *Humanimalia*. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 37–79.

Nance S. Entertaining Elephants: Animal Agency and the Business of the American Circus. Baltimore: JHU Press, 2013. 296 p.

Nance S. Animal Modernity: Jumbo the Elephant and the Human Dilemma. Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan, 2015. 112 p.

Nyhart L. Modern Nature: The Rise of the Biological Perspective in Germany. Chicago, USA: University of Chicago Press, 2009. 440 p.

Pirogovskaya M. "Elephant Ayurveda" at the 18th-Century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power // *Forum for Anthropology and Culture*. 2025. No. 21. P. 131–172.

Ritvo H. Animal Estate the English and Other Creatures in the Victorian Age. Cambridge: Harvard University Press, 1987. 364 p.

Robbins L. Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris. Baltimore, John Hopkins University Press, 2002. 350 p.

Rothfels N. Killing Elephants: Pathos and Prestige in the Nineteenth Century Victorian Animal Dreams: Representations of Animals in Victorian Literature and Culture / Eds. M.A. Danahay, D.D. Morse. London: Routledge, 2007. P. 53–64.

Rothfels N. Elephant Trails. A History of Animals and Cultures. Baltimore: John Hopkins University Press, 2021. 237 p.

Saha J. Colonizing Elephants: Animal Agency, Undead Capital and Imperial Science in British Burma // BJHS Themes. 2017. Vol. 2017. P. 169–189.

Sivasundaram S. Trading Knowledge: The East India Company's Elephants in India and Britain. The Historical Journal. 2005. Vol. 48. P. 27–63.

Skotnes-Brown J. Domestication, Degeneration, and the Establishment of the Addo Elephant National Park in South Africa, 1910s–1930s // The Historical Journal. 2021. Vol. 64. No. 2. P. 357–383.

Soderqvist T. The Ecologist: From Merry Naturalists to Saviors of the Nations. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1986. 330 p.

Wang L. Walking Elephants to Beijing: Manipulation, Local Bureaucracy, and the Forging of Peace on the Qing Southwest Frontier, 1700–1800 // Monumenta Serica. 2026. Vol. 74. No. 1. P. 1–49.

Fetibash, Gangru, and Others: Biographies of the Tsarskoye Selo Elephants

ANASTASIA A. FEDOTOVA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: f-anastasia@yandex.ru

This article explores the care regimes of the elephants that lived at Tsarskoye Selo, the Romanov country residence, from 1839 until the collapse of the empire in 1917. There were six elephants in total: they were gifts to Nicholas I, Alexander II, and Nicholas II from Bukhara, Ceylon, and Abyssinia. The peculiarity of the Tsarskoye Selo elephants lies in their role not only as diplomatic gifts but also as pets for the Romanovs. The first and the second were supported by their status as exceptional animals and ensured the elephants with the highest level of comfort possible for animals in captivity: caring mahouts and veterinarians, walks and baths, a quiet, secluded life. However, the elephants essentially remained captives: they were kept chained indoors. In the 1860s and 1870s, Tsarskoye Selo elephants were given to public menageries and zoos, where conditions were much harsher. Surviving information about the lives of six Tsarskoye Selo elephants, their caretakers, and veterinarians allows us to draw some conclusions about the expertise on exotic animals at the imperial court. After the elephants' deaths, their bodies could become exhibits in natural history museums. A rich historiography allows us to compare the care of Tsarskoye Selo elephants with the care of animals in public zoos in Europe, North America, and Russia during the same period.

Keywords: elephants, Tsarskoye Selo, menageries, Russian Empire, the long 19th century.

Acknowledgments

I am grateful to Evgeny V. Aksenenko for information about the mounted Fetibash's skin in the museum of the Department of Zoology and Parasitology of Voronezh University; to Maria M. Pirogovskaya (Ludwig Maximilian University of Munich) and Evgeny N. Mashchenko (Paleontological Institute, Russian Academy of Sciences) for their valuable comments.

References

- Amato, S. (2009). The White Elephant in London: An Episode of Trickery, Racism and Advertising, *Journal of Social History*, 43 (1), 31–66.
- Bedini, S.A. (1997). *The Pope's Elephant*, Manchester: Carcanet Press.
- Buffon, G. (1764). *Histoire naturelle, générale et particulière*, vol. 11, Paris: De l'Imprimerie royale (in French).
- Bursian, R. (1853). Sluchay vospaleniya kishek i razdutosti bryukha u lamy [A case of intestinal inflammation and abdominal distension in a llama], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 6, 4–8 (in Russian).
- Bursian, R. (1856). Oproverzheniye mneniya o nedeystvitel'nosti bychach'yey zhelchi pri chume rogatogo skota [Refutation of the opinion about the invalidity of bull bile in cattle plague], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 5, 269–274 (in Russian).
- Bursian, R. (1859). Kishechnyy zapor u slona. Istoriya boleznii [Intestinal constipation in an elephant. A case report], *Zapiski veterinarnoy meditsiny*, no. 5, 189–200; no. 6, 256–260 (in Russian).
- Cappellini, E., Gentry, A., Palkopoulou, E., Ishida, Y., Cram, D., Roos, A.-M., Watson, M., Johansson, U.S., Fernholm, B., Agnelli, P., Barbagli, F., Littlewood, D.T.J., Kelstrup, C.D., Olsen, J.V., Lister, A.M., Roca, A.L., Dalén, L., Gilbert, M.T.P. (2014). Resolution of the type material of the Asian elephant, *Elephas maximus* Linnaeus, 1758 (Proboscidea, Elephantidae), *Zoological Journal of the Linnean Society*, 170 (1), 222–232.
- Daly, M. (2014). *Topsy: The Startling Story of the Crooked-Tailed Elephant, P.T. Barnum, and the American Wizard, Thomas Edison*, New York: Atlantic Monthly Press.
- Day, Ch., Garside, A. (2024). Wildlife Management in South Sudan, 1901–2021: Conservation Amidst Conflict, *African Studies Review*, 67 (3), 610–631.
- Du Vernoi, I. (1726–1728). De cysterna et ductu thoracico catopardi, phocae et elephanti, *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*, vol. 1, 342–350 (in Latin).
- Egorova, L. (Ed.) (2004). *Moskovskiy zoologicheskiy park: k 140-letiyu so dnya osnovaniya* [Moscow Zoo: Celebrating the 140th anniversary], Moskva: Ellis Lak (in Russian).
- Fadeev, I. (2020). Taksidermisty Fedulovy v Darvinovskom muzee [Taxidermists Fedulovs in the Darwin Museum], *Trudy Gosudarstvennogo Darvinovskogo muzeya*, no. 23, 24–42, Moskva: GDM (in Russian).
- Fedotova, A. (2024). The Provenance of a Kunstkammer Elephant: Animal Diplomacy and a Prop Artist in the Early nineteenth Century St. Petersburg, *Revista Prohistoria*, no. 42, 1–8.
- Fedotova, A. (2026a). Iz zapovednoy pushchi k tsarskomu dvoru: belovezhskiy zubry pod Sankt-Peterburgom [From a primeval forest to the tsars' court: the Białowieżan bison in the St. Petersburg imperial residences], *Locis imperialis*, no. 2, forthcoming (in Russian).
- Fedotova, A. (2026b). A Tale of Two Elephants: Animal Diplomacy in Imperial Russia, *Archives of Natural History*, 53 (2), forthcoming.
- Garutt, N. (2018). Ocharovanny slonom [Enchanted by the elephant], *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN*, 322 (3), 215–221 (in Russian).
- Gilchrist, W. (1841). *A Practical Memoir on the History and Treatment of the Diseases of the Elephant*, Calcutta: G.H. Huttman, Bengal Military Orphan Press.

- Hardenberg, W.G. (2021). *A Monastery for the Ibex. Conservation, State, and Conflict on the Gran Paradiso, 1919–1949*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Juhimenko, E. (2015). Po ulitsam slona vodili...: dokument, literaturnyy tekst i rossiyskaya deystvitel'nost' 1710-kh gg. [An elephant was led through the streets...: a document, a literary text, and Russian reality in the 1710s.], in *Tekst i traditsiya* [Text and tradition], no. 3 (pp. 95–114), S.-Peterburg: Rostok (in Russian).
- Kotenko, A. (2024). For Fame and Fortune: The Origins of St. Petersburg's Zoo, 1865–1871, *Urban History*, 52 (4), 604–621.
- Kozlov, A. (2010). *Sil'vio Danini: materialy k tvorcheskoy biografii* [Silvio Danini: materials for a creative biography], S.-Peterburg: Kolo (in Russian).
- Kulagin, N. (1900). *Materialy po istorii zoosada s 1864 po 1899 god* [Materials on the history of the Zoo from 1864 to 1899], Moskva: Tip. Mosk. un-ta (in Russian).
- Kulagin, N., Petrov, N. (1895). Kratkiy ocherk istorii ustroystva i razvitiya Moskovskogo zoosada [A brief essay on the history and development of the Moscow Zoo], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, 5 (1), 3–9 (in Russian).
- Leonardi, C. (2025). Exploring Elephants in European Hunting Narratives from Nineteenth-Century Southern Sudan, *Humanimalia*, 16 (1), 37–79.
- Matvievsкая, G. (2008). Slony v Orenburge [Elephants in Orenburg], *Gostiny Dvor*, no. 23, 189–200 (in Russian).
- Moiseyev, M. (2010). Slon Ivana Groznogo [The elephant of Ivan the Terrible], *Studia historica Europae Orientalis*, no. 3, 209–220 (in Russian).
- Nance, S. (2013). *Entertaining Elephants: Animal Agency and the Business of the American Circus*, Baltimore: JHU Press.
- Nance, S. (2015). *Animal Modernity: Jumbo the Elephant and the Human Dilemma*, Houndmills, Basingstoke; New York: Palgrave MacMillan.
- Nyhart, L. (2009). *Modern Nature: The Rise of the Biological Perspective in Germany*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pirogovskaya, M. (2025). “Elephant Ayurveda” at the 18th-Century Russian Court: Medical Pluralism, Technology Transfer, and Avatars of Power, *Forum for Anthropology and Culture*, no. 21, 131–172.
- Popov, V. (1878a). Poyezdka po zoosadam Sredney Yevropy [Trip to the zoological gardens of Central Europe], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, no. 1, 25–49 (in Russian).
- Popov, V. (1878b). Dnevnik Zoosada s 1 sentyabrya 1878 g. po 1 sentyabrya 1879 g. [Diary of the Zoo between September 1, 1878 and September 1, 1879], *Trudy Russkogo obshchestva akklimatizatsii zhivotnykh i rasteniy*, no. 1, 226–249 (in Russian).
- Potts, D.T. (Ed.) (2022). *Agreeable News from Persia. Iran in the Colonial and Early Republican American Press, 1712–1848*, Wiesbaden: Springer.
- Ritvo, H. (1987). *Animal Estate the English and Other Creatures in the Victorian Age*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Robbins, L. (2002). *Elephant Slaves and Pampered Parrots: Exotic Animals in Eighteenth-Century Paris*, Baltimore, JHU Press.
- Romanov, K. (1998). *Dnevniki. Vospominaniya. Stikhi. Pis'ma* [Diaries. Memories. Poems. Letters], Moskva: Iskusstvo (in Russian).
- Rost, E. (1874). *Putevoditel' po Zoologicheskomu sadu* [Guide to the Zoo], S.-Peterburg: Goppe (in Russian).
- Rothfels, N. (2021). *Elephant Trails. A History of Animals and Cultures*, Baltimore: JHU Press.
- Rothfels, N. (2027). Killing Elephants: Pathos and Prestige in the Nineteenth Century, in M.A. Danahay, D.D. Morse (Eds). *Victorian Animal Dreams: Representations of Animals in Victorian Literature and Culture* (pp. 53–64), London: Routledge.
- Saha, J. (2017). Colonizing Elephants: Animal Agency, Undead Capital and Imperial Science in British Burma, *BJHS Themes*, no. 2, 169–189.

Sartori, P., Shabley, P. (2019). V poiskakh shchastlivoy sud'by v Orenburge i forte Perovskiy: Mikhail Pervukhin kak vostokoved, dolzhnik i imperskiy chinovnik [Seeking fortune in Orenburg and fort Perovsky: Mikhail Pervukhin as orientalist, debtor, imperial official], *ENOZh "Istoriya"*, 10 (8). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006046-9-1/> (date accessed: 29.04.2026) (in Russian). DOI: 10.18254/S207987840006046-9.

Sivasundaram, S. (2005). Trading Knowledge: The East India Company's Elephants in India and Britain, *The Historical Journal*, 48 (1), 27–63.

Skotnes-Brown, J. (2021). Domestication, Degeneration, and the Establishment of the Addo Elephant National Park in South Africa, 1910s–1930s, *The Historical Journal*, 64 (2), 357–383.

Soderqvist, T. (1986). *The Ecologist: From Merry Naturalists to Saviors of the Nations*, Stockholm: Almqvist and Wiksell.

Tobolkin, Ja. (1908). Sanitarno-veterinarnyy otchet po zoosadu za 1907 g. [Sanitary and veterinary report on the Zoo for 1907], *Vestnik Moskovskogo zoosada*, no. 1, 29–32 (in Russian).

Uhtomskij, E. (1895). *Puteshestviye gosudarya imperatora Nikolaya II na Vostok, 1890–1891* [Travels in the East of Nicholas II, Emperor of Russia when cesarewitch 1890–1891], vol. 2, S.-Peterburg, Leipzig: Brokgauz (in Russian).

Vaganov, S. (1909). Smert' slona Zembo [The death of Zembo the elephant], *Veterinarnyy vrach*, no. 23, 360–361 (in Russian).

Vasilyeva, D. (2019). Zhivyye podarki: slony posol'stva Nadir-Shakha 1739–1742 [Live gifts: elephants of the Nader-Shah's mission, 1739–1742], in N. Dyakov, A. Matveev (Eds), *XXX Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki: k 150-letiyu akademika V.V. Bartol'da (1869–1930)* [XXX International Congress for source studies and historiography of Asia and Africa countries: To the 150th anniversary of academician V.V. Bartold (1869–1930)] (pp. 179–187), S.-Peterburg (in Russian).

Wang, L. (2026). Walking Elephants to Beijing: Manipulation, Local Bureaucracy, and the Forging of Peace on the Qing Southwest Frontier, 1700–1800, *Monumenta Serica*, 74 (1), 1–49.

Zaslavsky, M. (1979). *Landshaftnyye ekspozitsii muzeev mira* [Landscape exhibitions in museums around the world], Leningrad: Nauka (in Russian).

Zefel'd, A. (1890). *25-letiyе Sankt-Peterburgskogo zoologicheskogo sada (1865–1890)* [25th anniversary of the St. Petersburg Zoo (1865–1890)], S.-Peterburg: Goppe (in Russian).

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

PETAR KOVACEVIC

aspirant at Doctoral School of Sociology,
HSE, Moscow,
Moscow, Russia;
e-mail: pkovacevic@hse.ru

How to Research Institutions of the Technosocial Space? An Analysis of the Applicability of Three Meta-Institutional Concepts

УДК: 316

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-118-139

In the technosocial space, specific institution-related phenomena arise: technology is increasingly utilized in governance; technology enables new social models; in addition to humans, AI agents emerge as participants in collective action; and collective practices occur in various segments of technosocial spaces simultaneously. This phenomenon challenges the very basic understanding of the institution as a pure social construct that frame the behavior of humans in physical-social space. The rise of these institutional phenomena is accompanied by the emergence of new theoretical frameworks in research of institutions (e. g., algorithmic institutionalism, post-institutionalism, multi-agent systems institutionalism) that perceive technology as the first-order determinant of meso- and micro-institutions. This paper addresses the question: how to research institutions of the technosocial space? More concretely, what kind of meta-institutional concepts are the most appropriate for studying institutions of the technosocial space? To answer this question, a meta-institutional analysis that consisted of three phases was conducted. In the first phase, a novel model of institutional meta-ontology was created, which is built on the two pillars: 1) institutions are defined by composition, functions, actors, and space; 2) institutions can be both social and technological constructs. In the second phase, relying on the novel model of institutional meta-ontology, the three classes of meta-institutional concepts are generated: Social Institutions; Technology as Institution, and; Technosocial Institutions. In the third phase, the applicability analysis of three generated classes were performed. It is concluded that the theories that entail the meta-concept of what I call here Technosocial Institutions are the most suitable for studying institutions of the technosocial space.

Keywords: institutional theory, meta-institutional analyses, technosocial institutions, sociology of science and technology, sociology of humans and machines.

Introduction

Every institutional theory implies a certain ontological understanding of the institution. For example, Hodgson ontologically defines institution as “a system of established and prevalent social rules that structure social interactions” [Hodgson, 2006, p. 18]. Any ontological understanding of institutions implies a certain meta-ontological understanding of the institution. According to Van Inwagen [Van Inwagen, 1998], while ontology answers the question “What is there?”, meta-ontology answers the question “What are we asking when we ask ‘What is there?’” Accordingly, in one interpretation Hodgson’s definition of institution implies a meta-ontology according to which an institution is a *social construct* that, through *social mechanisms*, has functions to structure *the social interactions of humans in the physical-social space*.

However, within the technosocial space arise specific institution-related phenomena that challenge understanding of the institution as a pure social phenomenon: technology is increasingly utilized in governance; technology enables the operation of new (techno) social models; in addition to humans, AI agents emerge as participants in collective action; and collective practices occur in various types of technosocial spaces simultaneously.

The rise of these institutional phenomena is accompanied by the emergence of new frameworks in institutionalism such as algorithmic institutionalism [Mendonca et al., 2023; Almeida et al. 2025], post-institutionalism [Frolov, 2019, 2024], multi-agent systems institutionalism [Noriega, Sierra, 2002; Rubino et al., 2005; Fornara, 2008]. These new theoretical frameworks have a new comprehension of the institution that include technology as a core institutional component, perceiving it as a first-order determinant.

This paper presents the results of theoretical research that aimed to answer the question: What kind of institutional meta-concepts are most appropriate to be used in studying institutions of technosocial space? In other words, what is the applicability of the existing institutional theories for research of institutions of technosocial space considering their meta-institutional characteristics? It is assumed that only institutional theories that imply meta-institutional concepts that align with meta-institutional characteristics of institutions of technosocial space could be used in research. Primarily, I am referring to the institutional theories of meso and micro institutions. However, in many cases meso institutions of technosocial space have increased so much (billions of users) and became infrastructure of modernity [Edwards, 2003] that we can consider them more as macro than as meso institutions.

A meta-institutional analysis was conducted. The analyses consisted of three phases. In the first phase, a novel model of institutional meta-ontology was created according to 1) the institution is defined by its composition, functions, actors, and space; 2) institutions can be both a social and technological artifact. In the second phase, relying on the novel model of institutional meta-ontology, three classes of meta-institutions were generated from institutional literature: Social Institution; Technology as Institution; and Technosocial Institution. In the third phase, an analysis of the applicability of all three meta-institutional concepts was performed. This meta-institutional analysis is conducted for the first time (as far as I know) on a wide range of the institutional theories that exist in both, social sciences and computer sciences.

In addition to answering the main research question “how to research institutions of the technosocial space” this research contributes theoretical novelties. First, a novel model of meta-institutional ontology is proposed, Second, novel meta-institutional concepts are proposed (Social Institution, Technology as Institution, Technosocial Institution).

Recognition of the meta-ontological concept of institutions which institutional theories imply is important for the development of new institutional theories in general, and sociological institutional theories in particular. The introduced research also brings a new perspective of institutions and technology in sociology of science and technology. This paper points also to the need to recognize the specific epistemological frameworks of a new sociology, to which Tsvetkova [Tsvetkova, 2024] refers as sociology of humans and machines.

The paper consists of two parts. In the first part, the novel model of institutional meta-ontology is introduced. The second part describes the three generated classes of meta-institutions and their applicability in the research of institutions of the technosocial space.

A Novel Model of Institutional Meta-Ontology

In studies of meta-institutions it is assumed that any understanding of a particular institution implies a certain concept of a meta-institution. According to Lorini “the meta-institutional concepts are concepts that go beyond (Greek:meta) the institutions of which they are conditions of possibility” [Lorini, 2014, p. 127]. Existing meta-institutional concepts typically rely on meta-institutional models that refer to the (meta) abstraction of institutional function of some particular institution. Thus, Litvintsev and Litvintseva [Litvintsev, Litvintseva, 2023] perceive a *house* or Lorini [Lorini, 2014] a *game* and *victory* as a meta-institution.

The meta-institutional model proposed in this paper has two specific characteristics: first, the meta-institutional model refers to the abstraction of institutional concepts of a particular institutional theory rather than the abstraction of particular institutions, and second, it refers not only to the abstraction of the institutional function but also to the abstraction of the institutional composition, actors, and space.

More specifically, the proposed model of meta-institutional ontology is based on two principles:

First, institutions are phenomena that are characterized by the composition, functions, actors, and space. Institutional composition refers to the constitutional elements of institutions; functions relate to the reasons or purposes for which institutions exist and the approaches to their achievements; actors are the players of institutional roles; and space is the environment in which the institutions are situated.

Second, institutions can be both social and technological artifacts. Institution as a social artifact is “a causal construction” (involving social factors in causing or producing facts about the world) and “a constitutive construction” (social factors in constitution of the facts about the world) [Kukla, 2000; Koiv, 2019]. The institution as a technological artifact refers to an institution containing technological constituents. Technology is understood here in an instrumental and anthropological perspective according to which technology is “a means and a human activity” [Heidegger, 1953/1977, p. 5–6]. More specifically, technology is seen as an outcome-problem solving process that includes both material (equipment, tools, machines, codes, devices) and immaterial (procedures, models, skills) techniques.

In combination of these two principles a novel institutional meta-ontological model was created that distinguished classes of meta-institutions according to:

Composition

As a meta-ontological characteristic of institutions, composition refers to institutional constituents. With this ontological component, we want to distinguish the meta-institutional concepts that perceive institutions only as social artifacts made of social constituents (social rules, norms, patterns) from those that perceive institutions as technological artifacts made of technology (algorithms, code, machines) and those that perceive institutions as artifacts made of both, social and technological constituents.

Function

As a meta-ontological characteristic of an institution, institutional function refers to the purpose or goals of the institution, but also to the approaches or mechanisms that are used in the achievement of those purposes and goals. According to Schotter [Schotter, 1981], institutions can be classified in terms of the problems they solve and in terms of the kind of coordination mechanism they rely on. In this paper, the meta-institutional concepts are primarily differentiated according to the mechanisms that are used to accomplish institutional purposes or goals.

The logic of institutional determinism is a core of the institutional mechanism. It is the logic according to which institutions affect actors' behavior and how actors understand the rules. In general, rules can be defined as "prescribed guides for conduct or action" [Merriam-Webster, 2025]. However, different logics of institutional determinism imply different understandings of the rules. In this paper, I distinguish 1) social mechanisms based on the logic of institutional social determinism and rules that are acquired through socialization, learning, or imitation; 2) technological mechanisms that are based on the logic of institutional technological determinism and the rules that are embedded in technology; and 3) technosocial mechanisms that are based on the logic of institutional technosocial determinism, where rules are adopted through socialization and learning and are operationalized with the support of technology.

Actors

Actors are the performers of institutional social roles. In the institutional theories of social sciences there are individual and collective actors: humans appear as individual actors, and the human organizations and collectives (for example, communities or social movements) as collective actors. Recently, AI agents and human-AI agent hybrids have appeared as social actors. They have increasingly an ever more social intelligence and can act as actors whether in pure AI agent collectives or hybrid human — AI agent collectives [Jennings, 2014].

With the development of the institutional approach in MAS [Noriega, Sierra, 2002, Rubino et al., 2006], AI agents (robots, unmanned vehicles, bots, avatars, etc.) emerge ever more as actors in institutional theory. Even though non-human actors are recognized as social actors and agency or actants in social science [Latour, 2004], there are no institutional theories that considered them as institutional actors. In relation to the type of actors

to whom institutions are committed, I distinguish here between meta-institutional concepts that relate only to humans and those that relate to humans and AI agents as social actors.

Space

Institutional meta-concepts can be differentiated by their spatial characteristics. That is, the broader space in which the institution is situated, the narrow (internal) institutional space, and the characteristics of the relationship between the broader and narrow spaces. According to Stephenson et al., spaces are “built environments that emerge from organizational activities, objects, arrangements, and social practices” [Stephenson et al., 2020, p. 797]. The spatial characteristics of institutions predetermine its boundaries, the type of actors, and its institutional logic. With this ontological characteristic, we want to differentiate institutional concepts that have spatial characteristics of a physical-social space from those that have the spatial characteristics of the technosocial space.

Meta-Institutional Concepts

The Meta-Concept “Social Institution”

The meta-concept of Social Institutions is implied in most institutional theories of social sciences. This meta-ontological concept of institutions corresponds to the phenomenon of classical macro, meso and micro institutions such as family, school, organization, religion, money, parliament. They can be formal or informal.

Composition

In the institutional literature, the constituents of a theoretical model of Social Institutions are mentioned: rules, norms, patterns, mechanisms, procedures, beliefs, knowledge, expectations, etc. The rules as institutional constituents appear as “the rules of the game” [Weber, 2020; North, 1991], “the constitutive and regulative rules” [Ludwig, 2017], “rules-in-equilibrium” [Guala, 2016], and “systems of established and prevalent social rules” [Hodgson, 2006]. According to Tuamela [Tuamela, 2003], the norms that make up institutions are r-norms, which are based on rules, and s-norms, which are based on conventions. Parsons [Parsons, 1990] perceive institutions as “relatively stable and enduring patterns of behavior,” while for Goodin [Goodin, 1996] institutions are “stable, recurring patterns of behaviour.” Lewis [Lewis, 1969] holds that institutions are coordination and collaboration mechanisms. March and Olsen claim that institutions are “collections of standard operating procedures and structures” [March, Olsen, 1984, p. 738]. For Scott “institutions comprise regulative, normative, and cultural-cognitive elements that, together with associated activities and resources, provide stability and meaning to social life” [Scott, 2001, p. 56].

All the mentioned constituents of Social Institutions are understood as social constructs or social codes, essentially different from technology. Even when it is recognized that technologies can significantly change institutional effects, the social and technological components are seen as separate. Technology is not viewed as an institutional component but as

an exogenous variable of the biophysical world, i. e. as an external factor of the secondary deterministic order [Ostrom, 2005]. This perspective can be accepted to describe the technologization (digitalization) of conventional Social Institutions. However, the deep integration of the social and technological mechanisms makes existing frameworks and methods for analyzing and designing institutions, which are based on the idea of institutions as pure social phenomena, very limited. Within the technosocial space, the specific institutional mechanisms, composed of the unified social and technological components, are used for structuring, regulating, and directing collective practices [Lanzara, 2009; Dolata, 2023; Noriega, Sierra, 2002; Noriega et al., 2015; Frolov, 2019, 2024]. Technology becomes a constitutive element of the first order. Therefore, apart from conventional Social Institutions that could be partly technologized, we should consider the institutions that are composed of integrated social and technological constituents as a new phenomenon.

Function

In the theories of Social Institutions, there are various perspectives about the function of institutions. According to structural functionalists [Durkheim, 1893/1997; Parsons, 1990], institutions are recurrent and stable macro structures that have the function of maintaining solidarity and stability of the social order and enable society as a whole to perform. Rational choice theorists [Knight, Sened, 1996; Calvert, 1995] consider institutions as instruments that serve rational actors to maximize benefits for their preferences. Institutions help to bridge cognitive limitations, a lack of complete information, and difficulties in monitoring and enforcing agreements. Institutions also solve the problem of social dilemmas. According to rationalists, the institutions are solutions to problems that arise when people interact. Institutions are the product of the experience of collective and collaborative practices, equilibria that bring collective benefits and are transmitted as models.

Hybrid perspectives [Weber, 2020; North, 1991; Williamson, 1998; Ostrom, 2005; Hindricks, Guala, 2021] overbridge the agency — structure dilemma, considering that the institutional function is to support collective action and generate collective benefits, but also to keep society functional and stable through normative and value frameworks (which are situated in culture, law, religion, and collective practices). According to Ostrom [Ostrom, 2005, p. 3] “institutions are prescriptions that humans use to organize all forms of repetitive and structured interactions, including those within families, neighborhoods, markets, firms, sports leagues, churches, private associations, and governments, at all scales.” Institutions have functions to enable and constrain social action. Hindricks and Guala claim that institutions have an etiological and teleological function: “...an etiological function explains the existence and persistence of an entity. In contrast, a teleological function concerns what it is good for, the purpose that it serves or its significance. Whereas the etiological function of an institution is to generate cooperative benefits, its teleological function is to secure some value” [Hindricks, Guala, 2021, p. 2035].

The theories of social institutions have in common that the function of the institution is achieved by social mechanisms. According to Hedstrom, social mechanisms are “a constellation of entities and activities that are linked to one another in such a way that they regularly bring about a particular type of outcome” [Hedstrom, 2005, p. 11]. Social mechanisms are formal and informal social arrangements which cause events with certain social outputs. Social mechanisms frame actors’ behaviors by relying on rules, norms, procedures,

patterns, and associated sanctions and rewards. They are not based on technological means such as devices, installations, or algorithms. Social mechanisms are based on the logic of institutional social determinism. It relates to actors who adopt rules, norms, values (through socialization, training, insight, imitation) and who behave reflexively in accordance with institutional roles (self enforcement). Sanction and reward mechanisms are implemented by actors in institutions who are positioned in the role of monitoring and control (external enforcement).

When Ostrom considers the relationship between institution and technology, she considers technology as an external factor of secondary deterministic influence compared with institutions: "...rules define and constrain voting behavior inside a legislature more than attributes of the biophysical world. Voting can be accomplished by raising hands, by using paper ballots, by calling for the ayes and nays, by marching before an official counter, or by installing computer terminals for each legislator on which votes are registered. In regard to communication within a legislature, however, attributes of the biophysical world strongly affect the available options" [Ostrom, 2005, p. 23]. Institutions have deterministic primacy, and technology can only be aligned with them.

However, in the technosocial space, there are ever more institutional mechanisms that rely on technology. Social and technological mechanisms jointly determine institutional functionality. Technology is increasingly becoming a factor of primary institutional deterministic influence, which not only improves the operational capabilities of institutions, but also become a core constituent of the institutional model and logic.

In my opinion, all components that contribute to the generation of institutional functionalities must be included in the analysis of institutional functionalities. The core architecture and operational capabilities of the institutions of the technosocial space cannot be seen if the technological constituents are not recognized. Moreover, the same types of institutions, with different technological characteristics will lead to different functional outputs, at least on an operational level. For example, the functions of digital money as a technological version of the conventional money institution or NFT as a new type of property institution, or NFT market as a new type of market institution cannot be analyzed, if the role of blockchain and internet technology is not included in the analysis.

Actors

The meta-concept of social institutions refers to humans and human organizations as the only actors whose social behavior could be framed by institutions. Theories of social institutions have emerged based on the nature of human sociality. They are specified and designed for human capabilities to perceive, communicate, accept, and adapt certain social behavior. They refer to responsibility and methods of sanctioning appropriate and understandable for humans. Social institutions support the logic of behavior and decision-making in accordance with the logic of appropriateness [March, Olsen, 2013] which refers to the type of individual decisions and behavior that follows from the rules of appropriate behavior for a given role or identity (which are institutionalized in social practices).

However, in the modern technosocial space, in addition to humans, AI agents and human-AI agent entities as intelligent social actors are appearing. AI agents have the increasing ability to recognize institutional frameworks and collective practices as well as the ability to act as a member of the collective. Social AI agents can take on different roles in collective

action and empower collective capabilities. Hybrid human — agent collectives are emerging [Jennings, 2014], and with them a new type of sociality, the so-called “artificial sociality” [Malsch, 2007; Rezaev, Tregubova, 2018].

Institutional theories based on the meta-concept of Social Institutions do not recognize AI agents and hybrid collectives as social actors, do not have the mechanisms to identify their social skills and social action, and do not have the ability to structure and regulate their behaviour. Their institutional social mechanisms are not designed for the governance of AI agents. To be clear, institutional theories that imply the meta-concept of Social Institutions can be used to analyze and explain the effects of institutions on the creators of AI agents and collectives. But, since they do not contain technological dimensions, social institution theories cannot be used to analyze institutions that directly structure and regulate the behavior of AI agents, or human-AI agent collectives.

In MAS theory, there are efforts to create AI agents that imitate people, and have the ability to recognize and behave in accordance with Social Institutions (value alignment, ethical machines, responsible agents, socio-cognitive technical systems). One can think according to this trend that Social Institutions can nevertheless frame the behaviour of AI agents. However, AI agents actually behave in accordance with their own technosocial institutional frameworks and mechanisms that recognize Social Institutions, but not in accordance with Social Institutions frameworks and mechanisms.

Space

In the institutional literature, the understanding of the spatial characteristics of Social Institutions is linked to two prevalent groups of theories of space: the Chicago and French school [Wright *et al.*, 2022]. The Chicago school [Park, Burgess, 1969, p. 1921] argues that social space as well as its institutions originate from interactions in physical space, i. e. the physical place where social interactions take place. This space can be viewed as macro space (national or international order), meso-space (region, city, village) or micro-space (factory, office). The French school [Bourdieu, 1985; Lefebvre, 1974/1991] views the social space as a social structure. According to Bourdieu [Bourdieu, 1985] collective practices primarily take place in the social field, which represents the basic unit of social space. The social field could be an organization, professional association, class, etc. According to this interpretation, physical space is also a social construct that represents a reflection of the social structure. In other words, physical space is “a reified social space” [Bourdieu, 1997, p. 134]. Social interactions in space do not take place according to the logic of physical space, but according to the logic of social space.

Regardless of the differences in the understanding of social space, from a meta-ontological perspective, in my opinion both of these schools actually refer to the same physical-social space. The Chicago school perceives space as a physical space that has its own social structure, while the French school sees space as a social structure that finally frames a specific physical space. Therefore, in institutional theories, looking from a meta perspective the spatial characteristics of social institutions are linked to physical-social space.

The narrow institutional space of Social Institutions is the space in which interaction between humans or human organizations takes place, which is regulated by the framework of a particular institution. This space consists of territorial (building, city, nation) and social elements, structures, and boundaries.

Wright et al. [Wright et al., 2022] have shown that in the institutional literature four perspectives of the relationship between Social Institutions and space appear: functional, situated, experiential, and mutually constituted. The relations between the wider and narrow institutional space are also explained in the theory of the institutional domain [Abrutin, 2016], according to which a narrow institutional space is a part of a broader space of institutional domain or sphere.

Due to their spatial characteristics, which are related to physical-social space, institutional theories with meta-concept Social Institutions cannot be used in the analysis of institutions of technosocial space. Given that the technosocial space is assemblages of social and technological artifacts, meta-concept Social Institutions do not recognize the technological dimension of the space. Technosocial space has its own elements, structures, logic, processes, discourses, semantics, and boundaries that differ from the physical-social space.

In addition, due to not recognizing agents as social actors, social institutions do not recognize the institutional space in which agents operate, both in interaction with people and in agent-agent interaction. The emergence of social AI agents and their collective actions expand the notion of the institutional and the generally social spaces. Broader technosocial spaces and narrower institutional spaces intertwine; however, the concept of Social Institutions cannot be used to explain this transition of social actions, as it does not recognize technology as a constitutive element of either the institution or the space.

The Meta-Concept “Technology as Institution”

The meta-institutional concept of Technology as Institution was generated from various theoretical perspectives that argue that certain technologies can be considered as institutions. I recognize here two approaches: Technology as Institution in itself, claiming that technology has embedded rules of usage that cannot be avoided [Murphie, Potts, 2003; Lessig 2000]; and technology used for social purposes that have the same functions as institutions — to structure, regulate, coordinate and order the behavior of actors [Gillespie, 2017; Aneesh, 2002; Almeida et al., 2025; Brooks, 2013; Lohr, 2015].

Composition

In institutional theories that imply the meta-concept of Technology as Institution, an institution is composed of technology. Authors considered as institutions: ICT [Avgerou, 2002; Orlikowski, Barley, 2001], code [Lessig, 2000], algorithms [Gillespie, 2017; Aneesh, 2002, Almeida et. al., 2025], big data and AI [Brooks, 2013, Lohr, 2015].

There are a few reasons why an institution cannot be reduced to technology and why institutional theories based on the meta-concept of Technology as Institution cannot be used in the research of institutions in the technosocial space.

First, authors who claim that the technological solution is an institution often reduce institutions to technological processes based on devices, machines, installations and ignore the social mechanisms that are embedded within technological solutions. We are not referring here to the influence of the environment (institutional, social, or cultural) that affects creation and functioning technology, but to the social solutions that are embedded within technology according to which technological processes are designed.

When technologists create technological solutions as institutions, they rely on existing social solutions or create a new one. When they create a new social solution, they are not only engaged in technology, but also in social engineering. However, the existing frameworks for creating technological solutions do not use the principles for creating a Social Institution, but for creating a technological solution. Despite the fact that technologists are discovering various social paradigms and trying to apply them, the creation of a Social Institution has its own specific logic which is mostly not considered. When an institution is not created according to the logic of developing social models, the technological biasing of institutions can occur.

Second, it ignores the fact that technologies are often coupled side-by-side with certain social mechanisms, forming a unified institutional mechanism.

Third, the concept of Technology as Institution is usually reduced to a solution that has a certain limited function (e. g. coordination or regulation). However, an institution is a much more complex phenomenon than one technological mechanism. An institution can be seen as a structured set of many mechanisms, while a technological solution that performs one function cannot be considered an institution.

Function

Institutional theories that imply meta-concept Technology as Institution, argue that institutional function is the result of technological operations.

Since the early industrial period, many classical authors such as Karl Marx, Frederik Taylor, and Torsten Veblen have recognized the role of technology in structuring human behavior. It was considered that despite the fact that technology is a value-neutral product of rationalization and innovation [Murphie, Potts, 2003]; it contains embedded rules and procedures that its users have to follow.

Over time, technology has been perceived not only as a structuring factor per se, but ever more as an instrumental governance mechanism. Mumford [Mumford, 1964] points out that technology determines the type of organizational order, whether democratic or authoritarian. Winner [Winner, 1980] notes that, apart from social institutions, the regulation of human behavior in large-scale sociotechnical systems is also influenced by technology. He views technology as an artifact (a system, device, or tool) and observes its influence within large-scale sociotechnical systems. According to Winner [Winner, 1980], technology can be instrumentalized and it can achieve a certain social effect. He addressed the necessity of building a theory of technology politics that will explain the structure-forming and regulating patterns of social order in various technological arrangements.

With the advancements of ICT, ideas about the use of digital technology in the governance of human behavior are flourishing. Lessig [Lessig, 2000] claims that in the age of cyberspace, “code is law”. The regulator of human life in cyberspace is the code or software and hardware architecture: “...it determines how easy it is to protect privacy or how easy it is to censor speech. It determines whether access to information is general or zoned. It affects who sees what or what is monitored” [Lessig, 2000, p. 1]. According to Almeida et al. [Almeida et al., 2025] algorithms are not just lines of code in the system, they are architectures that organize complex systems of interactions involving machines and humans. Almeida et al. [Ibid.] claim that algorithmic institutionalism uses the perspective of institutional theories to explain the functioning of these decision systems

and how they establish patterns and norms that affect human behavior and lead to deep changes in contemporary society. Similarly, authors of algocracy [Gillespie, 2017; Aneesh, 2002] claim that algorithms guide social action in precise ways and that their authority is increasingly embedded in technology itself, or more specifically, in the underlying code. Aneesh argues: “Under the algocratic mode of work governance, work is controlled not by telling the worker to perform a task, nor necessarily by punishing the worker for their failure, but by shaping an environment in which there are no alternatives to performing the work as prescribed” [Aneesh, 2002:8]. In these practices, computational calculations, automated recommendation or decision-making, and machine learning stand central. As Katzenbach and Ulbricht put it, “algorithmic governance is a form of social ordering that relies on coordination between actors [and] is based on rules, and incorporates particularly complex computer-based epistemic procedures” [Katzenbach, Ulbricht, 2019, p. 2]. Hence, whenever algorithmic systems intervene in social ordering, we can speak of “algorithmic governance” [Gritsenko et al., 2022]. Hanisch et al. [Hanisch et al., 2023] maintain that digital governance leverages algorithmic protocols to automate control, coordination, incentives, and trust.

The development of data infrastructure with the deployment of millions of devices and sensors, as well as advancements of relevant AI models caused a big data revolution and led to the idea of Dataism [Brooks, 2013]. The core of the idea of Dataism is the claim that systems that process big data provide the possibility of the cognitive and behavioral correction and guidance of humans, which leads to the need to theoretically, re-invent human anthropology [Brooks, 2013; Lohr, 2015; Harari, 2022]. The AI technology revolution follows the same track. Human-aware AI systems are capable of “modeling the mental states of humans in the loop, recognizing their desires and intentions, providing proactive support, exhibiting explicable behavior, giving cogent explanations on demand, and engendering trust” [Kambhampati, 2019, p. 1].

New technological disciplines are emerging that aim to create solutions for structuring and regulating human behavior relying on technology (e. g. Social Informatics, Cooperative AI, Multi-agent Systems). Lamb et al. describe social informatics as “an interdisciplinary study of the design, uses, and consequences of information technologies that takes into account their interaction with institutional and cultural contexts” [Lamb et al., 2000, p. 1614]. It is claimed that “ICT are embedded in, help to shape, and are shaped by institutions” [Kling et al., 2005, p. 29]. Recently Dafoe et al. [Dafoe et al., 2020, 2021] built a conceptual framework of cooperative AI that combines strategic game models and AI technologies with the aim of improving social governance mechanisms.

All these authors have in common that Technology as Institution realizes its function according to the logic of technological institutional determinism. This refers to the coercion of behavior that results from the logic of technology usage. The logic of institutional technological determinism has its own understanding of rules. According to this logic, the rules are a technological setup where there is no possibility of avoiding them. The actor can only behave in the way that the technology allows. Institutional technological determinism differs from general technological determinism, which refers to the influence of technology not only on the behavior of individuals, but also on political, economic, cultural, and social systems.

Although technology can contribute to the improvement of existing and the creation of new institutional functions, there are a few difficulties with the claim that technology has institutional functions.

First, technology can contribute to institutional functionality, but institutional functionality cannot be reduced to technological functionality. Institutional functionality is the result of the influence of technological constituents, but also of social constituents embedded within technology that brings models of behaviour, expectations, norms, and values.

Second, institutional technological determinism cannot explain why humans choose certain technological solutions and agree to comply with them, while refusing to use others. The founders of social informatics [Lamb *et al.*, 2000; Kling *et al.*, 2005] were well aware that technology cannot be used to frame behavior if that technology does not function according to the logic of social institutions. If there is no social acceptance of technology (which must be aligned with the institutional order), no matter how functional technology is, it will not be accepted and used. The social acceptance of technology explains why many exceptional technological solutions were not used by the users.

Third, in most cases the function of Technology as Institution is reduced to a certain function, for example coordination or social cognitive assessment. However, these authors fall into functional reductionism when they reduce the institutional function to one or several functions generated by technologies.

Fourth, instead of instrumental and intrinsic functions, technology often generates imposed tacit, unintentional functions.

Actors

Among the authors whose institutional theories imply the meta-concept of Technology as Institution, there are views that see both humans and AI agents as actors.

For Mendonca *et al.* [Mendonca *et al.*, 2023], Almedia *et al.* [Almedia *et al.*, 2025], Lessig [Lessig, 2000] algorithms as institutions are used to govern human behavior. Mendonca *et al.* [Mendonca *et al.*, 2023] argue that algorithmic systems shape human behavior by assigning meanings, obligations, permissions, or resources to human action in opaque ways. Danaher [Danaher, 2016], Katzenbach and Ulbricht [Katzenbach, Ulbricht, 2019] argue that algorithms as institutions frame behaviour of both humans and AI agents. In their opinion, algorithmic governance has been used to describe a variety of sociotechnical practices aimed at assessing, directing, regulating, and managing the behavior of both human and non-human agents.

Space

In most cases the institutional meta-concept Technology as Institution, has spatial characteristics of technosocial space. For Batty and Barr [Batty, Barr, 1994] it is cyberspace or electronic space which is based on internet technologies. But more advanced theories [Mendonca *et al.*, 2023; Orlikowski, Barley, 2001] considers the broader space — not only the one that is based on technologies, but also the social space that influences and frames institutional space. Thus, algorithmic institutionalism [Mendonca *et al.*, 2023; Almeida *et al.*, 2025] consider the institutional environment of algorithms as a broader space. Similarly, Sawyer and Jarrahi [Sawyer, Jarrahi, 2015] perceive that broader social space that affects Technology as Institution. They claim, referring to Orlikowski and Barley [Orlikowski, Barley, 2001], that “as an institution, ICT can be characterized as emergent, embedded, evol-

ing, fragmented and connected to an ephemeral social presence that is shaped as much by other institutional and contextual forces as by technical and economic rationales” [Sawyer, Jarrahi, 2015, p. 14].

In the meta-concept Technology as Institution, narrow institutional space refers to the space that is framed and regulated by concrete technology. Since technology has a specific institutional function, for example to frame personal preferences, or to coordinate the behaviors of actors [Mendonca et al., 2023], the narrow institutional space is reduced to the space framed by that specific technology.

The concept of Technology as Institution cannot be applied in the analysis of institutions of the technosocial space because their spatial concept does not correspond to the spatial characteristics of technosocial space institutions. Although the conceptualization of the broader space is well established, which is in accordance with research on the impact of social space on technologies [SCOT theory], the conceptualization of narrow space remains problematic, since the institutional space cannot be reduced to the action of a concrete, or a set, of technologies.

The Meta-Concept “Technosocial Institutions”

The metaconcept Technosocial Institutions is present in numerous institutional theories, particularly within institutional theories of multi-agent systems [MAS]. It is a meta-concept in institutional theories of electronic institutions [Noriega, Sierra, 2002, Noriega, de Jonge, 2016], artificial institutions [Fornara et al., 2008], computational institutions [Rubino et al., 2006], etc. Apart from MAS institutionalists, there are other authors whose theories could be related to the metaconcept of Technosocial Institutions. Some of them are focused on the study of institutional composition [Dolata, Schrape, 2016; Dolata, 2022; Lanzara, 2009; Frolov, 2019, 2024; Agerfalk, Eriksson, 2017], function [Hindriks, Guala, 2021; Frolov, 2019], actors [Jennings et al., 2014], and space [Castels, 1999; Dolata, 2025; Weyns, 2006; Ning et al., 2018; Weinberger, 2022].

The term “technosocial” is used in this research to refer to assemblages of technological and social components that are dedicated to governance. The term “sociotechnical” is not used since it is a broader term that refers to any “mutual constitution of people and technology” [Sawyer, Jarrahi, 2015] including mutual constitution in mines, factories, or electric grids.

The meta-concept “Technosocial Institutions” are characterized by the following: institutional composition is an arrangement of technological and social components; institutional function is the outcome of the joint influence of these technological and social components; humans and AI agents are actors of social roles; and institutional spatial characteristics are based on the concept of space that contains the technological and social components.

Composition

Numerous authors recognize the emergence of a specific class of institutions or institutional arrangements that contain social and technological constituents [Lanzara 2009; Dolata, Schrape, 2018, 2023; Sierra, Noriega, 2024; Agerfalk, Eriksson, 2017]. The creator

of the institutional assemblages theory, Lanzara [Lanzara, 2009, p. 4], claims that “...new digital institutions are emerging based on ‘an assembled mix’ of technical and institutional components that are in part an evolutionary outcome and in part a product of human intervention and design.” Similarly, the post-institutionalist Frolov [Frolov, 2019], criticizing the neo-institutional approach to blockchain, argues that blockchains: “...have an organically hybrid character, combining elements of opposing institutional logics — normative and algorithmic law, Ricardian and smart contracts, private and public systems, uncontrollability and arbitration.” In contrast to platform governance and organization, authors who view social order within platforms as a partial organization [Ahrne, Brunsson, 2011; Ametowobla, Kirchner, 2023], Dolata and Schrape [Dolata, Schrape, 2018, 2023] argue that social order within online platform spaces is generated by institutional arrangements of social and technical infrastructures. For Hindricks and Guala [Hindricks, Guala, 2021] certain institutions contain correlated devices or technologies that have the coordination role in establishing an equilibrium within institutions. Edwards [Edwards, 2003] perceives infrastructure as a socio-technical institution: “Infrastructures are not merely large systems, but sociotechnical institutions” [Edwards, King, 2021, p. 200]. According to the MAS scholars Sierra and Noriega [Sierra, Noriega, 2024, p. 29] “An electronic institution is a member of the class of socio-cognitive technical systems that are modellable with an electronic institution meta-model and implemented with an electronic institution platform.”

Lamb, Sawyer, Kling [Lamb *et al.*, 2000, p. 1614] perceive social informatics as “an interdisciplinary study of the design, uses, and consequences of information technologies that takes into account their interaction with institutional and cultural contexts.” ICTs are embedded in, help to shape, and are shaped by institutions [Kling *et al.*, 2005]. Technology, human action, and institutions are in a permanent evolutionary process of mutual constitution, and the main goal of information system designers is to maintain and optimize this process.

Referring to institutional composition as assemblages or arrangements of technological and social constituents equalizes the importance of both components, and the focus of the analysis is placed on the models of their assemblage. Consequently, the composition of institutions can be appropriately researched only if both components and their assemblages are included in the analysis.

Function

Institutional function in the metaconcept of Technosocial Institution is a result of the mutual influence of the social and technological constituents. Due to mutual influence, Technosocial Institutions achieve institutional functions that cannot be achieved by social constituents alone. Technology can efficiently establish equilibrium in social models, automate social processes, facilitate institutional roles, simulate collective behavior scenarios, ban offenders, facilitate social action, avoid social dilemmas, and improve the monitoring and correction of behavior, etc. According to Dalata and Schrape [Dalata, Schrape, 2016, 2018, 2023] arrangements of the social and technological infrastructures that constitute online platforms as social action space have a function to structure and regulate behaviour of platform users. In explaining their institutional theory, the Rules-in-Equilibrium Theory, Hindricks and Guala [Hindricks, Guala, 2021] refer to the role of the traffic lights as an example of the mutual functional influence of social and technological constituents of in-

stitutions. For them, traffic lights are correlation devices that maintain traffic equilibrium. They define correlation devices as “a mechanism indicating which action each player should select in a given coordination game” [Hindricks, Guala, 2021, p. 2030]. Traffic lights signal which actor in the traffic must stop, and which one must go. The MAS authors Noriega and De Jonge [Noriega, De Jonge, 2016, p. 47] referring to Simon’s claim of institutional function, argue that electronic institutions serve the same coordination function that conventional institutions serve: “to act as an interface between the internal decision making of individuals and their (collective) goals” [Simon, 1996]. Rubino et al. [Rubino et al., 2006] argue that the main institutional functions are: to manage the identity of the participants; to define and validate the requirements on participant capabilities; to establish some conventions for the interaction among agents; and to enforce the possible obligations.

Since the institutional theories that imply the concept of Technosocial institutions observe the institutional function as a result of the joint influence of social and technological constituents, they are the most suitable for the analysis of the functional institutions of the Technosocial space. However, in most cases, institutional theories that imply meta-concept of Technosocial Institutions refer only to the causal function (structuration, regulations, framing) of the institution that appears as a result of technosocial assemblages, but do not refer to the teleological function of institutions.

The concept of Technosocial institutions refers to the specific institutional logic by which the institutional function is realized, which combines the logic of social determinism and the logic of technological determinism. I call it the logic of institutional technosocial determinism. In my opinion, the logic of institutional technosocial determinism refers to the acceptance of coercive mechanisms of institutions by actors, who perceive them as expert systems and prescriptive guides in achieving certain individual, collective or social benefits. The post-institutionalist Frolov [Frolov, 2019] recognizes that blockchain as an institution is characterized by functional redundancy and the hybridity of institutional logics. Van Dijck [Van Dijck, 2009] refers to platform governance and talks about three mechanisms (which I interpret here rather as institutional logic) that they specify as a special type of governance: datafication, commodification, and selection.

Actors

Institutional theories that imply the meta-concept of Technosocial institutions consider humans and AI agents as social actors whose behaviour is institutionally structured, regulated, and framed. The institutional mechanisms of Technosocial Institutions that consist of social and technological components, can be combined in such a way that suits to the specificities of different types of intelligent agents. Technosocial Institutions have the capabilities to regulate any type of dual and multiple social interactions that appear between humans and AI agents in the age of artificial sociality. According to Rezaev, Tregubova [Rezaev, Tregubova, 2018] the term “artificial sociality” refers to three phenomena: the first is human-to-human interactions that are mediated by machines; the second is human-to-machine interactions; the third is machine-to-machine interaction.

Even though some authors [Lanzara et al., 2018, Dolata, Schrape 2022, van Dijck et al., 2018] do not refer to AI agents as actors of social action, it is clear that the institutional constitution of constituents perceived as techno-social assemblages allow AI agents to be included as actors. Frolov [Frolov, 2024] argues that to study institutional phenomena in

digital capitalism, it is necessary to apply the flat ontology approaches that recognize robots as institutional actors, such as those by Gilles Deleuze and Félix Guattari, Bruno Latour, Graham Harman, Manuel DeLanda, and Levi Bryant. Accordingly, he suggests the need to create new institutional approaches that would deal with robot rules. The most developed institutional theoretical frameworks that consider different types of intelligent actors are built in MAS institutionalism [Rubino et al., 2006, Noriega, 2024]. In the concept of “computational institutions” Rubino et al. use the word “computational” to refer to the fact that “the entities participating in the institution are not necessarily humans, but also computational virtual entities that operate in order to achieve the social shared goal(s)” [Rubino et al., 2006:129]. They maintain that normative agents with specific institutional roles (legislative, judicial, executive) should be separated from non-normative agents. For Noriega the electronic institution plays the same role as conventional institutions, but “the not-so-subtle difference is that electronic institutions are meant to articulate interactions that may happen online and may involve humans as well as artificial entities” [Noriega, 2024, p. 4].

Those institutional conceptualizations that include humans and AI agents as actors can be used for the research and the development of the institutions of technosocial space. Recent advancements in human–AI agent assemblages [Moran et al., 2014], and emerging human–AI agent hybrids as a type of the social actors will challenge existing social agency theories.

Space

Technosocial Institutions are situated within the Technosocial space. This is the social space that is constructed of social and technological constituents, which can be reified in the physical environment, in the cyber environment, or in both simultaneously.

According to Dolata and Schrape [Dolata, Schrape, 2022], Dolata [Dolata, 2025], Lanzara [Lanzara, 2009], van Dijck [van Dijck, 2018], and Frolov [Frolov, 2019, 2024], a new class of institutions arises within cyber (online, internet, or virtual) space where the internal institutional space is an online platform space. This is a space where institutional arrangements of social and technological infrastructures constitute a playground for social interactions [Dolata, Schrape, 2023].

With the emergence of systems where social interactions occur within physical space and cyberspace simultaneously (for example smart cities, location based services), in literature new concepts of space such as general cyberspace, metaverse, pervasive space, and immersive space emerge. These concepts are that of extended cyberspace, which is reified in physical space and in virtual space. According to Ning et al. [Ning et al., 2018] general cyberspace consists of cyberspace and cyber enabled space. Cyber enabled space is also called Cyber-physical-social-thinking space [Xiong et al., 2023]. The metaverse also appears as a new extended variant of the concept of cyberspace, which Weinberger describes as follows “the metaverse is an interconnected web of ubiquitous virtual worlds partly overlapping with and enhancing the physical world. These virtual worlds enable users represented by avatars to connect and interact with each other, to experience and consume user-generated content in an immersive, scalable, synchronous, and persistent environment. An economic system provides incentives for contributing to the Metaverse” [Weinberger, 2022, p. 13]. The existing institutional concepts of cyberspace can be applied in the extended understanding of cyberspace.

MAS scholars have developed an abstract concept of the space that can be reified in both cyber and physical space. To describe the narrow space where agents operate, MAS authors build a concept of agents' environment. MAS institutions (electronic, digital, artificial) are situated within agents' environments. The agent environment is created by MAS engineers. According to Wayns et al. [Wayns et al., 2006], within this environment different forms of structuring can be distinguished:

- Physical structure refers to the spatial structure, topology, and possibly distribution;
- Communication structure refers to the infrastructure for message transfer, infrastructure for stigmergy, or support for implicit communication;
- Social structure refers to the organizational structure of the environment in terms of roles, groups, societies etc.

This position is especially present among the authors of situated artificial institutions, who hold that an artificial institution is situated when “the whole regulation that is performed is based on the facts occurring in the environment where the agent acts” [de Brito et al., 2014]. Agent environments may have several roles, such as the inter-mediation between agents, the support for interaction, the embodiment of rules and constraints, etc. According to MAS authors [Wayns et al., 2006], the environment is the primary abstraction of the MAS system, and MAS engineering refers not only to the engineering of agents, but also to their environment. In MAS theories, the agent environment is understood as a narrow institutional space where a certain group of agents interact, framed by institutions which can be engineered.

Given that these theories perceive institutions as situated within space that consists of technological and social constituents, and are reified in physical and cyber **environments**, institutional theories which imply the meta-concept Technosocial Institution are the most applicable for researching spatial characteristics of the institutions of the Technosocial space.

Conclusion

The paper presents the results of theoretical research that answered the question: what kind of meta-institutional concepts are most appropriate for studying institutions of technosocial space? I assumed that only institutional theories whose metaconcepts refer to very basic characteristics of institutions of technosocial space could be used for their research. Relying on a novel meta-ontological model of institutions, three classes of meta-institutional concepts were generated from institutional literature. In the analyses of the applicability of the three metamodels it is argued that the institutional theories that imply metaconcept of Technosocial Institution are the best in research of institutions of technosocial space. The institutional theories that imply the meta-concept of Social Institutions perceive institutions as pure social phenomena. They suit research of conventional institutions (family, religion, organization), but they do not suit research of institutions of technosocial space. In addition, the institutional theories that imply the metaconcept of Technology as Institution cannot be used in the research of institutions of the technosocial space because they reduce institutions to technology while ignoring the social essence of the institutions. The institutional theories that imply the metaconcept of Technosocial Institutions such as theories of P. Noriega, N. Fornara, D. Frolov, U. Dolata and J.F. Schrape etc. are the most suitable for analyses and research of institutions of technosocial space. In their perception, institutions of technosocial space are: composed of equally social and technological constituents; their

function is the result of the mutual influence of social and technological constituents and their realization is based on the logic of institutional technosocial determinism; they frame the behaviour of humans and AI agents; and they are situated in a technosocial space that can be reified in both physical and cyber space, simultaneously. However, despite the fact that the mentioned institutional theories are usable, in the social sciences we need new, more advanced institutional theories that will be based on the meta-concept of Technosocial Institutions.

References

- Abrutyn, S. (2016). Institutional Spheres: The Macro-Structure and Culture of Social Life, in S. Abrutyn (Ed.), *Handbook of Contemporary Sociological Theory* (pp. 207–228), Wisconsin: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-32250-6_11.
- Agerfalk, P., Eriksson, O. (2017). Digital Institutions and Blockchain, *Opportunities and Risks of Blockchain Technologies: Report from Dagstuhl Seminar in Dagstuhl Reports*, 7 (3), 99–142. DOI: 10.4230/DagRep.7.3.99.
- Ahrne, G., Brunsson, N. (2011). Organization Outside Organizations: The Significance of Partial Organization, *Organization*, 18 (1), 83–104. DOI: 10.1177/1350508410376.
- Almeida, V., Mendonca, R.F., Filgueiras, F. (2025). Thinking of Algorithms as Institutions, *Communications of the ACM*, 68 (1), 20–23.
- Ametowobla, D., Kirchner, S. (2023). The Organization of Digital Platforms, *Zeitschrift für Soziologie*, 52 (2), 143–156. DOI: 10.1515/zfsoz-2023-2012.
- Aneesh, A. (2002). *Technologically Coded Authority: The Post-Industrial Decline in Bureaucratic Hierarchies*, Stanford: Stanford University. Available at: <http://web.stanford.edu/class/sts175/NewFiles/Algoratic Governance.pdf> (date accessed: 11.02.2017).
- Avgerou, C. (2002). *Information System and Global Diversity*, Oxford University Press.
- Batty, M., Barr, B. (1994). The Electronic Frontier: Exploring and Mapping Cyberspace, *Futures*, 26 (7), 699–712. DOI: 10.1016/0016-3287(94)90039-6.
- Bourdieu, P. (1985). *Distinction: Social Critique of the Judgement of the Taste*, Harvard University Press.
- Bourdieu, P. (1997/2000). *Pascalian Meditation*, Stanford University Press.
- Brooks, D. (2013). Opinion: The Philosophy of Data, *New York Times*, February 4. Available at: nytimes.com/2013/02/05/opinion/brooks-the-philosophy-of-data.html.
- Calvert, R.L. (1995). Rational Actors, Equilibrium, and Social Institutions, in *Explaining Social Institutions* (pp. 57–94). Available at: https://www.researchgate.net/publication/247334096_Rational_Actors_Equilibrium_and_Social_Institutions (date accessed: 15.04.2026).
- Castells, M. (1999). Grassrooting the Space of the Flows, *Urban Geography*, 20 (4), 294–302. DOI: 10.2747/0272-3638.20.4.294.
- Dafoe, A., Edward, H., Bachrach, Y., Collins, T., McKee, K.R., Leibo, J.Z., Larson, K., Graepel, T. (2020). Open Problems in Cooperative AI, *arXiv:2012.08630*. DOI: 10.48550/arXiv.2012.08630.
- Dafoe, A., Bachrach, Y., Hadfield, G., Horvitz, E., Larson, K., Graepel, T. (2021). Cooperative AI: Machines Must Learn to Find Common Ground, *Nature*, 593 (7857), 33–36. DOI: 10.1038/d41586-021-01170-0.
- Danaher, J. (2016). The Trait of Algocracy: Reality Resistance and Accommodation, *Philosophy and Technology*, 29 (3), 245–268. DOI: 10.1007/s13347-015-0211-1.
- De Brito, M., Huebner, J.F., Boissier, O. (2014). A Conceptual Model for Situated Artificial Institutions, in *Computational Logic in Multi-Agent System* (pp. 35–51), Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-09764-0_3.

- Dolata, U., Schrape, J.F. (2016). Masses, Crowds, Communities, Movements: Collective Action in Internet Age, *Social Movement Studies*, 15 (1), 1–18. DOI: 10.1080/14742837.2015.1055722.
- Dolata, U., Schrape, J.F. (2018). *Collectivity and Power on the Internet. A Sociological Perspective*, Dordrecht: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-78414-4.
- Dolata, U., Schrape, J.F. (2023). Platform Companies on the Internet as a New Organizational Form. A Sociological Perspective, *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 38 (3), 1–20. DOI: 10.1080/13511610.2023.2182217.
- Durkheim, E. (1893/1997). *The Division of the Labour in Society*, New York: Free Press.
- Durkheim, E. (1982). *The Rules of Sociological Method and Selected Text on Sociology and Its Methods*, The Macmillan Press.
- Edwards, N.P. (2002). Infrastructure and Modernity: Scales of Force, Time, and Social Organization, in T.J. Misa, P. Brey, A. Feenberg (Eds.), *The History of Sociotechnical Systems. Modernity and Technology* (pp. 185–225), MIT Press. DOI: 10.7551/mitpress/4729.003.0011.
- Edwards, N.P., King, L.J. (2021). Institutions, Infrastructures, Innovation, *Computer*, 54 (1), 103–109. DOI: 10.1109/MC.2020.3035921.
- Fornara, N. et al. (2008). Artificial Institutions: A Model of Institutional Reality for Open Multi Agent Systems, *Artificial Intelligence and Law*, 16 (1), 89–105. DOI: 10.1007/s10506-007-9055-z.
- Frolov, D. (2019). Post-institutional'naya teoriya blokcheyna [Post-institutional theory of blockchain], *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 16 (2), 262–278 (in Russian). DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-2-8.
- Frolov, D. (2024). *Digital Capitalism and New Institutionalism*, Routledge. DOI: 10.4324/9781003267430.
- Gillespie, T. (2017). Governance of and by Algorithms, in J. Burgess, Th. Poell, A. Marwick (Eds), *The SAGE Handbook of Social Media Paperback* (pp. 254–278), SAGE. DOI: 10.4135/9781473984066.n15.
- Goodin, R.E. (1996). *The Theory of Institutional Design*, Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511558320.
- Gritsenko, D., Wood, M. (2022). Algorithmic Governance: A Modes of Governance, *Regulation & Governance*, 16 (1), 45–62. DOI: 10.1111/rego.12367.
- Guala, F. (2016). Understanding Institutions: The Science and Philosophy of Living Together, *Journal of Social Ontology*, 3 (2), 275–278. DOI: 10.1515/jso-2017-0016.
- Hansich, M., Goldsby, C.M., Fabian, N.E., Oemichen, J. (2023). Digital Governance: A Conceptual Framework and Research Agenda, *Journal of Business Research*, no. 162, 113777. DOI: 10.1016/j.jbusres.2023.113777.
- Harari, Y.N. (2020). Why Technology Favors Tyranny, *The Atlantic*, October. Available at: <https://www.cs.umd.edu/~gasarch/BOOKCLUB/whytech.pdf> (date accessed: 15.04.2026).
- Hedstroem, P. (2005). *Dissecting the Social. On the Principles of Analytical Sociology*, Cambridge, UK, Cambridge University Press.
- Heidegger, M. (1953/1977). *The Questions Concerning Technology and Other Essays* (pp. 3–55), New York: Harper & Row.
- Hindriks, F., Guala, F. (2021). The Functions of Institutions: Etiology and Teleology, *Synthese*, vol. 198, 2027–2043. DOI: 10.1007/s11229-019-02188.
- Hodgson, G.M. (2006). What Are Institutions?, *Journal of Economic Issues*, 40 (1), 1–25. DOI: 10.1080/00213624.2006.11506879.
- Jennings, N.R. Moreau, I., Nicholson, D., Ramchurn, S.D. (2014). On Human-Agent Collectives, *Communications of the ACM*, 57 (12), 80–88. DOI: 10.1145/2629559.
- Kambhampati, S. (2020). Challenges in Human-Aware AI Systems, *arXiv:1910.07089v1*. DOI: 10.48550/arXiv.1910.07089.
- Katzenbach, C., Ulbricht, L. (2019). Algorithmic Governance, *Internet Policy Review, Journal of Internet Regulation*, 8 (4), 1–18. DOI: 10.14763/2019.4.1424.
- Kling, R., Rosenbaum, H., Sawyer, S. (2005). Understanding and Communicating Social Informatics, *Information Today*.

Knight, J., Sened, I. (Eds.) (1995). *Explaining Social Institutions*, Ann Arbor: University of Michigan Press.

Koiv, R. (2019). Causal Social Construction, *Journal of Social Ontology*, 5 (1), 77–99. DOI: 10.1515/jso-2019-0006.

Kukla, A. (2000). *Social Constructivism and the Philosophy of Science*, London: Routledge. DOI: 0.4324/9780203130995.

Lamb, R., Sawyer, S., Kling, R. (2000). A Social Informatics Perspective on Socio-Technical Networks, *AMCIS 2000 Proceedings*, no. 1. Available at: <https://aisel.aisnet.org/amcis2000/1> (date accessed: 15.04.2026).

Lanzara, G.F. (2009). Building Digital Institutions: ICT and Rise of Assemblings, in F. Contini, G.F. Lanzara (Eds.), *Government, in ICT and Innovation in the Public Sector. Technology, Work and Globalization* (pp. 9–48), Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9780230227293_2.

Latour, B. (2004). *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*, Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

Latour, B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, Oxford University Press.

Lefebvre, H. (1974 / 1991). *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.

Lessig, L. (2000). *Code is Law*, Harvard Magazine.

Lewis, D. (1969). *Convention: A Philosophical Study*, Harvard University Press.

Litvintsev, D.B., Litvintseva, G.P. (2023). Pod pokrovom metainstitutov Dom kak metainstitutsional'nyy kontsept [Under the cover of meta-institutions. Home as a meta institutional concept], *Journal of Institutional Studies*, 15 (1), 23–33 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2023.15.1.023-033.

Lohr, S. (2015). *Data-ism: The Revolution Transforming Decision Making, Consumer Behavior, and Almost Everything Else*, New York: HarperBusiness.

Lorini, G. (2014). Meta-Institutional Concepts: A New Category for Social Ontology, *Revista di Estetica*, no. 56, 127–139. DOI: 10.4000/estetica.876.

Ludwig, K. (2017). *From Plural to Institutional Agency: Collective Action II*, Oxford University Press. DOI: 10.7202/1076215ar.

Malsh, T. (2007). Socionics: Sociological Concepts for Social Systems of Artificial (and Human) Agents, *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, 10 (1), 11.

March, J.G., Olsen, J.P. (1984). The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life, *The American Political Science Review*, vol. 78, 734–749. DOI: 10.1017/S0003055406272563.

March, J.G., Olsen, J.P. (2013). The Logic of Appropriateness, in *The Oxford Handbook of Political Science* (pp. 689–708), Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548453.003.0034.

Mendonca, R., Filgueiras, F. Almeida, V. (2023). *Algorithmic Institutionalism. The Changing Rules of Social + Political Life*, Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780192870070.001.0001.

Moran, S., Luger, E., Rodden, T. (2014). Exploring Patterns as a Framework for Embedding Consent Mechanisms in Human-Agent Collectives, *AMT* (pp. 475–486). DOI: 10.1007/978-3-319-09912-5_40.

Mumford, L. (1964). Authoritarian and Democratic Technics, *Technology and Culture*, 5 (1), 1–8. DOI: 10.2307/3101118.

Murphie, A., Potts, J. (2003). Culture & Technology (chapter 2), in *Theoretical Frameworks* (pp. 11–38), Palgrave Macmillan: Basingstoke. DOI: 10.1007/978-1-137-08938-0.

Ning, H., Wei, D., Ye, X., Amine, B.M. (2018). General Cyberspace: Cyberspace and Cyber-Enabled Spaces, *IEEE Internet of Things Journal*, 5(3), 1843–1856. DOI: 10.1109/JIOT.2018.2815535.

Noriega, P. (2024). Naive View of Electronic Institutions, *Electronic Institutions* (pp. 3–22), Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-65605-2_1.

Noriega, P., de Jonge, D (2016). Electronic Institutions: The EI / EIDE Framework, in H. Aldewereld, O. Boisser, V. Dignum, P. Nioriega, J. Padget, (Eds), *Social Coordination Frameworks for Social Technical Systems* (Ser.: Law. Governance and Technology Series, vol. 30) (pp. 47–76). DOI: 10.1007/978-3-319-33570-4_4.

Noriega, P., Sierra, C. (2002). Electronic Institutions: Future Trends and Challenges, in M. Klusch, S. Ossowski, O. Shehory (Eds.), *Cooperative Information Agents VI, CIA 2002*, vol. 2446 (pp. 14–17), Berlin; Heidelberg: Springer. DOI: 10.1007/3-540-45741-0_3.

North, D.C. (1991). Institutions, *Journal of Economic Perspectives*, 5 (1), 97–112. DOI: 10.1257/jep.5.1.97.

Orlikowski, W.J., Barley, S.R. (2001). Technology and Institutions: What Can Research on Information Technology and Research on Organizations Learn from Each Other?, *MIS Quarterly*, 25 (2), 145–165. DOI: 10.2307/3250927.

Ostrom, E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*, Princeton University Press. DOI: 10.2307/j.ctt7s7wm.

Park, R.E., Burgess, E.W. (1921 / 1969). *Introduction to the Science of Sociology*, Chicago: University of Chicago Press.

Parsons, T. (1990). Prolegomena to a Theory of Social Institutions, *American Sociological Review*, 55 (3), 319–333.

Rezaev, A.V., Tregubova, N.D. (2018). Are Sociologists Ready for ‘Artificial Sociality’? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 147(5), 91–108. DOI: 10.14515/monitoring.2018.5.10.

Rubino, R., Omicini, A., Denti, E. (2006). Computational Institutions for Modeling Norm-Regulated MAS: An Approach Based on Coordination Artifacts, in O. Boisser, et al. (Eds.), *Coordination, Organization, Institutions, and Norms in Multi-Agent System. Lecture Notes in Computer Science AAMAS*, 2005, vol. 3913, Springer. DOI: 10.1007/11775331_9.

Sawyer, S., Jarrahi, M. (2015a). The Sociotechnical Perspective, *Information Systems and Information Technology*, vol. 2, 96–122.

Sawyer, S., Jarrahi, M.H. (2015b). The Sociotechnical Perspective in Information Systems and Information Technology, in H. Topi, A. Tucker (Eds.), *Computing Handbook*, vol. 2 (pp. 13–17), Chapman and Hall / CRC.

Schotter, A. (1981). *Economic Theory of Social Institutions*, Oxford University Press. DOI: 10.2307/1058295.

Scott, R.W. (2001). *Institutions and Organizations*, Thousand Oaks Calif, Sage Publications.

Stephenson, K.A., Kuismin, A., Putnam, L.L., Sivunen, A. (2020). Process Studies of Organizational Space, *Academy of Management Annals*, vol. 14, 797–827. DOI: 10.5465/annals.2018.0146.

Tsvetkova, M. et al. (2024). A New Sociology of Humans and Machines, *Nature Human Behaviour*, 8 (10), 1864–1876. arXiv:2402.14410v3.

Tuomela, R. (2003). Collective Acceptance, Social Institutions and Social Reality, *The American Journal of Economics and Sociology*, 62 (1), 123–165. DOI: 10.1111/1536-7150.t01-1-00005.

Van Dijck, J., Poell, T., De Waal, M. (2018). *The Platform Society. Public Values in a Connective World*, Oxford University Press. DOI: 10.23860/MGDR-2018-03-03-08.

Van Inwagen, P. (1998). Meta-Ontology, *Erkenntnis*, no. 48, 233–250. DOI: 10.1023/A:1005323618026.

Weber, M. (2020). Economy and Society, a New Translation by Max Weber, *History of Political Economy*, 52 (5), 965–967. DOI: 10.1215/00182702-8671916.

Weinberger, M. (2022). What Is Metaverse? A Definition Based on Qualitative Meta-Analyses, *Future Internet Journal*, 14 (11), 310. DOI: 10.3390/fi14110310.

Weyns, D., Omicini, A., Odell, J. (2006). Environment as a First Class Abstraction in Multiagent Systems, *Autonomous Agent Multi-Agent System*, vol. 14, 5–30. DOI: 10.1007/s10458-006-0012-0.

Williamson, O. (1998). The Institutions of Governance, *American Economic Review*, 88 (2), 75–79.

Winner, L. (1980). Do Artefacts Have Politics?, *Modern Technology: Problem or Opportunity?*, 109 (1), 121–136.

Wright, A.L., Irving, G., Zafar, A., Reay, T. (2022). The Role of Space and Place in Organizational and Institutional Change: A Systematic Review of the Literature, *Journal of Management Studies*, 60 (4), 991–1026. DOI: 10.1111/joms.12868.

Xiong, G., Anwar, N., Ye, P., Chen, X, Zhao, H., Lv, Y., Zhu, F., Zhang, H., Zhou, X., Liu, R.W. (2023). Cyber-Physical-Social System for Smart City, in A.M. Annaswamy, P.P. Khargonekar, F. Lamnabhi-Lagarigue, S.K. Spurgeon (Eds.), *Cyber-Physical-Human Systems: Fundamentals and Applications* (pp. 511–542), Wiley-IEEE Press. DOI: 10.1002/9781119857433.ch19.

Как исследовать институты техносоциального пространства? Анализ применимости трех метаинституциональных концепций

ПЕТАР КОВАЧЕВИЧ

Высшая школа экономики,
Москва, Россия;
e-mail: pkovacevic@hse.ru

В техносоциальном пространстве возникают специфические институциональные явления: технологии все чаще используются в управлении; технологии позволяют создавать новые социальные модели; помимо людей, в коллективных действиях появляются агенты искусственного интеллекта; и коллективные практики происходят одновременно в различных сегментах техносоциального пространства. Это явление бросает вызов самому базовому пониманию института как чисто социальной конструкции, определяющей поведение людей в физико-социальном пространстве. Возникновение этих институциональных явлений сопровождается появлением новых теоретических концепций в исследовании института (например, алгоритмический институционализм, пост-институционализм, институционализм многоагентных систем), которые рассматривают технологию как первостепенный фактор, определяющий мезо- и микроинституты. В статье рассматривается вопрос: как исследовать институты техносоциального пространства? Более конкретно, какие метаинституциональные концепции наиболее подходят для изучения институтов техносоциального пространства? Для ответа на этот вопрос был проведен метаинституциональный анализ, состоящий из трех этапов. На первом этапе была создана новая модель институциональной метаонтологии, основанная на двух столпах: 1) институты определяются составом, функциями, акторами и пространством; 2) институты могут быть как социальными, так и технологическими конструктами. На втором этапе, с опорой на новую модель институциональной метаонтологии, были сгенерированы три класса метаинституциональных концепций: социальные институты, технология как институт и техносоциальные институты. На третьем этапе был проведен анализ применимости трех сгенерированных классов. Сделан вывод, что теории, включающие метаконцепцию того, что в статье названо техносоциальными институтами, являются наиболее подходящими для изучения институтов техносоциального пространства.

Ключевые слова: институциональная теория, метаинституциональный анализ, техносоциальные институты, социология науки и технологии, социология человека и машин.

NATALIIA D. TRISHCHENKO

PhD in Philology,
Senior researcher of Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;

Senior researcher of Open Science Research Department,
State Public Scientific and Technological Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia;
e-mail: trishchenkond@my.msu.ru

Changing Modes of Scholarly Communication in Social Sciences and Humanities: A Literature Review

УДК: 070:001

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-140-153

The article delves into the recent transformations in scholarly communication practices within the social sciences and humanities (SSH). It draws from a comprehensive synthesis of bibliometric analyses, survey studies, and qualitative interviews to identify key trends. The identified trends include a surge in ‘journalization,’ uneven adoption of alternative metrics and platform-based visibility, and persistent international and disciplinary disparities. The review highlights striking disciplinary contrasts. While fields like economics and psychology readily embrace co-authorship, rapid journal cycles, and metric-based evaluation, others, such as history and philosophy, remain centered on monographs and nationally embedded outlets. Adoption of digitally mediated communication remains uneven and stratified: it varies systematically by discipline, national evaluation regimes, and career stage. Early-career scholars tend to face stronger pressures to demonstrate visibility and productivity, while senior scholars more often sustain genre-diverse and locally embedded dissemination strategies. A brief Russia-focused note situates these trends in a national policy and infrastructure context, showing how evaluation regimes shape communication choices. Significant gaps remain in the literature: humanities disciplines — especially core fields — are still underrepresented; mixed-method integration is limited; informal communication practices are insufficiently studied; and qualitative materials are rarely reused for secondary analysis, constraining cumulative insight.

Keywords: scholarly communication, social sciences and humanities, digital platforms, altmetrics, sociology of science, institutional change, research evaluation.

Introduction

In recent decades, the landscape of scholarly communication in the social sciences and humanities (SSH) has undergone profound transformations. Driven by the diffusion of digital infrastructures, evolving institutional demands, and the rise of new visibility metrics, the modes by which researchers disseminate, evaluate, and engage with academic knowledge are rapidly shifting. From the growing prominence of online repositories, collaborative platforms, and altmetrics, to the reconfiguration of publication formats and peer-review practices, SSH disciplines are witnessing both convergence with and divergence from patterns observed in STEM (Science, technology, engineering, and mathematics) fields [Gingras, 2016].

While much attention has been paid to digital transitions in scientific communication, SSH fields exhibit distinctive dynamics due to their diverse epistemologies, linguistic heterogeneity, and enduring reliance on books, essays, and locally anchored outlets. The balance between tradition and innovation, between national academic cultures and globalizing pressures, renders SSH communication practices especially sensitive to systemic change.

This article examines how communication practices among SSH researchers are changing in the digital age. It seeks to: 1) map key trends in scholarly communication across different researcher groups and national contexts; 2) identify variations in practices based on discipline, academic age, and institutional setting; and 3) explore emerging gaps and data limitations. By synthesizing insights from bibliometric, interview-based, and survey-based studies, we aim to offer a critical overview of how SSH scholars negotiate their professional identities and knowledge-sharing practices under the evolving digital regime.

While previous literature, including narrative and bibliometric reviews, has provided valuable insights into specific aspects of scholarly communication in SSH (e. g.: [Sugimoto *et al.*, 2016; González-Valiente *et al.*, 2016]), these often offer a partial view as they tend to focus on specific indicators (e. g., altmetrics), disciplines, or regions, and rarely address interpretive frameworks or heterogeneous researcher experiences. Also, large-scale quantitative studies or systematic reviews may not always deeply engage with the subjective experiences of researchers or the diverse interpretive frameworks that shape their responses to the evolving digital regime and evaluation systems. This article aims to address that gap by offering a critical integrative review that foregrounds both empirical diversity and theoretical interpretation.

Methodology

This study employs a qualitative synthesis approach to examine changing scholarly communication practices in the SSH under conditions of digital transformation. Rather than generating new primary data, the article integrates findings from three major strands of empirical literature: bibliometric and scientometric analyses, interview-based studies, and survey-based research. This triangulated strategy enables a cross-methodological perspective that brings together structural patterns, reported practices, and lived experiences.

The corpus was assembled through a structured literature search complemented by manual screening and snowballing. We used a specialized scholarly literature discovery platform with relevance-ranked retrieval over the Semantic Scholar corpus to compile an initial pool of potentially relevant publications. The search was intentionally broad and targeted

scholarship on scholarly communication in the social sciences and humanities (SSH) under conditions of digital transformation, without predefining the specific trends discussed later. To ensure coverage of different empirical traditions, search and screening were organized around three methodological strands: 1) bibliometric/scientometric studies, 2) survey-based research, and 3) interview-based qualitative studies. At the discovery stage, we used three broad thematic search formulations corresponding to these strands (e. g., “survey-based studies of social-science and humanities academics’ work, careers, routines”; “bibliometric, scientometric and altmetric analyses of SSH researchers’ work, careers and communication;” “interview-based studies of academics’ practices, careers, and perspectives”). All records were exported and screened manually against predefined eligibility criteria.

The initial retrieval prioritized results based on relevance and citation impact. The retrieved corpus was then subjected to manual screening to verify thematic fit and methodological rigor. Criteria for inclusion were: 1) publication in peer-reviewed international journals; 2) explicit focus on social sciences and humanities; and 3) relevance to digital transformation.

To mitigate potential omissions — especially in qualitative literatures with heterogeneous vocabularies — we complemented the initial corpus with backward and forward snowballing: we screened reference lists of the most central studies and traced key citations to identify additional relevant publications not surfaced in the initial discovery stage. Where relevant, key journals and highly cited papers were cross-checked against major bibliographic databases.

Thus, the analytical synthesis is based on three curated corpora of peer-reviewed studies, each corresponding to a distinct methodological approach. The bibliometric, scientometric, and altmetric group includes 52 studies, which provided quantitative mappings of publishing formats, citation patterns, co-authorship structures, and the uptake of open access and digital platforms across SSH disciplines. The survey-based corpus, comprising 37 articles, contributed insights into researchers’ time allocation, institutional pressures, and professional attitudes, often disaggregated by career stage, discipline, or region. Finally, the interview-based sample includes 41 qualitative studies, offering in-depth accounts of how scholars navigate competing expectations, define legitimate outputs, and construct academic identities in relation to digital infrastructures and evaluative regimes. This triadic empirical foundation enables a cross-methodological synthesis attentive to both structural transformations and lived academic experience. In the text of the article we cite only key relevant works and the most illustrative examples.

We initially searched literature published from 2005 to 2024 to capture the broader arc of digital transformation in SSH. However, during screening we found that pre-2010 publications rarely addressed the specific set of contemporary trends that constitute the focus of this review — platform-mediated visibility, altmetrics, open access as an institutionalized publishing model, and the restructuring of academic writing under metricized evaluation. As a result, the analytically central part of the corpus is concentrated in the late 2010s and early 2020s. We therefore treat the period 2005–2024 as the search window, while the synthesis primarily reflects the mature phase of the digital regime as documented in the post-2017 literature. The earliest highly relevant study in the final corpus dates to 2009, reflecting when empirically traceable platform- and metrics-related practices become visible in SSH research.

To contextualize the Russian case, we additionally screened *eLIBRARY* / *RSCI* and policy-analytic sources referenced in the international literature. As a result, a supplementa-

ry set of empirical studies addressing the transformation of Russian SSH under the ‘Project 5–100’ and ‘May Decrees’ initiatives was analyzed additionally. These sources allow for a critical assessment of center-periphery dynamics, specifically the role of ESCI as a segmented layer within *WoS* and the stratification of research communities. These sources were used for contextualization rather than to expand the main empirical corpora.

The analysis was interpretive and critical. Rather than aggregating data, we focused on identifying recurring tensions, explanatory gaps, and theoretical dissonances across studies. First, we developed an initial coding frame based on the review questions and recurring constructs in the sociology of science (e. g., evaluation regimes, legitimacy, academic capital, platform-mediated visibility). Second, we performed inductive coding to capture emergent themes (e.g., resistance and ‘slow scholarship’, visibility work under precarity). Codes were then aggregated into higher-order categories. This approach allowed us to trace both convergences (e. g., widespread journalization) and divergences (e. g., enduring monograph cultures) in scholarly communication, and to assess the extent to which existing sociological frameworks can account for such patterns.

This review is a critical integrative synthesis rather than a PRISMA-style systematic review. We deliberately prioritized interpretive depth and theoretical reflection over exhaustive coverage and statistical aggregation, in order to identify recurring tensions, mechanisms, and gaps in the existing literature. By integrating heterogeneous data sources and epistemological perspectives, this study aims to contribute not only to the mapping of communication practices but also to the theoretical rethinking of academic labor and legitimacy in the digital age.

Research Results

Researcher Groups and Communication Practices

We discuss academic age, national context, disciplinary affiliation, and career stage within a single section because the literature treats them as intersecting dimensions of stratification rather than independent variables. Together they shape researchers’ positionality within evaluative regimes and infrastructures of visibility (indexing, platform-mediated profiles, collaboration networks), thereby structuring which communication strategies are both feasible and legitimate. Keeping these dimensions in one block allows us to link micro-level practices (genre choices, language strategies, visibility work) with macro-level policy and infrastructural conditions, and to avoid overly linear explanations (e. g., “younger equals more digital”) that ignore discipline- and country-specific regimes.

Generational and Cohort Differences

Recent cohort analyses demonstrate that younger SSH researchers increasingly prioritize international visibility through journal publications in English, especially in indexed outlets. Guns, Eykens, and Engels [*Guns et al.*, 2019] show how early-career scholars in Flanders exhibit higher rates of journalization and alignment with *WoS* standards compared to older peers. While monographs remain prominent among senior researchers — particularly in the humanities — this shift signals a partial generational transition toward standardized publication regimes.

Similarly, academic age serves as a meaningful proxy for cohort differentiation. Sivertsen [*Sivertsen*, 2016] finds that younger academics are more embedded in transnational

publication networks, driven in part by evaluation criteria and institutional expectations. These developments occur within a broader context of changes in academic work, including increasing temporal pressures and a quickening pace. This changing environment, influenced by evaluation systems and the push for international visibility, shapes what academics prioritize [Ylijoki, 2011].

National and Institutional Contexts

Cross-country comparisons highlight that researchers in Central and Eastern Europe (CEE) face specific challenges related to language, funding structures, and limited indexation. Kulczycki et al. [Kulczycki et al., 2018] in an eight-country analysis, highlight stark differences in SSH publication outputs, particularly between Poland and countries like Norway and Belgium, arguing that performance-based funding systems influence not only the volume of output but also the modes of communication adopted. These effects are even more pronounced in the Russian case (see *Russian National Context* below).

National databases such as CRISTin (Norway) and VABB-SHW (Belgium) strongly incentivize journal-based outputs and thus influence academic behavior. These incentives are not neutral: they reward specific communication formats, often privileging English-language publishing and disadvantaging locally oriented work, as discussed by McCulloch [McCulloch, 2017].

Disciplinary Cultures and Publication Norms

Disciplinary norms shape not just the medium of publication but its underlying epistemic value. Malcolm and Zukas [Malcolm, Zukas, 2009] describe how education scholars experience tensions between disciplinary expectations and institutional output metrics, official narratives and actual academic work. This confirms broader trends identified by Lea and Stierer [Lea, Stierer, 2011], who argue that academic writing practices are embedded in discipline-specific regimes of value.

Disciplines such as economics or psychology tend to embrace co-authorship, metrics-based evaluation, and rapid publication cycles. In contrast, history and philosophy remain oriented toward single authorship, longer forms, and nationally specific outlets. These distinctions are not only cultural but structurally reinforced through peer expectations and doctoral training. Tülübaş and Göktürk [Tülübaş, Göktürk, 2020] argue that disciplinary environments not only structure publishing expectations but also mediate how researchers internalize or resist neoliberal performativity.

Career Stage, Precarity, and Visibility Work

Early-career researchers — particularly those in precarious positions — are more likely to engage in what Bristow, Robinson, and Ratle [Bristow et al., 2019] call “academic arrhythmia,” a fragmented and strategically visible form of labor shaped by the pressures of the evaluation economy. This precarity intensifies the need to cultivate digital profiles, embrace altmetrics, and conform to output targets. These observations are echoed by Lea and Stierer [Lea, Stierer, 2011], who show how researchers negotiate tensions between personal values and institutional pressures in their writing and publishing practices, often developing hybrid strategies that combine compliance and quiet resistance.

Phillips et al. [Phillips et al., 2023] extend this analysis by showing how early-career women researchers in Australia adopt different modes of response to the pressures of academia, which authors conceptualize as distinct subject positions: The Compliant Woman, The Strategic Woman, and The Rebellious Woman. These responses are linked to negoti-

ating expectations shaped by neoliberal and patriarchal discourses. Authors note that regardless of their approach, these early-career women felt “damned” in their experience, highlighting feelings of unsafety and insecurity. The study also indicates strong gender imbalances in academia, where women are significantly underrepresented in senior positions compared to their numbers at the PhD and early-career stages, particularly in STEM.

Pifer and Baker [Pifer, Baker, 2016] explore the concept of identity in academic careers. They introduce and examine the idea of relational identity, which is rooted in close relationships with specific others and involves defining the self-based on these key relationships. Their study, which included prospective and current faculty members, highlights how these relational identities, such as family roles and responsibilities, friendships and community outside of academe, and interactions with colleagues, influence academics’ lived experiences. Specifically, they found that these factors shaped participants’ work commitments, challenges, goals, and perceptions within their careers.

Thus, disciplinary, generational, national, and career-stage factors operate as intersecting dimensions of stratification that shape researchers’ positioning vis-à-vis digital change. Rather than merely moderating how trends are perceived, these dimensions actively structure which communication strategies become feasible and legitimate. In the next section, we outline the main trends identified in the literature and indicate how they are unevenly distributed across these groups.

Emerging Trends and Their Distribution

The digitalization of academic life has transformed the modalities, rhythms, and politics of scholarly communication in the social sciences and humanities (SSH). Yet these transformations are heterogeneous, contingent, and often contested. Moving from stratifying factors to substantive transformations, we identify five interrelated trends: journalization, internationalization, new visibility regimes (the rise of altmetrics and open access), platformization, and the restructuring of academic writing. Each trend is marked by substantial heterogeneity, much of which can be accounted for by the differences outlined in the previous section.

Journalization and the Revaluation of Genres

One of the notable trends in SSH disciplines is the growing prominence of peer-reviewed journal articles, particularly in the context of research evaluation systems. Academics in SSH are increasingly pushed to publish more journal articles due to evaluation criteria [Gingras, 2016]. This trend is linked to the internationalization of research, which involves an increased use of specialized journals for publishing. These articles are often published in journals indexed in global databases like *Web of Science* and *Scopus*, and there is an increasing use of English language in these publications [Sanz-Casado et al., 2016].

However, this shift in academic practices is significantly institutional and policy-driven [Gingras, 2016]. Research evaluation systems are identified as systematically favoring certain publication genres over others, creating a “genre regime” [Tusting, 2018]. Different authors discuss how this regime impacts humanities fields, particularly highlighting the tension between publishing journal articles (often seen as the “main currency” for evaluation) and producing monographs, which are traditionally highly valued in history. Despite these pressures, books, particularly monographs, remain central to disciplinary identity and are considered the “primary type of scholarly book publication” and still important in social sciences and humanities [Kulczycki, Korytkowski, 2020]. For example, in history, the mono-

graph is seen as the “gold standard” and a “core part of the discipline”. Disciplinary identity in history is closely coupled to writing conventions, including the monograph, which helps establish an historian’s contribution and reputation within their discipline. Books also constitute a large proportion of references in humanities articles.

Internationalization and Transnational Collaboration

Parallel to journalization is a rise in international co-authorship and cross-border collaboration [Zhang *et al.*, 2020], though it remains more modest than in STEM disciplines where multi-authorship is more common. Research, including work by Sivertsen [Sivertsen, 2016], documents how national funding schemes and performance indicators increasingly use publications indexed in international databases like *Scopus* or *Web of Science* as criteria for research evaluation in the Social Sciences and Humanities. Countries such as Norway, which was among the first to establish a performance-based funding system promoting international publishing, the Czech Republic, which explicitly rewards WoS/Scopus journals, Finland [Kulczycki *et al.*, 2018], and China [Zhang *et al.*, 2020] provide examples of policies that create strong incentives for scholars to publish internationally and seek co-authors abroad.

De Filippo and Sanz-Casado [De Filippo, Sanz-Casado, 2018], analyzing three SSH domains in Spain, confirm that internationally co-authored publications are more frequently cited. However, Stoica [Stoica, 2018] warns that the benefits of international collaboration are unevenly distributed. For scholars in Central and Eastern Europe, linguistic and infrastructural barriers still limit access to elite networks. Moreover, as Richardson [Richardson, 2009] notes, geographic mobility — a common pathway to collaboration — can introduce personal and professional precarity.

New Regimes of Visibility

With the expansion of digital tracking tools, new forms of visibility and reputation have emerged. Mendeley readership counts, *Twitter* mentions, blog citations, and *Wikipedia* links are now tracked alongside citation metrics. While these indicators remain weakly correlated with academic impact in many SSH fields, they increasingly shape perceptions of visibility and influence.

Open access publication is widely recognized for its potential to significantly increase research impact, most notably leading to higher citation counts and enhancing online visibility and attention across various platforms. Providing specific evidence within the social sciences and humanities, De Filippo and Sanz-Casado [De Filippo, Sanz-Casado, 2018] found that open access publications in these fields were significantly more likely to receive mentions on social media, indicating a clear link between accessibility and online presence [Holmberg *et al.*, 2020]. This growing emphasis on online visibility, alongside traditional metrics, reflects a broader shift in how research impact is understood and measured in the digital age.

Altmetrics remain a controversial topic within academia [De Filippo, Sanz-Casado, 2018]. Discussions surrounding these metrics often highlight a tension between traditional academic values and the increasing pressure for online visibility and engagement. Many scholars view digital promotion, such as engaging on social media, with skepticism [Tusting *et al.*, 2019]. These tensions are particularly salient under evaluation pressure (group differences are discussed in the *Researcher Groups and Communication Practices* section).

Platformization and the Rise of Academic Visibility Work

Digital platforms such as *ResearchGate*, *Academia.edu*, *Google Scholar*, and *ORCID* have transformed the infrastructure of academic self-presentation. Engaging with these platforms requires academics to undertake the ongoing curation of their profiles, upload their work, and attend to analytics [Thelwall, Kousha, 2015]. Such activities introduce new demands and contribute to the academic workload, potentially encompassing tasks that may not always conform to traditional institutional expectations about what is considered ‘legitimate’ academic work.

Moreover, platforms and evaluation systems shape academic behavior and writing practices, influencing genres and rhythms and creating pressure for output linked to metrics and targets. As Tusting [Tusting, 2018] notes, the institutionalization of platform-mediated genres introduces new contradictions between accountability and autonomy.

Unevenness and Resistance

Despite broad structural trends, adoption of digital communication practices remains uneven. Disciplinary norms, national policy regimes, and individual preferences all mediate uptake. Kulczycki et al. [Kulczycki et al., 2018] found that scholars in the social sciences and humanities in countries such as Poland still publish primarily in national journals, often in local languages, due to low institutional pressure for internationalization.

Harris et al. [Harris et al., 2023] describe similar dynamics among marginalized academic groups, showing how contract researchers often lack access to institutional resources necessary for digital visibility. In such contexts, the promise of openness and connectivity is tempered by structural exclusion.

Resistance also persists in academia. Academics actively navigate and push back against pressures from evaluation systems and the drive for productivity and visibility. Many scholars articulate values associated with “slow scholarship,” valuing depth and reflection over rapid output and metrics driven by dominant evaluation regimes. Qualitative studies, such as the narrative-based research by Cutajar [Cutajar, 2024] involving Maltese academics, shed light on how scholars experience and navigate these tensions and challenges in their everyday professional lives.

Russian National Context

A distinct configuration of these challenges is observed in the Russian context, where digital transformation has been driven by top-down state policies. Following the launch of the ‘Project 5–100’ and the ‘May Decrees’ in 2012, Russian SSH faced immense administrative pressure to increase visibility in global databases. While these initiatives succeeded in boosting the sheer volume of publications [Moed et al., 2018], researchers argue that this growth was largely achieved through adaptive strategies rather than genuine integration.

Scholars have identified a specific mechanism of “imitative internationalization” facilitated by the inclusion of domestically oriented local journals into the Emerging Sources Citation Index (ESCI). Moskaleva and Pislyakov [Moskaleva, Pislyakov, 2017] demonstrated that a significant share of Russian SSH papers indexed in *Web of Science* are published in domestic journals that remain invisible to the global community. This created what some authors describe as a “voluntary academic ghetto” where researchers meet formal KPIs without leaving their linguistic and cultural comfort zone [Trishchenko et al., 2025].

Importantly, this platform- and index-enabled pattern builds on earlier, well-documented constraints: long before ESCI expansion, Russian SSH already faced structural barriers that limited international integration. Kirchik et al. [Kirchik et al., 2012] highlight that despite the push for internationalization, the language barrier continues to stratify the community, separating a small elite of globally integrated scholars from the majority oriented towards national outlets. Furthermore, citation practices in this segment often perform a “normative” rather than navigational function, where references are used to simulate academic context rather than to engage with actual debates [Makeenko, 2017]. Consequently, as noted by Sterligov [Sterligov, 2021] and Guba [Guba, 2022], the rigid application of bibliometric indicators in an unprepared academic environment has incentivized “gaming the metrics” and the proliferation of unethical publication practices.

Synthesizing the Russian experience, three distinct trends characterize the local digital transformation.

The Russian literature suggests that indicator-driven internationalization can produce a structurally polarized communication ecology. A relatively small group of globally integrated scholars publishes under the standards of top-quartile journals, whereas a much larger domestically oriented segment relies on nationally anchored journals indexed in RSCI or on ESCI (as a segmented layer within *WoS*) to satisfy formal criteria without necessarily changing epistemic and communicative routines.

Within this environment, digital metrics may incentivize instrumental adaptation rather than transparency. Studies describe forms of mimicry and gaming — such as salami-slicing, coercive citation practices, and occasional engagement with predatory outlets — as survival strategies under KPI pressure. These dynamics, in turn, can reinforce peripherality: language barriers and self-referential citation circuits limit the circulation of locally produced knowledge, meaning that even formally ‘internationalized’ outputs may remain weakly coupled to global debates.

Gaps and Data Limitations

While the study of scholarly communication in SSH has grown significantly in recent years, this body of research remains uneven and fragmented. Both the empirical scope and the conceptual reach of existing studies reveal persistent blind spots, which constrain our ability to develop a nuanced understanding of how communication practices evolve under digital conditions.

Disciplinary and Subfield Silences

Existing research is disproportionately concentrated in fields that already exhibit strong alignment with journal-based publication and international indexing — such as economics, education, and psychology. These fields are often more compatible with bibliometric analysis and survey instruments, which partly explains their overrepresentation.

By contrast, core humanities disciplines such as philosophy, history, literary studies, and art history are frequently marginalized. Their reliance on long-form genres, national languages, and locally embedded publication outlets renders them less visible in dominant infrastructures. Pike [Pike, 2023] highlights how scholars in the humanities perceive a systematic institutional devaluation of their work under current evaluation regimes. This disciplinary asymmetry leads to a conceptual narrowing: communication in SSH becomes

equated with article production, while context-bound or genre-diverse practices remain under-theorized.

Methodological Overreliance on Cross-sectional Data

Most quantitative studies in this area rely on cross-sectional data — single-time surveys or bibliometric snapshots. While useful for static mapping, such approaches are limited in capturing how scholars adapt over time to shifting policy regimes, technologies, or career stages.

Without more longitudinal or cohort-based data, we risk mistaking contingent behavior for stable practice. For example, Smith [*Smith*, 2010], in a longitudinal study of probationary academics, shows that identity development and scholarly positioning shift significantly during early-career transitions — an effect that cannot be captured through static instruments.

Weak Integration of Mixed Methods and Limited Reuse of Qualitative Data

Quantitative and qualitative approaches often remain siloed. Surveys document behaviors but rarely motivations or values; interviews reveal depth but lack breadth. For example, Mihăilă [*Mihăilă*, 2018], in a study of the impact of transnational co-authorship on the scientific quality of academic research, calls for stronger integration between statistical and qualitative data for a more complex image. Moreover, existing qualitative data — such as interview transcripts or diaries — are rarely reused for secondary analysis. This reflects both ethical concerns and infrastructural deficits but also highlights a missed opportunity for richer longitudinal inquiry.

Geographic and Linguistic Biases

Empirical work remains strongly biased toward Anglophone and Western European contexts. SSH scholars from Eastern Europe, Latin America, Africa, and Asia are under-represented in both the data and the discourse [*Gingras*, 2016]. Countries that have recently joined the global science system, particularly post-communist countries in the EU and other poorer countries, have become massively visible in *Scopus* or *Web of Science* journals relatively recently, contrasting with Western countries which have operated on a large scale since the outset [*Kwiek, Roszka*, 2022]. This delayed entry affects the representativeness of data for these regions.

Without attention to linguistic diversity and regional knowledge systems, scholarship on academic communication risks reinforcing epistemic hierarchies rather than interrogating them.

Conclusion and Discussion

Across the three evidence strands, the most robust pattern is uneven digital transformation: journal- and index-centered evaluation expands, yet genre diversity persists and platform-based visibility adds new layers of academic labor. Disciplinary cultures, national systems, career stages, and infrastructural access all influence how scholars engage with digital opportunities.

We also identified significant limitations in the current research. These include disciplinary and geographic gaps, and methodological imbalances. These gaps perpetuate existing asymmetries in academic knowledge production and circulation. Future research should adopt more inclusive, longitudinal, and methodologically integrated approaches. Greater

attention should be paid to marginal disciplines, regions, and voices, both in empirical data and in the theories used to understand them.

Overall, the reviewed literature suggests that digital transformation in SSH does not produce simple convergence toward a single ‘digital’ model of scholarly communication. Instead, it reinforces a stratified ecology of co-existing value regimes: journal- and index-oriented evaluation increasingly structures careers and incentives, while genre-diverse and locally embedded forms (notably monographs and national outlets) remain central to disciplinary identity, especially in the humanities. Internationalization is likewise uneven: growth in indexed output does not automatically translate into substantive integration into international conversations, which remains strongly associated with collaboration networks and publication venues. This is particularly evident in national cases such as Russia, where an elite global circuit coexists with a mass domestic circuit of scholarly communication.

A second robust pattern concerns infrastructures of visibility. Platformization adds a new layer of academic work — profile curation, trace production, and indicator monitoring — thereby shifting the boundaries of what counts as legitimate scholarly work. Altmetrics and open access further diversify the visibility landscape: they do not replace citation-based impact but constitute a partially autonomous regime of attention whose effects vary systematically by discipline and evaluation context. Finally, evaluative and digital infrastructures reshape academic writing itself, producing genre pressures, acceleration, and fragmented work rhythms that are particularly salient under precarity.

Theoretically, these patterns support an interpretation of contemporary SSH communication as an ecology of valuation regimes rather than a unified market of ‘impact’. Infrastructures such as indexes, platforms, and metrics should be treated as constitutive elements of the scholarly field that redistribute academic capital, normalize genres, and reproduce inequalities through differential access to resources, networks, and time. This perspective connects micro-level practices (writing, dissemination, visibility work) with macro-level evaluation policies and digital infrastructures, clarifying why ‘more visibility’ does not necessarily mean ‘more communication’ in the substantive sociological sense.

Furthermore, the increasing prominence of digital platforms and new forms of visibility raises profound questions about epistemic justice and the global dissemination of knowledge. As English-language journalization and platformization gain traction, there is a risk of further marginalizing locally rooted knowledge traditions, non-Anglophone scholarship, and forms of academic labor that resist easy quantification. To address these tendencies, future research and policy must prioritize diversity — of language, genre, method, and epistemology — while also developing integrative methodological approaches that better capture the lived experiences and collective challenges faced by SSH researchers globally.

References

- Bristow, A., Robinson, S., Ratle, O. (2019). Academic Arrhythmia: Disruption, Dissonance, and Conflict in Early-Career Rhythms of CMS Academics, *Academy of Management Learning & Education*, 18 (2), 241–260. DOI: 10.5465/AMLE.2017.0340.
- Cutajar, M. (2024). A Malta Experience of Being a University Academic, *Trends in Higher Education*, 3 (2), 408–422. DOI: 10.3390/higheredu3020024.
- De Filippo, D., Sanz-Casado, E. (2018). Bibliometric and Altmetric Analysis of Three Social Science Disciplines, *Frontiers in Research Metrics and Analytics*, 3 (34). DOI: 10.3389/frma.2018.00034.

Gingras, Y. (2016). *Bibliometrics and Research Evaluation: Uses and Abuses*, MIT Press.

González-Valiente, C.L., Pacheco-Mendoza, J., Arencibia-Jorge, R. (2016). A Review of Altmetrics as an Emerging Discipline for Research Evaluation, *Learned Publishing*, 29 (4), 229–238. DOI: 10.1002/leap.1043.

Guba, K.S. (2022). Scientometric Indicators in the Evaluation of Russian Universities: A Literature Review, *Universe of Russia*, 31 (1), 49–73. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-49-73.

Guns, R., Eykens, J., Engels, T.C.E. (2019). To What Extent Do Successive Cohorts Adopt Different Publication Patterns? Peer Review, Language Use, and Publication Types in the Social Sciences and Humanities, *Frontiers in Research Metrics and Analytics*, 3 (38). DOI: 10.3389/frma.2018.00038.

Harris, J., Smithers, K., Spina, N., Heffernan, T. (2023). Disrupting Dominant Discourses of the Other: Examining Experiences of Contract Researchers in the Academy, *Studies in Higher Education*, 48 (1), 37–48. DOI: 10.1080/03075079.2022.2105831.

Holmberg, K., Hedman, J., Bowman, T.D., Didegah, F., Laakso, M. (2020). Do Articles in Open Access Journals Have More Frequent Altmetric Activity Than Articles in Subscription-Based Journals? An Investigation of the Research Output of Finnish Universities, *Scientometrics*, no. 122, 645–659. DOI: 10.1007/s11192-019-03301-x.

Kirchik, O., Gingras, Y., Larivière, V. (2012). Changes in Publication Languages and Citation Practices and Their Effect on the Scientific Impact of Russian Science (1993–2010), *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 63 (7), 1411–1419. DOI: 10.1002/asi.22642.

Kulczycki, E., Engels, T.C.E., Pölönen, J., Bruun, K., Dušková, M., Guns, R., Nowotniak, R., Petr, M., Sivertsen, G., Istenič Starčič, A., Zuccala, A. (2018). Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities: Evidence from Eight European Countries, *Scientometrics*, no. 116, 463–486. DOI: 10.1007/s11192-018-2711-0.

Kulczycki, E., Korytkowski, P. (2020). Researchers Publishing Monographs Are More Productive and More Local-Oriented, *Scientometrics*, no. 125, 1371–1387. DOI: 10.1007/s11192-020-03376-x.

Kwiek, M., Roszka, W. (2022). Academic vs. Biological Age in Research on Academic Careers: A Large-Scale Study with Implications for Scientifically Developing Systems, *Scientometrics*, no. 127, 3543–3575. DOI: 10.1007/s11192-022-04363-0.

Lea, M.R., Stierer, B. (2011). Changing Academic Identities in Changing Academic Workplaces: Learning from Academics' Everyday Professional Writing Practices, *Teaching in Higher Education*, no. 16, 605–616. DOI: 10.1080/13562517.2011.560380.

Makeenko, M.I. (2017). Razvitiye teoriy media v rossiyskikh nauchnykh zhurnalakh v 2010-ye gg.: rezul'taty pervogo etapa issledovaniy [Elaboration of media theories in Russian academic journals in the 2010s: Results of the first stage of the research], *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika*, no. 6, 3–31 (in Russian).

Malcolm, J., Zukas, M. (2009). Making a Mess of Academic Work: Experience, Purpose and Identity, *Teaching in Higher Education*, no. 14, 495–506. DOI: 10.1080/13562510903186659.

McCulloch, S. (2017). Hobson's Choice: The Effects of Research Evaluation on Academics' Writing Practices in England, *Aslib Journal of Information Management*, 69 (5), 503–515. DOI: 10.1108/AJIM-12-2016-0216.

Mihäilă, B.E. (2018). The Impact of Transnational Co-Authorship on the Scientific Quality of Academic Researchers — Case Studies: Slovenia, Poland and Romania, *International Review of Social Research*, 8 (2), 129–142. DOI: 10.2478/irsr-2018-0015.

Moed, H.F., Markusova, V., Akoev, M. (2018). Trends in Russian Research Output Indexed in Scopus and Web of Science, *Scientometrics*, 116 (2), 1153–1180. DOI: 10.1007/s11192-018-2769-8.

Moskaleva, O.V., Pislyakov, V.V. (2017). Russian Journals in Emerging Sources Citation Index, in *World-Class Scientific Publication — 2017: Best Practices in Preparation and Promotion of Publications: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference* (pp. 78–81), Moscow. DOI: 10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.13.

Phillips, M.J., Dzidic, P.L., Roberts, L.D., Castell, E.L. (2023). “Comply, Strategise, or Resist?": Exploring Early-Career Women's Academic Identities in Australian Higher Education

Using Foucauldian Discourse Analysis, *SN Social Sciences*, vol. 3, article no. 81. DOI: 10.1007/s43545-023-00668-w.

Pifer, M.J., Baker, V.L. (2016). Professional, Personal, and Relational: Exploring the Salience of Identity in Academic Careers, *Identity*, 69 (3), 190–205. DOI: 10.1080/15283488.2016.1190729.

Pike, D. (2023). The Humanities: What Future?, *Humanities*, 12 (4), 85. DOI: 10.3390/h12040085.

Richardson, J. (2009). Geographic Flexibility in Academia: A Cautionary Note, *British Journal of Management*, no. 20, S160–S170. DOI: 10.1111/j.1467-8551.2008.00641.x.

Sanz-Casado, E., García-Zorita, C., Serrano-López, A.E., Filippo, D., Vanti, N. (2016). Desarrollo de indicadores para los nuevos hábitos de información y comunicación científica, *Educación Médica*, no. 17, 45–50 (in Spanish). Available at: <https://www.elsevier.es/es-revista-educacion-medica-71-articulo-desarrollo-indicadores-los-nuevos-habitos-X1575181316601166> (date accessed: 10.06.2025).

Sivertsen, G. (2016). Patterns of Internationalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities, *Scientometrics*, no. 107, 357–368. DOI: 10.1007/s11192-016-1845-1.

Smith, J. (2010). Forging Identities: The Experiences of Probationary Lecturers in the UK, *Studies in Higher Education*, 35 (5), 577–591. DOI: 10.1080/03075070903216650.

Sterligov, I. (2021). *Bibliometrics in University Assessment: World Experience*, Elsevier.

Stoica, A.-A. (2018). Homophily in Co-Authorship Networks, *International Review of Social Research*, 8 (2), 119–128. DOI: 10.2478/irsr-2018-0014.

Sugimoto, C.R., Work, S., Larivière, V., Haustein, S. (2016). Scholarly Use of Social Media and Altmetrics: A Review of the Literature, *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 68 (9), 2037–2062. DOI: 10.1002/asi.23833.

Thelwall, M., Kousha, K. (2015). ResearchGate: Disseminating, Communicating, and Measuring Scholarship?, *Journal of the Association for Information Science and Technology*, no. 66, 876–889. DOI: 10.1002/asi.23236.

Trishchenko, N.D., Makeenko, M.I., Anisimov, I.V. (2025). Limits of Metrics-Led Internationalization: The Case of Russian Media Studies, *Quality & Quantity*. DOI: 10.1007/s11135-025-02472-5.

Tülübaşı, T., Göktürk, Ş. (2020). Neoliberal Governmentality and Performativity Culture in Higher Education: Reflections on Academic Identity, *Research in Educational Administration and Leadership*, 5 (1), 198–232. DOI: 10.30828/real/2020.1.6.

Tusting, K. (2018). The Genre Regime of Research Evaluation: Contradictory Systems of Value around Academics' Writing, *Language and Education*, 32 (6), 477–493. DOI: 10.1080/09500782.2018.1505905.

Tusting, K., McCulloch, S., Bhatt, I., Hamilton, M., Barton, D. (2019). *Academics Writing*, Routledge. DOI: 10.4324/9780429197994.

Ylijoki, O.H. (2011). Boundary-Work between Work and Life in the High-Speed University, *Studies in Higher Education*, 38 (2), 242–255. DOI: 10.1080/03075079.2011.577524.

Zhang, L., Shang, Y., Huang, Y., Sivertsen, G. (2020). Toward Internationalization: A Bibliometric Analysis of the Social Sciences in Mainland China from 1979 to 2018, *Quantitative Science Studies*, 2 (1), 376–408. DOI: 10.1162/qss_a_00102.

Трансформация научной коммуникации в социальных и гуманитарных науках в цифровую эпоху: критический обзор

Наталья Дмитриевна Трищенко

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;
ГПНТБ СО РАН,
Новосибирск, Россия;
e-mail: trishchenkond@my.msu.ru

В статье описаны актуальные тенденции научной коммуникации в социальных и гуманитарных науках. Обзор основан на комбинации результатов трех групп исследований: использующих наукометрические методы, опросы, а также интервью. Среди основных трендов можно выделить приоритизацию журнальных публикаций, значительные различия в отношении к использованию альтернативных метрик, а также крайнюю географическую и дисциплинарную неоднородность практик. Особое внимание в обзоре уделяется дисциплинарным различиям: например, если в экономике и психологии закрепились практики коллективной работы и быстрой публикации в журналах, то в истории и философии сохраняется приоритет монографий и национальных издательских площадок. В то время как молодые исследователи и представители дисциплин, опирающихся преимущественно на количественные методы, быстрее адаптируются к цифровой коммуникационной среде, другие группы предпочитают более традиционные каналы и формы распространения информации. Для исследователей на начальных этапах карьеры цифровые инструменты и платформы становятся важным способом повышения видимости и обеспечения соответствия формальным показателям, тогда как старшие коллеги чаще опираются на устоявшиеся локальные формы коммуникации. При этом в современной научной литературе остаются значительные пробелы, в том числе можно отметить недостаточное внимание к гуманитарным дисциплинам, редкое использование смешанных методов и недооценку неформальных практик научной коммуникации.

Ключевые слова: научная коммуникация, социальные и гуманитарные науки, цифровые платформы, альтернативные метрики, социология науки, институциональные изменения, оценка исследований.

ЧЖАО ЦЗИХУЭЙ

профессор Шаньдунского женского университета,
Цзинань, Китай;
e-mail: mugglezhao@hotmail.com

ЧЭНЬ ШУАН

кандидат педагогических наук,
профессор Шаньдунского женского университета,
Цзинань, Китай;
e-mail: lijyacs@163.com

СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА ГАСУМОВА

кандидат социологических наук, доцент,
доцент Пермского государственного
национального исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: svetagasumova@ya.ru

АЛЕВТИНА ВИКТОРОВНА СТАРШИНОВА

доктор социологических наук, профессор,
профессор Уральского федерального университета
имени первого президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

Опыт цифровизации системы социальных услуг в Китае и России

УДК: [330:004] (47+510)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-154-173

Исследуется повышение эффективности применения информации в сфере организации предоставления социальных услуг в обществе с помощью цифровых технологий. На основе межстранового сравнительного анализа обоснована ведущая роль государственных инициатив в этой сфере и показана ориентация обеих стран на цифровую трансформацию социального развития, закрепленная в концепции КНР «Инновации, координация, экологичность, открытость и совместное использование», «Концепции развития Китая до 2035 года» и «Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.». Анализ инновационной модели «Умная помощь» в г. Цзилинь и информационной системы динамического мониторинга бедности и помощи малоимущим слоям населения «Великая помощь» в г. Ханчжоу продемонстрировал расширение охвата нуждающихся в помощи социальных групп, повышение эффективности межведомственного и межсекторного взаимодействия, интеграции государственных и негосударственных ресурсов помощи благодаря применению цифровых технологий. Показаны возможности анализа данных о гражданах в выявлении потенциально нуждающихся в поддержке и проактивного предложения им социальной защиты в КНР. Выделены направления цифровизации системы социальных услуг в России и выявлен акцент на цифровой трансформации взаимодействия граждан с производителями социальных услуг, реализуемого удаленно — через онлайн-сервисы, приложения и чат-боты, применение методов ИИ и в отдельных случаях — робототехники. Сформулирован новый подход к организации взаимодействия субъектов системы социальных услуг в условиях цифровизации — «помощь в один клик».

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, информационные системы, социальные услуги, социальная защита, социальная поддержка, социальная работа, Китай, Россия.

Введение

Цифровизация системы социальных услуг подразумевает повышение эффективности применения информации в сфере организации предоставления социальных услуг в обществе с помощью цифровых технологий. Ее значение сложно переоценить, поскольку она постепенно порождает цифровую трансформацию — структурные изменения производственных и управленческих процессов, связанные с широкомасштабным применением цифровых технологий в системе социальных услуг и включающие не только сами технологии цифровизации, но и новые модели управления на их основе [Джанелидзе, 2018, с. 368]. Соответственно, внедрение определенного количества цифровых технологий перерастает в качественную, целостную трансформацию всей сферы [Bloomberg, 2018; Vrana, Singh, 2021] в результате накопительного, синергетического эффекта от их использования.

В 2025 г. по индексу развития ИКТ Китай (91,2) и Россия (92,3) вошли в группу стран с высоким уровнем цифровизации¹. На конец 2025 г. обе страны демонстри-

¹ Measuring Digital Development: the ICT Development Index 2025 / International Telecommunication Union. Geneva, 2025. P. 5–6.

руют большую степень охвата населения мобильной связью (по количеству подключений — 129% от общей численности населения КНР и 157% от общей численности населения РФ). Интернетом пользуются 91,6% населения Китая и 94,4% населения России, социальными сетями — 90,3 и 73,7% соответственно². По индексу развития электронного правительства в 2024 г. Китай (0,87) занимал 35-е место в мире, Россия (0,85) — 43-е³. Все это создает условия для внедрения цифровых инноваций в различных сферах общества и формирует предпосылки для цифровизации системы социальных услуг, оказывающей существенное влияние на социальное благополучие жителей.

Для продвижения цифровизации в системе социальных услуг в Китае и России в рамках государственной социальной политики разработаны документы, определяющие ориентиры внедрения цифровых новшеств в этой сфере, и накоплен определенный инновационный опыт разработки и использования цифровых решений в социальном обслуживании граждан. Нарастающие изменения представляют интерес с точки зрения научного осмысления их влияния как на саму систему социальных услуг, так и на общество в целом. Подобные вопросы в ракурсе сопоставления опыта Китая и России, в последние годы наращивающих сотрудничество и имеющих довольно схожие показатели цифрового развития, в науке пока малоизучены. Развивающаяся цифровизация системы социальных услуг в обеих странах нуждается в изучении с позиции выявления опыта инновационных решений, позволяющих повысить эффективность оказания помощи социально уязвимым группам в обществе.

Методология и методы

Целью исследования является выявление тенденций и перспектив в цифровизации системы социальных услуг в Китае и России. Его методологической основой выступает общинно-центрированный подход к цифровизации социальной работы, предложенный британскими учеными Р. Труэллом и С. Кромптоном, суть которого заключается в том, что в новой социальной реальности изменяется способ предоставления социальных услуг на основе разработки политики взаимодействия с сообществами и создания цифровых платформ для этого⁴. Социально-политические ориентиры и новые информационно-технологические инструменты такого цифрового взаимодействия государства, производителей и получателей социальных услуг соответственно становятся важными факторами развития цифровизации в социальной сфере и предметом нашего исследования.

В его рамках представляется необходимым рассмотреть общие тенденции государственного регулирования и некоторые примеры инновационных практик циф-

² Digital 2026: China / Kepios. Available at: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-china> (accessed 02.012.2025); Digital 2026: Russian Federation / Kepios. <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (date accessed: 02.12.2025).

³ 2024 E-Government Development Index / United Nations. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/data-center> (date accessed: 02.12.2025).

⁴ *Truell R., Crompton S.* To the Top of the Cliff. How Social Work Changed with the COVID-19 / The International Federation of Social Workers. Rheinfelden. 2019. P. 13, 36.

ровизации социальной работы в Китае и России. Для этого обратимся к качественному анализу официальных документов (концепции «Инновации, координация, экологичность, открытость и совместное использование», «Концепции развития Китая до 2035 года» и «Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.») и ряда инновационных практик внедрения цифровых технологий в оказание помощи слабым социальным группам (инновационная модель «Умная помощь» в г. Цзилинь, информационная система динамического мониторинга бедности и помощи малоимущим слоям населения «Великая помощь» в г. Ханчжоу, информационные системы «Профилактика детского и семейного неблагополучия», «Профотбор будущего» и др. в России). Также сопоставлены некоторые статистические данные о системе социальных услуг Министерства гражданских дел КНР, Центрального департамента социальной работы Китая, Министерства труда и социальной защиты РФ и Росстата; об уровне цифровизации — департамента по экономическим и социальным делам ООН, Международного союза электросвязи, компании «Kerios» и Минцифры РФ.

Роль государства в цифровой трансформации системы социальных услуг в Китае и России

Как в КНР, так и в РФ основным актором, иницилирующим и стимулирующим процесс цифровизации в системе социальных услуг, является государство. В значительной мере это связано с тем, что в отличие от стран Западной Европы и США, еще во второй половине XX в. избравших либеральную модель социальной политики и к настоящему моменту осуществивших практически полное разгосударствление сектора социальных услуг (к примеру, в Великобритании осталось лишь 3% государственных стационарных учреждений социального обслуживания пожилых и инвалидов [Farrak, 2023]), в обоих описываемых нами государствах большая часть социальных служб остаются государственными [Chan, 2018]⁵.

И в Китае, и в России, несмотря на введение государственного аутсорсинга социальных услуг в начале XXI в., государственный сектор социального обслуживания продолжает быть доминирующим, а соответственно, управляется, финансируется и полностью контролируется государством. В России в 2024 г. среди поставщиков социальных услуг насчитывалось 4 461 государственный и 2 177 негосударственных субъектов⁶. В КНР, согласно статистике Министерства гражданских дел Китая, к концу 2024 г. в ведении государственных ведомств находилось 1,332 млн учреждений социального обслуживания, а общее число общественных организаций (в ведении Центрального департамента социальной работы) в стране составляло 872 000 [2024 年民..., 2025, p. 1, 10].

Следовательно, без государственной ресурсной поддержки внедрение цифровых технологий в деятельность социальных служб и цифровая трансформация всей системы социальных услуг в обеих странах будут развиваться медленно и отставать

⁵ Отчет по форме 1 — соцобслуживание на 1 января 2024 г. / Минтруд России. Режим доступа: <https://mintrud.gov.ru/ministry/opengov/18> (дата обращения: 06.08.2025).

⁶ Там же.

от других отраслей социальной сферы. Активная, ведущая роль государства является объективно необходимым фактором в цифровом развитии системы социальных услуг в Китае и России. В обеих странах ориентиры цифровой трансформации социального обслуживания задекларированы в официальных социально-политических документах.

Социально-политические ориентиры цифровой трансформации системы социальных услуг в Китае

В Китае на продвижение инновационной цифровой трансформации социального развития направлены концепция «Инновации, координация, экологичность, открытость и совместное использование» и «Концепция развития Китая до 2035 года»⁷. В них заявлено стремление к созданию в условиях цифровизации недорогой, высококачественной, широкомасштабной и высокоэффективной системы социального обслуживания. При этом отмечается важность сосредоточения на преодолении основных проблем, с которыми сталкиваются региональные социальные инновации, мешающие полностью освоить новую технологическую революцию и стратегические возможности цифровой трансформации. Государством ставятся задачи уточнить политическую ориентацию инноваций в сфере социальных услуг с использованием цифровых технологий, содействовать интеграции инноваций в области государственного управления, цифровых технологических инноваций в области моделей обслуживания, которые отвечают потребностям социального развития. Подчеркивается, что именно на социальное развитие должно быть ориентировано в целом внедрение любых инноваций в модели государственных услуг.

Среди приоритетных направлений китайской концепции социальной политики цифровой трансформации выделено создание новых моделей услуг по уходу за пожилыми людьми «с упором на цифровизацию домашнего ухода», по трудоустройству «с упором на повышение квалификации и руководство предпринимательством» и по обеспечению общественной безопасности «с упором на мониторинг и контроль рисков». Также акцентируется внимание на модернизации потенциала социальных услуг путем создания высококачественных цифровых ресурсов государственных услуг.

План развития цифровой трансформации инновационного социального обслуживания в Китае включает четыре основных направления. Во-первых, это построение системы технологических инноваций для цифровой трансформации и развития социальных услуг. Это направление охватывает ускорение создания «вездесущей и интеллектуальной» цифровой инфраструктуры и цифровую трансформацию традиционной инфраструктуры социальных услуг путем содействия исследованиям, разработкам и демонстрации применения ключевых цифровых технологий в сфере социальных услуг. Важное значение придается созданию интегрированной системы

⁷ 参见《国家创新驱动发展战略纲要》（2016年），中国政府网：http://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm [National Innovation-Driven Development Strategy Outline (2016), Chinese Government Portal: http://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm] (date accessed: 04.06.2026).

центров больших данных для городских и сельских социальных служб и платформ цифровых услуг, интеграции приложений.

Второе направление — это содействие расширению цифровых возможностей на основе инноваций для реорганизации процессов предоставления государственных услуг. Оно включает развитие электронного правительства, содействие цифровой трансформации средств и методов государственного управления, цифровизацию государственных услуг в соответствии с потребностями социального развития. Поскольку система социальных услуг пронизывает социальную сферу и их предоставление организуется различными ведомствами, считается необходимым создать надежную национальную систему ресурсов государственных данных, а также межотраслевую, межрегиональную и межуровневую национальную открытую платформу государственных данных. Предполагается усилить интеграцию государственных информационных систем и совместное использование ресурсов государственных данных, расширить возможности межсекторного и межведомственного взаимодействия, принятия государственных решений с помощью цифровых технологий.

В-третьих, это содействие расширению цифровых возможностей на основе инноваций для преобразования и развития социальных услуг. Предполагается развитие высококачественной, недорогостоящей, многоуровневой и всеохватывающей системы социальных услуг, включая занятость, пенсионное и социальное обеспечение и другие направления, путем содействия технологическим инновациям и оцифровке ресурсов услуг. Особый акцент делается на цифровой трансформации модели обслуживания пожилых людей, создании цифровых сервисов для старшего поколения и повышении цифровой грамотности, «чтобы они могли наслаждаться жизнью с использованием цифровых технологий». Важное значение придается совершенствованию цифровых услуг по трудоустройству, мониторингу, оценке и контролю рисков общественной безопасности.

И, наконец, в-четвертых, это создание политической и правовой среды трансформации социальных услуг с помощью цифровых технологий. Это направление включает разработку и совершенствование политики и законодательства в области кибербезопасности, защиты конфиденциальности данных, стандартов и норм обработки данных и надзора за информационными ресурсами. Предполагается усовершенствовать механизмы реализации «Закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики», «Закона о безопасности данных Китайской Народной Республики» и «Закона о защите личной информации Китайской Народной Республики» с акцентом на основных проблемах цифровой трансформации социальных услуг. Отдельное внимание фокусируется на защите личной информации в сфере социальных услуг, предотвращении и наказании нарушений прав и интересов граждан в этой области, надзоре за качеством цифровых социальных услуг, таких как «умный» уход за пожилыми людьми⁸.

По сути, государственная политика цифровой трансформации в Китае направлена на стимулирование внедрения единых цифровых платформ и онлайн-серви-

⁸ 参见《国家创新驱动发展战略纲要》（2016年），中国政府网：http://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm [National Innovation-Driven Development Strategy Outline (2016), Chinese Government Portal: http://www.gov.cn/zhengce/2016-05/19/content_5074812.htm] (date accessed: 04.06.2026).

сов во взаимодействие основных субъектов системы социальных услуг: государства, социальных служб и граждан. Как отмечает С. Ши, развитие цифровых платформ, интегрирующих различные сервисы, является основой цифровизации системы социальных услуг в Китае и приводит к формированию цифровых экосистем [Ши, 2021, с. 36]. За счет их создания организационно генерализуются механизмы предоставления всевозможных социальных услуг органами власти и организациями в социальной сфере, расширяются возможности объединения разрозненных ресурсов оказания помощи и максимального охвата ею социально уязвимых групп. Накапливая и анализируя данные о гражданах, государство получает возможность деантропоморфизировать и ускорить принятие решений о выявлении нуждающихся в помощи и оказании им поддержки посредством автоматизированных информационных систем и искусственного интеллекта.

Социально-политические ориентиры цифровой трансформации системы социальных услуг в России

В России в «Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.»⁹ существенный акцент делается на внедрении проактивного, удаленного и омниканального формата взаимодействия государства с гражданами. Актуальность этой задачи обусловлена большим размером территории и низкой плотностью населения в РФ, актуализирующими проблему физической (территориальной) доступности социальных услуг. Так, услуги инвалидам при проведении медико-социальной экспертизы, безработным, временно нетрудоспособным по причине болезни и семьям при получении материнского капитала уже полностью переведены в проактивный, удаленный формат: для их получения не требуется обращение в органы власти.

В Концепции подчеркивается, что целями цифровой трансформации являются снижение бюджетных расходов на осуществление процессов предоставления мер социальной поддержки, повышение их адресности и эффективности, оптимизация организационных структур и их взаимодействия с гражданами (в том числе сокращение сроков и упрощение подачи документов). Однако основное внимание уделяется предоставлению мер государственного социального обеспечения, другими словами — различных выплат. В России, по данным Министерства труда и социальной защиты РФ на 2025 г., ими охвачены 60 млн из 146 млн граждан, т. е. 41% населения. При этом 70% всех мер поддержки уже переведено в электронный формат и доступно через единый государственный портал¹⁰. Государство взяло на себя обязательства

⁹ Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ № 431-р от 20 февраля 2021 г. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103010045> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁰ Стеклова Е. В Минтруда рассказали, сколько россиян получают государственную поддержку // Комсомольская правда. 2025. 19 июня. Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/6430093/> (дата обращения: 07.08.2025) (date accessed: 04.06.2026)..

все больше выплат назначать и предоставлять удаленно — посредством ЕГИССО (Единой государственной информационной системы социального обеспечения), в автоматическом режиме.

Соответственно, государство стремится расширить охват, повысить доступность и скорость предоставления мер социальной поддержки, решить проблему низкого уровня информированности нуждающихся в помощи социальных групп о возможных положенных им по законодательству видах социальных благ (составляющего около 45% по России¹¹). В результате все больше россиян получают государственные и иные услуги в цифровом формате (с 2014 по 2024 г. их доля в общей численности населения увеличилась с 10,6 до 77,3%¹²). Портал государственных услуг, по данным Минцифры России, в 2025 г. стал 8-м по посещаемости интернет-сервисом в стране (750 млн обращений за год), на котором зарегистрированы более 117 млн россиян, что составляет 95% граждан старше 14 лет¹³. Отдельное внимание уделяется цифровизации услуг для инвалидов: создана федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов», включающая единую базу данных об инвалидах и мерах их социальной поддержки и полезная как для граждан, так и для органов власти, которые оказывают услуги или предоставляют меры социальной поддержки.

Если проанализировать направления государственной политики цифровой трансформации социальной сферы в России через призму восьми видов социальных услуг, закрепленных в законодательстве¹⁴, то, по сути, только два из них подверглись целенаправленной цифровизации на стратегическом уровне. Во-первых, это социально-трудоустройство в части поиска работы всеми желающими через общедоступный единый государственный портал Федеральной службы по труду и занятости «Работа России» и содействия уволенным гражданам в оформлении статуса безработного и последующем трудоустройстве через Единый федеральный портал электронного правительства «Госуслуги». И, во-вторых, это социально-правовые услуги, отчасти переведенные в цифровой формат за счет автоматических уведомлений гражданам через «Госуслуги» о возникшем праве на социальное обеспечение при наступлении различных жизненных ситуаций, а также информирования посредством онлайн-сервисов общедоступного портала ЕГИССО («Социальный калькулятор», позволяющий самостоятельно узнать, какие меры социальной поддержки могут быть назначены конкретному индивиду). Такие социальные услуги, как социально-бытовые и социально-медицинские (организация ухода за пожилыми и инвалидами), социально-психологические, социально-педагогические, срочные и повышение коммуникативного потенциала имеющих ограничения жизнеде-

¹¹ Доступность социальных услуг для семей с детьми: результаты социологического исследования. М.: Изд-во НАФИ, 2020. С. 9.

¹² Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации / Федер. служба гос. статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 07.08.2025).

¹³ Шадаев сообщил, что 95% россиян старше 14 лет пользуются «Госуслугами» // Интерфакс. 2025. 23 июля. Режим доступа: <https://m.interfax.ru/1037695> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁴ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 442-ФЗ от 28 декабря 2013 г. Ст. 20.

тельности граждан, пока не вошли в основные направления организуемой государством цифровой трансформации.

Все это дает основания утверждать, что на сегодня основным политическим ориентиром цифровой трансформации системы социальных услуг в России является автоматизация назначения мер социального обеспечения, что позволяет отчасти нивелировать проблему низкой информированности уязвимых групп о спектре мер поддержки, расширить их охват государственной помощью и повысить уровень жизни россиян. Развитие каналов удаленного взаимодействия граждан с электронным правительством смягчает характерную для РФ проблему физической (территориальной) недоступности социальных услуг органов власти и социальных служб. В центре внимания государства — цифровизация услуг для инвалидов, безработных и малоимущих.

Инновационные практики цифровизации системы социальных услуг в Китае

Рассмотрим отдельные примеры практик цифровизации в системе социальных услуг, представляющие интерес с точки зрения технологий инновационного цифрового социального развития и их влияния на общество. В Китае в последние годы внедряются информационные системы, позволяющие осуществлять мониторинг уровня жизни всего населения и посредством анализа многочисленных доступных данных о гражданах назначать социальную помощь нуждающимся в ней проактивно, на основе объединения ресурсов государства и общества в лице общественных организаций. Не случайно С. Ши подчеркивает, что часть социальных функций по организации предоставления социальных услуг в результате цифровой трансформации социальной сферы передается государством общинам [Ши, 2021, с. 36]. Именно общины, организуя сети получателей и производителей услуг в интернет-пространстве и объединяя все имеющиеся ресурсы для оказания помощи посредством цифровых технологий, начинают играть все более важную роль в поддержке слабых социальных групп.

Так, *инновационная модель «Умная помощь»* в г. Цзилинь интегрирует различные источники и возможности оказания поддержки гражданам. После обращения в муниципальные органы власти жители благодаря этой информационной системе могут в сжатые сроки получить срочную помощь из различных источников, к примеру, от Федерации благотворительности. Бюро по гражданским делам г. Цзилинь создало этот национальный пилотный проект по стандартизации социальной помощи с применением информационных технологий, используя сотрудничество между ведомствами и участие общественных сил. «Умная помощь» позволяет осуществлять многоуровневый мониторинг динамики малоимущих групп для достижения полного охвата населения обслуживаемой территории 3,5 млн постоянных жителей города. Проводится мониторинг данных о рисках «5+N», ориентированный на пять групп населения с низкими доходами и другие социальные группы.

Анализ данных в системе позволяет классифицировать риски жизнедеятельности человека и подобрать дифференцированные виды помощи, чтобы обеспечить профилактику снижения уровня жизни на охваченной территории. В результате

«комплексной количественной оценки» данных о проблемах индивида ему присваивается статус получателя помощи. «Умная помощь» учитывает как обращения самих граждан в различные департаменты, так и доклады инспекторов о случаях социального неблагополучия, а также способна сама выявлять потенциально нуждающихся в поддержке граждан на основе мониторинга данных о них. В информационной системе создан механизм обмена данными по 33 позициям между 19 ведомствами. Это позволяет восполнить недостаток специализированных знаний использующих ее сотрудников в различных непрофильных областях (например, в сфере медицинского обслуживания, занятости) и перевести весь процесс оказания услуг в онлайн-режим. С помощью этой инновационной технологии оказание помощи человеку удалось оптимизировать до «одного клика» и обеспечить возможность обращения за помощью в любое время суток¹⁵.

В Китае нагрузка на социальные службы на местном уровне в последние годы увеличивалась и становилась причиной снижения эффективности их работы из-за увеличения объема и диверсификации ресурсов оказания помощи. Только ресурсов конкретной социальной службы становится недостаточно. Лимитировать ими оказание помощи человеку, без взаимодействия со всеми субъектами социальной политики, недопустимо в современном обществе. В г. Ханчжоу с населением 11,9 млн чел. (провинция Чжэцзян) в рамках комплексной реформы социальной помощи «Слабым — много помощи» создана *информационная система динамического мониторинга бедности и помощи малоимущим слоям населения «Великая помощь»*. С 2021 г. она является пилотным проектом всеобщего процветания на муниципальном уровне, направленным на цифровизацию оказания социальной помощи малоимущим, расширение их цифровых возможностей и достижение полного охвата «слабых» социальных групп. Так, охват социальной помощью населения в Ханчжоу увеличился за два года в три раза¹⁶.

«Великая помощь» собирает 54 вида данных о социальном неблагополучии граждан от 17 департаментов, создает базу данных о малоимущих слоях населения, использует цифровые средства для проведения исследований рисков и градации объектов мониторинга, выработки рекомендаций по оказанию помощи после срабатывания предупреждений. Система отслеживает в режиме реального времени сведения как об обратившихся за помощью, так и о находящихся в зоне риска потенциальных получателях мер поддержки. На этой основе она строит модель оценки жизнестойкости малоимущих семей с применением более чем 50 типов индикаторов, включая структуру семьи, состояние здоровья, имущественное положение, ситуацию с расходами и занятостью. Когда гражданин переживает ситуацию социального риска (серьезное заболевание, рождение или смерть члена семьи, изменение группы инвалидности), система оценивает степень сложности проблемы и отправляет предупреждение местным органам власти. После получения оповещения они

¹⁵ 参见《国务院关于加快推进“互联网+政务服务”工作的指导意见》（国发〔2016〕55号），中国政府网：http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-09/29/content_5113369.htm [State Council Guidelines on Accelerating ‘Internet+ Government Services’ (No. 55 [2016]), National Government Portal: http://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2016/09/29/content_281475460633140.htm] (date accessed: 04.06.2026).

¹⁶ 闫洁. 社会救助分类施策的数字化转型路径[N]. 中国社会报, 2023-08-15(003) [Yan Jie. Digital Transformation Paths for Categorized Social Assistance Strategies [N]. China Social News. 2023. August 15. No. 003.

должны в течение трех — семи дней провести проверку ситуации неблагополучия посредством телефонных запросов и посещения домохозяйств. С помощью карты географического распределения групп с низким уровнем дохода сотрудники могут анализировать способность объекта противостоять риску через доступ к локальным ресурсам обслуживания.

«Великая помощь» отчасти деантропоморфизует назначение и организацию помощи социально уязвимым группам в обществе, поскольку в автоматическом режиме классифицирует их на пять типов в зависимости от переживаемых трудностей: бедные («карманного типа», когда у человека буквально нет денег в кармане), малообеспеченные («расходного типа» — депривированные в расходах), нуждающиеся в экстренной помощи («чрезвычайного типа»), в развитии («неразвитого типа») и заботе или уходе («беспомощного типа»). Предлагающаяся поддержка автоматически диверсифицирована в системе в зависимости от типа объекта.

Поскольку в социальной политике все больше внимания стало уделяться выявлению оказавшихся в трудной жизненной ситуации людей и максимальному упрощению для них процедуры обращения за помощью, в дополнение к системе «Великая помощь» для граждан было внедрено приложение «Офис Чжэли». С помощью приложения пользователи сообщают о своей проблеме в социальные службы и органы власти удаленно, самостоятельно вводя данные о себе. В результате им стало удобнее обращаться за поддержкой: принцип взаимодействия с субъектами социальной политики изменился от «прийти только один раз» до «не приходите вообще».

Расширившееся онлайн-взаимодействие с гражданами привело к тому, что стала очевидной необходимость создания специализированных офисов, сотрудники которых способны координировать все имеющиеся в обществе ресурсы для обработки онлайн-запросов, бесперебойного и оперативного оказания помощи людям. Это как государственные, так и негосударственные ресурсы благотворительных организаций, социальных предприятий, социально ответственного бизнеса (так называемая «трехмерная помощь»). Бюро гражданских дел Ханчжоу инициировало для этого создание «Консорциума служб помощи», в котором объединены на основе цифровой платформы все производители социальных услуг. Его обширная пространственная интеграция (более 3 400 представительств) повышает доступность услуг для граждан и аккумулирует более 2 600 ресурсов для программ помощи. Представительства открываются в соответствии со «Стандартом работы и обслуживания Консорциума служб помощи» на базе социальных служб, благотворительных столовых и других организаций, формируя единую сеть производителей социальных услуг. За счет сближения государственной и благотворительной помощи и объединенного участия всех субъектов социальной политики в оказании услуг гражданам может предоставляться 31 социальная услуга¹⁷.

¹⁷ 闫洁. 社会救助分类施策的数字化转型路径[N]. 中国社会报, 2023-08-15(003) [Yan Jie. Digital Transformation Paths for Categorized Social Assistance Strategies [N]. China Social News, 2023-08-15(003); 参见《民政部 财政部关于进一步做好困难群众基本生活保障工作的通知》(民发〔2020〕69号), 中国政府网: <http://www.mca.gov.cn/article/xw/tzgg/202007/20200700029277.shtml> [Notice on Further Improving the Basic Livelihood Security for Needy Groups (Minfa [2020] No. 69), MCA Website: http://en.mca.gov.cn/news/policies/202007/t20200728_463228.html].

Благодаря внедрению описанных цифровых технологий в Китае формируется новая модель государственной социальной политики, в которой ресурсы государственной помощи и общественных сил координируются, дополняются и эффективно интегрируются. На уровне общин создаются разнообразные онлайн-сервисы для граждан, обеспечивающие удаленный доступ к получению социальной поддержки. В результате удается реализовать раннее предупреждение социального неблагополучия и повысить ощущение безопасности и благосостояния групп населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, автоматизировать процесс принятия решений о назначении помощи, усилить и сделать более оперативным и прозрачным взаимодействие всех субъектов системы социальных услуг.

Инновационные практики цифровизации системы социальных услуг в России

Трансформация взаимодействия субъектов системы социальных услуг в России на основе цифровых технологий началась в 1990-е гг. Были внедрены информационные системы, автоматизирующие учет нуждающихся в помощи граждан и оказанной им поддержки, совершенствующие аналитику и контроль в этой сфере («Адресная социальная помощь»¹⁸, «Социальный регистр населения», «Реестр получателей социального обслуживания» [*Цифровизация...*, 2020, с. 6–7]). Были сформированы федеральные базы данных о детях — сиротах и оставшихся без попечения родителей, инвалидах, получателях мер социальной поддержки и социальных услуг [*Гасумова*, 2021, с. 41–43].

В последние годы появились более «умные» информационные системы, позволяющие эффективно осуществлять межведомственное взаимодействие, оценку социальных рисков, рекомендовать и принимать решения. В Пермском крае с 2019 г. внедрена *информационная система «Профилактика детского и семейного неблагополучия» (ЕИС «Траектория»*)¹⁹, аккумулирующая и обрабатывающая данные об учениках школ и их семьях для выявления рисков случаев социального неблагополучия и оказания своевременной помощи. В систему учителями и социальными педагогами вносится информация о родителях, их здоровье, взаимоотношениях в семье, поведенческих характеристиках ребенка и семейном социально-экономическом положении (по более чем 100 индикаторам, например: «наличие острого или повторяющегося конфликта с родителями», «неоднократное проявление агрессии»). Ее используют на основе межведомственного взаимодействия специалисты органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав,

¹⁸ Автоматизированная система «Адресная социальная помощь» / Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. Режим доступа: <https://reestr.minsvyaz.ru/reestr/87830/> (дата обращения: 07.08.2025).

¹⁹ Организация работы в единой информационной системе «Профилактика детского и семейного неблагополучия» (ЕИС «Траектория») / Информационно-методическая служба МБУ «Психологический центр» [Презентация MS Power Point]. Пермь, 2020. Режим доступа: https://urla-obr-otd.ucoz.ru/2021/nachgod/organizacija_raboty_v_eis_traektorija.pdf (дата обращения: 07.08.2025).

органы управления социальной защитой населения, образованием, опекой и попечительством, делами молодежи, здравоохранением, занятостью, а также органы внутренних дел и учреждения уголовно-исполнительной системы. По каждому выявленному «Траекторией» случаю риска соответствующие субъекты должны в течение 14 дней провести проверки и вынести решение о его оценке и дальнейших действиях. В случае подтверждения фактов социального неблагополучия в течение недели должно начаться оказание помощи семье и ребенку на основе разработанной индивидуальной программы коррекции²⁰.

В деятельность ГКУ «Центр занятости Пермского края» в экспериментальном режиме внедрена *информационная система «АВИС “Профотбор будущего”*, разработанная ООО «НВ-Эмоции», специализирующимся на социально-психологическом мониторинге человека на основе синтеза алгоритмов компьютерного зрения и анализа больших данных²¹. Система за секунды формирует профессиограмму любого человека на основе анализа его портретной фотографии («природных особенностей лица») и дает соответствующие рекомендации по трудоустройству («заключение по фотографии») ²². Выявляется предрасположенность к различным видам деятельности из технической, гуманитарной и естественнонаучной областей, распределение организаторских либо исполнительских навыков и уровень обучаемости. Хотя физиогномика не признана в науке, по оценкам специалистов Министерства труда и социального развития Пермского края, «Профотбор будущего» дает довольно точные описания личностных характеристик индивидов и ценные рекомендации.

Значимым направлением цифровизации системы социальных услуг является создание общедоступных интернет-ресурсов с информацией о социальных службах и предоставляемых ими услугах, позволяющих расширить охват нуждающихся в помощи граждан. Во всех регионах в сети Интернет в обязательном порядке размещены реестры поставщиков социальных услуг и реестры СО НКО, сайты органов социальной защиты и поставщиков социальных услуг, их официальные страницы либо каналы в социальных сетях. Это позволяет повысить уровень информированности россиян о возможностях получения помощи в ситуации социального риска. Новым трендом становится видеоблогинг как инструмент информирования потенциальных клиентов о своих услугах, использующийся в основном социально ориентированными общественными организациями [Абросимова, Филипова, 2020].

Инновационным направлением стало внедрение интерактивных онлайн-сервисов для организации опосредованного взаимодействия с гражданами, предназначенных для оказания самопомощи (по сути, социального самообслуживания). Они размещаются на порталах госуслуг, сайтах органов социальной защиты и поставщиков социальных услуг, их страницах в социальных сетях, а также создаются в виде приложений и чат-ботов. Такие сервисы позволяют получать удаленные консуль-

²⁰ Калининкова Л.А. Алгоритм работы образовательной организации по выявлению и профилактике детского и семейного неблагополучия, в т. ч. с использованием ЕИС «Траектория» / Министерство образования и науки Пермского края [Презентация MS Power Point]. Пермь, 2019. Режим доступа: <https://minobr.permkrai.ru/download.php?id=72171> (дата обращения: 07.08.2025).

²¹ NV. Режим доступа: <https://realnewvision.ru/#rec191650109> (дата обращения: 07.08.2025).

²² Инструкция пользователя по работе с программным обеспечением АВИС «Профотбор будущего» версия 2.2. Пермь, 2023. 10 с.

тации, оценивать работу социальных служб и направлять жалобы, записываться на прием и подавать документы. Они предназначены для самых разных социально уязвимых групп.

Так, государственный портал «Работа России» позволяет россиянам самостоятельно находить работу на основе «умной» системы рекомендательных технологий²³. «Социальный калькулятор» для автоматического подбора льгот размещен на сайте ЕГИССО. Московское мобильное приложение «Социальный помощник» позволяет горожанам, получающим услуги надомного обслуживания, формировать заказ на необходимые продукты питания и товары [Студеникин, 2018, с. 35]. На федеральном уровне и в регионах созданы карты доступности для маломобильных групп населения, помогающие определить степень доступности зданий [Цифровизация..., 2020, с. 6–7]. Разработанное в Екатеринбурге мобильное приложение «Уверенный шаг» способствует адаптации выпускников детских домов после выпуска [Белова, Старшинова, 2022]. Жители ряда регионов (Архангельской, Калужской и Костромской, Ленинградской и Новгородской областей, Краснодарского края, республик Алтай, Дагестан, Карелия и др.) через мобильное приложение «СоцЗащита» могут получать актуальную информацию от учреждений социальной защиты об обращениях гражданина за услугами, социальных выплатах и работе социальных служб. Поставщик социальных услуг в Москве ООО «Социальная служба Помощник» с 2020 г. предлагает инвалидам с помощью сервиса пройти реабилитацию в дистанционном формате, оставаясь дома²⁴.

Искусственный интеллект уже справляется с простыми задачами по консультированию клиентов в социальном обслуживании и участвует во взаимодействии с получателями услуг вместо живого специалиста, полностью замещая его в определенных случаях и выступая как самостоятельный актер взаимодействия. Чат-бот в Югре с 2022 г. информирует жителей о порядке получения помощи в трудной жизненной ситуации²⁵, в Кирове — с 2021 г. оказывает Консультативную помощь жертвам домашнего насилия²⁶, а в Пермском крае — с 2023 г. информирует жителей о службе социальных участков²⁷. Более того, в России уже осуществляется роботизация предоставления социальных услуг. С 2019 г. прием в одном из МФЦ «Мои документы» г. Перми ведет робот-андرويد «Хелпер», экономя 78 минут рабочего

²³ Роструд создаст умную систему трудоустройства // Ведомости. 2020. 6 августа. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/08/05/836044-rostrud-umnuyu> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁴ Senior Group. Режим доступа: <https://www.seniorgroup.ru/> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁵ Абилькенова В. В Югре чат-бот помогает получить государственную социальную помощь // Агентство социальной информации. 2022. 10 февраля. Режим доступа: <https://www.asi.org.ru/news/2022/02/10/v-yugre-chat-bot-pomogaet-poluchit-gosudarstvennuyu-soczialnuyu-pomoshh/> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁶ Дмитриева А. В Кирове создали чат-бот для помощи жертвам домашнего насилия // Городской портал «Свойкировский.рф». 2021. 7 февраля. Режим доступа: <https://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/v-kirove-sozdali-chat-bot-dlya-pomoshchi-zhertvam-domashnego-nasiliya-29551/> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁷ Колобов И. В Пермском крае заработал чат-бот службы социальных участков // Аргументы и факты. 2023. 17 октября. Режим доступа: https://perm.aif.ru/society/v_permskom_krae_zarabotal_chat-bot_sluzhby_socialnyh_uchastkovyh (дата обращения: 08.08.2025).

времени в день каждому из сотрудников отделения²⁸. С 2020 г. в этом же центре с посетителями работает антропоморфный робот-андроид, за три года предоставивший более 2,5 тыс. услуг и тратящий на прием одного посетителя на 1,5 минуты меньше, чем обычные специалисты²⁹. Это дает основание утверждать, что такие механические функции, как прием документов и первичное консультирование клиентов о спектре услуг в социальных службах и органах социальной защиты, вполне возможно осуществлять с помощью робототехники.

Можно констатировать, что инновационные цифровые технологии в системе социальных услуг в России ориентированы на помощь в оценке рисков социального неблагополучия и принятии решений об оптимальных формах ее оказания, а также на расширение возможностей оказания самопомощи гражданами на основе использования общедоступных консультативных сервисов, без обращения в социальные службы.

Выводы

Как показало проведенное исследование, цифровизация системы социальных услуг в Китае и России становится важной государственной задачей. Инвестиции в эту область уже привели к частичной деантропоморфизации оказания помощи слабым социальным группам на основе «умных» информационных систем, принимающих решения. Постепенная перестройка процессов предоставления социальных услуг в условиях цифровизации позволила увеличить скорость взаимодействия субъектов системы, перевести интеракции между ними в существенной мере в дистанционный формат, расширить охват нуждающихся в поддержке граждан и внедрить новые подходы к массовому информированию о мерах социальной поддержки и расширению возможностей самопомощи (по сути, социального самообслуживания).

Наиболее значимой перспективой трансформации взаимодействия государства, производителей и получателей социальных услуг в условиях цифровизации становится возможность объединения всех имеющихся ресурсов оказания помощи в обществе (государственного, общественного и коммерческого секторов) на основе единой автоматизированной системы, предоставляющей всем акторам генерализованный доступ к полному спектру ресурсов. Новый подход к организации оказания помощи в обществе в условиях цифровизации, позволяющий повысить ее доступность и эффективность и отражающий выявленные тенденции, можно обозначить как концепцию «помощи в один клик» (рис. 1).

²⁸ Робот Хелпер в пермском МФЦ оказал более 68 тысяч услуг // Вести Пермь. 2023. 26 января. Режим доступа: <https://vesti-perm.ru/archive/9d3540b3650a4ab58c6642504eb287d4> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁹ Человекоподобный робот МФЦ за три года предоставил более 2,5 тысячи услуг // Министерство информационного развития и связи Пермского края. 2023. 17 июля. Режим доступа: <https://mirs.permkrai.ru/novosti/?id=298649> (дата обращения: 03.08.2025).

Рис. 1. Цифровая трансформация системы социальных услуг на основе концепции «помощь в один клик»

Fig. 1. Digital transformation of the social services system based on the “one-click assistance” concept

В Китае цифровизация уже в значительной мере способствует обеспечению межведомственного и межсекторного взаимодействия в социальной политике, аккумуляции и синтезированию ресурсов государства и общественных сил при оказании социальных услуг нуждающимся в помощи гражданам. Пристальное внимание уделяется созданию механизма активного социального участия различных субъектов в решении общественных проблем и оказания консолидированной помощи социально уязвимым группам. Связи между государством, социальными службами, общественными организациями, социальными предприятиями и социально ответственным бизнесом усиливаются и синтезируются, формируя объединенные ресурсы поддержки, доступные «в один клик» социальному работнику благодаря цифровым технологиям. Кроме того, значительное внимание уделяется выявлению малоимущих граждан на основе автоматизированного мониторинга данных о доходах жителей региона и предложению им помощи в проактивном режиме, а также цифровизации ухода за пожилыми людьми.

В России, с учетом большого размера территории и низкой плотности населения, усложняющих обеспечение территориальной доступности социальных служб, существенное значение придается цифровой трансформации взаимодействия граждан с производителями социальных услуг. Оно все чаще имеет гарантированную удаленную реализацию, через онлайн-сервисы, приложения и чат-боты, применение методов искусственного интеллекта и в отдельных случаях — даже робототехники. В тех случаях, когда это возможно, разрабатываются такие цифровые технологии оказания самопомощи, которые позволяют сделать ресурсы социальных услуг в обществе общедоступными, в значительной мере отчужденными от конкретной создавшей их социальной службы и не требующими официального обращения за ними. Все больший акцент делается также на расширении возможностей самоинформирования о способах самостоятельных действий для решения проблем жизнедеятельности и повышения качества жизни, а соответственно — активизации ресурсного потенциала человека.

Литература

Абросимова Е.Е., Филипова А.Г. Размышления о волонтерстве в видеоблогосфере: возможности участия в принятии социально значимых решений // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 4 (55). С. 95–103.

Белова Е.Р., Старшинова А.В. Мобильное приложение «Уверенный шаг» как компонент технологии сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников интернатных учреждений // Культура, личность, общество в условиях пандемии и постпандемии: методология, опыт эмпирического исследования: материалы XXV Международ. конф. памяти проф. Л.Н. Когана. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагогического ун-та, 2022. С. 382–387.

Гасумова С.Е. Цифровизация социальных услуг в современном российском обществе: социологический анализ: монография. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2021. 252 с.

Джанелидзе М.Г. Условия социальной эффективности реализации программы цифровизации государственных услуг // Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад»: материалы всерос. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та аэрокосмического приборостроения, 2018. С. 363–369.

Студеникин Н.В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 32–36.

Цифровизация социальных услуг: обзор автоматизированных информационных систем в Пермском крае / Сост. С.Е. Гасумова, П.А. Первушин. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2020. 162 с.

Шу С. Цифровизация в сфере социальных услуг в Китае в условиях «новой нормальности» // Экономика. Управление. Инновации. 2021. № 2 (10). С. 34–37.

2024 年民政事业发展统计公报 [2024 Statistical Communiqué on the Development of Civil Affairs. Beijing, 2025. 14 p.].

Bloomberg J. Digitization, Digitalization, and Digital Transformation: Confuse Them at Your Peril // Forbes. 2018. April. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/> (date accessed: 07.08.2025).

Chan C.K. Introduction: Contracting out Social Services in China // China's Social Welfare Revolution: Contracting out Social Services / Eds. J. Lei, C.K. Chan. New York: Routledge, 2018. P. 1–11.

Farrar M. The Largest Care Home Providers in the UK // Nurses, Care & Clinical Staff. 2023. September 18. Available at: <https://www.nurses.co.uk/blog/the-largest-care-home-providers-in-the-uk/#:~:text=Approximately%2084%25%20of%20care%20homes,care%20homes%20across%20the%20UK> (date accessed: 07.08.2025).

Vrana J., Singh R. Digitization, Digitalization, and Digital Transformation // Handbook of Nondestructive Evaluation 4.0. Cham: Springer, 2021. P. 1–17. DOI: 10.1007/978-3-030-48200-8_39-1

参见《民政部 财政部关于进一步做好困难群众基本生活保障工作的通知》（民发〔2020〕69号），中国政府网：<http://www.mca.gov.cn/article/xw/tzgg/202007/20200700029277.shtml> [Notice on Further Improving the Basic Livelihood Security for Needy Groups (Minfa [2020]. No. 69), MCA Website: http://en.mca.gov.cn/news/policies/202007/t20200728_463228.html].

闫洁. 社会救助分类施策的数字化转型路径[N]. 中国社会报, 2023-08-15(003) [Yan Jie. Digital Transformation Paths for Categorized Social Assistance Strategies [N] // China Social News. 2023. August 15. No. 003].

The Experience of Digitalization of Social Services System in China and Russia

ZHAO JIHUI

Shandong Women's University,
Jinan, China;
e-mail: mugglezhao@hotmail.com

CHEN SHUANG

Shandong Women's University,
Jinan, China;
e-mail: lijyacs@163.com

SVETLANA E. GASUMOVA

Perm State National Research University,
Perm, Russia;
e-mail: svetagasumova@ya.ru

ALEVTINA V. STARSHINOVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

This article examines how digital technologies can improve the efficiency of information use in the delivery of social service. On the basis of the cross-country comparative analysis, the leading role of government initiatives in this field is justified and the orientation of both countries towards digital transformation of social development is shown, which is guaranteed by the conception of China “Innovations, Coordination, Ecological Friendliness, Openness and Sharing,” “The conceptions of China’s Development until 2035” and “The Conceptions of Digital and Functional Transformation of Social Sphere related to the responsibility to the Ministry of Labour and Social Security of the Russian Federation for the period up to 2025.” The analysis of the innovative model “Smart help” in the city of Jilin, and the information system of dynamic monitoring of poverty and assistance to the poor segments of the population “Great help” in the city of Hangzhou, demonstrated expanding coverage of social groups in need of help, improving the efficiency of interdepartmental and intersectoral interactions, integrating governmental and non-governmental resources of assistance through the use of digital technologies. We describe the possibilities of data analysis about the citizens for identifying those potentially in need of support and show how social protection can be proactively offered in China. The authors highlight the directions of digitalization in the social services system in Russia, and the focus is made on the digital transformation of the citizens’ interaction with the social services providers realized remotely through online services, apps and chatbots, utilizing AI methods and in some cases — Robotics. A new approach has been formulated in order to organize interaction between subjects of the social services system in the context of digitalization — “one-click help.”

Keywords: digitalization, digital technologies, information systems, social services, social welfare, social support, social work, China, Russia.

References

2024 年民政事业发展统计公报 [2024 Statistical Communiqué on the Development of Civil Affairs. Beijing, 2025] (in Chinese).

Abrosimova, E.E., Filipova, A.G. (2020). Razmyshleniya o volonterstve v videoblogosfere: vozmozhnosti uchastiya v prinyatii sotsial'no znachimyykh resheniy [Reflections on volunteering in the video blogosphere: opportunities for participation in socially significant decision-making], *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, no. 4 (55), 95–103 (in Russian).

Belova, E.R., Starshinova, A.V. (2022). Mobil'noye prilozheniye "Uverennyy shag" kak komponent tekhnologii soprovozhdeniya detey-sirot i detey, ostavshikhnya bez popecheniya roditel'ey, vypusnikov internatnykh uchrezhdeniy [Mobile application "Confident step" as a component of the technology for supporting orphans and children left without parental care, graduates of boarding schools], in *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v usloviyakh pandemii i post-pandemii: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya: materialy XXV Mezhdunar. konf. pamyati prof. L.N. Kogana* [Culture, personality, and society in pandemic and post-pandemic conditions: methodology and empirical research. Proceedings of the 25th International conference in memory of professor L.N. Kogan] (pp. 382–387), Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. pedagogicheskogo un-ta (in Russian).

Bloomberg, J. (2018). Digitization, Digitalization, and Digital Transformation: Confuse Them at Your Peril, *Forbes*, April. Available at: <https://www.forbes.com/sites/jasonbloomberg/2018/04/29/digitization-digitalization-and-digital-transformation-confuse-them-at-your-peril/> (date accessed: 07.08.2025).

Chan, C.K. (2018). Introduction: Contracting out Social Services in China, in J. Lei, C.K. Chan (Eds), *China's Social Welfare Revolution: Contracting out Social Services* (pp. 1–11), New York: Routledge.

Dzhanelidze, M.G. (2018). Usloviya sotsial'noy effektivnosti realizatsii programmy tsifrovizatsii gosudarstvennykh uslug [Conditions for social efficiency of the implementation of the program for digitalization of public services], in *Mnogofaktornnyye vyzovy i riski v usloviyakh realizatsii strategii nauchno-tekhnologicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya makroregiona "Severo-Zapad": materialy vseros. nauch.-prakt. konf.* [Multifactor challenges and risks in the implementation of the strategy for scientific, technological, and economic development of the northwest macroregion. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference] (pp. 363–369), S.-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta aerokosmicheskogo priborostroyeniya (in Russian).

Farrah, M. (2023). The Largest Care Home Providers in the UK, *Nurses, Care & Clinical Staff*, September, 18. Available at: <https://www.nurses.co.uk/blog/the-largest-care-home-providers-in-the-uk/#:~:text=Approximately%2084%25%20of%20care%20homes> (date accessed: 07.08.2025).

Gasumova, S.E. (2021). *Tsifrovizatsiya sotsial'nykh uslug v sovremennom rossiyskom obshchestve: sotsiologicheskii analiz: monografiya* [Digitalization of social services in modern Russian society: sociological analysis: monograph], Perm': Izd-vo Permskogo un-ta (in Russian).

Gasumova, S.E., Pervushin, P.A. (Eds.) (2020). *Tsifrovizatsiya sotsial'nykh uslug: obzor avtomatizirovannykh informatsionnykh sistem v Permskom krae* [Digitalization of social services: a review of automated information systems in the Perm region], Perm': Izd-vo Permskogo un-ta (in Russian).

Shi, X. (2021). Tsifrovizatsiya v sfere sotsial'nykh uslug v Kitae v usloviyakh "novoy normal'nosti" [Digitalisation of social services in China in the new normal], *Ekonomika. Upravleniye. Innovatsii*, no. 2 (10), 34–37 (in Russian).

Studenikin, N.V. (2018). Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na sotsial'nyye uslugi: mirovoy opyt i perspektivy v Rossii [The impact of digital technologies on social services: global experience and prospects in Russia], *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Gumanitarnyye nauki*, no. 1, 32–36 (in Russian).

Vrana, J., Singh, R. (2021). Digitization, Digitalization, and Digital Transformation, in *Handbook of Nondestructive Evaluation 4.0* (pp. 1–17), Cham: Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-48200-8_39-1.

参见《民政部 财政部关于进一步做好困难群众基本生活保障工作的通知》（民发〔2020〕69号），中国政府网：<http://www.mca.gov.cn/article/xw/tzgg/202007/20200700029277.shtml>

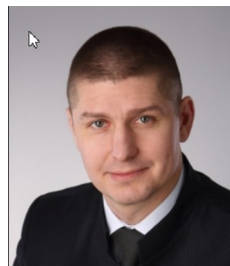
[Notice on Further Improving the Basic Livelihood Security for Needy Groups (Minfa [2020] No. 69), MCA Website: http://en.mca.gov.cn/news/policies/202007/t20200728_463228.html] (in Chinese).

闫洁. 社会救助分类施策的数字化转型路径[N]. 中国社会报, 2023-08-15(003) [Yan Jie (2023). Digital Transformation Paths for Categorized Social Assistance Strategies [N], China Social News, August 15, no. 003 (in Chinese).

НАУКА В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БОЛДЫРЕВ

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vabold@mail.ru

Влияние справочных правовых систем на юридическую науку

УДК: 001.9:340

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-174-191

На основе анализа наукометрических показателей ведущих научных юридических журналов, а также индивидуальных авторских показателей доказываемается, что размещение статей в справочных правовых системах является предиктором их популярности. Это означает, что редакции большинства научных изданий должны быть заинтересованы в сотрудничестве с компаниями, формирующими базы данных справочных правовых систем. Демонстрируется зависимость между качеством научного издания и представленностью его статей в справочных системах. Анализируются отдельные наукометрические показатели журналов, отмечаются типичные причины возникновения проблем в журнальной наукометрии. Учитывая практическую направленность работ, размещаемых в справочных правовых системах, автор приходит к выводу, что преобладание в современной правовой науке работ комментаторского типа во многом является следствием интеграции официальной правовой информации (нормативных правовых и правоприменительных актов) и научных комментариев к ней. В результате такой интеграции серьезные фундаментальные и прогностические исследования оказываются вытесненными. Влияя положительно на распространение практико-ориентированной информации, справочные правовые системы делают менее заметными и доступными иные данные, формируют искаженное представление о задачах правовой науки. Предлагаются меры, направленные на совершенствование алгоритмов формирования баз данных справочных правовых систем, которые целесообразно реализовывать в направлении дифференциации источников (отнесения их к числу теоретических работ или комментариев) и расширения сотрудничества правообладателей баз данных с редакциями журналов. Расширение сотрудничества с издательствами предполагает создание возможности для редакций высказывать свои соображения о целесообразности условного отнесения опубликованной работы к числу работ комментаторского типа или теоретических исследований.

Ключевые слова: наукометрия, импакт-фактор, индекс Херфиняля, индекс Джини, цитируемость, научная этика, научные статьи, научные данные, предиктивный анализ

Введение

Воплощение в жизнь идей, отраженных в научных публикациях социально-гуманитарной направленности, — длительный и трудоемкий процесс. Важнейшим его этапом является представление результатов исследовательской деятельности заинтересованным членам профессионального сообщества. Одним из средств популяризации научных идей могут служить справочные правовые системы — особый класс программ и баз данных, в которых размещаются нормативные правовые акты, акты официального толкования права, правоприменительная практика, комментарии ученых и практиков, работающих в соответствующих сферах (далее также — СПС).

Под комментариями разработчиками СПС обычно понимаются не только отдельные произведения, облегчающие понимание норм правовых актов (приводящие значение используемых в законодательстве терминов и отражающие релевантную судебную практику), но также монографии, учебники, учебные пособия и, самое главное, научные статьи. Речь идет, прежде всего, о статьях комментаторского типа, которые раскрывают особенности укоренившегося или складывающегося толкования норм и, как правило, не содержат проверяемых научных гипотез [Ким, Ким, 2009, с. 107]. Такие работы чаще всего не основаны на применении статистических методов и не связаны с построением научных прогнозов.

Можно спорить, являются ли статьи комментаторского типа научной продукцией по своему содержанию, но по формальному критерию сомнений быть не может: эти работы сначала публикуются в научных журналах и лишь потом размещаются в соответствующих базах данных. Выход работы в свет означает занесение соответствующей информации в национальные и международные системы индексации научных публикаций, приводит к влиянию на наукометрические показатели авторов, журналов, научных и образовательных организаций.

Поскольку СПС являются источником наиболее значимой нормативной информации для современного юриста, размещение научной статьи в базе данных существенно увеличивает охват профессиональной аудитории, которой адресованы юридические журналы. Заключение договора между редакцией научного журнала и правообладателем СПС, занимающимся распространением и пополнением базы данных, может рассматриваться как фактор, способствующий росту наукометрических показателей издания, а со временем и попаданию в «элитный клуб» российских научных журналов — ядро РИНЦ, объединяющее публикации, индексируемые в *Web of Science*, *Scopus* и *Russian Science Citation Index*. Набранный научным журналом самостоятельно, без помощи справочных правовых систем, высокий рейтинг может стать основанием обращения правообладателя справочной системы к редакции журнала с предложением заключить договор о размещении статей в соответствующей базе данных. Как следствие, правильно считать факт размещения статей журналов в СПС предиктором высокого рейтинга журнала и, соответственно, хорошей цитируемости статей.

Предиктивная аналитика — передовая аналитика, в которой используются исторические данные, статистическое моделирование, интеллектуальный анализ

данных и машинное обучение для прогнозирования будущих результатов [Farayola et al., 2024, p. 2], — как можно ожидать, в самое ближайшее время выберет объектом своего анализа область сопряжения юридических наук и информатики, а значит, самый яркий и доступный для анализа сектор цифровой юридической реальности — справочные правовые системы. Однако к настоящему времени СПС выступают объектом междисциплинарного анализа крайне редко, их влияние на современную социальную науку не изучено вовсе. Не исследованы риски, сопутствующие процессу постепенной интеграции научных данных со сведениями о правоприменении (решениями по конкретным делам).

В ходе проведенного исследования нами осуществлен сбор открытых наукометрических данных о юридических журналах¹, входящих в ядро РИНЦ, проведена сводка и группировка информации, позволяющая делать выводы о влиянии факта присутствия или отсутствия статей журналов в ведущих российских СПС² — «КонсультантПлюс» и «Гарант» — на наукометрические показатели и цитируемость статей. Полученные данные были проверены в ходе переписки с правообладателями СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант», по результатам которой собранная информация была уточнена.

Представленный анализ наукометрических данных и сделанные по его результатам выводы будут полезны авторам и редакциям научных журналов. Полученные результаты могут использоваться правообладателями СПС для отбора источников формирования соответствующих баз данных, а сделанные по итогам проведенной работы заключения — учтены при принятии решений, касающихся управления научной деятельностью, совершенствования процессов правотворчества и правоприменения.

Показатели научных юридических журналов ядра РИНЦ

В настоящей работе наряду с данными о размещении статей журналов в СПС приведена и проанализирована информация о пятилетнем импакт-факторе РИНЦ и сведения, представленные в карточке «Публикационная активность журнала в инфографике» eLIBRARY (сопровождаемые цветовыми характеристиками — индикаторами качества журнала).

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ, согласно информации, размещенной на сайте eLIBRARY.RU, — это число цитирований в текущем году статей, опубликованных в журнале за предыдущие пять лет, поделенное на число этих статей. При расчете показателя учитывается в том числе самоцитирование (ссылки из журнала на статьи в этом же журнале). Он относится к числу «нетрадиционных» импакт-факторов [Третьякова, 2014, с. 4]; его преимуществом является «сглаживание “выбро-

¹ Учитывая, что правообладатель СПС «Кодекс» не ответил на наше обращение, а имеющаяся в открытом доступе информация не позволяет нам делать выводы о том, что в ней размещаются научные статьи, мы приняли решение ограничиться двумя названными системами.

² Информация, предоставленная правообладателями СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант», также была подвергнута проверке — изучалось содержание действующих баз данных. В некоторых случаях информация, полученная от правообладателей, была уточнена нами.

сов” от отдельных статей с аномальной цитируемостью» [Демидов, 2017, с. 10]. Пятилетний импакт-фактор «используют, когда необходимо учитывать влияние опубликованных исследований на протяжении долгого периода времени, в частности в гуманитарных науках» [Там же]. Это вполне объяснимо, поскольку для гуманитарных, общественных наук (а также математики) характерна невысокая цитируемость [Михайлов, 2023, с. 110].

Поскольку нами приводятся данные о юридических журналах, а правоведение относится к группе социально-гуманитарных наук, выбор пятилетнего импакт-фактора легко объяснимо: исследования по проблемам права цитируются с большими задержками.

Д.Д. Демидов отмечает: «Увеличения импакт-фактора можно добиться разными путями: отбором для опубликования наиболее качественных статей, привлечением видных авторов и т. п. Но как только от наукометрических показателей стало зависеть положение того или иного ученого либо журнала, эти показатели пытаются улучшить более простыми и быстрыми способами. Один из них — самоцитирование, повышающее цитируемость статей» [Демидов, 2017, с. 12].

Наиболее важные наукометрические показатели, мониторинг которых научным сообществом позволяет влиять на официальные политики и сложившиеся практики принятия к публикации статей научными журналами, можно обнаружить в карточках «Публикационная активность журнала в инфографике» eLIBRARY. Шесть наукометрических показателей отражено внутри «приборов» инфографики: 1) показатель журнала в рейтинге *Science Index*; 2) средняя оценка по результатам общественной экспертизы; 3) пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам; 4) индекс Херфиндаля по организациям авторов; 5) пятилетний коэффициент самоцитирования; 6) индекс Джини.

«Приборы» инфографики снабжены градуированной и маркированной цветовой шкалой, внутри которой имеется стрелка, занимающая различные положения. Как об этом можно судить по общему замыслу разработчиков инфографики, зеленый цвет — показатель журнала соответствует высокому стандарту качества, желтый цвет — среднему, красный цвет — низкому. Как индикаторы влияют и будут влиять на политики взаимодействия редакций с авторами и решения по конкретным рукописям, судить трудно. Наша коммуникация с редакциями позволяет утверждать, что показания приборов принимаются как аргумент в пользу необходимости корректировки редакционных политик, порядка рецензирования.

У ряда журналов несколько показателей находится в красных зонах, и это не мешает им входить в ядро РИНЦ. Не исключаем, что такое положение дел свидетельствует о необходимости корректировки показателей, влияющих на место журнала в рейтинге *Science Index*, поскольку именно от него зависит возможность попадания журнала в число изданий, индексируемых в *Russian Science Citation Index* (а они составляют значительную часть журналов ядра РИНЦ).

В предлагаемой таблице 1 «Статьи юридических журналов ядра РИНЦ в справочных правовых системах (с наукометрическими показателями *Science Index* 2023)» журналы расположены по ранжиру, соответствующему месту в рейтинге *Science Index*.

Табл. 1. Статьи юридических журналов ядра РИНЦ в справочных правовых системах (с наукометрическими показателями *Science Index* 2023)

Table 1. Articles of legal journals of the RSCI core in reference legal systems (with scientometric indicators *Science Index* 2023)

Журнал	Годы размещения в СПС «КонсультантПлюс»	Годы размещения в СПС «Гарант»	Пятилетний им-пакт-фактор РИНЦ	Показатель журнала в рейтинге <i>Science Index</i>	Средняя оценка по результатам общественной экспертизы	Пятилетний индекс Херфиндала по цитирующим журналам	Индекс Херфиндала по организациям авторов	Пятилетний коэффициент самоцитирования (%)	Индекс Джини
1. Вестник экономического правосудия Российской Федерации*	1993–2024	2003–2024	1,010	9,16	2,94**	295	1457	12,86	0,68
2. Журнал российского права	1998–2024	2001–2024	2,439	9,12	3,35	74	1407	5,51	0,58
3. Закон	2004–2024	2013	1,043	8,84	2,79	95	1268	5,15	0,64
4. Вестник гражданского права***	2006–2024	2010, 2011	1,516	8,43	2,77	200	2861	3,82	0,60
5. Право. Журнал Высшей школы экономики	2018–2022	2013–2014	2,513	7,87	2,71	60	1064	2,27	0,58
6. Вестник Пермского университета. Юридические науки	2012–2024	2010–2024	2,812	7,83	2,52	81	1052	2,44	0,60
7. Государство и право	—	—	0,907	7,62	3,53	205	1611	12,38	0,65
8. Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право	—	—	1,179	7,53	2,10	60	969	1,76	0,93
9. Сравнительное конституционное обозрение	2006–2024	—	0,513	7,08	2,87	391	1219	15,84	0,72
10. Международное правосудие	2011–2024	—	0,806	6,91	2,45	286	2400	10,08	0,69
11. Вестник гражданского процесса	2011–2024	2024	0,986	6,54	2,73	228	541	10,12	0,77
12. Антиномии	—	—	0,820	6,51	2,69	154	888	5,00	0,60
13. Lex Russica (Русский закон)	2011–2020	2006–2024	1,672	6,28	3,13	59	908	3,89	0,66
14. Сравнительная политика	—	—	0,801	6,26	2,60	115	2391	0,59	0,00

Окончание табл. 1

End of Table 1

Журнал	Годы размещения в СПС «Консультант Плюс»	Годы размещения в СПС «Гарант»	Пятилетний им-пакт-фактор РИНЦ	Показатель журнала в рейтинге Science Index	Средняя оценка по результатам общественной экспертизы	Пятилетний индекс Херфиндала по цитирующим журналам	Индекс Херфиндала по организациям авторов	Пятилетний коэффициент самоцитирования (%)	Индекс Джини
15. Судебно-медицинская экспертиза	—	—	0,638	6,20	2,38	2003	597	43,95	0,78
16. Вестник Санкт-Петербургского университета. Право	2021, 2024	2017–2024	1,187	6,14	2,91	67	757	1,15	0,78
17. Психология и право	—	—	1,373	6,07	2,23	506	2915	20,94	0,54
18. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки	—	2021	1,182	5,94	2,80	149	1107	8,30	0,63
19. Правоведение ****	2012–2008, 2005, 2000	2017–2024	0,577	5,92	3,34	148	1604	0,00	0,78
20. Всероссийский криминологический журнал	—	2016–2017	1,609	5,85	3,15	77	1026	1,96	0,53
21. BRICS Law Journal	—	—	0,580	5,67	3,00	429	1113	1,32	0,77
22. Российское правосудие	—	—	0,277	5,22	2,64	555	6690	21,96	0,85
23. Правоприменение	—	2020–2024	1,265	5,09	0,00	209	510	11,99	0,53
24. Банковское право	2000–2024	2000	0,880	5,04	2,41	137	1662	5,91	0,58
25. Вестник Томского государственного университета. Право	2013, 2016	—	0,794	4,48	2,61	103	652	2,71	0,79

Примечания к таблице 1

Заливка ячейки	Вид прибора инфографики	Интерпретация заливки клеток в таблице
		Зеленой заливкой помечены показатели, если стрелка индикатора расположена в зеленой зоне шкалы соответствующего «прибора» инфографики <i>eLIBRARY</i> (соответствует высокому качеству)
		Желтой заливкой помечены показатели, если стрелка индикатора расположена в желтой зоне шкалы соответствующего «прибора» инфографики <i>eLIBRARY</i> (соответствует среднему качеству)
		Красной заливкой помечены показатели, если стрелка индикатора расположена в красной зоне шкалы соответствующего «прибора» инфографики <i>eLIBRARY</i> (соответствует низкому качеству)

* Прежнее название журнала: «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» (1993–2014).

** Средняя оценка, по результатам общественной экспертизы, журнала «Вестник экономического правосудия Российской Федерации» — 2,94 — в сравнении с аналогичным показателем других журналов обусловила маркировку автором настоящей статьи клетки таблицы желтым фоном и соответствующий такой маркировке подсчет результатов (несмотря на то что в карточке «Публикационная активность журнала в инфографике» *eLIBRARY* стрелка индикатора находится в красной зоне). В карточках журналов «Закон» при оценке по результатам общественной экспертизы 2,74 (показатель ниже 2,94) и “BRICS Law Journal” при оценке по результатам общественной экспертизы 3,0 (показатель выше 2,94) стрелки индикаторов находятся в желтой зоне.

*** За период 1913–1917 гг. статьи журнала «Вестник гражданского права» представлены в СПС «КонсультантПлюс» как часть цивилистического научного произведения (срок исключительных прав на произведения истек).

**** Прежнее название журнала «Известия вузов. Правоведение» (1957–2018).

Проблемные показатели журналов

Многие новые журналы, вошедшие в ядро РИНЦ за последние годы прежде всего за счет самоотверженного и бескорыстного труда членов редакционных коллегий, имеют реальную перспективу изменения своих наукометрических показателей в лучшую сторону. Для этого необходимо понимать и обсуждать накопившиеся проблемы в конструктивном ключе. Эффект Матфея — феномен неравномерного распределения преимуществ, при котором сторона, уже ими обладающая, продолжает их накапливать и приумножать [Акоев и др., 2014, с. 119], — фактически исклю-

чает равенство возможностей для редакций научных журналов. Ситуация усугубляется существованием в России образовательных и научных организаций, имеющих преимущества в силу прямого их указания в законодательных актах³. В этих условиях ожидать полного искоренения редакционных практик, позволивших научным журналам попасть в элитный клуб и удержаться в нем, было бы наивно, однако постепенное внесение корректив в деятельность редакций, как видится, неизбежно.

1. *Показатель журнала в рейтинге Science Index* зависит от многих факторов, место конкретного издания в нем подвижно — меняется год от года.

Из числа анализируемых юридических журналов показатель пяти изданий находится в красной зоне. Наименьший показатель у журналов «Правоприменение» (SI — 5,09), «Банковское право» (SI — 5,04) и «Вестник Томского государственного университета. Право» (SI — 4,48). Впрочем, о перспективах роста того или иного издания можно говорить с поправкой на данные о годе основания и годе включения в ядро РИНЦ. Скажем, с учетом времени основания (соответственно 2016, 1998, 2011 гг.) из числа трех названных изданий журнал «Правоприменение» имеет наилучшую перспективу к росту в рейтинге *Science Index* — здесь он самый молодой и набирающий авторитет научный журнал.

2. *Средняя оценка по результатам общественной экспертизы.* Методика общественной экспертной оценки научных периодических изданий⁴ устанавливает, что для принятия решения о включении периодического издания в базу данных *Russian Science Citation Index* учитываются не только показатели формального библиометрического анализа, но и результаты широкой общественной экспертизы российских журналов. Экспертный пул состоит из специалистов, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук и общее число цитирований публикаций за последние пять лет не менее определенного порога (пороговые значения определяются таким образом, чтобы отобрать 10% лучших по этому показателю авторов в каждом научном направлении); более 40 000 ведущих российских ученых, входящих в пул, проходят онлайн-анкетирование — соответствующее предложение приходит автору, имеющему профиль в *eLIBRARY*. Опыт участия в экспертном пуле позволяет нам утверждать, что с высокой долей вероятности известные журналы получают низкие оценки, если не обеспечивают своевременного и мотивированного рецензирования направляемых авторами работ.

Результаты общественной экспертизы дали основания для помещения графическим интерфейсом системы *eLIBRARY* в красную зону стрелки индикатора десяти журналов⁵. Из числа анализируемых самые низкие оценки по результатам

³ Федеральный закон от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. 2013. № 39, ст. 4883); Федеральный закон от 10 ноября 2009 г. № 259-ФЗ «О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» (Собрание законодательства РФ. 2009. № 46, ст. 5418).

⁴ Приложение № 2 к Регламенту библиографической базы данных *Russian Science Citation Index* (редакция от 1 марта 2023 г.). Режим доступа: https://elibrary.ru/projects/rscl/reglament_RSCI.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

⁵ Мы не учитывали в данном случае журнал «Правоприменение» (имеющий показатель 0,0) поскольку, как об этом можно судить из имеющихся данных, этот журнал не проходил процедуры общественной экспертизы ввиду молодости.

общественной экспертизы получили журналы «Судебно-медицинская экспертиза» (2,38), «Психология и право» (2,23), «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право» (2,10).

3. *Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам.* Борьба с неэтичным стимулированием к цитированию ведется с использованием наукометрических индексов. Д.Д. Демидов пишет: «Известный способ улучшить библиометрические показатели издания посредством увеличения цитирования — так называемое действие “эффекта пула”: неформальное объединение журналов для активного перекрестного взаимного цитирования» [Демидов, 2017, с. 13]. Для отслеживания таких «пулов» существует индекс Херфинадаля по цитирующим журналам: «Чем больше количество цитирующих изданий и чем равномернее по ним распределены ссылки на рассматриваемый журнал, тем меньше величина индекса Херфиндаля. Если значение индекса меньше 1 000, можно сделать вывод о широкой известности, популярности журнала. Авторы в самых разных изданиях цитируют его статьи — это означает, что они востребованы, интересны сообществу, на них ссылаются реально, а не по договоренности» [Там же].

В красной зоне пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам находится только у журнала «Судебно-медицинская экспертиза». Однако значение показателя (2 003), весьма вероятно, обусловлено причинами объективного характера: из числа юридических журналов он один посвящен судебно-экспертной проблематике.

4. *Индекс Херфиндаля по организациям авторов* «позволяет определить, публикует ли журнал статьи авторов, работающих преимущественно в одной организации или в разных» [Там же]. Индекс хорошо маркирует журналы тех научных и образовательных организаций, которые «разгоняют» основные наукометрические показатели за счет положений локальных нормативных актов. Системы оплаты труда в некоторых образовательных организациях содержат правила, поощряющие публикацию в издаваемых ими журналах либо в журналах, входящих в упомянутые «пулы». Условием выполнения «эффективного контракта» или применения повышающего коэффициента, влияющего на размер заработной платы, может быть публикация работником статей в журналах, указанных в утвержденном работодателем отдельном списке или конкретном пункте локального нормативного акта.

Из числа анализируемых журналов в красной зоне индекс Херфиндаля по организациям авторов находится у девяти изданий. В тройке последних оказались «Вестник гражданского права» (2 861), «Психология и право» (2 915) и «Российское правосудие» (6 690).

5. *Пятилетний коэффициент самоцитирования* — это «доля ссылок журнала на самого себя среди всех ссылок, сделанных в текущем году на статьи этого журнала за пять предыдущих лет». Показывает, как часто в работах, опубликованных журналом в текущем году, сделаны ссылки на другие работы из этого же журнала за предыдущие пять лет. Неблагополучная ситуация с коэффициентом свидетельствует о том, что редакционные практики стимулируют авторов к ссылкам на работы из журнала. Самый прямой и грубый способ — предложение после первого раунда рецензирования процитировать конкретные исследования. Однако чаще сам автор, планирующий направить рукопись статьи редакции журнала, является его читателем и видит, что цитирование исследований, выходящих из-под пера членов редакционных коллегий, является нормой для журнала. В этой ситуации он,

по понятным причинам, будет уделять особое внимание статьям журнала, к редакции которого обращается с рукописью (особенно если они подготовлены членами редакционных коллегий).

В красной зоне находятся показатели пятилетнего коэффициента самоцитирования трех журналов: «Судебно-медицинская экспертиза» (43,95%), «Российское правосудие» (21,96%), «Психология и право» (20,94%).

6. *Индекс Джини*, характеризующий неравномерность распределения цитированных статей в журнале, является относительно новым показателем, представленным в РИНЦ [Черных, 2023, с. 59]. Он принимает значения от нуля до единицы. Нулевое значение соответствует ситуации⁶, когда все статьи в журнале за год получили одинаковое количество цитирований.

Название индекса связано с именем итальянского социолога, демографа, экономиста и статистика Коррадо Джини (1885–1965) [Нематова, 2022, с. 52], имеющего в своей биографии прискорбный факт авторства в произведении, подводящем «научную основу» под идеологию фашизма и приход к власти Муссолини [Gini, 1927]. Индекс Джини зарекомендовал себя в социологии и экономических науках, хорошо отражая имущественное неравенство. С течением времени оказалось, что он пригоден для использования с самыми разнообразными целями и во многих научных областях: для сравнения размера листьев [Lian et al., 2023] и диагностики неисправности подшипников [Chen et al., 2022], в исследованиях, посвященных защите данных от киберугроз [Javed et al., 2023] и принятию коллективных решений [Del Moral et al., 2025].

Относительно использования индекса Джини в наукометрии существуют возражения. Так, Т.А. Полилова замечает: «Применение данного показателя в библиометрии весьма сомнительно. Этот показатель может давать незаслуженные предпочтения журналам при полном отсутствии цитирований и наказывать журналы, в которых публикуется небольшое число статей с выдающимися показателями цитируемости» [Полилова, 2022, с. 35].

Безотносительно к теме исследования ожидаемая цитируемость известного ученого выше ожидаемой цитируемости ученого начинающего. Это означает, что самым простым способом получения «хорошего» индекса Джини будет не сотрудничество редакций с выдающимися учеными и не приглашение к публикации молодых одаренных исследователей, а ориентация на исследователей среднего уровня, статьи которых, скорее всего, получат равномерное распределение цитирований. Однако использование такого способа «улучшения» индекса Джини на деле можно предположить лишь гипотетически. В реальном мире индекс Джини, стремящийся к единице, может говорить о том, что неравномерность распределения цитирований обусловлена хорошей работой научных школ (для которых частое цитирование основателя школы является нормальным) или построением административной вертикали, в которой ссылки на труды руководителей для значительной части исследователей служат средством демонстрации лояльности. Определенная логика отсле-

⁶ У журнала «Сравнительная политика» (https://www.elibrary.ru/title_infographics.asp?id=32289) на исследуемый период показатель индекса Джини во вкладке «Публикационная активность журнала в инфографике» — 0. Однако во вкладке «Анализ публикационной активности журнала» отражен символ «—», что должно означать отсутствие соответствующей информации.

живания индекса Джини для научного издания есть, но считать его существенным в наукометрической системе мы бы не стали. Причина, по которой мы отразили показатель индекса Джини в таблице с данными, заключается в том, что он представлен в инфографике (сопровождается средством усиления восприятия в научной электронной библиотеке *eLIBRARY*). Думается, само обращение к этой проблеме может способствовать корректировке подхода в определении перечня наукометрических показателей, представляемых системой в графическом виде.

Из числа анализируемых изданий индекс Джини оказался в красной зоне у журналов «Российское правосудие» (0,85) и «Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право» (0,93).

Журнальные статьи в СПС и качество научных изданий

Пять лидирующих юридических журналов ядра РИНЦ с наиболее высокими показателями в рейтинге *Science Index* — «Вестник экономического правосудия Российской Федерации», «Журнал российского права», «Закон», «Вестник гражданского права» и «Право. Журнал Высшей школы экономики» — были представлены в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант» в течение хотя бы какого-то промежутка времени. На 2024 г. два журнала представлены в двух СПС.

Не все пять юридических журналов ядра РИНЦ, публикующих работы на русском языке⁷, расположившиеся в нижней части рейтинговой таблицы, — «Всероссийский криминологический журнал», «Российское правосудие», «Правоприменение», «Банковское право», «Вестник Томского государственного университета. Право» — были представлены за период своего существования в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант». На 2024 г. ни один из журналов не представлен сразу в двух СПС. Один журнал не был представлен ни в одной из названных СПС никогда.

Качество пяти журналов в верхней части рейтинговой таблицы (красных показателей — 2, желтых — 12, зеленых — 16) выше, чем качество пяти журналов в нижней части рейтинговой таблицы (красных показателей — 12, желтых — 7, зеленых — 11).

Следует отметить, что средний пятилетний импакт-фактор журналов, рассчитанный для пяти верхних позиций таблицы, значительно выше среднего пятилетнего импакт-фактора журналов, рассчитанного для журналов из нижней части таблицы (1,704 против 0,965). При этом в верхней части таблицы пятилетний импакт-фактор каждого журнала не менее 1, в нижней части таблицы — три журнала имеют импакт-фактор ниже 1.

Таким образом, наличие значимой связи между качеством юридических журналов и размещением опубликованных ими статей в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант» можно считать доказанным.

⁷ Статьи журнала “BRICS Law Journal” на русском языке нами не обнаружены, несмотря на то что, согласно данным *eLIBRARY*, он издается на двух языках — русском и английском. Как следствие, при сопоставлении данных и расчете средних показателей в настоящем разделе сведения о нем не учитываются.

Оценка значимости влияния на цитируемость размещения журнальных статей в СПС с использованием индивидуальных показателей автора

Для определения влияния СПС на цитируемость размещенных в них статей мы сравнили содержание баз данных СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант» с содержанием базы данных *eLIBRARY*. Чтобы не затронуть интересы других исследователей и сохранить при этом проверяемость данных, в качестве объекта наблюдения мы взяли собственные работы. На 18 мая 2025 г. в СПС «КонсультантПлюс» (раздел «Юридическая пресса») представлено 85 статей, СПС «Гарант» (раздел «Статьи») — 58 статей В.А. Болдырева. В системе *eLIBRARY*, позволяющей провести учет цитирований, проиндексировано значительно больше — 180 статей в журналах.

Из 15 наиболее цитируемых научных статей в различных юридических журналах, оказывающих и имеющих близкую перспективу оказывать влияние на индекс Хирша и РИНЦ, все работы размещены в СПС «КонсультантПлюс», 12 из них — также в СПС «Гарант».

Достаточно точный способ оценить степень влияния размещения в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант» на цитируемость издания — собрать данные за длительный период о цитировании статей одного автора, опубликованных в одном журнале (при этом следует дифференцировать работы, размещенные в обеих системах и только в одной из них). Нами проделана работа на основе изучения цитируемости собственных статей, опубликованных в журнале «Право и экономика» за период с 2007 по 2024 г. Приведем основную информацию: на 38 наших статей, опубликованных в журнале, приходится 117 цитат. Статьи, размещенные хотя бы в одной из баз данных (31 работа), собрали 110 цитат. На 7 работ, не размещенных ни в одной из баз данных, приходится всего лишь 7 цитат.

Таким образом, цитируемость статей, опубликованных в журнале «Право и экономика», которые представлены в СПС, — 3,54, которые не представлены в них — только 1. Если принять во внимание самоцитирование, ситуация оказывается еще более контрастной.

Оценка влияния размещения научных статей в СПС на цитируемость с позиции каузальности имеет слабую сторону: очевидно, что отбор журналов, а затем и конкретных опубликованных статей для размещения в базах данных осуществляется с учетом качества предлагаемого профессиональному сообществу материала. Следовательно, более высокая цитируемость статей, отобранных и размещенных в СПС, может быть обусловлена их высоким качеством. Таким образом, более точно будет считать размещение работы в СПС «усилителем» цитируемости статьи, а не причиной ее популярности. Это обстоятельство следует иметь в виду при оценке последствий интеграции данных науки и практики в СПС.

Последствия интеграции данных науки и практики в СПС

Интеграция научной информации с официальной информацией в справочных правовых системах является частью процесса освоения современной наукой цифрового пространства. С.Б. Абрамова и Н.Л. Антонова отмечают: «Стремительное развитие цифровых платформ, экспансия искусственного интеллекта, медиатизация

общественных отношений меняют модели взаимодействия между людьми, в том числе и взаимодействие граждан с различными институциональными образованиями» [Абрамова, Антонова, 2024, с. 101]. Последствия вливания научной информации в цифровую, в том числе и сетевую среду, требуют новых методов оценки. Так, появление альтметрии, основанной на оценке активности в онлайн-средствах и средах, — «своего рода ответ на недостаточность применения традиционных наукометрических индикаторов для оценки научной значимости публикаций и журнала» [Ударцева, 2025, с. 202].

Справочные правовые системы, представляя собой интегрированные массивы официальных данных и юридической мысли, недостаточно оценены как эффективные и доступные средства решения научных задач, сбора данных о социуме и существующих в нем противоречиях. Доступность научных статей по юриспруденции в базах данных СПС — результат процессов информатизации и цифровизации общества. Сотрудничество редакций журналов с правообладателями СПС обеспечивает существенное повышение цитируемости исследований, публикуемых изданиями.

Вместе с тем дисгармония в отборе научных работ для СПС может приводить к нарушениям принципов наукометрического наблюдения, а на дистанции времени — к формированию неверной системы научных представлений у студенческого и профессионального юридического сообщества, к смещению запросов в сторону решения сиюминутных, утилитарных задач. Учитывая, что СПС разрабатываются с ориентацией преимущественно на целевую аудиторию — практикующих юристов, деятельность организаций-правообладателей по «отфильтровке» исследований, не имеющих высокого практического значения, ориентированных на далекую перспективу, исследований теоретических и прогностических, может приводить к искаженному восприятию юристами-практиками, студентами юридических вузов и молодыми учеными имеющихся достижений и стоящих перед наукой задач.

Юджин Гарфилд (1925–2017), основатель Института научной информации (Institute for Scientific Information, ISI), во вступительном слове к монографии коллектива российских авторов [Акоев и др., 2014], посвященной проблематике наукометрии, предостерегал: «Использование количественных данных без должного предварительного обучения обращению с ними и критического взгляда может воспрепятствовать прогрессу исследований и научных сотрудников» [Garfield, 2014, р. 8]. Наблюдаемый в российской науке запрос на прикладную наукометрию (в самом примитивном ее понимании — найти и выгрузить данные, а затем перенести их в отчетные формы) [Кочетков, 2025, с. 104–105] отрицательно сказывается на эффективности решения задач академической науки. В ходе поиска ответа на стоящий перед юриспруденцией вызов — несоответствие когнитивных возможностей человека (его памяти) уровню мощности потока нормативной информации — произошло отделение и вытеснение важной части научных знаний, ориентированных на отдаленную перспективу и даже на решение проблем ближайшего будущего.

Б.Е. Одинцов справедливо отмечает, что «именно способность иметь собственные мысли цифровизация постепенно искореняет» [Одинцов, 2024, с. 149]. Практико-ориентированная направленность отбора работ для баз данных СПС будет способствовать усугублению существующего положения дел в юриспруденции: юристы и теперь в большей мере ориентированы не на оценку обстоятельств действительности, а на поиск в Сети подходящего «прецедента», выполняющего роль шаблона. Уменьшение вероятности попадания в поле зрения юриста серьезных прогностиче-

ских работ не способствует развитию мышления, поддержанию его профессиональной и общей эрудиции.

Компьютеризированная среда когнитивной деятельности юристов воспроизводит сама себя, создавая условия для жизни элементов техносциального организма, в том числе и баз данных СПС [Болдырев, 2024, с. 108]. Как справедливо отмечает В.О. Панин, «техническое регулирование является необходимым объектом изучения при проведении юридических исследований в области развития высоких информационных технологий» [Панин, 2024, с. 193]. Возможно, деятельность правообладателей справочных правовых систем по формированию соответствующих баз данных следует подчинить строгому нормативному регулированию. Ранее, анализируя проблематику размещения в справочных правовых системах релевантной судебной практики, мы пришли к заключению, что такое регулирование не будет иметь положительного результата [Болдырев, Кархалев, 2024, с. 215]. По нашему мнению, разработка и совершенствование политик отбора материалов, в том числе и научных статей, для размещения в СПС должна оставаться прерогативой обладателей прав на программы и базы данных. Задача научного сообщества — квалифицированное и аргументированное информирование разработчиков соответствующих алгоритмов о наблюдаемых проблемах.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что справочные правовые системы являются чрезвычайно эффективным средством популяризации идей, обсуждаемых в научном сообществе. Размещением в их базах данных статей практической направленности создаются предпосылки для формирования у специалистов-практиков и молодых ученых, ориентированных на использование цифровых источников информации, неверного представления о целях правовой науки и ее современном облике как об области деятельности, связанной с решением утилитарной задачи — толкования норм позитивного права, — не ориентированной на прогностику и сопряжение данных о правоприменении со смежными областями социально-гуманитарной науки, а также данными естественных и технических наук.

Полагаем целесообразным принятие мер к размещению в справочных правовых системах большего числа теоретических работ по юриспруденции, опубликованных в журналах ядра РИНЦ. В базах данных систем не хватает юридических исследований, опубликованных в мультидисциплинарных журналах (по общественным и гуманитарным наукам⁸). Учитывая степень влияния на цитируемость работ и юридическую науку, деловой этике соответствовало бы обеспечение открытого доступа в сетевых версиях справочных правовых систем к тем работам, которые находятся в открытом доступе на сайтах изданий.

Чтобы сохранить удобство использования СПС для юристов-практиков, работу, не связанную с применением норм права напрямую, следует: 1) сопровождать текстовым сообщением в справочной информации о документе («теоретическое

⁸ Речь идет об изданиях «Вестник Томского государственного университета» (без указания серии), «Общественные науки и современность», «Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки».

исследование»), 2) помещать ее в отдельном разделе соответствующей базы данных («теоретические исследования»). Выведение новых фундаментальных и прогностических научных работ из раздела «комментарии», думаем, будет способствовать удобству пользования справочными правовыми системами. Сегодня их графические интерфейсы и поисковые инструменты деформируют восприятие информации профессиональным и студенческим сообществами — способствуют стиранию границ между научными работами и комментариями, выступают источником когнитивных искажений.

Значительную роль в отделении собственно научных работ от статей комментаторского типа могут играть редакции журналов, на которые правообладателям СПС и следовало бы полагаться. В заключаемых правообладателями справочных правовых систем договорах на редакцию журнала может быть возложена обязанность или предоставлено право давать рекомендации: 1) о размещении конкретных (наиболее важных) статей в базах данных, 2) об отнесении опубликованных журналом научных статей к одному из разделов баз данных («теоретические исследования» и «комментарии»).

Литература

Абрамова С.Б., Антонова Н.Л. Цифровое взаимодействие молодежи и власти: мотивация и барьеры // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 2. С. 100–121. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-2-100-121.

Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 250 с. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1352-5.0000.

Болдырев В.А. Правотворчество и когнитивные науки // Правоведение. 2024. Т. 68. № 1. С. 97–112. DOI: 10.21638/spbu25.2024.105.

Болдырев В.А., Кархалев Д.Н. Судебная практика в справочных правовых системах: нужен ли единый алгоритм отбора документов? // Вестник Томского гос. ун-та. 2024. № 501. С. 209–217. DOI: 10.17223/15617793/501/24.

Демидов Д.Д. Библиометрическая оценка отечественных библиотечно-информационных журналов // Научные и технические библиотеки. 2017. № 8. С. 3–17.

Ким Е.П., Ким В.Е. Методы изучения криминологической безопасности личности в быту // Вестник Читинского гос. ун-та. 2009. № 6 (57). С. 106–113.

Кочетков Д.М. Об истории, предмете и задачах российского науковедения // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16. № 1. С. 91–122. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-91-122.

Михайлов О.В. «Квартильный» импакт-фактор научных журналов // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14. № 2. С. 108–121. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-108-121.

Нематова Д.Т. Мировой опыт определения и измерения бедности // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 51–58. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-51-58.

Одищев Б.Е. Когнитивная нечеткая система для управления уровнем равновесности цифрового общества // Информационное общество. 2024. № 6. С. 149–167. DOI: 10.52605/16059921_2024_06_149.

Панин В.О. Стандартизация в формировании высоких информационных технологий // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 188–195. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-188-195.

Полилова Т.А. Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша в диаграммах Science Space // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2022. № 27. 38 с. DOI: 10.20948/prepr-2022-27.

Третьякова О.В. К вопросу об импакт-факторе научного журнала и методиках его формирования // Вопросы территориального развития. 2014. № 5 (15). С. 1–9.

Ударцева О.М. Альтметрические данные на сайтах журналов открытого доступа // Социология науки и технологий. 2025. Т. 16. № 1. С. 193–207. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-193-207.

Черных Е.Ю. Анализ эффективности работы по повышению наукометрических показателей вуза: роль научной библиотеки // Библиотека вуза: настоящее и будущее: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Научной библиотеки Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, Улан-Удэ, 25 ноября 2022 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ун-т технологий и управления, 2023. С. 58–68.

Chen B., Song D., Cheng Y., Zhang W., Huang B., Muhamedsalih Y. IGIGram: An Improved Gini Index-Based Envelope Analysis for Rolling Bearing Fault Diagnosis // Journal of Dynamics, Monitoring and Diagnostics. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 111–124. DOI: 10.37965/jdmd.2022.65.

Del Moral M.J., Trillo J.R., Pérez I.J., Tapia-García C., Tapia J.M. An Alternative Consensus Measure Based on the Gini Index for Group Decision-Making Problems // Journal of Advanced Computational Intelligence and Intelligent Informatics. 2025. Vol. 29. No. 2. P. 379–388. DOI: 10.20965/jaciii.2025.p0379.

Farayola O.A., Adaga E.M., Egieya Z.E., Ewuga S.K., Abdul A.A., Abrahams T.O. Advancements in Predictive Analytics: A Philosophical and Practical Overview // World Journal of Advanced Research and Reviews. 2024. Vol. 21. Iss. 03. P. 240–252. DOI: 10.30574/wjarr.2024.21.3.2706.

Garfield E. Preface to the Russian Readers // Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 8–9. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1352-5.0001.

Gini C. The Scientific Basis of Fascism // Political Science Quarterly. 1927. Vol. 42. No. 1. P. 99–115.

Javed M., Tariq N., Ashraf M., Khan F.A., Asim M., Imran M. Securing Smart Healthcare Cyber-Physical Systems against Blackhole and Greyhole Attacks Using a Blockchain-Enabled Gini Index Framework // Sensors. 2023. Vol. 23. Iss. 23. P. 1–45. DOI: 10.3390/s23239372.

Lian M., Shi P., Zhang L., Yao W., Gielis J., Niklas K.J. A Generalized Performance Equation and Its Application in Measuring the Gini Index of Leaf Size Inequality // Trees. 2023. Vol. 37. P. 1555–1565. DOI: 10.1007/s00468-023-02448-8.

The Influence of Reference Legal Systems on Legal Science

VLADIMIR A. BOLDYREV

North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: vabold@mail.ru

Based on the analysis of scientometric indicators of leading scientific legal journals, as well as individual author indicators, it is proved that the placement of articles in reference legal systems is a predictor of their popularity. This means that the editors of most scholarly publications should be interested in cooperation with companies that form databases of reference legal systems. The dependence between the quality of an academic publication and the representation of its articles in reference systems is demonstrated. Individual scientometric indicators of journals are analyzed, and typical causes of problems in journal scientometrics are noted. Taking into account the practical focus of the

works placed in reference legal systems, the author comes to the conclusion that the prevalence of commentary-type works in modern legal science is largely a consequence of the integration of official legal information (regulatory legal and law enforcement acts) and scientific commentaries to it. In the course of such integration, serious fundamental and predictive research is displaced. While positively influencing the dissemination of practice-oriented information, reference legal systems make other data less visible and accessible, and form a distorted idea of the tasks of legal science. Measures are proposed aimed at improving the algorithms for forming databases of reference legal systems, which should be implemented in the direction of differentiating sources (classifying them as theoretical works or commentaries) and expanding cooperation between database copyright holders and journal editors. Expanding cooperation with publishers involves creating an opportunity for editors to express their views on the advisability of conditionally classifying a published work as a commentary-type work or theoretical research.

Keywords: scientometrics, impact factor, Herfindal index, Gini index, citation, scientific ethics, scientific articles, scientific data, predictive analysis.

References

Abramova, S.B., Antonova, N.L. (2024). Tsifrovoye vzaimodeystviye molodezhi i vlasti: motivatsiya i bar'yery [Digital interaction between youth and authorities: motivation and barriers], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 15 (2), 100–121 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2024-2-100-121.

Akoev, M.A., Markusova, V.A., Moskaleva, O.V., Pisyakov, V.V. (2014). Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya [Guide to scientometrics: indicators of the development of science and technology: monograph], Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta (in Russian). DOI: 10.15826/B978-5-7996-1352-5.0000.

Boldyrev, V.A. (2024). Pravotvorchestvo i kognitivnyye nauki [Law-making and cognitive sciences], *Pravovedeniye*, 68 (1), 97–112 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu25.2024.105.

Boldyrev, V.A., Karkhalev, D.N. (2024). Sudebnaya praktika v spravochnykh pravovykh sistemakh: nuzhen li yedinyy algoritm otbora dokumentov? [Judicial practice in legal reference systems: Is a unified algorithm for document selection needed?], *Vestnik Tomskogo gos. un-ta*, no. 501, 209–217 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/501/24.

Chen, B., Song, D., Cheng, Y., Zhang, W., Huang, B., Muhamedsalih, Y. (2022). IGIGram: An Improved Gini Index-Based Envelope Analysis for Rolling Bearing Fault Diagnosis, *Journal of Dynamics, Monitoring and Diagnostics*, 1 (2), 111–124. DOI: 10.37965/jdmd.2022.65.

Chernykh, E.Yu. (2023). Analiz effektivnosti raboty po povysheniyu naukometricheskikh pokazateley vuza: rol' nauchnoy biblioteki [Analysis of the efficiency of work to increase scientometric indicators of the university: the role of the scientific library], in *Biblioteka vuza: nastoyashcheye i budushcheye: Materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu Nauchnoy biblioteki Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya, Ulan-Ude, 25 noyabrya 2022 goda* (pp. 58–68), Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskiy gos. un-t tekhnologii i upravleniya (in Russian).

Del Moral, M.J., Trillo, J.R., Pérez, I.J., Tapia-García, C., Tapia, J.M. (2025). An Alternative Consensus Measure Based on the Gini Index for Group Decision-Making Problems, *Journal of Advanced Computational Intelligence and Intelligent Informatics*, 29 (2), 379–388. DOI: 10.20965/jaciii.2025.p0379.

Demidov, D.D. (2017). Bibliometricheskaya otsenka otechestvennykh bibliotechno-informatsionnykh zhurnalov [Bibliometric assessment of national library information journals], *Nauchnyye i tekhnicheskkiye biblioteki*, no. 8, 3–17 (in Russian).

Farayola, O.A., Adaga, E.M., Egieya, Z.E., Ewuga, S.K., Abdul, A.A., Abrahams, T.O. (2024). Advancements in Predictive Analytics: A Philosophical and Practical Overview, *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 21 (3), 240–252. DOI: 10.30574/wjarr.2024.21.3.2706.

Garfield, E. (2014). Preface to the Russian Readers, in Akoev M.A., Markusova, V.A., Moskalova, O.V., Pislakov, V.V. *Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii: monografiya* [Scientometrics handbook: indicators of science and technology development] (pp. 8–9), Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta (in Russian). DOI: 10.15826/B978-5-7996-1352-5.0001.

Gini, C. (1927). The Scientific Basis of Fascism, *Political Science Quarterly*, 42 (1), 99–115.

Javed, M.; Tariq, N., Ashraf, M., Khan, F.A., Asim, M., Imran, M. (2023). Securing Smart Healthcare Cyber-Physical Systems against Blackhole and Greyhole Attacks Using a Blockchain-Enabled Gini Index Framework, *Sensors*, 23 (23), 1–45. DOI: 10.3390/s23239372.

Kim, E., Kim, V. (2009). Metody izucheniya kriminologicheskoy bezopasnosti lichnosti v bytu [Methodological research foundations of providing criminological security in private life], *Vestnik Chitinskogo gos. un-ta*, no. 6, 106–113 (in Russian).

Kochetkov, D.M. (2025). Ob istorii, predmete i zadachakh rossiyskogo naukovedeniya [On the history, scope, and tasks of science studies in Russia], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 16 (1), 91–122 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-91-122.

Lian, M., Shi, P., Zhang, L., Yao, W., Gielis, J., Niklas, K.J. (2023). A Generalized Performance Equation and Its Application in Measuring the Gini Index of Leaf Size Inequality, *Trees*, no. 37, 1555–1565. DOI: 10.1007/s00468-023-02448-8.

Mikhailov, O.V. (2023). “Kvartil’nyy” impakt-faktor nauchnykh zhurnalov [“Quartile” impact-factor of scientific journals], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 14 (2), 108–121 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2023-2-108-121.

Nematova, D.T. (2022). Mirovoy opyt opredeleniya i izmereniya bednosti [World experience in defining and measuring poverty], *Sotsiologiya i pravo*, 14 (1), 51–58 (in Russian). DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-51-58.

Odintsov, B.E. (2024). Kognitivnaya nechetskaya sistema dlya upravleniya urovnem ravnovesnosti tsifrovogo obshchestva [A cognitive fuzzy system for managing the level of equality of a digital society], *Informatsionnoye obshchestvo*, no. 6, 149–167 (in Russian). DOI: 10.52605/16059921_2024_06_149.

Panin, V.O. (2024). Standartizatsiya v formirovanii vysokikh informatsionnykh tekhnologiy [Standardization in the formation of high information technologies], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 15 (4), 188–195 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-188-195.

Polilova, T.A. (2022). Preprinty IPM im. M.V. Keldysha v diagrammakh *Science Space* [Keldysh Institute preprints in the diagrams of the *Science Space* system], *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha*, no. 27 (in Russian). DOI: 10.20948/prepr-2022-27.

Tretyakova, O.V. (2014). K voprosu ob impakt-faktore nauchnogo zhurnala i metodikakh yego formirovaniya [On the issue of the impact factor of a scientific journal and methods of its formation], *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, no. 5, 1–9 (in Russian).

Udartseva, O.M. (2025). Al'tmetricheskiye dannyye na saytakh zhurnalov otkrytogo dostupa [Altimetric data on open access journal sites], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 16 (1), 193–207 (in Russian). DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-193-207.

РОМАН ЮРЬЕВИЧ КОЛОБОВ

кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Федерального исследовательского центра
«Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения Российской академии наук»,
Иркутск, Россия;
e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Правовое регулирование научно-исследовательской деятельности во Франции

УДК: 001.38

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-192-205

Анализируется правовое регулирование научно-исследовательской деятельности во Франции. Прослеживается эволюция форм государственной поддержки науки от создания Королевской академии наук и до учреждения в XX в. ключевых институтов, таких как Национальный центр научных исследований (CNRS). Отмечается поворот к коммерциализации научных разработок, обозначенный законом Аллегра 1999 г. Проводится общая характеристика современного законодательства, основу которого составляет Исследовательский кодекс Франции. Рассматривается его структура и содержание основных разделов, посвященных организации исследовательской деятельности, статусу научных учреждений, многообразию правовых статусов исследователей и инженерно-технического персонала. Анализируются законодательные механизмы валоризации результатов научной деятельности, включая создание обществ ускорения трансфера технологий (SATT). Особое внимание уделяется реформе 2020 г., оформленной Законом о программе исследований (LPR). Показано, что, наряду с увеличением финансирования, реформа ввела новые, вызвавшие острую общественную дискуссию, формы трудовых отношений. К ним, в частности, относятся «младшие профессорские должности» (CPJ) и срочные контракты на выполнение проекта. Отдельно исследуется кризис системы оценки научной деятельности, связанный с работой Высшего совета по оценке исследований и высшего образования (HCERES). По результатам проведенного анализа автором выделены системные закономерности, характеризующие современное состояние правового регулирования научной деятельности во Франции. К ним относятся цикличность реформ, балансирующих между государственным патернализмом и конкуренцией; ценностный конфликт между академической этикой и управленческой логикой; а также прогрессирующая бюрократизация, сопровождающая попытки модернизации институтов научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: наука, кодификация, Франция, модернизация, коммерциализация.

© Колобов Р.Ю., 2026

Благодарность

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания Российской академии наук № 125013001144-6.

Введение

Понимание связи экономического роста, могущества государства и благосостояния общества, с одной стороны, и развития науки, с другой, возникло достаточно давно. Утверждение дискурса национального суверенитета в итогах Вестфальского конгресса [Malettke, 2001] предопределило и дальнейшую национальную конкуренцию в развитии наук и использовании их достижений для упрочения экономических позиций государства. В разных обществах использовались различные стратегии поддержки научной деятельности, затрагивавшие схожие группы вопросов. К ним относятся материальная поддержка исследователей и привлечение новых кадров в науку; соотнесение рискованного характера научной деятельности и необходимости разумной траты публичных финансов; выбор приоритетных с точки зрения государственной поддержки областей исследования; создание условий для «бесшовного» перехода научных достижений в массовое производство и др. Разрешение этих вопросов в каждом обществе принимает юридические формы, соответствующие правовым традициям, сложившимся в этих государствах. Общность проблем развития научной деятельности и функциональная эквивалентность юридических форм различных правовых систем предопределяют важность сравнительного анализа способов государственного регулирования поддержки научно-инновационной деятельности в зарубежных государствах.

Французская практика нормативного регулирования анализируемых отношений интересна по разным причинам. Французская экономика обеспечивает 16,6% общеевропейского ВВП¹, занимает лидирующие позиции в мире по производству продуктов здравоохранения и реализации биотехнологических подходов. В то же время французская промышленность за последние 30 лет пережила явный упадок в связи с реализацией концепции «предприятие без завода» (*фр.*: *entreprise sans usine*), впоследствии признанной президентом страны ошибочной. На момент написания настоящей статьи во Франции проводится активная политика «реиндустриализации» [Lluansi, 2025], неизбежно связанная с внедрением в производство передовых достижений науки, что обуславливает интенсификацию трансфера технологий.

С точки зрения организации регуляторных механизмов Франция обладает богатыми традициями разработки кодифицированных нормативных актов [Cabrillic, 2005; Lamouroux, 2001, p. 804], к числу которых относится и Исследовательский кодекс Франции (далее — ИК ФР). Социальные противоречия, связанные с необходимостью ускоренного развития науки и применением мер государственного стимулирования, с одной стороны, и соблюдением академических свобод — с другой, порождают существенную социальную напряженность в среде ученых. Наиболее

¹ France. Available at: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/eu-countries/france_en (date accessed: 01.08.2025).

ярким его проявлением стало неприятие изменений в ИК ФР 2020 г. значительной частью академического сообщества Франции.

Объектом настоящего исследования является общественная практика государственного регулирования развития науки и инновационной деятельности во Франции. Его *предмет* — юридические формы такого регулирования. *Целями* проводимого исследования является выявление общих закономерностей нормативного регулирования научно-исследовательской деятельности во Франции, а также восполнение явного дефицита публикаций, посвященных критическому анализу иностранного опыта регламентирования рассматриваемой сферы отношений, и создание основы для дальнейших исследований.

Эволюция форм государственного регулирования научной деятельности во Франции

Исторически основной формой институционализации научной деятельности в Новое время в Европе стали академии наук, создание которых пришлось на начало XVII в. В 1603 г. создается итальянская Академия, так называемая Академия рысье-глазых — *Academia Lyncæorum* [Cattell, 1902, p. 965], в 1645 г. — Королевское общество в Британской империи [Moessner, 2009, p. 65].

Французская академия наук ведет свою историю с 1666 г., когда Жан-Батист Кольбер (Jean-Baptiste Colbert) поручил математику Пьеру Каркави (Pierre de Carcavi) подобрать кандидатуры ведущих ученых Европы того времени. В том же году были сформированы две секции, в одну из которых вошел знаменитый астроном Христиан Гюйгенс (Christian Huygens) [Meunier, 2016, p. 7]. Юридическое оформление статуса академии произошло в 1699 г. [Fontenelle, 1708, p. 60] с принятием ее устава и официальным переименованием в «Королевскую академию наук», а в 1713 г. в Парижском Парламенте была зарегистрирована патентная грамота².

Во время Революции системное упразднение институтов «старого режима» коснулось и организаций ученых, в связи с чем все действовавшие академии³ были упразднены [Boissier, 1907], а вместо них законом от 3 брюмера 4 года был учрежден Национальный институт наук и искусств [Zehrfuss, 1995, p. 303]. В период Первой империи значительное влияние на научную сферу оказал закон 10 мая 1806 г., учреждавший монополию на образование и Императорский университет⁴, отмененный только законами 1875⁵ и 1896 гг. [Condette, 2016, p. 99].

² Lettres patentes du Roy. Qui confirment l'établissement des Academies Royales des Inscripton & des Sciences. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86023288/f1.item> (date accessed: 01.09.2025).

³ Наряду с Королевской академией наук к ним относилась Французская Академия (литературное общество) и Академия надписей и изящной словесности (*фр.*: Académie des Incriptions et Belles-Lettres).

⁴ Loi relative à la formation d'une université impériale, et aux obligations particulières des membres du corps enseignant. Available at: http://rhe.ish-lyon.cnrs.fr/sites/default/files/loi_du_10_mai_1806.pdf (date accessed: 01.09.2025).

⁵ Loi du 12 juillet 1875 relative à la liberté de l'enseignement supérieur. Available at: Loi du 12 juillet 1875 relative à la liberté de l'enseignement supérieur (date accessed: 01.09.2025).

В XX в. происходит становление систем регулирования и организации научной деятельности в их современном виде. В 1939 г. принимается декрет о создании Национального центра научных исследований (*фр.*: Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS)⁶, идеология деятельности которого была выработана нобелевским лауреатом по физике Жан Батистом Перреном (Jean-Baptiste Perrin) [Guthleben, 2013]. Создание специализированных научных учреждений актами исполнительной власти продолжилось и после Второй мировой войны. В 1945 г. ордонансом временного правительства учреждается Комиссариат по атомной энергии (Commissariat à l'énergie atomique)⁷, а в 1964 г. — Национальный институт здравоохранения и медицинских исследований (Institut national de la santé et de la recherche médicale)⁸.

Во второй половине XX в. на протяжении долгого времени исследовательская деятельность во Франции регулировалась законом № 82-610 от 15 июля 1982 г. «О направлениях и программе исследований и технологическом развитии Франции»⁹. Значительное влияние как с точки зрения глубины изменений, так и остроты общественного восприятия вызвал закон № 12 от июля 1999 г. «Об инновациях и исследованиях»¹⁰, получивший название «закон Аллегра» по имени своего разработчика Клода Аллегра (Claude Allègre), занимавшего пост министра национального образования, исследований и технологий на рубеже веков. Его основой стал доклад Анри Гийома (Henri Guillaume) о состоянии образования и науки во Франции¹¹, в котором отмечались системные проблемы с трансфером технологий из науки в промышленность и позитивно оценивался американский опыт регулирования аналогичных вопросов, основанный на законе Бэйя — Доула (*англ.*: Bayh–Dole Act) [Malissard *et al.*, 2003, p. 57]. Одним из основных препятствий к коммерциализации результатов научной деятельности были признаны положения принятого в 1983 г. закона лё Пора (*фр.*: Loi le Pors) [Peyrin, 2019, p. 74], приравнивавшего исследователей к служащим и запрещавшего им вести предпринимательскую деятельность.

Закон Аллегра предоставил исследователям — сотрудникам публичных организаций право создавать частные компании или участвовать в них для коммерциализации

⁶ Journal officiel de la République française. Lois et décrets (version papier numérisée) n° 0259 du 24/10/1939 - Texte en accès protégé. Available at: [https://www.legifrance.gouv.fr/download/securePrint?token=@W9Hz\\$Vg!FePRCNH867c](https://www.legifrance.gouv.fr/download/securePrint?token=@W9Hz$Vg!FePRCNH867c) (date accessed: 01.09.2025).

⁷ Ordonnance n° 45-2563 du 18 octobre 1945 instituant un Commissariat à l'énergie atomique et aux énergies alternatives. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000521964> (date accessed: 01.09.2025).

⁸ Journal officiel de la République française. Lois et décrets (version papier numérisée) n° 0167 du 19/07/1964 - Texte en accès protégé. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/securePrint?token=m9qE7CQ4kDtB7FVxZMUB&pagePdf=13> (date accessed: 01.09.2025).

⁹ Loi n° 82-610 du 15 juillet 1982 d'orientation et de programmation pour la recherche et le développement technologique de la France. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000691990/#:~:text=Loi%20n%C2%B0%2082%2D610,technologique%20de%20la%20France%20%2D%20L%C3%A9gifrance> (date accessed: 01.09.2025).

¹⁰ LOI no 99-587 du 12 juillet 1999 sur l'innovation et la recherche (1). Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000759583> (date accessed: 01.09.2025).

¹¹ La Technologie et l'innovation: rapport au ministre de l'éducation nationale, de la recherche et de la technologie, au ministre des finances et de l'industrie et au secrétariat d'Etat à l'industrie. Available at: <https://www.vie-publique.fr/rapport/24588-la-technologie-et-linnovation-rapport-au-ministre-de-leducation-nati> (date accessed: 01.09.2025).

зации своей работы; возможность приобретать права участия была предусмотрена и для государственных исследовательских учреждений. Принятие этого закона радикальным образом усилило коммерческую составляющую научной деятельности и вызвало серьезный протест в научном и образовательном сообществе, выразившийся даже в формировании «комитетов по отставке Аллегра» [Forestier, 2007, p. 235]. Такая резкая общественная реакция впоследствии повторится в начале третьего десятилетия XXI в. в связи с масштабными изменениями в регулировании научно-исследовательской деятельности, речь о которых пойдет далее в настоящей статье. Не менее острую реакцию научной общественности вызвали планы принятия первого закона «О программе научных исследований» в начале 2000-х, вылившиеся в массовое общественное движение «Спасем исследования» (*фр.*: Sauvons la recherche) [Cadiou, Franquemagne, 2012].

В 2006 г. были созданы Национальное исследовательское агентство (Agence Nationale de la Recherche) и Национальное агентство по оценке исследований и высшего образования (Agence d'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur), впоследствии реорганизованное в HCERES (Haut Conseil de l'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur), деятельность которого также станет точкой напряженности в реформе нормативного регулирования исследовательской деятельности в наши дни.

Общая характеристика современного законодательного регулирования научно-исследовательской деятельности

Основу нормативного регулирования научно-исследовательской деятельности во Франции составляет ИК ФР, принятый в 2004 г. в порядке реализации политики по наделению правительства компетенцией по упрощению законодательства. В соответствии со ст. 33 закона 2003-591 от 2 июля 2003 г.¹² правительство было уполномочено подготовить законодательную часть ИК ФР путем принятия ордонанса, упорядочивающего положения ранее действовавших законов.

В соответствии с традицией подготовки кодифицированных актов во Франции, ИК ФР делится на законодательную¹³ (*фр.*: partie législative) и подзаконную¹⁴ части (*фр.*: partie réglementaire), последняя в своей структуре повторяет первую.

Анализируемый кодекс состоит из пяти книг, первая из которых посвящается общей организации исследований и технологического развития. Показательным является закрепление в ст. L.111-1, открывающей ИК ФР, основных направлений национальной политики в рассматриваемой сфере. К ним относятся расширение знаний, обмен научной, технической и промышленной культурой, содействие использованию результатов исследований на благо общества и развитие инноваций, а также продвижение французского языка как языка науки. Закрепляя существую-

¹² Loi n 2003-591 du 2 juillet 2003 habilitant le Gouvernement à simplifier le droit (1). Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000422094> (date accessed: 01.09.2025).

¹³ Номера статей законодательной части начинаются с буквы L.

¹⁴ Номера статьей этой части начинаются с буквы D, если они приняты простым постановлением, либо с буквы R, если они приняты постановлением Государственного Совета Франции.

ющую систему управления наукой, ИК ФР определяет статус Межведомственной миссии¹⁵ «Исследования и высшее образование» (ст. L.113-2), Высшего совета по оценке исследований и высшего образования (ст. L.114-3-1) и Стратегического исследовательского совета, находящегося в ведении премьер-министра (ст. L.120-1).

Во второй книге «Осуществление научных исследований» закреплены основные правила проведения исследований с точки зрения общей научной этики и особенности для отдельных отраслей знания. В ст. L.211-2 закреплены требования научной добросовестности, направленные на обеспечение честности, научной строгости и укрепление доверия с обществом. Государственные исследовательские учреждения обязаны сохранять необработанные результаты научной деятельности, а также каждые два года представлять отчеты о проводимой политике по обеспечению научной добросовестности. Остальные разделы второй книги посвящены правилам исследований в области медицины и биологии человека (раздел 2), экспериментам над животными (раздел 3), использованию генетически модифицированных организмов (раздел 4), а также особенностям исследовательской деятельности в морском пространстве либо с использованием радиоактивных и отдельных химических веществ и проведению археологических исследований, собранным в разделе 5.

Третья книга определяет основы статуса исследовательских организаций. Государственные исследовательские учреждения подразделяются статьей L.311-1 на два основных вида: государственные учреждения административного характера (*фр.*: *Établissement public à caractère administratif*, EPA) и государственные учреждения промышленно-коммерческого характера (*фр.*: *Établissement public à caractère industriel et commercial*, EPIC). Деятельность первых и их отношения с учеными регулируется по преимуществу нормами административного права, а их персонал является в основном государственными служащими (*фр.*: *fonctionnaires*). Вторые в своих отношениях с учеными руководствуются трудовым законодательством, а в финансовых вопросах — преимущественно нормами частного права. К числу EPA относятся государственные учреждения научно-технологического характера, составляющие основу французской фундаментальной науки. К ним, в частности, относятся Национальный центр научных исследований (CNRS) и Национальный институт исследований сельского хозяйства, продовольствия и окружающей среды (INRAE).

Специфической формой организации научного сотрудничества государственных и частных учреждений и организаций является Фонд научного сотрудничества (Fondation de Coopération Scientifique, FCS). Такие фонды являются юридическими лицами частного права и создаются для осуществления исследовательской деятельности.

Отдельный законодательный статус имеет государственное учреждение «Кампус Кондорсе», объединяющее высшие учебные заведения и научно-исследовательские организации в области социальных и гуманитарных наук (глава 5 раздела 4 книги 3 ИК ФР). В его задачи входит, в частности, сбор и распространение документальных ресурсов, поддержка исследовательской деятельности своих членов, способствующая распространению знаний и научной культуры (ст. L.345-2).

В четвертой книге закрепляется статус исследователя и различные формы его отношений с работодателями. Действующее французское законодательство закреп-

¹⁵ Тип координационного органа в системе исполнительной власти Франции.

ляет развитую систему моделей оформления отношений ученого с исследовательскими организациями. Первичная ее дифференциация происходит, как отмечалось, в зависимости от статуса учреждения. В учреждениях типа ЕРА исследователи являются служащими (*фр.*: *fonctionnaires*), в учреждениях типа EPST и частных организациях ученые обладают статусом наемного работника (*фр.*: *contractuels*). Система этих форм была значительным образом изменена в ходе реформы 2020 г., о которой речь пойдет далее в настоящей статье. В наиболее общем виде эти формы можно систематизировать следующим образом. На этапе подготовки диссертации возможны три вида оформления отношений. Для организаций типа ЕРА — докторский контракт публичного права (*фр.*: *Contrat doctoral de droit public*), заключаемый на три года (ст. D.412-2 ИК ФР). Остальные организации заключают с докторантами докторский контракт частного права (*фр.*: *Contrat doctoral de droit privé*), регулируемый положениями Трудового кодекса Франции. Он заключается на три года и может быть продлен дважды при каждом продлении и максимум на пять лет (ст. L.412-3 ИК ФР). Отдельная модель оформления отношений с ученым, осуществляющим подготовку диссертации, предусмотрена для иностранцев, получающих стипендию (*фр.*: *la convention de séjour de recherche*). Такой тип соглашений не является трудовым (ст. L.434-1 ИК ФР).

Для исследователей, находящихся на начальном этапе карьеры, после защиты диссертации существует два типа контрактов, отличающихся также в зависимости от принципиальной модели публично- или частноправовых отношений с организацией. Первые представлены постдокторским контрактом (*фр.*: *contrat post-doctoral*) (ст. L.412-4 ИК ФР), вторые — контрактом на выполнение определенного исследовательского проекта (ст. L.431-5 ИК ФР). Объединяющей чертой этих соглашений является возможность их заключения только в течение трех лет после получения исследователем ученой степени.

Для штатных научных сотрудников государственных учреждений административного характера ИК ФР предусматривает два вида должностей. Первый — научные сотрудники (*фр.*: *chargés de recherche*), подразделяемые на должности обычного (*chargé de recherche de classe normale*) и высшего (*Chargé de recherche hors classe*) классов. Обычный класс включает в себя десять уровней, а высший — семь и один исключительный (ст. R.422-11). Второй вид — руководители (директора) исследований (*фр.*: *directeurs de recherche*). Помимо осуществления научной деятельности, в их задачи входят руководство исследовательской работой и организация коммерциализации результатов исследований. В составе этой группы должностей выделяются второй, первый и исключительный классы (ст. R.422-29). После выхода на пенсию исследователь может претендовать на статус почетного исследователя (*фр.*: *Directeur de recherche émérite*).

Наряду с постоянными должностями, ИК ФР предусматривает и ряд контрактных механизмов, позволяющих привлекать специалистов для выполнения отдельных задач. К ним относятся, в частности, бессрочный контракт публичного права на выполнение отдельного проекта (*фр.*: *contrat à durée indéterminée de mission scientifique*, CDI, ст. L.431-6 ИК ФР) и контракт частного права на отдельный проект (*фр.*: *contrat de projet ou d'opération*). Особым механизмом, внедренным с 2020 г., являются «младшие профессорские должности» (*фр.*: *chaires de professeur junior*, CPJ), представляющие собой имплементацию американской модели “tenure-track” [Mayo, Chhuon, 2014], в которой трудовая деятельность исследователя организу-

ется в два этапа. На первом (срочном) он демонстрирует выполнение определенных в контракте показателей, характеризующих его научные достижения. В случае успешного завершения первого этапа ученый устраивается на соответствующую должность бессрочно (этот этап называется “titularisation”). Во французском праве этот механизм закреплен в отношении научных работников в ст. L.422-3 ИК ФР и предусматривает заключение публично-правового контракта сроком от трех до шести лет на период выполнения исследовательского проекта.

Инженерно-технический персонал подразделяется на пять корпусов от категории С (исполнители) до категории А (руководители): технический ассистент (*фр.*: adjoint technique de la recherche, категория С), техник (*фр.*: technicien de la recherche, категория В1), инженер-ассистент (*фр.*: assistant ingénieur, категория А), инженер по исследованиям (*фр.*: ingénieur d'études, категория А), инженер-исследователь (*фр.*: ingénieur de recherche, категория А).

Пятая книга посвящается валоризации результатов научной деятельности. Эта часть кодекса закрепляет разнообразные правила, направленные на создание организационной и нормативной основы вовлечения результатов научных исследований в коммерческий оборот.

Крупные научные исследования зачастую осуществляются объединением различных исследовательских институтов, в связи с чем неизбежно возникает вопрос принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности и порядка дальнейшего их трансфера в промышленное производство. Обеспечение координации этих действий возлагается на фигуру «единого представителя» (*фр.*: mandataire unique), обеспечивающего управление портфелем РИД от имени всех участников исследования (ст. L.533-1 ИК ФР).

Для реализации политики валоризации РИД законодательно предусматривается возможность создания в учреждениях служб промышленной и коммерческой деятельности (*фр.*: Services d'Activités Industrielles et Commerciales) либо заключение договоров со специализированными коммерческими организациями, которыми могут выступать общества ускорения трансфера технологий (*фр.*: les sociétés d'accélération du transfert de technologies, SATT).

Детальному регулированию со стороны ИК ФР подвергается роль научного персонала в процессе валоризации результатов научных исследований. Исследователям, находящимся на государственной службе, разрешается выступать в качестве учредителей компаний, коммерциализирующих РИД (ст. L.531-1), приобретать корпоративные права в уже существующих организациях и занимать в них управленческие должности (ст. L.531-6), предоставлять экспертные консультации компании по валоризации разработок лаборатории (ст. L.531-8). Любые из форм участия исследователя в частных проектах валоризации осуществляются на основании договора с исследовательским учреждением при сохранении так называемого права на реинтеграцию. С точки зрения служебного законодательства участие в деятельности коммерческой организации может быть оформлено как прикомандирование (*фр.*: détachement), перевод (*фр.*: mise à disposition) или временное освобождение от обязанностей (*фр.*: disponibilité).

Реформирование законодательства о научной деятельности

Современное состояние нормативно-правового регулирования научной деятельности во Франции в значительной степени определяется принятым 24 декабря 2020 г. законом № 2020-1674 «О программе исследований на 2021–2030 годы» (*фр.*: loi de programmation de la recherche, LPR), оформившим наиболее масштабную реформу научно-исследовательской сферы со времен закона Аллегра. Финансовая часть закона, закрепленная в его статьях 1–3, предусматривает общее увеличение государственного финансирования научной деятельности более чем на 25 млрд евро. В части организации науки закон предусматривает введение младших профессорских должностей, бессрочных контрактов публичного права на реализацию отдельных проектов и стажировок иностранных докторантов.

Планы по принятию закона вызвали сильное отторжение значительной части академического сообщества, выразившееся даже в том, что некоторые научные журналы объявили забастовку [*Genèses*, 2020]. Первичными факторами недовольства послужила непрозрачная история появления и разработки законопроекта [*Rioufreyt, Nous*, 2020, p. 49–50], наложившаяся на одновременное обсуждение планов пенсионной реформы и подозрения в намерениях профинансировать мероприятия в рамках LPR за счет снижения пенсионных взносов ученых [*Mascret*, 2020, p. 35].

Многие обратили внимание на неравномерный характер увеличения финансирования науки в течение десятилетия: наибольший его прирост ожидается лишь в последние годы десятилетия. Такое решение ставит под угрозу устойчивость финансирования, поскольку переносит основную ответственность на будущее поколение политиков и ставит ее в зависимость от будущего состояния экономики страны.

Значительно усилило негативное восприятие закона крайне неудачное заявление президента CNRS Антуана Пети (Antoine Petit), который призвал к принятию «амбициозного, неравного и дарвиновского закона», поощряющего конкуренцию научных коллективов. В ответе ведущих французских ученых резко осуждались озвученные призывы к поощрению социального дарвинизма в науке¹⁶. В этом эпизоде очень ярко проявилось фундаментальное неприятие реформы с точки зрения изменения ценностей исследовательской работы и внедрения принципов жесткой конкуренции за государственные средства, которая, по мнению многих французских ученых, не имеет ничего общего с классическим научным соперничеством [*Stiegler, Pébarthe*, 2020, p. 72–73].

Примыкают к этой критике и новые юридические формы отношений исследователей и государственных учреждений. Так, юридическим оксюмороном прозвали институт CDI (contrat à durée indéterminée de mission scientifique) — бессрочный контракт, который на самом деле является срочным и длится до момента окончания работы над проектом. Серьезным раздражителем послужила и внедряемая система младших профессорских должностей, которая в условиях дефицита старших исследовательских должностей была воспринята как способ стратификации внутри исследовательской среды [*Mascret*, 2020, p. 36].

¹⁶ Antoine Petit contesté au CNRS. Available at: <https://www.lemonde.fr/blog/huet/2019/12/12/antoine-petit-conteste-au-cnrs/> (date accessed: 01.09.2025).

Системные проблемы были выявлены в системе оценки результатов научной деятельности, осуществляемой HCERES. В соответствии с положениями LPR, за Высшим советом по оценке исследований и высшего образования был признан статус независимого государственного органа. Однако его деятельность как до 2020 г., так и после становилась предметом обоснованной критики научного сообщества. В 2020 г. директором Совета был назначен Тьерри Кульон (Thierry Coulhon), занимавший до этого должность советника президента Франции по вопросам науки и высшего образования. Он считался одним из авторов реформы, и его назначение на пост руководителя органа, призванного обеспечить беспристрастную оценку научных результатов исследовательских учреждений, вызвало непонимание сообщества ученых.

В 2021 г. Счетная палата Франции провела аудит деятельности HCERES, в отчете о результатах которого указывалось на то, что Совет не обладает достаточным авторитетом в академических кругах, а его работа построена на основе строго стандартизированных референциальных систем и чрезвычайно длительных процедур, ложащихся бременем на исследовательские подразделения, и так перегруженные непрофильными задачами¹⁷. Включение в сферу ответственности HCERES отраслевых исследовательских учреждений, подведомственных другим министерствам, привело к тому, что с 2017 по 2019 г. было подготовлено 5 185 отчетов (по 4–5 отчетов в день), что также было признано Счетной палатой показателем неэффективности и бюрократизированности деятельности Совета¹⁸.

Особую остроту деятельность HCERES приобрела в 2025 г. в ходе так называемой волны E¹⁹. В начале 2025 г. Совет опубликовал предварительные результаты оценки высших учебных заведений, согласно которым четвертая часть программ университетов получила отрицательные отзывы²⁰. Затронутые учреждения выступили с резкой критикой подходов HCERES, указывая на применение сомнительных критериев оценки, основанных на компетентностном подходе²¹, с применением трудоемкой самооценки, основанной на «навязанных количественных показателях»²². Бессмысленность трудоемкой работы по систематизации количественных показателей была отдельно отмечена в заключении профсоюза общеобразовательных и технологических средних и высших школ, указавшем, что вся таблица, подлежащая заполнению, не помещается на девяти экранах (выставленных три на три),

¹⁷ Réf.: S2021-0350 Objet: Le Haut conseil de l'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur (HCERES). Available at: <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2021-06/20210604-refere-S2021-0350-HCERES.pdf> (date accessed: 01.09.2025).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ В целях проведения оценки результатов научной деятельности территория Франции делится на пять частей, обозначаемых буквами с А по Е. Волна Е покрывает территории Иль-де-Франс (исключая Париж), О-де-Франс и заморские территории.

²⁰ Hcéres: tempête dans la vague E. Available at: <https://blog.educpros.fr/julien-gossa/2025/03/03/hceres-tempete-dans-la-vague-e/> (date accessed: 01.09.2025).

²¹ Evaluation HCERES: la pensée tableur en action pour imposer l'approche par compétences dans les formations? Available at: <https://fsu.univ-lille.fr/spip.php?article301> (date accessed: 01.09.2025).

²² Évaluations HCERES: motion du département PIF. Available at: https://informatique.up8.edu/actu/2024-2025.html#2025-02-21_13-12/ (date accessed: 01.09.2025).

а на ее заполнение уходят месяцы²³. Массовое недовольство ведущих университетов вынудило HCERES отозвать материалы оценки, но этот шаг не смог предотвратить развитие кризиса уже в законодательной плоскости. 20 марта группа депутатов Национального Собрания Франции внесла поправку в законопроект «Об упрощении экономической жизни», предусматривающую роспуск HCERES²⁴. Национальное собрание большинством голосов приняло эту поправку, однако в связи с несогласием Сената текст был направлен в согласительную комиссию, на рассмотрении которой он находится на момент написания настоящей статьи.

Заключение

История регулирования французской науки представляет собой постоянный, зачастую болезненный поиск баланса между централизованным государственным патернализмом и конкурентной моделью ее развития, академической свободой и требованиями экономической эффективности, получением фундаментальных знаний и быстрой коммерциализации (валоризации) результатов. Анализ эволюции и современного состояния нормативной регламентации научной деятельности во Франции позволяет выявить несколько закономерностей развития этой сферы общественной жизни.

Первая закономерность заключается в цикличности реформ, цели которых балансируют между двумя полюсами. С одной стороны, наблюдается сильная государственническая традиция, восходящая еще к Кольберу и Наполеону. Она проявляется в создании мощных централизованных институтов, таких как CNRS, и в восприятии ученых как государственных служащих. Эта модель предполагает прямое публичное финансирование и долгосрочное планирование. С другой стороны, с конца XX в. наблюдается внедрение англо-американской модели, основанной на проектном финансировании, поощрении конкуренции между научными коллективами и прямой зависимости оценки научных результатов от их коммерческого потенциала.

Вторая закономерность выражается в наличии системного ценностного конфликта, лежащего в основе социальной напряженности. Протесты против реформ, будь то движение «Спасем исследования» или неприятие LPR 2020 г., вызваны не только частными нововведениями (хотя критика конкретных инструментов вроде «младших профессорских должностей», или CDI, весьма остра), сколько несогласием с навязываемой управленческой логикой. Академическое сообщество защищает принципы коллегиальности и свободы внутренней научной дискуссии от того, что воспринимается как вторжение чуждых критериев эффективности, заимствованных из мира бизнеса. Этот конфликт усугубляется непрозрачностью самих реформ, которые часто разрабатываются кулуарно и спускаются «сверху», что лишь усиливает у ученых чувство отчуждения и недоверия к власти.

²³ Hcéres : derrière le scandale, une nécessaire remise à plat. Available at: <https://sncs.fr/2025/05/27/hceres-derriere-le-scandale-une-necessaire-remise-a-plat/> (date accessed: 01.09.2025).

²⁴ Amendement n°CS1012 Déposé le jeudi 20 mars 2025. Available at: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/17/amendements/0481/CSVIEECO/1012> (date accessed: 01.09.2025).

Третья черта — это прогрессирующая бюрократизация и кризис системы оценки результатов научной деятельности. Парадоксальным образом попытки внедрить более «эффективные» и «гибкие» модели управления приводят к обратному результату — росту формальной отчетности, усложнению процедур и созданию громоздких методик оценки.

Дальнейшее развитие, по-видимому, будет зависеть от того, удастся ли французскому обществу и государству найти органичный путь интеграции науки в экономику, не разрушая при этом ее фундаментальные основы и не подменяя научное соперничество жесткой коммерческой конкуренцией.

Литература

Boissier G. La suppression des académies en 1793 // *Revue des Deux Mondes* (1829–1971). Cinquième Période. 1907. Vol. 40. No. 4. P. 721–751.

Cabrillac R. Les enjeux de la codification en France // *Les Cahiers de droit*. 2005 Vol. 46. No. 1–2. P. 533–545. DOI:10.7202/043852ar.

Cadiou S., Franquemagne G. La place des jeunes chercheurs: L'expérience du mouvement "Sauvons la recherche" // *Mouvements*. 2012. Vol. 71. No. 3. P. 80–91. DOI: 10.3917/mouv.071.0080.

Cattell J.M. The Academy of Sciences // *Science. New Series*. 1902. Vol. 16. No. 416. P. 965–974.

Condette J.-F. Réformer l'Enseignement supérieur français. L'action du recteur d'académie (1896–1968) // *Carrefours de l'éducation*. 2016. Vol. 41. No. 1. P. 99–115. DOI: 10.3917/cdle.041.0099.

Fontenelle B. de. Histoire du renouvellement de l'Académie royale des sciences en 1699, et les éloges historiques de tous les académiciens morts depuis ce renouvellement, avec un discours préliminaire sur l'utilité des mathématiques et de la physique / Ed. M. de Fontenelle. Paris: Vve J. Boudot, 1708. 328 p.

Forestier Y. "Remettre l'éducation à la une des journaux" Bilan des années Allègre (1997–2000) // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2007. Vol. 94. No. 2. P. 231–242. DOI: 10.3917/ving.094.0231.

"Genèses" est en grève // *Genèses*. 2020. Vol. 118. No. 1. P. 3–4. DOI: 10.3917/gen.118.0003.

Guthleben D. 19 octobre 1939: la création du CNRS // *Bibnum*. 2013. No. 21. Available at: <http://journals.openedition.org/bibnum/816> (date accessed: 11.08.2025). DOI: 10.4000/bibnum.816.

Lamouroux S. La codification ou la démocratisation du droit // *Revue française de droit constitutionnel*. 2001. Vol. 48. No. 4. P. 801–824. DOI: 10.3917/rfdc.048.0801.

Lluansi O. Réindustrialiser pour mieux vivre en France: Agir pour tous et sur tous les territoires // *Futuribles*. 2025. No. 465 (mars–avril). P. 39–59. DOI: 10.3917/future.465.0039.

Maletke K. Les traités de paix de Westphalie et l'organisation politique du Saint Empire romain germanique // *Dix-septième siècle*. 2001. Vol. 210. No. 1. P. 113–144. DOI: 10.3917/dss.011.0113.

Malissard P., Gingras Y., Gemme B. La commercialisation de la recherche // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2003. Vol. 148. No. 3. P. 57–67. DOI: 10.3917/arss.148.0057.

Mascret A. LPPR: la défiance plus forte que la promesse de milliards supplémentaires // *Revue française de pédagogie*. 2020. No. 207. P. 29–39. DOI: 10.4000/rfp.9161.

Mayo Jr.J.B., Chhuon V. Pathways to the Tenure Track: Reflections from Faculty of Color on Their Recruitment to a Research University // *International Journal of Educational Reform*. 2014. Vol. 23. No. 3. P. 228–240.

Meunier B. Dessine-moi une Académie! // *La Lettre de l'Académie des sciences*. Printemps-Été Automne-Hiver. 2016. No. 37/38. P. 6–11.

Moessner L. The Influence of the Royal Society on 17th-Century Scientific Writing // *ICAME Journal*. 2009. No. 33. P. 65–87.

Peyrin A. Les recompositions des normes d'emploi public Genèse du recours aux emplois atypiques dans la fonction publique française // *Revue Française de Socio-Économie*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 67–84. DOI: 10.3917/rfse.022.0067.

Rioufreyt T., Noûs C. À la recherche de la LPPR. Mener l'enquête face à la gouvernementalité de l'insaisissable // *Revue française de pédagogie*. 2020. No. 207. P. 49–59. DOI: 10.4000/rfp.9211.

Stiegler B., Pébarthe C. Gouverner, c'est détruire. Ou comment la LPPR détruit la recherche en la finançant // *Revue française de pédagogie*. 2020. No. 207. P. 69–77. DOI: 10.4000/rfp.9236.

Zehrfuss B. L'institut national des sciences et des arts // *Institut de France Histoire des cinq académies / Sous la direction de J. Mesnard*. Paris: Perrin, 1995. P. 303–311. DOI: 10.3917/perri.insti.1995.01.0303.

Legal Regulation of Research Activities in France

ROMAN Y. KOLOBOV

Federal Research Centre “A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”,
Irkutsk, Russia;
e-mail: roman.kolobov@gmail.com

This paper analyzes the legal framework for scientific research in France, tracing the evolution of state support from the Royal Academy of Sciences to modern institutions like the National Center for Scientific Research (CNRS). It highlights a key shift toward the commercialization of research, initiated by the 1999 “Allègre Law,” and provides an overview of current legislation, primarily the French Research Code. The analysis covers the organization of research, the status of scientific institutions, and the various legal statuses for researchers and technical staff. It also examines legislative mechanisms for the valorization (commercial application) of research findings, such as the creation of technology transfer acceleration companies (SATT).

A central focus of the paper is the 2020 Research Program Law (LPR). While this reform increased funding, it also introduced controversial new employment models, including “junior professorships” (CPJ) and fixed-term project contracts, sparking significant public debate. Furthermore, the paper addresses the ongoing crisis in research evaluation centered on the High Council for Evaluation of Research and Higher Education (HCERES).

The analysis concludes by identifying three systemic trends in French science policy: a cycle of reforms alternating between state paternalism and market competition; a fundamental tension between academic ethics and managerial logic; and a growing bureaucratization that accompanies modernization efforts.

Keywords: science, codification, France, modernization, commercialization.

Acknowledgment

The research was carried out within the framework of fulfilment of the state assignment of the Russian Academy of Sciences No. 125013001144-6.

References

- Boissier, G. (1907). La suppression des académies en 1793, *Revue des Deux Mondes (1829–1971), Cinquième Période*, 40 (4), 721–751 (in French).
- Cabrillac, R. (2005). Les enjeux de la codification en France, *Les Cahiers de droit*, 46 (1–2), 533–545 (in French). DOI: 10.7202/043852ar.
- Cadiou, S., Franquemagne, G. (2012). La place des jeunes chercheurs: L'expérience du mouvement "Sauvons la recherche", *Mouvements*, 71 (3), 80–91 (in French). DOI: 10.3917/mouv.071.0080.
- Cattell, J.M. (1902). The Academy of Sciences, *Science. New Series*, 16 (416), 965–974.
- Condette, J.-F. (2016). Réformer l'Enseignement supérieur français. L'action du recteur d'académie (1896–1968), *Carrefours de l'éducation*, 41 (1), 99–115 (in French). DOI: 10.3917/cdle.041.0099.
- Fontenelle, B. de. (1708). *Histoire du renouvellement de l'Académie royale des sciences en 1699, et les éloges historiques de tous les académiciens morts depuis ce renouvellement, avec un discours préliminaire sur l'utilité des mathématiques et de la physique*, Paris: Vve J. Boudot (in French).
- Forestier, Y. (2007). "Remettre l'éducation à la une des journaux" Bilan des années Allègre (1997–2000), *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 94 (2), 231–242 (in French). DOI: 10.3917/ving.094.0231.
- "Genèses" est en grève (2020). *Genèses*, 118 (1), 3–4 (in French). DOI: 10.3917/gen.118.0003.
- Guthleben, D. (2013). 19 octobre 1939: la création du CNRS, *Bibnum*, no. 21 (in French). Available at: <http://journals.openedition.org/bibnum/816> (date accessed: 11.08.2025). DOI: 10.4000/bibnum.816.
- Lamouroux, S. (2001). La codification ou la démocratisation du droit, *Revue française de droit constitutionnel*, 48 (4), 801–824 (in French). DOI: 10.3917/rfdc.048.0801.
- Lluansi, O. (2025). Réindustrialiser pour mieux vivre en France: Agir pour tous et sur tous les territoires, *Futuribles*, no. 465 (mars–avril), 39–59 (in French). DOI: 10.3917/future.465.0039.
- Malette, K. (2001). Les traités de paix de Westphalie et l'organisation politique du Saint Empire romain germanique, *Dix-septième siècle*, 210 (1), 113–144 (in French). DOI: 10.3917/dss.011.0113.
- Malissard, P., Gingras, Y., Gemme, B. (2003). La commercialisation de la recherche, *Actes de la recherche en sciences sociales*, 148 (3), 57–67 (in French). DOI: 10.3917/ars.148.0057.
- Mascret, A. (2020). LPPR: la défiance plus forte que la promesse de milliards supplémentaires, *Revue française de pédagogie*, no. 207, 29–39 (in French). DOI: 10.4000/rfp.9161.
- Mayo Jr., J.B., Chhuon, V. (2014). Pathways to the Tenure Track: Reflections from Faculty of Color on Their Recruitment to a Research University, *International Journal of Educational Reform*, 23 (3), 228–240.
- Meunier, B. (2016). Dessine-moi une Académie!, *La Lettre de l'Académie des sciences*, no. 37/38, 6–11 (in French).
- Moessner, L. (2009). The Influence of the Royal Society on 17th-Century Scientific Writing, *ICAME Journal*, no. 33, 65–87.
- Peyrin, A. (2019). Les recompositions des normes d'emploi public Genèse du recours aux emplois atypiques dans la fonction publique française, *Revue Française de Socio-Économie*, 22 (1), 67–84 (in French). DOI: 10.3917/rfse.022.0067.
- Rioufreyt, T., Noûs, C. (2020). À la recherche de la LPPR. Mener l'enquête face à la gouvernementalité de l'insaisissable, *Revue française de pédagogie*, no. 207, 49–59 (in French). DOI: 10.4000/rfp.9211.
- Stiegler, B., Pébarthe, C. (2020). Gouverner, c'est détruire. Ou comment la LPPR détruit la recherche en la finançant, *Revue française de pédagogie*, no. 207, 69–77. DOI: 10.4000/rfp.9236 (in French). DOI: 10.4000/rfp.9236.
- Zehrfuss, B. (1995). L'institut national des sciences et des arts, in J. Mesnard (Dir.), *Institut de France Histoire des cinq académies* (pp. 303–311), Paris: Perrin (in French). DOI: 10.3917/perri.insti.1995.01.0303.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МИХАИЛ ОЛЕГОВИЧ ПИСКУНОВ

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Лаборатории
междисциплинарных исследований пространств
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Россия;
e-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РАКОВ

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Лаборатории визуальной истории
научно-исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: t.n.rakov@hse.ru

Леса сибирских академгородков и наследие советской большой науки (1950–2010-е)

УДК: 001+630.6(091)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-206-229

Статья посвящена истории взаимодействия городских лесов и локальных сообществ новосибирского и красноярского академгородков. Понимая леса этих поселений как расширенное городское пространство, авторы делают срез основных социально-экономических тенденций внутри академических сообществ на протяжении позднесоветского периода и слома первых постсоветских десятилетий. Авторы, опираясь на архивные и опубликованные источники, местную прессу, материалы собственных полевых работ в этих академгородках, делают вывод, что леса в городах науки выступают как продолжение и замена общественных пространств и являются для местных жителей общим благом. Текст построен как история зеленого строительства в каждом из академгородков, его связи с локальными политическими и экономическими контекстами: ведомственным характером советской академической науки, возможностями местных ученых привлекать поддержку региональных лидеров и готовности трудовых коллективов НИИ добровольно заниматься благоустройством. Далее статья охватывает постсоветский период, в который зеленые территории академгородков становятся

предметом интереса местных и федеральных застройщиков. Противостояние точечной застройке и федеральным проектам развития в академгородках вызывает к жизни активистские группы, которые благодаря своему упорству и экспертизности с переменным успехом противостоят коммодификации территорий.

Ключевые слова: социальная история науки, академгородки, наукограды, М.А. Лаврентьев, городские леса, зеленое строительство, активистские сообщества, джентрификация.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 25-78-10152 «Региональные территориальные комплексы науки и технологий в позднем СССР и постсоветской России (1970–2010-е годы): коммерциализация, кластеризация и средовые решения», <https://rscf.ru/project/25-78-10152/>

Введение. Зеленые пространства сибирских академгородков и пространства науки

Написание истории науки в большинстве случаев тяготеет к одной из трех траекторий: институциональная история крупных организаций, биография выдающихся ученых или история научных открытий. Обращение к «пространственному повороту» в гуманитарных науках [Baron, 2007], анализ научного производства вместе с изучением возникающей вокруг него повседневной среды ставит вопрос об особенностях ученых именно как социальной группы. Пространство — это богатая метафора, которая позволяет смотреть на науку не только как на идеи или социальный статус ученых, но и на ее физическое воплощение: здания НИИ, кампусы университетов, зоны наукоемких производств (см.: [Galison, Thompson, 1999]). В этой статье мы обращаемся к городским лесам сибирских академгородков как разновидности городского общего блага и тому, как их организация и поддержание структурирует научные/общественные сообщества новосибирского и красноярского академгородков.

Сибирские академгородки возникают в течение 1950–1970-х гг. Организация их пространства строится вокруг трех принципов: удаленности на момент строительства от центров соответствующих городов, одновременно функционального и социально-меритократического зонирования территорий, а также городских лесов как ландшафтной доминанты города ученых. Каждый из четырех академгородков (в Новосибирске, Иркутске, Красноярске и Томске) и является продолжением своего города, и удален от него на 5–20 км. В историографии и мемуарах такое расположение приписывают решению академика М.А. Лаврентьева, который, выбирая место под будущий Новосибирский Академгородок, руководствовался идеей, «чтобы городок науки не растворился в большом городе»¹.

Со времен работ Чикагской школы и особенно А. Лефевра очевидно, что зонирование городского пространства — это не случайный и не естественный феномен

¹ Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 129.

[Чикагская школа социологии, 2015; Lefebvre, 1991, 1996, 2003]. Циркуляция потоков рабочей силы, товаров, капиталов задает рамки, вокруг которых формируются современные города. При этом Лefевр полагал, что социализм советского типа не создал свою специфическую городскую форму, а использовал шаблоны капитализма. Напротив, городской историк К. Зарекор считает социалистические города фактом, а главную их особенность видит в том, что эти города сознательно проектировались не только как вместилища труда и экономики, но и как пространства социалистической трансформации людей [Zarecor, 2018].

При таком взгляде помимо заводов и общественного транспорта, привозившего на них рабочих, важны площади и проспекты, по которым советский рабочий шел в колонне демонстраций, пионерские лагеря, которые посещали его дети, клубы и дома культуры, в которых отдыхал он сам, — словом, пространства, проходя которые советский человек должен был обрести социалистическую сознательность. Здесь проявляется особость академгородков. Политические городские иерархии в них замещены ведомственными академическими иерархиями, а место общественных пространств занимает лес. Жилые дома, институты и общественные здания буквально погружены в лесные массивы. Мы полагаем, что история этих лесных массивов может быть ключом к социальной истории и динамике сибирских городков науки, и шире — советских ведомственных наукоемких пространств.

Мы хотим оттолкнуться от идей Г.И. Ревзина о советских наукоградах [Ревзин, 2020]. С точки зрения Ревзина, лес Новосибирского и других академгородков является случайным историческим наследием, ставшим традицией. Когда в середине 1930-х гг. создавался первый в СССР наукоемкий моногород Жуковский, то в черту его застройки случайно попали дачи бывшего города-сада Кратово, а также лес, отделявший Жуковский от аэропорта Раменское. Далее дачи и лес становятся обязательным атрибутом образа жизни ученых-естественников и дополнительно закрепляются в закрытой системе атомоградов, в которых опасные работы с радиацией требовали защитной лесополосы между промзоной и жилыми домами. Наконец, в условиях низкоэтажного строительства лес атомных городов осуществлял еще и функцию прикрытия от возможной аэрофотосъемки территорий самолетами-шпионами.

Не оспаривая эти технологические моменты, мы полагаем, что у академгородковских лесов есть своя собственная историческая динамика, связанная с общественной жизнью их поселений. Классический подход Лefевра к исследованию городского пространства предполагает внимание: 1) к планам и проектам территорий; 2) к способам их обживания, повседневным практикам людей; 3) к репрезентации пространств, которые выражают субъективный опыт жителей [Lefebvre, 1991, p. 33]. Эту лefевровскую триаду мы хотим далее проследить на материале истории городских лесов академгородков в Новосибирске и Красноярске на протяжении двух периодов — от героики основания и освоения в 1950–1980-х гг. до трудной трансформации в 1990–2000-е. Наши изыскания основаны как на работе с архивными и опубликованными источниками (пресса, воспоминания, краеведческая литература), так и на материалах четырех полевых экспедиций в эти поселения в 2021–2024 гг. Выбор именно этих академгородков как предметов исследования обусловлен высокими в последние полвека темпами развития Новосибирска и Красноярска. Это развитие помещает академические леса в центр дискуссии о городском развитии и позволяет вскрыть связанные с ними социальные контексты.

Зарождение и кризис академических лесов в Новосибирском Академгородке

Новосибирский Академгородок, строительство которого началось в конце 1950-х гг., стал самой известной попыткой воплотить на просторах Сибири идею о соединении пространственной организации «большой науки» с принципами модернистской городской планировки, включающей большие озелененные пространства. В середине-конце 1950-х гг. советская строительная мысль находилась под влиянием Постановления об излишествах 1955 г., которое покончило со сталинским большим стилем и создало условия для выработки новых эстетических оснований [Хмельницкий, 2006, с. 319–355]. Вслед за выходом этого нормативного текста на страницах профессионального журнала «Архитектура СССР» начинается обсуждение теоретических вопросов, в том числе какими принципами должен руководствоваться советский архитектор и каковы основные тенденции зодчества современности. Во втором номере журнала за 1962 г. появляется статья, в которой Новосибирский Академгородок за примененный в нем способ функционального зонирования территорий и бережное отношение к рельефу осмысливается как пример нового подхода к архитектуре².

При этом, как отмечает Р.С. Бугаев, парой годов ранее, в 1959 г., в Академии архитектуры и строительства СССР имело место интенсивное обсуждение двух проектов сибирского города науки — от Ленгипростроя Министерства среднего машиностроения и от Новосибиргорпроекта совместно с ГИПРОНИИ АН СССР. По итогам обсуждения «атомный» проект, воплощавший опыт строительства минсредмашевских поселений, отвергли за «жесткость и геометризм», и не без оговорок приоритет был отдан конкурентам, которые предпочитали более свободную планировку [Бугаев, 2023]. Таким образом, Академгородок уже на стадии своей организации позиционировался не только как место новой науки или новой оттепельной Сибири, но и как новое, организованное на иных принципах, чем сталинская архитектура, городское пространство. Эту претензию выразило в том числе присуждение в 1967 г. коллективу архитекторов ГИПРОНИИ и Новосибиргорпроекта первой Государственной премии РСФСР по архитектуре³.

Спустя десятилетие специалисты также отмечали значение пространственного замысла города науки в области зонирования территории и использования лесных массивов. Архитектура Академгородка была стандартной — нестандартной была ее комбинация с природой. Авторитетная «Всеобщая история архитектуры» 1975 г. описывает последнюю следующим образом:

«Предпосылки для развития полноценной городской среды создавало само расположение “города науки” в здоровой и живописной среде на берегу огромного Обского водохранилища среди крупного лесного массива. Система функционального

² Павличенков В. Практика новой застройки городов Сибири // Архитектура СССР. 1962. № 2. С. 21–28.

³ Постановление Совета Министров РСФСР «О присуждении Государственных премий РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры» // Электронная библиотека исторических документов. Режим доступа: www.docs.historyrussia.org/ru/nodes/406596-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-o-prisuzhdenii-gosudarstvennyh-premiy-rsfsr-1967-goda-za-vydayushchiesya-proizvedeniya-literatury-iskusstva-i-arhitektury-26-dekabrya-1967-g-locale-nil-945 (дата обращения: 25.03.26).

зонирования городской территории была осуществлена в соответствии с ее санитарно-гигиеническими и эстетическими качествами. <...> Застройка вписана в живописный абрис участков, свободных от лесного покрова. Лесные массивы сохранены в максимальной степени; они покрывают половину селитебной территории, их полосы пронизывают тело города. Связанные анфиладно, разнообразные по композиции жилые группы микрорайонов komponуются вокруг рощ. Клинья леса входят в жилые дворы, подступают к зданиям и через разрывы в застройке соединяются с естественными парками и лесопарками»⁴.

Таким образом, для советских архитекторов 1950–1970-х гг. лес Академгородка становится способом выразить новые подходы к градостроительству, провести функциональное зонирование и осуществить разрыв с интеллектуальным наследием сталинской архитектуры.

Освоение пространств Академгородка, в том числе природных, его жителями шло в параллельной архитекторам логике, в которой переплетались вопросы власти и управления ресурсами. Документы научного архива Отделения показывают, что оргкомитет СО АН и затем его Президиум с самого своего появления уделяли большое внимание местным лесам. Так, одним из острых вопросов первых лет Академгородка был конфликт между строителями и представителями Сибирского отделения по поводу масштабов вырубок деревьев в ходе строительства.

Если на первых порах М.А. Лаврентьев и другие основатели, скорее всего, имели общее с архитекторами виденье пространств города науки, то затем защитники местных лесов обрели собственную субъектность: в конце 1957 г. в структуре Центрального Сибирского ботанического сада СО АН была создана Лесозащитная опытная станция (ЛОС), позже переданная в непосредственное подчинение Президиума Отделения. Сотрудниками станции, которая в течение первого десятилетия выросла до организации в несколько десятков человек, были ботаники и лесоведы, а их функции заключались в менеджменте зеленых территорий Академгородка — в наблюдении и уходе за деревьями, в создании новых озелененных территорий, в контроле за поведением в лесу и даже в проведении ландшафтных архитектурных работ.

Одна из первых задач, которую поставила себе ЛОС, — надзор за строительством городка. Сотрудники станции воздействовали на строителей через публичные собрания с участием ботаников, публикацию материалов в газете строителей «Академстроевец», а также прямыми угрозами прекращения оформления разрешений на необходимые для строительства зданий и прокладку коммуникаций рубки деревьев⁵. Конфликт между сотрудниками ЛОС и строителями разворачивался и вокруг некоторых практик, сопровождавших стройку и затрагивавших прилегающие территории. Для строителей было естественным размещать технику и санитарно-бытовые службы вокруг застраиваемых участков, однако работники ЛОС в своих жалобах в Президиум СО АН описывали это как «захламенение леса остатками от лесозаготовок и просто беспорядочное сваливание строительного мусора,

⁴ Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1. Л.: Стройиздат, 1975. С. 523–524.

⁵ Научный архив СО РАН. Ф. 10: Президиум СО РАН. Оп. 3. Д. 84: Деятельность ЛОС. Л. 2.

неурегулированное движение по лесу автомашин и других механизмов, а также ряд других нарушений»⁶.

Конфликт между ботаниками и строителями был не единственным противостоянием вокруг леса, сопровождавшим раннюю историю Академгородка. Жители города науки также по-своему обживали и присваивали окружавшее их зеленое пространство. Проанализировать различные тактики взаимодействия с лесом мы можем по их фиксации как *порוצаемых* в официальном периодическом издании городка — «За науку в Сибири», а также в их отражении в воспоминаниях горожан.

Так, в одном из номеров газеты журналисты в очень дидактическом тоне описывают обращение горожан с лесом. В статье под названием «Не будьте варварами» перечислялся целый спектр повседневных практик, которые осуждались авторами как наносящие урон лесу. В частности, горожане использовали деревья возле своих домов в качестве столбов для бельевых веревок, а детсадовцы и пионеры собирали верхушки деревьев для создания «живых уголков». Были отмечены случаи браконьерской охоты на косуль в окрестностях, а также эгоистическое поведение некоторых ученых — часть сотрудников Института экспериментальной биологии и медицины (ИЭБМ) обвинялись в использовании лесопосадок для строительства сарая⁷. Насчет последнего обвинения стоит отметить, что как раз в описываемое время между М.А. Лаврентьевым и директором ИЭБМ Е.Н. Мешалкиным произошел острый конфликт, закончившийся изгнанием последнего и его института из состава Сибирского отделения. То есть использование в тексте статьи характеристики «вредительское» для описания отношения к лесу («общему благу») сотрудников именно этого научного коллектива могло быть в том числе метафорой параллельного внутриведомственного конфликта в Академгородке.

Сотрудники ЛОС имели и позитивную программу менеджмента городских лесов. Она нашла отражение в таком документе 1966 г., как «Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР». «Генеральная схема» не просто подводила некоторый промежуточный итог наблюдению за состоянием леса, но и предлагала комплекс мер по его менеджменту. Некоторые лесоведы представляли даже своего рода упразднение леса через, например, превращение его в парк⁸. Наиболее активными работами по управлению лесными насаждениями в Академгородке стали с приходом на должность заведующего ЛОС ботаника И.В. Тарана в 1965 г. В научных публикациях Тарана и его коллег по ЛОС заметно, что они смотрят на лес как на комплексную пространственную и урбанистическо-природную систему. Пространственно все леса в городке и вокруг были поделены на пять зон, выделенных в зависимости от характера произрастающей на них растительности, близости к жилой зоне городка и степени воздействия на них человека⁹. Этот подход ЛОС находил поддержку академика Лаврентьева и других членов Президиума, так как с назначением Тарана финансирование увеличилось в

⁶ Там же. Л. 9.

⁷ *Потатьев В.* Не будьте варварами! // За науку в Сибири. 1962. 10 апреля. № 15. С. 2.

⁸ Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. Новосибирск: ЦСБС СО АН СССР, 1967. С. 68.

⁹ *Таран И.В., Спиридонов В.Н.* Устойчивость рекреационных лесов. Новосибирск: Наука, 1977. С. 141–142.

три раза, а сам заведующий стал частым гостем на заседаниях Президиума СО АН¹⁰. Всего ЛОС реализовала две «генеральные схемы» — 1960–1975 и 1988–1993 гг., итогом чего стала высадка нескольких сотен тысяч деревьев и кустарников [Жимулев, 2007, с. 6].

Созданные в советский период репрезентации Академгородка и его леса укладываются в дискурс архитектурной, городской и региональной рациональности. Если для архитекторов Новосибирский Академгородок помещается в дискурс нового советского города, в котором рациональное зонирование исправит ошибки нечувствительного к особенностям рельефа высокого модернизма предшествующего периода, то для региональной городской политики Академгородок — это пример новой Сибири, которая отныне не только место наказания или источник ресурсов, но и пространство производства знаний. А интеллектуальный труд требует комфорта жизни и отдыха, в перечне условий для которых фигурирует и лес для прогулок ученых. Получается устойчивый семантический ряд: новая городская (интеллектуальная!) Сибирь и городской лес как часть ее необходимой инфраструктуры. В одной из первых публикаций главной сибирской газеты «Советская Сибирь» корреспондент рисует будущий Академгородок через сочетание леса и типовых рациональных решений:

«Город будет, во-первых, красив и, во-вторых, максимально удобен для жителей. <...> Мы должны сразу огорчить поклонников тяжеловесных колоннад и пронзительных шпилей: жилые дома будут сооружаться исключительно по типовым проектам, а здания институтов — либо по типовым, либо по повторным. <...> В городке будет много зелени. Ведь из тысячи двухсот с лишним гектаров, отведенных под строительство, около шестисот занято лесными массивами и рощами. Большая часть из этого зеленого богатства будет сохранена, превратится в лесопарковую зону, в отдельные сады и скверы. <...> Красоты природы и плоды человеческого труда будут счастливо сочетаться в комплексе научного городка, определяя его внешний облик»¹¹.

В свою очередь в переговорах руководителей Академии с государственными лидерами переезд ученых из столиц в Сибирь обосновывался как стратегическими соображениями, так и грядущими планами гигантского развития края, интеллектуальное сопровождение которого должно обеспечить Сибирское отделение АН СССР¹². В конечном итоге М.А. Лаврентьев обобщил все эти репрезентации в своей каноничной формуле «город-лес». В 1967 г. в интервью корреспонденту «Литературной газеты» академик набросал такой образ ближнего будущего региона:

«Город с населением больше миллиона, согласитесь, неприятен для жизни. Для Сибири достаточно четырех-пяти гигантов. Лучше иметь комплексы небольших городов, расположенных на относительно близком расстоянии друг от друга. Не “город-сад”, а скорее “город-лес” — вот что станет отличительной чертой “сибирской архитектуры”. В этих городах не будет дыма. Промышленность будет размещена за

¹⁰ Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015, С. 65.

¹¹ Город будет, саду цвести! // Советская Сибирь. 1957. 28 декабря. № 302. С. 3.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 3: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «Записка академиков Лаврентьева и Христиановича». 10 января 1957 г.

городской чертой. Вся бытовая техника электрическая. Это тоже чисто сибирский вариант: ведь у нас здесь огромные запасы дешевой электроэнергии»¹³.

Эти устремленные в будущее репрезентации выделяются высоким полетом мысли их авторов, принадлежащих к привилегированным группам советского общества, — это ученые, архитекторы, журналисты центральной прессы. Историк науки Е.А. Долгова отметила, что создание Академгородка сопровождалось беспрецедентной в истории российской/советской науки рекламной кампанией [Долгова, 2024, с. 238]. Недавняя монография другого историка науки К. Татарченко целиком посвящена советским репрезентациям сибирского города науки и их взаимно усиливающимся связям с общими образами макрорегиона [Tatarchenko, 2024]. Но эти образы за редкими исключениями создавали «генералы» от науки и идеологии. В местной прессе они уже только транслируются, используются как руководство к действию и дисциплинированию жителей. Сотрудники ЛОС и волонтеры от лица Президиума СО АН и комсомольской организации с высоты своего фуколдианского «власти-знания» поучают людей, как именно те должны отдыхать в лесу — какие активности допустимы (собирать грибы), а какие являются «варварскими» (рвать цветы).

Отслеживая, кто и как создает репрезентации города науки, мы видим, как профессиональные и ведомственные иерархии пронизывают и его лесные пространства. Лес принадлежал вертикально организованной Академии наук в той же мере, в какой ей принадлежали жилые дома и рабочие места. Конфликт между строителями и учеными не ограничивался только моментом основания Академгородка, он продолжался как скрытое неравенство на протяжении всей истории поселения. Так, академики СО АН жили в коттеджах на лесных опушках, проживавшие в малоэтажных многоквартирных домах Верхней зоны сотрудники НИИ и их дети имели лес в шаговой доступности, однако строители и члены их семей, жившие в многоэтажках микрорайона Щ, для пользования организованной природной инфраструктурой уже были вынуждены ехать на общественном транспорте или идти 30–40 минут. Это социальное напряжение, прикрытое утопическими репрезентациями города науки и советским оттепельным культом молодежи и ее энтузиазма, в открытой форме проявилось уже в постсоветский период.

* * *

Кризис и последующее крушение советской системы планового хозяйства и интегрированной в нее государственной академической науки в Новосибирске принял в том числе пространственные формы. Как дендрологи по коре деревьев могут определять фазы благоприятной и неблагоприятной для дерева окружающей среды, так и в состоянии рукотворных городских лесов Академгородка отражаются происходящие вокруг них социальные процессы. И.Ф. Жимулев в монографии 2007 г. о природе Новосибирского научного центра так характеризовал общие процессы в местной флоре: «...в последние 10–15 лет зеленое хозяйство Академгородка стало приходить в упадок. Прекратила свое существование ЛОС, как следствие, — прекратились не только посадки деревьев и кустарников, но даже и просто уход за территорией: происходило быстрое неконтролируемое зарастание верхней зоны, окружающие леса стали превращаться в свалки мусора. Перестали проводиться даже наиболее

¹³ С точки зрения оптимиста // Литературная газета. 1967. 5 ноября. № 45. С. 15.

необходимые мероприятия, такие как удаление древесного сорняка — американского клена, разросшегося по всей территории, особенно по окраинам, расчистка лесов от сухостоя. Перестали привлекать птиц и белок — искусственные гнездовья не вывешивали около 25 лет» [*Природа Академгородка*, 2007, с. 21].

Этот упадок не был одномоментным и не являлся порождением чьей-то злой воли. Городские леса стали первой жертвой ведомственного ослабления некогда всемогущей в поселении Академии наук. Фактически Лесозащитная опытная станция СО РАН не прекратила свое существование по сей день, но у нее шаг за шагом отпадали зоны ответственности, полномочия и сокращался персонал. Были и контртенденции, когда с подачи руководителя СО РАН академика В.А. Коптюга с начала 1990-х гг. была запущена «Экологическая программа Новосибирского научного центра», которая увязывала работы специалистов ЛОС с экологическими исследованиями коллективов отдельных НИИ Академгородка¹⁴. За счет этой программы даже в самые тяжелые времена удавалось поддерживать уход за местными лесами. Однако принятый в 1997 г. Лесной кодекс РФ не предполагал безвозмездной аренды леса организациями и объединениями, а платить за них Академия не могла. Начался процесс передачи лесных участков Академгородка муниципалитету, а ЛОС СО РАН сменился новосибирским «Горзеленхозом», чьи возможности и экспертиза специалистов были несопоставимы.

Передача лесов была частью более широкого процесса демонтажа в постсоциалистической России ведомственных механизмов управления территориями. В случае Академгородка это осложнялось тем, что Академия наук со всеми ее территориальными отделениями — это федеральное учреждение, и, соответственно, все ее имущество и земли тоже принадлежат Российской Федерации, что делает процесс муниципализации мучительно долгим и запутанным (фактически этот процесс в Академгородке продолжается и по сей день).

При этом самый острый социальный вопрос сибирского города науки с советских времен — жилищный. Исследователи фиксируют жилищные проблемы уже на рубеже 1960–1970-х гг. [*Кузнецов*, 2015], а к 1980-м гг. ситуация с нехваткой жилья при избытке желающих жить и работать в Академгородке только ухудшилась [*Артемов*, 1990]. В рыночные времена обнищание научных сотрудников при растущем стремлении предпринимателей переехать в комфортную городскую среду создало для Академгородка остро ощущающуюся местными жителями перспективу стать привилегированным спальным районом Новосибирска. Пытаясь замедлить джентрификацию Новосибирского научного центра, председатели СО РАН академики В.А. Коптюг и Н.Л. Добрецов на протяжении 1990-х — первой половины 2000-х гг. тормозили приватизацию жилья на подведомственной им территории, чем только обострили социальное противоречие между не имеющей своего жилья академической молодежью и относительно комфортно устроенными руководителями среднего и высшего уровня. Чересполосица федеральных и муниципальных земель в поселении, с одной стороны, делала затруднительным заход сюда коммерческих застройщиков, а с другой, превращала именно лесные массивы в первоочередные цели для застройки.

В 2006 г. были опубликованы планы масштабной застройки Верхней зоны Академгородка в рамках совместного проекта федерального правительства и СО РАН

¹⁴ Экология ННЦ // Наука в Сибири. 1991. 11 марта. № 11. С. 3.

по созданию технопарка. На 136 га внутренних лесов должны были появиться технопарк, жилые дома, гостиница, конгресс-холл и другие здания [*Природа Академгородка*, 2007, с. 21–24]. Это привело к довольно крупным акциям протеста горожан, недовольных перспективой вырубок городских лесов в научном центре. Образовалась неформальная активистская группа «Защитим город-лес Академгородок», которая вместе с другими группами местных сообществ начала кампанию за перенос технопарка в другое место, а также инициировала несколько историко-культурных экспертиз для того, чтобы признать центр Академгородка объектом культурного наследия. Чуть ранее развернулась борьба против санкционированного СО РАН строительства жилых домов в лесу по проспекту Коптюга, а в конце 2000-х гг. еще одной «горячей точкой» стала лесная территория возле НГУ, предназначенная для строительства нового корпуса университета.

Изнурительная социальная и административная борьба между местными жителями, руководителями СО РАН и НГУ, муниципальными и городскими властями привела к противоречивым результатам: 1) при минимуме вырубленных деревьев технопарк был построен на окраине микрорайона Щ, чем придал мощный импульс развитию территории; 2) высотные жилые дома на проспекте Коптюга и новый корпус Новосибирского университета были построены там, где и задумывались; 3) в 2014 г. новосибирское областное управление по охране объектов культурного наследия внесло в государственный реестр достопримечательное место «Новосибирский Академгородок» площадью 1 020 га¹⁵.

Костяк активистской группы «Защитим город-лес Академгородок» и союзных ей сообществ составили сотрудники институтов Сибирского отделения, не являющиеся молодыми специалистами, но и не относящиеся к научному истеблишменту. Из фигурирующих в СМИ шести имен — это Наталья Прийдак, Татьяна Кунина, Наталья Шамина, Екатерина Зюбина, Лев Шепелянский, Игорь Жимулев — только двое (Шамина и Жимулев) относились к руководителям уровня заведующих лабораториями и директоров институтов. Сформированное ими сообщество существует по сей день, составив рекорд долгожития и укорененности подобных организаций. Изучавшие структуру активистских сообществ Новосибирска социологи охарактеризовали его как «самое сильное и длительно функционирующее полиядерное сообщество» города:

«Оно сформировалось не позже начала 2000-х гг. Первая акция сообщества — сопротивление строительству жилого комплекса в лесном массиве внутри Академгородка (2000 г.). <...> В его состав входят Ландшафтный совет Академгородка; общественное движение “В защиту лесов!”; инициативная группа “Защитим город-лес Академгородок!”; экологи-активисты (включая экордикалов) и разделяющие их позицию жители; сообщество Интегрального музея-квартиры Академгородка; молодые урбанисты, уже менее вовлеченные в конфликтную повестку, чем другие. Все сообщества обладают высоким мобилизационным потенциалом и способностью к кооперации в ситуации угрозы

¹⁵ Новосибирский Академгородок включен в реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации / Правительство Новосибирской области. Режим доступа: www.nso.ru/news/15364 (дата обращения: 03.03.2026).

разделяемым ценностям и действиям друг против друга, когда видения настоящего и будущего Академгородка не совпадают» [Скалабан и др., 2022, с. 45–46].

Ценности, проявлявшиеся в конфликтах 2000–2010-х гг. вокруг деревьев и курстарников, выводят нас на современные постсоветские репрезентации Академгородка. В отсутствии конвенционально признаваемого лидера или авторитета вроде академика Лаврентьева именно городские конфликты выступали триггером для производства обобщенных высказываний о городе науки, его миссии и его перспективах. Леса Академгородка усилиями местных экологов и градозащитников из рекреационной или эстетической инфраструктуры города превратились в «место памяти». Французский историк П. Нора отмечал, что для того, чтобы локация стала местом памяти, ей или связанным с нею смыслом нужно оказаться под угрозой исчезновения. Он пишет: «Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом <...> когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [Нора и др., 1999, с. 17].

Утопический образ Академгородка, связанный с деятельностью поколений его основателей, к 1990-м гг. утратил свое значение, а эмиграция ученых и возникающие новые деньги и их носители поставили под сомнение ценность производства знаний о природе. На последнее десятилетие XX в. в Академгородке приходится и начало мемуарного бума (в наши дни более сотни таких сочинений хранятся в фондах ГПНТБ СО РАН), т. е. старшим поколениям местных жителей стало важно осмыслить свой опыт и передать его потомкам. Деревья, однако, в смысле триггера коллективной памяти могут выступать даже лучше текстов. Не способные эмигрировать, живущие дольше людей, заставшие М.А. Лаврентьева, С.Л. Соболева, С.А. Христиановича и других академиков, сосны постсоветского Академгородка стали свидетельством той оттепельной сибирской «Атлантиды», как ее обозначил историк П. Джозефсон [Josephson, 1997]. В свою очередь зарастание леса сорняками, захламление мертвыми деревьями, наконец, планы вырубить какие-то площадки ради коммерческого девелопмента — воплощенная в жизнь метафора того, что жизнь в «республике СОАН» сильно переменялась.

Показательно, что лесозащитники Академгородка взяли на вооружение именно лаврентьевскую цитату про «город-лес» — вплоть до того, что одна из их активистских групп носит такое название. В спорах с представителями властей разных уровней, руководством Сибирского отделения, застройщиками они напирают не только на рекреационную или экологическую ценность леса ННЦ, но и на то, что архитектурный и зональный облик Академгородка — это задумка академика Лаврентьева и его соратников. Соответственно, вырубка и застройка зеленых территорий — это шаг против наследия академиков-организаторов. В репрезентации экологов Академгородок и его леса — это и память, и общее благо, которые находятся под ударом сил рынка (строительные компании) и неправильных руководителей (Новосибирска, СО РАН). А.В. Соболевский, сотрудник Президиума СО РАН, на протяжении двух десятилетий курирующий информационную политику Отделения, так суммировал дискурсивные средства своих оппонентов-лесозащитников:

«К настоящему времени накопилось множество мифов и мемов по поводу “лаврентьевского города-леса”. Еще мемы: “варварские вырубki”, “красно-книжные виды”, “реликтовый Пироговский (Приобский, Шлюзовской, Мешалкинский, нужное подчеркнуть) бор”. Мифы: “Академгородок строился среди густого леса (коренного/ленточного бора, сибирской тайги)”, “Строители берегли каждое дерево”, “Чтобы спасти рощу, скривили улицу (Терешковой)”, “Лаврентьев выселял из Академгородка в 24 часа за погубленное деревце (белочку, цветочек)”»¹⁶.

Это изложение является саркастическим по форме, но оно ухватывает два уровня описания городских лесов в современном Академгородке: как природное (объективное) и культурное (историческое) наследие. Подобная коммуникативная стратегия активистов, по-видимому, была довольно успешна, так как против наследия академиков-основателей не выступит ни один руководитель или общественный деятель, а значит, повестка лесозащитников хотя бы отчасти становится всеобщей повесткой в поселении. Более того, в указанном тексте Соболевский, как и некоторые другие авторы на платформе *Академгородок 2.0* (ресурс, созданный в конце 2010-х гг. для обсуждения перспектив Академгородка), вступают в полемику с активистами именно на поле истории, пытаясь переопределить, в чем именно состоит историческое и культурное наследие 1960–1970-х гг. Это дополнительно стимулирует дискуссии об исторической памяти поселения, которая бурно цветет на местных обширных мемуарном и юбилейном фондах.

Перенос новосибирской модели в Красноярск и цветущая сложность локальных акторов

Появление Красноярского Академгородка связано с именем академика Л.В. Ки-ренского. Заведая кафедрой физики и лабораторией магнетизма в Красноярском педагогическом институте, он сумел убедить как М.А. Лаврентьева, так и столичное академическое начальство создать на базе его коллектива первый в Сибири академический физический НИИ [Чистяков, Смолин, 1981]. Москва в 1956 г., т. е. еще до начала эпопеи академгородков в Новосибирске и Иркутске, выделила на институт деньги, а Красноярск — 100 га земли на левом берегу Енисея у западной окраины города, в пяти километрах от его центра [Ульянов, 2016]. На этой территории разместился не только Институт физики СО АН, но и несколько домов для семей его научных сотрудников и обслуживающего персонала. Со временем из крупных лабораторий Института отпочковались другие НИИ, и здесь вырос Красноярский Академгородок. Между Академгородком и Красноярском в месте под названием Гремячая Грива начал формироваться кампус связанного с академическими институтами красноярского филиала НГУ, который со временем превратился в Красноярский государственный университет, а в наше время стал ядром Сибирского федерального университета.

¹⁶ Конфликт интересов // Академгородок 2.0. Режим доступа: <https://www.akademgorodok2.ru/konflikt-interesov> (дата обращения: 03.03.2026).

Все эти разворачивающиеся на протяжении двух-трех десятилетий расширения и приращения вокруг Академгородка вызывали минимум земельных споров и ведомственных конфликтов ввиду удачно выбранного Киренским месторасположения Красноярского академического центра. Высокий берег Енисея, пересеченная местность, а также несколько естественных и искусственных рощ представляли трудности для промышленного и массового жилого строительства стремительно растущего Красноярска, но отлично подошли для разреженного и относительно малоэтажного городка ученых. В постсоветское время проявилось еще одно достоинство Академгородка — чистая окружающая среда. На фоне вызванных ГЭС и промышленностью негативных изменений городского климата [Koskina, 2022] высокий и отвесный берег Енисея предохраняет жителей района от негативных эффектов режима «черного неба».

В 1958 г. в Красноярск был переведен Институт леса — первое в СССР академическое учреждение лесного профиля. Официально — для усиления соответствующих работ в Сибири, неофициально — из-за борьбы его директора-основателя академика В.Н. Сукачева против лысенковщины [Кунерутох, 2005].

Переезд Института проходил непросто, часть сотрудников не захотела ехать в Сибирь или быстро вернулась в Москву [Кунерутох, 2006, с. 185]. Тем не менее доукомплектованный местными как академическими, так и отраслевыми кадрами Институт леса быстро стал незаменимой институцией в вопросах не только изучения тайги, но и озеленения Академгородка. Судя по сохранившимся фотографиям, территории будущих институтов и жилых домов, которые сейчас утопают в зелени, в середине 1960-х — начале 1970-х больше напоминали пустыри¹⁷. Это были заброшенные земли сельскохозяйственного назначения, которые сотрудники Института физики и других научных организаций целенаправленно засаживали деревьями на многочисленных субботниках и воскресниках. Ни одна история о первых годах существования Академгородка не обходится без упоминания идеологически мотивированного труда академгородковцев.

Этим полустихийным практикам Институт леса придал организованность и экспертную направленность. Заместитель директора Института, будущий академик И.Ю. Коропачинский, один из создателей дендрария в Центральном сибирском ботаническом саду СО АН в Новосибирске, сумел убедить как своего начальника академика А.С. Исаева (с 1979 г. он возглавил Красноярский филиал СО АН), так и городских руководителей Красноярска, что Академгородку необходим собственный дендрарий. В 1977 г. Институт леса начинает формировать коллекцию дендрария, которая станет полигоном испытания растений из разных ботанико-географических областей, а также источником семян и посадочного материала для красноярских озеленителей — не только в Академгородке, но и по всему городу. Работы были поручены старшему научному сотруднику Института Р.И. Лоскутову, который несколько десятилетий своей жизни посвятил дендрарию. Из дендрария практики и знания о декоративных и рекреационных лесопосадках распространялись по Академгородку, поскольку сотрудники Института леса активно привлекали к своим работам местных жителей из числа добровольцев. Дендрарий стал жемчу-

¹⁷ Авторское интервью с М., сотрудником Института леса СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.

жиной Академгородка, а само поселение стараниями городских служб, сотрудников Института леса и волонтеров к 1990-м гг. стало утопать в зелени.

В пространственном отношении Красноярский Академгородок представляет собой два микрорайона, разделенных проспектом Киренского. Спроектированный новосибирским отделением ГИПРОНИИ и построенный в 1960-е гг. Нижний Академгородок (расположен ближе к Енисею) включал в себя институтскую зону, а также несколько дворов пятиэтажных домов-хрущевок. Верхний Академгородок значительно больше и был построен на волне расширения красноярской академической науки во второй половине 1970-х — 1980-е гг. С подачи архитекторов В.В. Верюжского и Е.А. Зубковского из «Красноярскгражданпроекта» — основной проектировочной организации стремительно росшего в те годы промышленного Красноярска — был частично реализован (закончить до 1991 г. не успели) одновременно и типовой, и образцово-комфортный проект советского микрорайонного развития территории.

Меньшие размеры и поздняя постройка Красноярского Академгородка объясняют буквально считаное число его советских репрезентаций. В отличие от новосибирского, красноярский город науки уже не манил совершенно новой жизнью, а, скорее, обещал гармоничный комфорт. В 1974 г. в газете «Красноярский рабочий» появляется описание будущего Верхнего Академгородка, в котором основной акцент делается на местной природе и ее сохранении: «Архитекторы стремились уйти от монотонности, создать ансамбль, который бы органически вписывался в великолепное здешнее природное окружение. <...> другой принцип, которым руководствовались архитекторы: не только органично вписать здания в окружающий ландшафт, но и максимально сберечь здесь лес, березовую рощу — излюбленное место отдыха красноярцев»¹⁸.

Полярную репрезентацию поселения примерно в то же время создал его самый знаменитый гуманитарий — писатель Виктор Астафьев, живший здесь с начала 1980-х гг. В финальном рассказе «Нет мне ответа» цикла «Царь-рыба» рассказчик летит на самолете над Красноярском и, глядя в окно на пространства города и окрестностей, вспоминает связанные с ними события своей жизни. И здесь мимоходом всплывает Академгородок как нечто чуждое природной естественности пейзажа и деревенским воспоминаниям главного героя: «Ушла под крыло самолета, мелькнула горбина горы с сияющими новизной, голыми какими-то, неприятно чужими здесь домами Академгородка»¹⁹.

* * *

Красноярский Академгородок, будучи примерно в 3–4 раза меньше новосибирского собрата, испытывает те же проблемы с застройкой и угрозой собственной идентичности. После 1991 г. развитие территории за вычетом нескольких точечно построенных многоквартирных домов практически остановилось, а жители были вынуждены искать способы выживать без достаточной поддержки как федерального центра, так и руководства Сибирского отделения РАН. При этом активно разви-

¹⁸ Дроздов В. Тревоги и надежды Академгородка // Красноярский рабочий. 1974. 7 июля. Цит. по: Красноярский научный центр СО РАН. Режим доступа: www.ksc.krasn.ru/akademgorodok/historical-note/ (дата обращения: 25.03.2026).

¹⁹ Астафьев В.П. Царь-рыба. М.: Азбука, 2022. С. 900.

вающийся и после 1991 г. Красноярск еще не окружил территорию КНЦ СО РАН, но уже вплотную к ней подобрался.

Федеральный статус научного центра не дает городу откровенно поглотить его территорию, но на границах поселения за более чем 30 лет регулярно вспыхивали конфликты. Триггерами проникновения внешних застройщиков, как и в случае Новосибирска, становятся большие федеральные проекты, которые подводят инфраструктуру и подготавливают земли к перспективному коммерческому освоению. В интересующей нас части Красноярска такими проектами стали образование Сибирского федерального университета в 2006 г. и организованная на территории последнего международная Универсиада-2019.

СФУ был образован на базе нескольких городских вузов, главным образом Красноярского государственного университета и Технологического университета. Общежития, учебные и административные корпуса последних, расположенные на границе Академгородка, вместе составили огромный университетский кампус, сопоставимый с владениями КНЦ СО РАН или даже превышающий их. Создание федерального университета не только было административной реформой, но и сопровождалось государственными инвестициями в организацию территории вуза. Под удар попал природный комплекс «Березовая роща», который отделяет Академгородок от Студгородка СФУ. Согласно опубликованным планам застройки, на территории Рощи должны были разместиться общественные и спортивные здания университета, а также, неожиданно, торговые центры. На общественных слушаниях проект зонирования подвергся критике и позднее был скорректирован так, чтобы нанести роще минимум ущерба²⁰. С похожей критикой столкнулись и объекты, которые университет готовил к зимней Универсиаде.

Возникшее в Красноярском Академгородке сообщество градозащитников, экологов и борцов с точечной застройкой отличается сплоченностью рядов и довольно мощной укорененностью среди горожан и сотрудников институтов СО РАН. Мы изучали его в ходе серии глубинных интервью в июне — июле 2022 г. Всего было взято 16 глубинных полуструктурированных интервью, выборка неспецифичная, при подборе информантов использовался метод снежного кома. Мы общались с представителями КНЦ СО РАН, активистами-лесозащитниками и экологами, сотрудниками Института леса СО РАН, членами экспертного сообщества урбанистов и проектировщиков Красноярска.

Не имея официальной организации, неформальные лидеры экологов активно действуют в местных соседских и домовых чатах и способны при случае мобилизовать достаточное количество горожан на общественные слушания или акции протеста²¹. При этом у защищающих леса Красноярского Академгородка активистов достаточно сложные отношения с научно-исследовательскими институтами Сибирского отделения. Наиболее мощной экспертизой в области лесоведения в регионе обладает Институт леса СО РАН. Его сотрудники частично по собственному почину, частично по найму со стороны Академии или города курируют состояние

²⁰ Депутаты не смогли договориться с жителями о строительстве в Березовой роще // Newslab.ru. 7 декабря 2010 г. Режим доступа: <http://newslab.ru/news/351196> (дата обращения: 02.08.2023).

²¹ Авторское интервью с И., экологом-активистом Красноярского Академгородка. Красноярск, 29 июня 2022 г.

лесных насаждений в Академгородке. Руководство Института леса не всегда находит общий язык с активистами, часть из которых являются его собственными сотрудниками.

Одним из камней преткновения является вопрос о санитарных рубках — где их проводить и в каких объемах. В целом активисты с настороженностью воспринимают академическое руководство, подозревая его в готовности уступить земли Академгородка застройщикам из корыстных соображений или из желания построить новые дома для своих сотрудников. В интервью с нами представитель КНЦ СО РАН отметил тенденцию к параллельному существованию Академгородка и структур Академии наук. «Я воспринимал и, конечно, сейчас воспринимаю, но уже не так, Академгородок неким придатком научного центра [Федеральный исследовательский центр КНЦ СО РАН]. А когда мы начали этот проект, стало четко понятно, что это никакой не придаток, а вот уже живущий своей жизнью, со своими сообществами. И тут... для них уже научный центр во многом что-то лишнее, что мешает им здесь тихо жить в чистом лесу. А мы рассматриваем и продолжаем эту территорию как некое продолжение научного центра» (Авторское интервью с К3, представителем администрации КНЦ СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

Этот конфликт субъектностей ярче всего проявляется в вопросе о застройке Академгородка новыми домами, т. е. в вопросе о расширении территории и основании этого расширения. Для многих ученых КНЦ — это насущная необходимость, так как чем дальше, тем больше сотрудников его институтов живут не в Академгородке, а приезжают из города. С учетом экологической обстановки и леса как рекреационного блага, коммерческие застройщики рассматривают Академгородок как пространство для инвестиций. Для сообществ же местных жителей это вопрос не только вырубki леса, но и в том числе избыточной нагрузки на инфраструктурные сети (дороги, водопровод, электричество, детские сады, школы), которые застройщики не склонны расширять. Словом, это «трагедия общин» в современном городе [Hardin, 1968]. При этом проблема осознается сторонами в том числе на уровне ценностей. Одна из наиболее радикальных экологов и одновременно сотрудница ФИЦ КНЦ СО РАН в интервью отметила, что противоречие между идеями девелопмента территории (который в ее понимании в наименьшей степени будет связан с наукой) и сохранения леса неразрешимо, и лично для себя она выбрала лес как приоритет:

«Получается, проблема нерешаемая. И каждый просто должен решить, что ему дороже? Да. Получается, что Академгородок растворяется. <...> Ну, у меня дом был в Академгородке, я просто так вот смотрю один раз в окно, и вот делю свои работы. А что ж тут будет лет через 10? И мне такая вот мысль прям пришла, что вот от меня зависит конкретно этот участок. И с 2008 года вот я конкретно ночами со своими ближайшими родственниками там деревья сажаем» (Авторское интервью с К5, экологом-активистом Красноярского Академгородка. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

Этот ценностный конфликт был отмечен и экспертами, работающими с городскими проектами современного Красноярска. В экспертном интервью двое урбанистов, привлекавшихся в том числе к работам в Академгородке и проводивших фокус-группы по проектам развития, отметили активность местных сообществ и их протестный фокус. Прозвучала даже характеристика психологии осажденной кре-

пости. В качестве показательного примера был приведен случай пространства «Красивый берег» и протестов вокруг него в 2021 г.:

«У них есть история про то, что они... вот такой остров. И они очень ценят свои редкие общественные пространства и поэтому активно сопротивляются тому, чтобы туда привлекался городской трафик. Была история с Красивым берегом. Это такая территория на обрыве таком красивом над Енисеем. <...> В какой-то момент была история, что край хотел туда зайти и сделать там общегородское пространство. <...> А жители Академа сказали нет, мы не хотим, чтобы это было общегородское пространство. Это наш красивый берег, а чего они будут к нам ездить? У них возникло движение против благоустройства, и они успешно его отбили. И они в целом так реагируют на какие-то попытки города или края поработать с их территорией. Потому что они во всем видят какую-то угрозу. <...> И им, как правило, удается отбиваться» (Авторское экспертное интервью с К1 и К2, урбанистами, городскими исследователями. Красноярск, 28 июня 2022 г.).

Альтернативу клинчу между академгородковскими градозащитниками, городскими властями и застройщиками представляет местное сообщество волонтеров-лесоводов, которое по своему составу уже переросло локальные границы. Судебным противостояниям и акциям протеста волонтеры предпочитают высадку деревьев, максимально увеличивая площади лесных территорий в Академгородке и его окрестностях. Высаживают они в том числе и краснокнижные виды, которые затем проблематично вырубить под застройку без сопутствующей экспертизы. В основе деятельности волонтеров помимо желания сохранить местные леса стоит видение одного из харизматичных лидеров сообщества лесоведа К9. Он полагает, что уже в ближней перспективе глобальное потепление оставит мало шансов традиционным для региона видам. Вместо сгорающих год от года в лесных пожарах таежных хвойных волонтеры интродуцируют в местные экосистемы в том числе более жаростойкие дальневосточные и восточно-азиатские виды. В этом К9, предпочитающий держаться в стороне от иерархий Академии наук, не всегда сходится с сотрудниками Института леса. Одна из сотрудниц Института в беседе с нами отметила одновременно и большую пользу сообщества волонтеров-лесоводов, и экспериментальный характер их деятельности: «...где-то даже в чем-то я с ним не согласна, поскольку он привозит сюда виды и высаживает, которые могут потеснить наши исторические основные виды. ...такие эксперименты не должны нанести вред основному аборигенному составу. <...> Мы [Институт леса] как-то в рамках этого работаем. Ну, по крайней мере, мероприятие у него очень хорошее, благое, много волонтеров он объединяет под своим кругом. <...> ребята из Академгородка, со всего города приезжают, те, кто равнодушен к природе, помогают, высаживают. Дубы, клены, липы высаживают, рябины, а есть и интересные какие-то у него такие интродуценты. Посмотрим, как они будут себя вести. В том числе даже гинкго, насколько я знаю, гинкго билоба высаживают. Это типичный дальневосточный вид, который у нас, скорее всего, не будет расти» (Авторское интервью с К4, сотрудником Института леса СО РАН. Красноярск, 29 июня 2022 г.).

В свою очередь К9 полагает, что сотрудники Института леса «больше поддерживают то, что осталось», а не работают на перспективу. Будучи аборигеном Академго-

родка, он считает, что это место нужно сохранять не ради него самого или комфорта предоставляемой им жизни, а репрезентирует его как экспериментальный объект: «...образцовая такая [территория], то есть это модельный такой объект, да, то есть если бы с одной стороны... Охрана, развитие его, да, это такой образец альтернативы, которую можно сделать, которую люди делают. Что можно масштабировать уже, перенести на какие-то другие ландшафты, зеленые, рекреационные» (Здесь и до конца параграфа: Авторское интервью с К9, волонтером-лесоводом. Красноярск, 1 июля 2022 г.).

Свою работу и работу своих товарищей К9 в какой-то момент нашего разговора соотносит с одним из направлений Института биофизики КНЦ СО РАН: там сотрудники на протяжении десятилетий конструируют искусственные закрытые экосистемы для полярных и космических станций, в то время как волонтеры в Академгородке создают искусственную открытую экосистему. Соответственно, отличается радикальностью и его видение решения социальных проблем и развития территории — не сохранять как есть, а перестроить: «Как можно этот лес сохранить? Ну, я все-таки вижу в идеале перспективу лес оставлять, какой он есть. А развитие микрорайона вести по пути реновации, то есть снос пятиэтажек, постепенно и замена их на комплексную высотную застройку; то есть, допустим, свечки ставить, причем не вплотную, а, грубо говоря, к свечке парковка, магазин, какой-то, парковый какой-то буфер, школа, дом или сад». При этом К9 отдает себе отчет, что такой проект возможен только как федеральный и, по сути, потребует перезапуска поселения. Тем не менее, парадоксальным образом, при обилии заинтересованных властных и экономических сторон в Академгородке только у самоорганизованных волонтеров есть сколько-нибудь внятное видение перспективы поселения.

Заключение

Сибирские академгородки появились как вариация советской модели научных городов, или городов знаний, которые начали возникать в развитых странах мира после Второй мировой войны. Создание Большой науки требовало адекватной этой цели формы. Города науки соединяли в себе большие государственные инвестиции в наукоемкое производство и исследования, массовую подготовку высокообразованных кадров и внедрение разработок в промышленное производство [Castells, Hall, 1994]. Отсутствие бизнес-сегмента в советской вариации послевоенной тройной спирали инноваций отличало советские наукограды и академгородки от американской Кремниевой долины или французской Софии-Антиполиса. Но необходимость удерживать разборчивую рабочую силу означала, что советская Большая наука также была подвержена экономическим стимулам. Это потребовало от нее выработать привлекательную модель современной городской жизни, сообщившей советским наукоградам почти утопический потенциал.

Новосибирский Академгородок и его территориально-архитектурная модель оформили базовые принципы советского несекретного инновационного поселения. Это одновременная близость и отдаленность от большого города (Москвы, Новосибирска, Красноярска и пр.), его ресурсов и политических проблем. Это доступность жилья и прочих благ советского потребительского стандарта, но распределение их

в соответствии с меритократическими научными иерархиями. Наконец, это обилие зеленых зон в городской черте, в отличие от жилья, общедоступных для рекреации и эстетического наслаждения. Важно, что городские леса новосибирского и других сибирских академгородков не просто сохранились строителями, но высаживались жителями, профильными НИИ или специальными организациями в ходе субботников, ботанических экспериментов или просто в часы досуга.

Модель академгородка, по-видимому, нигде специально не излагалась и не обобщалась — ни архитекторами, ни академиками-организаторами, ни политиками. Мы собираем ее сегодня ретроспективно, обобщая устойчивые и распространенные в академгородках формы общежития и общественные практики. По этой причине невозможно сказать, откуда конкретно происходит идея, что город науки обязательно должен быть зеленым, — ради конспирации и безопасности сталинского времени, из постсталинской архитектурной моды на использование ландшафта, из общегуманистических соображений, что умственному труду способствуют сократические прогулки, или из влияния американской кампусной традиции на профессиональное воображение советских академических лидеров. Полагаем, что на разных этапах становления советских городов науки все эти обстоятельства влияли на сети вовлеченных архитекторов, академиков, военных и политиков и взаимно усиливали идею постиндустриального города в лесу.

Из Жуковского и Новосибирска к середине 1960-х гг. идея академического городского леса распространилась, с одной стороны, на восток — на прочие сибирские академгородки, а с другой — на подмосковные наукограды. Пресса демонстрирует, что в советское время эти леса воспринимались жителями и журналистами как общее благо и привлекательная городская особенность, но еще не осознавались как историческое наследие.

Крушение Советского Союза и связанных с ним централизованных ведомственных моделей науки особенно остро ощущалось в академгородках. Сокращение прямого финансирования науки и муниципальные реформы означали, что научная элита теряла не только инвестиции, но и власть за пределами научных организаций. Ведомственный характер академгородков с конца 1990-х гг. оспаривается многочисленными девелоперами, для которых это привлекательные территории для коммерческой застройки. Советские принципы зонирования и меритократической сегрегации оказываются сомнительными перед лицом коммодификации пространства рынком недвижимости и выстраивания на этой почве новых сегрегаций (богатые/бедные).

Прежде единое иерархическое тело академическо-университетской науки, воплощенное в Президиуме СО РАН и руководстве региональных научных центров, начинает делиться и межеться по массе признаков: по работе на государство или на частный сектор, по наличию жилья в собственности или в аренде, по возрасту, семейному положению, более или менее востребованным на рынке специальностям и пр. И академические леса отражают этот процесс межетья. Регулярные в 2000–2010-е гг. попытки перезонирования территорий демонстрируют тенденцию, как застройщики, муниципальные и академические власти (при всей двусмысленности этого именованья после реформы РАН 2013 г.) режут и переопределяют прежде единые экосистемы под иные нужды, общее благо в массу частных благ. Ответом на эти процессы становится образование активистских сообществ ученых, бывших ученых и других жителей академгородков, которые с переменным успехом

ведут активную борьбу как с точечной застройкой, так и с подозрительными для них федеральными проектами развития.

Перспектива утраты академгородковских лесов заставляет активистов, а вслед за ними и других акторов общественного мнения воспринимать их уже не только как общее благо, но и как историческое наследие. Наиболее ярко этот процесс проявляется в Новосибирском Академгородке, где сформировалось мощное оборонительное активистское сообщество, существует большой мемуарный корпус, а судьба городских лесов включена в дискуссии о будущем развитии этой территории (так называемый *Академгородок 2.0*). Но те же тенденции можно разглядеть и в Красноярске — с той разницей, что формирование исторической памяти о себе и своих лесах там только начинается, а отсутствие ярко выраженных академической или университетской интерпретаций предоставляет местным активистам большее пространство для маневра.

Источники

- Астафьев В.П.* Царь-рыба. М.: Азбука, 2022. 912 с.
- Век Лаврентьева / Отв. ред. Н.Л. Добрецов, Г.И. Марчук. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 456 с.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1. Л.: Стройиздат, 1975. 755 с.
- Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. Новосибирск: ЦСБС СО АН СССР, 1967.
- Город будет, саду цвести! // Советская Сибирь. 1957. 28 декабря. № 302.
- Городок.гу. Новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия. Воспоминания, размышления, проекты: Сборник статей / Отв. ред. Н.К. Максимова. Новосибирск. 2003. 420 с.
- Научный архив СО РАН. Ф. 10: Президиум СО РАН. Оп. 3. Д. 84: Деятельность ЛОС.
- Павличенков В.* Практика новой застройки городов Сибири // Архитектура СССР. 1962. № 2. С. 21–28.
- Потаньев В.* Не будьте варварами! // За науку в Сибири. 1962. 10 апреля. № 15. С. 2.
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 13. Оп. 1. Д. 170. Л. 3: Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР «Записка академиков Лаврентьева и Христиановича». 10 января 1957 г.
- С точки зрения оптимиста // Литературная газета. 1967. 5 ноября. № 45. С. 15.
- Таран И.В.* Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015. 160 с.
- Таран И.В., Спиридонов В.Н.* Устойчивость рекреационных лесов / Отв. ред. А.В. Куминова. Новосибирск: Наука, 1977. 180 с.
- Экология ННЦ // Наука в Сибири. 1991. 11 марта. № 11. С. 3.

Литература

- Артемов Е.Т.* Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири, 1944–1980 / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск: Наука, 1990. 188 с.
- Бугаев Р.С.* Конструирование города-леса Новосибирского Академгородка экспертными сообществами (1957–1959) // Уральский исторический вестник. 2023. № 2. С. 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114.

Долгова Е.А. Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6. № 2. С. 235–251. DOI: 10.19181/smptr.2024.6.2.16. EDN WSXYVC.

Косарева Н.Б., Пузанов А.С., Полиди Т.Д. Основные тенденции жилищной экономики российских городов // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный выпуск. С. 34–55. DOI: 10.17323/usp00201534-55.

Кузнецов И.С. У истоков академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск: НГУ, 2007. 167 с.

Кузнецов И.С. Социальные проблемы новосибирского Академгородка в официальных документах рубежа 1960–1970-х годов // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. № 1. С. 181–188.

Куперштох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 439 с.

Куперштох Н.А. Страницы истории Института леса им. В.Н. Сукачева // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.

Нора П., Озуф М., Винок М. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 325 с. Природа Академгородка: 50 лет спустя. Новосибирск: СО РАН, 2007. 249 с.

Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

Скалабан И.А., Сергеева З.Н., Лобанов Ю.С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 4. С. 33–54. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56.

Ульянов Г.В. Красноярск: справочник краеведа. Красноярск: Офсет, 2018. 448 с.

Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 374 с.

Чикагская школа социологии: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. 429 с.

Чистяков Н.С., Смолин Р.П. Леонид Васильевич Киренский (1909–1969). М.: Наука, 1981. 169 с.

The Architecture of Science / Eds. P. Galison, E.A. Thompson. Cambridge, Mass: MIT Press, 1999. 573 p.

Baron N. New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Vol. 55. No. 3. P. 374–400.

Castells M., Hall P. Technopoles of the World: The Making of Twenty-First-Century Industrial Complexes. London: Routledge, 1994. 288 p.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. No. 3859. P. 1243–1248.

Koskina M. The Yenisei Makes the Weather: The Microclimate of the Krasnoyarsk Dam and Its Research, 1960s–1990s // The Russian Review. 2025. Vol. 84. No. 2. P. 249–266. DOI: 10.1111/russ.70010.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.

Lefebvre H. Urban Revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 196 p.

Lefebvre H. Writings on Cities. Oxford: Wiley, 1996. 260 p.

Tatarchenko K. Soviet Sci_beria. The Politics of Expertise and Novosibirsk Science Center. London; New York: Bloomsbury Academic, 2024. 288 p.

Zarecor K.E. What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe // Journal of Urban History. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 95–117. DOI: 10.1177/0096144217710229.

Forests of the Siberian Science Cities and the Urban Heritage of the Soviet Big Science (1950s–2010s)

MIKHAIL O. PISKUNOV

University of Tyumen
Tyumen, Russia;
e-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

TIMOFEY N. RAKOV

Higher School of Economics
St. Petersburg, Russia;
e-mail: t.n.rakov@hse.ru

This text focuses on the history of the interaction between urban forests and local communities of the Akademgorodoks in Novosibirsk and Krasnoyarsk. Understanding the process of reproducing the forests of these settlements as an expansion of urban space for science, the authors present a cross-section of the main socio-economic trends within academic communities during the late Soviet period and the collapse of the first post-Soviet decades. Relying on archival and published sources, local press, and materials from their own fieldwork in these Akademgorodoks, the authors conclude that forests in science cities act as a continuation and replacement of public spaces and constitute a common good for local residents. The text is built as a history of green construction in each Akademgorodok, its links with local political and economic contexts: the departmental character of Soviet academic science, opportunities for local scientists to attract support from regional leaders, and the willingness of NII labor collectives to voluntarily engage in beautification. The article also covers the post-Soviet period, in which green areas of Akademgorodoks become a subject of interest for local and federal developers. The confrontation with targeted development and federal development projects gives rise to activist groups in Akademgorodoks, which, thanks to perseverance and expertise, resist commodification of territories with mixed success.

Keywords: Social History of Science, Akademgorodok, science cities, M.A. Lavrentyev, urban forests, green building, activist communities, gentrification.

Acknowledgment

The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (RSF) according to the research grant No. 25-78-10152 “Regional Spatial Complexes of Science and Technology in the Late USSR and Post-Soviet Russia (1970–2010s): Commodification, Clustering and Environmental Solutions of Interaction between the State, Academia, Universities and Industries,” <https://rscf.ru/project/25-78-10152/>.

References

Artemov, E.T. (1990). *Formirovaniye i razvitiye seti nauchnykh uchrezhdeniy AN SSSR v Sibiri, 1944–1980* [Formation and development of the network of scientific institutions of the Academy of Sciences of the USSR in Siberia, 1944–1980], Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Baron, N. (2007). New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape, *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 55 (3), 374–400.

Bugaev, R.S. (2023). Konstruirovaniye goroda-lesa Novosibirskogo Akademgorodka ekspertnyimi soobshchestvami (1957–1959) [Constructing the forest city of Novosibirsk Akademgorodok by expert communities (1957–1959)], *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 2, 106–114. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-106-114 (in Russian).

Castells, M., Hall, P. (1994). *Technopoles of the World: The Making of Twenty-First-Century Industrial Complexes*, London: Routledge.

Chikagskaya (2015) *shkola sotsiologii: sbornik perevodov* [Chicago school of sociology: a collection of translations], Moskva: INION RAN (in Russian).

Chistjakov, N.S., Smolin, R.P. (1981). *Leonid Vasil'yevich Kirenskiy (1909–1969)* [Leonid V. Kirensky (1909–1969)], Moskva: Nauka (in Russian).

Dolgova, E.A. (2024). Moskovskiy poyas sovetskikh gorodov nauki: proektirovaniye i organizatsiya prostranstva [Moscow belt of Soviet science cities: design and organization of space], *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 6 (2), 235–251. DOI: 10.19181/sntp.2024.6.2.16. EDN WSXYVC (in Russian).

Galison, P., Thompson, E.A. (Eds.) (1999). *The Architecture of Science*, Cambridge, Mass: MIT Press.

Hardin, H. (1968). The Tragedy of the Commons, *Science*, 162 (3859), 1243–1248.

Khmel'nickij, D. (2006). *Arhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [The Stalin's architecture. Psychology and style], Moskva: Progress-Traditsiya (in Russian).

Kosareva, N.B., Puzanov, A.S., Polidi, T.D. (2015). Osnovnyye tendentsii zhilishchnoy ekonomiki rossiyskikh gorodov [Main trends in the housing economy of Russian cities], *Gorodskiyye issledovaniya i praktiki*, no. 1, 34–55 (in Russian). DOI: 10.17323/usp00201534-55.

Koskina, M. (2025). The Yenisei Makes the Weather: The Microclimate of the Krasnoyarsk Dam and Its Research, 1960s–1990s, *The Russian Review*, 84 (2), 249–266. DOI: 10.1111/russ.70010.

Kupershtoh, N.A. (2006). *Nauchnyye tsentry Sibirskogo otdeleniya RAN* [The scientific centers of Siberian Branch of RAS], Novosibirsk: Geo (in Russian).

Kupershtoh, N.A. (2005). Stranitsy istorii Instituta lesa im. V.N. Sukacheva [The pages from the history of Institute for Forestry], *Sotsiologicheskij zhurnal*, no. 3, 135–152 (in Russian).

Kuznetsov, I.S. (2007). *U istokov akademgorodka: stroitel'stvo goroda nauki v Sibiri (1957–1964)* [Akademgorodok at the beginning: the construction of the city of science (1957–1964)], Novosibirsk: NGU (in Russian).

Kuznetsov, I.S. (2015). Sotsial'nyye problemy novosibirskogo Akademgorodka v ofitsial'nykh dokumentakh rubezha 1960–1970-kh godov [Social problems of Novosibirsk Akademgorodok in official documents of the late 1960s–1970s], *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya*, no. 1, 181–188 (in Russian).

Lefebvre, H. (1991). *The Production of Space*, Oxford: Blackwell.

Lefebvre, H. (2003). *Urban Revolution*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*, Oxford: Wiley.

Nora, P., Ozuf, M., Vinok, M (1999). *Frantsiya-pamyat'* [France-memory], S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta (in Russian).

Priroda (2007) *Akademgorodka: 50 let spustya* [Nature of Akademgorodok: 50 years later], Novosibirsk, SO RAN (in Russian).

Revzin, G.I (2020). Naukogrady v Rossii: voprosy genezisa [Science cities in Russia: questions of genesis], *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth: Theories and practices of culture], no. 4, 23–42 (in Russian).

Skalaban, I.A., Sergeeva, Z.N., Lobanov, Yu.S. (2022). Zashchishchayushchiesya. Oboronitel'nyye funktsii soobshchestv v gorodskikh konfliktakh (na materialakh g. Novosibirsk) [Defenders. Defensive functions of communities in urban conflicts (on the materials of Novosibirsk)], *Mir Rossii*, no. 4, 45–46 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56.

Tatarchenko, X. (2024). *Soviet Sci_beria. The Politics of Expertise and Novosibirsk Science Center*, London; New York: Bloomsbury Academic.

Ul'janov, G.V. (2018). *Krasnoyarsk: spravochnik krayevedy* [Krasnoyarsk: Local historian's guide], Krasnoyarsk: Offset (in Russian).

Zarecor, K.E. (2018). What Was So Socialist about the Socialist City? Second World Urbanity in Europe, *Journal of Urban History*, 44 (1), 95–117.

Приложение

Список информантов, принявших участие в исследовании

Характер участия	№	Идентификатор	Пол	Образование	Род деятельности	Место интервью	Дата интервью
Экспертное интервью	1	K1	М	Высшее, кандидат наук	Городской исследователь, урбанист	Красноярск	28.06.2022
Экспертное интервью	2	K2	Ж	Высшее	Городской исследователь, урбанист	Красноярск	28.06.2022
Биографическое интервью	3	K3	М	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник, административный работник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	4	K4	Ж	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	5	K5	Ж	Высшее, кандидат наук	Научный сотрудник	Красноярск	29.06.2022
Биографическое интервью	6	K9	М	Высшее	Волонтер, организатор неформальной группы	Красноярск	01.07.2022

ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВНА ШЕВЧЕНКО

аспирант кафедры социальных технологий
и государственной службы
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
Белгород, Россия;
e-mail: shevchenko_v@bsuedu.ru

Социальные технологии как инструмент укрепления гражданской устойчивости и интеграции в научную среду молодых ученых приграничных регионов России

УДК: 316.3

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-230-242

Научная молодежь всегда была и остается важным потенциалом для развития общества, поэтому для обеспечения стабильного развития и процветания государства необходимо вкладывать средства и усилия в образование и воспитание молодого поколения. В статье рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкиваются молодые ученые в приграничных регионах России, и определена роль социальных технологий в решении этих проблем. Социальные технологии позволяют обеспечить доступ к информации и образовательным ресурсам, создать новые формы взаимодействия, что способствует укреплению гражданской устойчивости молодежи, поддержке их профессионального роста и формированию чувства принадлежности к единому сообществу. Особое внимание уделяется проблемам академической интеграции, доступа к научной инфраструктуре, цифровым ресурсам, международной коммуникации и профессиональной устойчивости. Эмпирическую основу составляют экспертный опрос ($n = 60$) и анкетирование молодежи ($n = 1200$), проведенные в Белгородской и Курской областях, а также на территориях, включенных в исследовательский дизайн проекта. На основе полученных данных выделены основные барьеры научной карьеры и предложены направления использования социальных технологий для расширения доступа к образованию, научной коммуникации, сетевому взаимодействию и психологической поддержке. Статья может быть полезна для исследований научной молодежи, цифровизации науки и региональной образовательной политики.

Ключевые слова: приграничные регионы, новые регионы, социальные технологии, гражданская устойчивость, социальный иммунитет, интеграция молодых ученых, научное сообщество.

Благодарность

Исследование подготовлено в рамках проекта ZWG-2024-0021 «Социальные технологии иммунизации молодежи приграничных регионов и новых территорий России в условиях цивилизационных противоречий», выполняемого в рамках научных проектов в сфере общественно-политических наук.

Введение

Приграничные и новые регионы России в настоящий момент подвержены влиянию внешних и внутренних культурных, экономических, социальных факторов [Надуткина и др., 2023]. В связи с этим существует ряд негативных обстоятельств, которые могут затруднять научно-исследовательскую деятельность и профессиональное развитие приграничного научного сообщества. Именно поэтому поддержка социальной и профессиональной устойчивости молодых исследователей и интеграция молодых ученых в научное сообщество в приграничных регионах России является приоритетной задачей. Социальные технологии в предлагаемой статье рассматриваются как инструмент, способствующий решению этих проблем.

Научная проблема исследования заключается в недостаточной изученности влияния социальных технологий на такие процессы, как поддержка социальной и профессиональной устойчивости молодых исследователей и интеграция молодых ученых приграничных регионов России в научное сообщество. Роль цифровых и коммуникационных платформ в научной деятельности возрастает, но вместе с тем остаются нерешенными вопросы, связанные с эффективностью этих инструментов, их адаптацией к специфическим условиям новых регионов и обеспечением устойчивого профессионального развития молодых исследователей. Настоящее исследование направлено на выявление механизмов применения социальных технологий, способствующих успешному укреплению социальной устойчивости и развитию научно-исследовательского потенциала молодых ученых из приграничных регионов России с последующей интеграцией их в научное сообщество.

Для уточнения смысла и исключения неоднозначности была проведена интерпретация основных понятий исследования. Следует отметить, что в статье используется официальная административно-правовая терминология, применяемая в российском нормативном поле.

Приграничный регион — это регион, территория которого испытывает существенное влияние государственной границы. Государственная граница выполняет барьерную, фильтрующую и контактную функцию. В контексте проведенного исследования термин «приграничный регион» подразумевает собой регион, находящийся в непосредственной близости к зоне проведения специальной военной операции.

Новые регионы России — это территории, которые были включены в состав субъектов Российской Федерации. В рамках настоящего исследования к новым регионам России относятся Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области, которые были приняты в состав Российской Федерации в соответствии с Конституцией и статьей 4 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в

Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»¹.

Интеграция молодых ученых — это процесс включения молодых исследователей в научное сообщество.

Научное сообщество — это совокупность ученых-профессионалов, интегральный субъект научного познания, многообразная сеть взаимодействующих ученых. В границах нашего исследования мы предлагаем выделить термин «приграничное научное сообщество», что обозначает совокупность исследователей и образовательных учреждений, функционирующих и занимающихся научной деятельностью на приграничных территориях России и характеризующихся специфическими условиями научной деятельности, обусловленными географическим положением.

Социальные технологии — это совокупность подходов, инструментов и практик, применяемых в целях улучшения взаимодействия между людьми и создания более действенных социальных структур. В рамках данного исследования социальные технологии рассматриваются как совокупность инструментов и методик, способствующих интеграции молодых ученых приграничных и новых регионов России в научное сообщество и укреплению их гражданской устойчивости посредством социальных технологий.

Гражданская устойчивость — это устойчивость функционирования объектов экономики и жизнеобеспечения населения. Под гражданской устойчивостью в статье понимается способность молодых исследователей и студентов сохранять социальную и профессиональную дееспособность в условиях нестабильности, поддерживать вовлеченность в образовательные и научные практики и использовать доступные институциональные ресурсы адаптации [Зайнуллина, 2018].

Социальный иммунитет — это защитный механизм, позволяющий обществу регулировать уровень рисков и угроз за счет невосприимчивости чужеродных по отношению к нему элементов разрушительного характера и сохранять за счет этого стабильность и высокую адаптивность внутренней среды [Баранова, 2019; Жапуев, 2012]. В статье понятие «социальный иммунитет» используется ограниченно — как метафора адаптивных механизмов социальной устойчивости, а не как нормативная модель «защиты» общества от внешних влияний.

Методология и методы

Для исследования влияния социальных технологий на укрепление гражданской устойчивости и интеграцию молодых ученых из приграничных регионов России в научное сообщество необходимо определить подходящую методологию и методы исследования.

В работе были применены качественные (анализ документов; описание; обобщение теории, проектирование и прогнозирование) и количественные (сетевой анализ, анкетирование) методы исследования.

Выборочная совокупность — 60 экспертов и 1 200 респондентов из числа молодежи.

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 12.03.2025).

В экспертную выборку были включены представители академического, управленческого, медийного и общественного секторов, вовлеченные в вопросы молодежной политики, образования и регионального развития. Выборка исследования включает экспертов из числа представителей научно-экспертного сообщества ($n = 10$), депутатского корпуса ($n = 5$), общественного сектора ($n = 10$), представителей СМИ ($n = 10$), политических партий ($n = 5$), государственных и муниципальных служащих ($n = 10$), представителей религиозных организаций ($n = 5$), лидеров молодежных организаций ($n = 5$), представителей силовых ведомств ($n = 5$) и молодежи ($n = 1200$) Белгородской, Курской областей и новых территорий России.

Исследование проводилось ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» в период с октября по ноябрь 2024 г. в рамках проекта «Социальные технологии иммунизации молодежи приграничных регионов и новых территорий России в условиях цивилизационных противоречий», выполняемого в рамках научных проектов в сфере общественно-политических наук.

Научные результаты

По мнению экспертов, формирование системы социального иммунитета позволит обществу в Российской Федерации устойчиво развиваться, а защитная функция является приоритетной для государства в условиях цивилизационных противоречий. Экспертами были отмечены следующие факторы и социокультурные риски, влияющие на социальный иммунитет России (рис. 1).

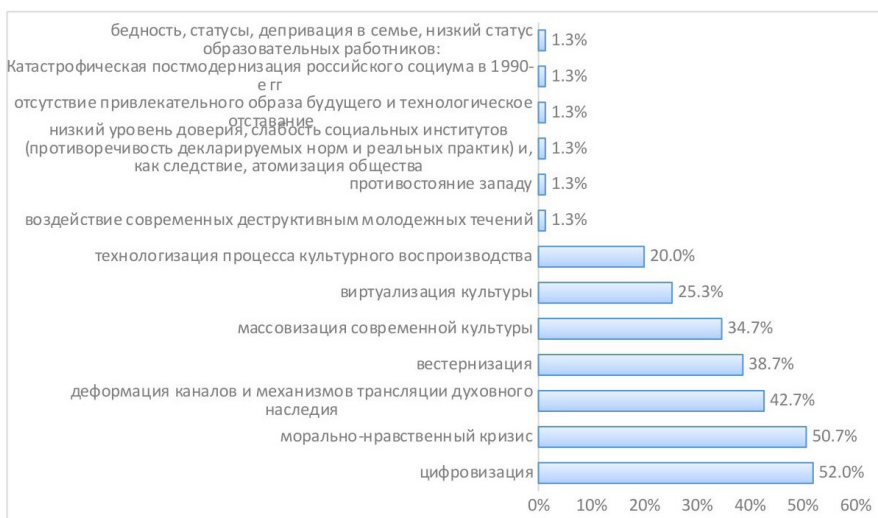

Рис. 1. Факторы и социокультурные риски, влияющие на социальный иммунитет России, по мнению экспертов

Fig. 1. Factors and sociocultural risks affecting Russia's social immunity, according to experts

Анализ распределения ответов экспертов показывает, что наибольшее влияние на социальный иммунитет России оказывают цифровизация (52%) и мораль-

но-нравственный кризис (52,7%). Это говорит о том, что наиболее значимыми вызовами для общества являются изменения в технологической и ценностной сферах. Эксперты также подчеркивают проблему сохранения и передачи духовных ценностей (42,7%) и внешние культурные и информационные влияния, воспринимаемые ими как фактор ценностной неопределенности (38,7%). Это указывает на то, что необходимо удерживать баланс между сохранением традиционных ценностей и принятием новых идей, чтобы обеспечить гармоничное развитие общества.

Результаты исследования указывают на необходимость комплексного подхода к сохранению социальной устойчивости и формированию социального иммунитета в контексте цифровых трансформаций и культурных изменений.

Следующим этапом исследования является опрос среди молодежи Белгородской, Курской областей и новых территорий России. Преимущественное число респондентов из числа молодежи входят в возрастную группу 18–29 лет (63,3%) и имеют высшее и неоконченное высшее образование (66,4%). По результатам опроса 80% опрошенных удовлетворены своей жизнью и ощущают себя в безопасности (60%) вне зависимости от внешних геополитических факторов. Несмотря на это, респонденты отмечают следующие опасности для нашей страны и для них лично (рис. 2).

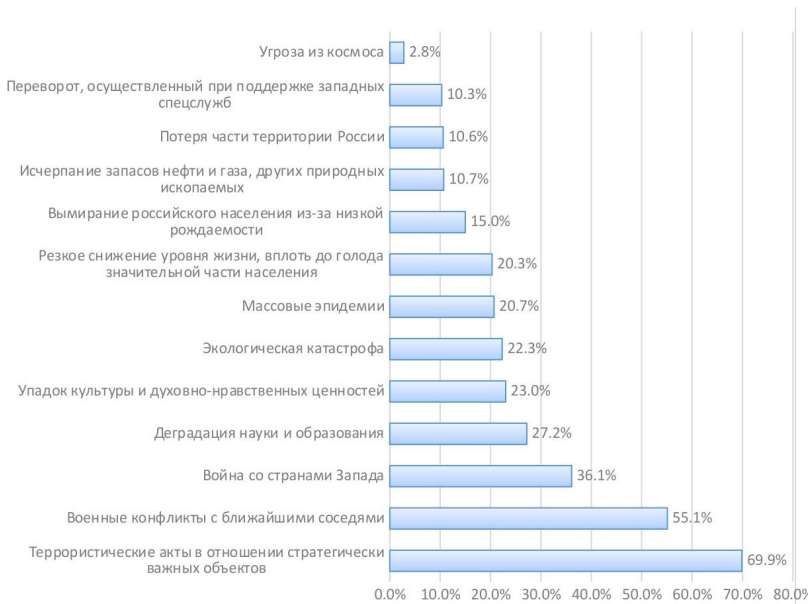

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Опасности»

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question "What are the dangers?"

Основными факторами, негативно сказывающимися на жизни и, как следствие, на научно-исследовательской деятельности, являются угрозы безопасности, в частности террористические акты (66,9%), а также военные конфликты, включая противостояния с ближайшими соседями (55,1%) и странами Запада (36,1%).

Образовательные программы кризисной информированности и общественной безопасности могут способствовать повышению осведомленности населения

о методах предотвращения террористических угроз. Цифровые форматы взаимодействия с аудиторией, при условии методически грамотной организации, могут рассматриваться как эффективный инструмент развития навыков критического анализа контента и распространения научно обоснованной информации.

Исследование показывает, что респонденты рассматривают упадок научной и образовательной сфер как одну из наиболее значимых проблем (27,2%). На наш взгляд, это субъективное мнение, требующее тщательного подтверждения. Мы провели анализ данных, которые могут подтвердить или опровергнуть ухудшение ситуации в научной и образовательной сферах в приграничных регионах России. Финансовое обеспечение научных исследований и вузов проводится в достаточной мере, но распределяется неравномерно. Так, для Белгородской области отмечается активное финансовое участие государства в научных проектах. Благодаря нацпроекту «Наука и университеты» на поддержку научно-образовательных центров в 2023–2024 гг. было направлено 4,7 млрд руб.² В Курской области особое внимание уделяют студентам, обучающимся по целевым договорам, а также преподавателям, занятым в сельских школах³.

Серьезную обеспокоенность вызывает процесс «старения» научных кадров. Средний возраст исследователей приближается к критической отметке в 46 лет, а доля ученых в возрасте 50+ продолжает расти. Это указывает на отток молодых специалистов из науки или их нежелание связывать с ней свою карьеру. Вероятные факторы — низкая привлекательность профессии, недостаточная финансовая поддержка и отсутствие перспектив⁴. Мы можем предположить, что именно это вызывает обеспокоенность у респондентов и отмечается ими как упадок научной и образовательной сфер.

Так как ДНР и ЛНР находятся в стадии активного восстановления и интеграции в российскую систему образования, в общем доступе довольно мало конкретной информации по состоянию науки и образования в регионах, что усложняет комплексную оценку ситуации. С целью интеграции новых территорий в образовательное пространство России 17 февраля 2023 г. Президент Владимир Путин подписал закон, который регулирует вопросы признания образования, ученых степеней и званий, полученных жителями ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также определяет порядок лицензирования и аккредитации образовательных организаций⁵. Сейчас мы можем наблюдать активное развитие программ двойной

² На поддержку российских научно-образовательных центров направят около 4,7 млрд рублей // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: <https://nauka.tass.ru/nauka/16956927> (дата обращения: 11.10.2025).

³ В Курской области 31 педагог принял участие в программе «Земский учитель» [Электронный ресурс] // Курьер: [сайт]. Режим доступа: <https://kurierlgov.ru/content/news/v-kurskoj-oblasti-31-pedagog-prinyal-uchastie-v-programme-zemskiy-uchitel/9987> (дата обращения: 11.10.2025).

⁴ Доклад РАН: финансирование науки падает, количество научных работников растет // Научная Россия. Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения: 11.10.2025).

⁵ Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в

аттестации и совместных образовательных инициатив. Вузы новых регионов налаживают тесное партнерство с ведущими российскими университетами, что может положительно сказаться на сохранении и приумножении кадрового потенциала, а также на повышении уровня образования [Пантыкина, 2025].

Санкции, введенные против России, также оказали влияние на науку и ученых. Однако в условиях ограниченной международной кооперации усиливается значимость альтернативных каналов научного взаимодействия, включая региональные и онлайн-форматы. Результаты опроса показывают, что 59,3% из числа опрошенных адаптировались и приспособились к жизни в условиях зарубежных санкций, однако значительная часть населения все еще сталкивается с временными трудностями (26,9%).

Информированность населения о проектах, реализуемых в регионах, находится на среднем уровне: 38,8% респондентов осведомлены, 38,3% имеют общее представление о них, 13,7% слышат впервые. Это указывает на необходимость усиления информационной работы и повышения прозрачности региональных инициатив.

По мнению респондентов, молодое поколение более восприимчиво к манипуляциям и информационному влиянию, чем представители других возрастов. Это может быть связано с высокой вовлеченностью в цифровую среду, широким использованием социальных сетей и недостаточно критическим восприятием информации. Сегодняшнюю российскую молодежь от представителей более старшего поколения также отличает иной менталитет и взгляды на жизнь, владение новыми технологиями. Респонденты полагают, что для большей части современной молодежи характерна цифровая зависимость, которая выражается в неконтролируемом потреблении информационного контента, социальных сетей, видеоигр и онлайн-развлечений. Обучение цифровой грамотности помогает молодым людям лучше ориентироваться в современном информационном поле, а также получать доступ к научным исследованиям, базам данных и публикациям [Заливанский и др., 2025].

Как следствие, молодежь приграничных регионов может испытывать следующие трудности.

Отсутствие развитой научной инфраструктуры. Решением этой проблемы может быть создание цифровых научных платформ, программы дистанционного обучения и совместных исследований, государственно-частное партнерство. Доступ к онлайн-образованию дает молодежи возможность участвовать в онлайн-курсах, образовательных программах и вебинарах, которые могут быть недоступны в традиционном образовательном формате. Сейчас наблюдается значительный рост числа студентов, осваивающих образовательные программы с помощью дистанционных и электронных технологий. Студенты высоко ценят преимущества цифровых технологий, такие как возможность учиться в удобное для них время (70% опрошенных) и оперативно находить необходимую информацию (84% опрошенных) [Цыбулина, 2021]. Такие онлайн-платформы, как Moodle, «Российская электронная школа», «Мобильное электронное образование», «Яндекс.Учебник», «Билет в будущее», Образовательный центр «Сириус», *Wordskills Russia* и другие, открывают широкие возможности для повышения эффективности образования.

Недостаточное финансирование научных проектов. Для преодоления этой проблемы необходимо разрабатывать сервисы для поиска финансирования, популяризировать науку среди потенциальных инвесторов, автоматизировать и упрощать процесс подачи заявок на гранты и др.

Низкая оплата труда. Решением этой проблемы станет создание платформ для удаленной научной работы, онлайн-программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, а также дополнительное стимулирование молодых ученых.

Отток кадров. Этот вызов можно преодолеть через развитие региональных научных сообществ, программ поддержки молодых ученых, улучшения условий труда, социальной и информационной поддержки и др. [Ильина и др., 2020].

Ограничение доступа к международным программам и запрет на выезд за границу для участия в международных конференциях. Устранить проблему можно посредством развития международных онлайн-конференций, российских и евразийских научных баз, программ академического обмена с дружественными странами и др. Социальные технологии способствуют интеграции молодых ученых в международное научное сообщество через участие в онлайн-конференциях, международных проектах и научных коллаборациях, таких, например, как Конгресс молодых ученых (среди стран БРИКС), международное общественное движение «Сообщество молодых ученых». Молодежь может обмениваться опытом, находить партнеров для совместных исследований и публиковать результаты на международных платформах, что укрепляет их позиции в научном мире.

Сложности с публикацией статей, индексируемых в реферативных базах данных рецензируемой научной литературы (*Scopus* и *Web of Science*). Ответ на существующую проблему может заключаться в развитии цифровых сервисов для улучшения качества публикаций, в поддержке отечественных научных журналов и продвижении отечественной науки на международном уровне [Рубан, 2020].

Трудные социальные и психологические условия. Преодолеть этот вызов помогут психологическая онлайн-поддержка, создание сетевых сообществ, объединяющих исследователей, и формирование комфортной среды с развитой инфраструктурой и общественными пространствами.

Конфликты на почве различного мировоззрения участников из мирового научного сообщества. Справиться с этой задачей позволят создание международных цифровых пространств для научной коммуникации без политической повестки, практическое взаимодействие в решении глобальных проблем, развитие совместных исследовательских проектов для решения глобальных проблем, кросс-культурные проекты, автоматизация и модернизация научных дискуссий для нейтрализации конфликтных ситуаций.

Геймификация может помочь в формировании сообществ среди молодых ученых, предлагая платформы для сетевого взаимодействия, соревнований и сотрудничества. Внедрение игровых практик в образовательный процесс значительно повышает его привлекательность и вовлеченность студентов, что, в свою очередь, стимулирует их мотивацию. В качестве примера можно привести опыт компании *Skillbox*: 84% их выпускников успешно трудоустроились по полученной специаль-

ности, причем подавляющее большинство (85%) нашли работу уже в первые три месяца после завершения курса⁶.

При помощи социальных технологий возможно обеспечить доступ к научной информации и образовательным ресурсам, создавать новые формы взаимодействия, которые способствовали бы развитию гражданской ответственности и социальной устойчивости, что актуально для приграничных регионов России. На рис. 3 наглядно представлены инструменты социальных технологий, которые возможно применить.

Образование и научные ресурсы	Доступ к онлайн-образованию Цифровая грамотность Дистанционные образовательные программы
Социальное взаимодействие и сетевые сообщества	Платформы для взаимодействия и обмена опытом Молодежные инициативы и волонтерство Формирование профессиональных сообществ
Развитие гражданского самосознания и устойчивости	Программы гражданского воспитания Активизация социальных и политических позиций Формирование сознания и ответственности через геймификацию
Сетевые технологии	Виртуальные лаборатории и научные онлайн-ресурсы Международные научные коллаборации Профессиональные сообщества в социальных сетях

Рис. 3. Социально-технологический инструментарий укрепления гражданской устойчивости и интеграции молодых ученых в научное сообщество

Fig. 3. Social and technological tools for strengthening civil resilience and integrating young scientists into the scientific community

Заключение

Проведенное исследование показывает, что молодые исследователи в приграничных регионах сталкиваются не только с общими для российской науки трудностями, но и с дополнительными барьерами, связанными с нестабильностью инфраструктуры, ограничениями академической мобильности, психологической нагрузкой и неравномерным доступом к ресурсам. Социальные и цифровые технологии могут снижать часть этих барьеров, особенно в области научной коммуникации, образовательного доступа, сетевого взаимодействия и профессиональной адаптации. Вместе с тем их эффективность зависит от качества институциональной поддержки, доступности инфраструктуры и доверия со стороны самих участников научного сообщества.

⁶ Как цифровизация образования влияет на его ценность // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/06/23/1119170-kak-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vliyaet-na-ego-tsennost> (дата обращения: 12.10.2025).

Литература

Баранова И.О. Теоретические проблемы исследования социального иммунитета // Актуальность педагогического наследия А.С. Макаренко в современных условиях: сборник статей. М.: Московский ун-т МВД РФ им. В.Я. Кикотя. 2019. С. 26–31.

Доклад РАН: финансирование науки падает, количество научных работников растет // Научная Россия. Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/> (дата обращения: 11.10.2025).

Жапиев З.А. Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 178–182.

Зайнуллина Ф.К. Воспитание гражданской устойчивости у режиссеров театрализованных представлений и праздников в процессе творческой деятельности // Вестник КазГУКИ. 2018. № 2. С. 97–100.

Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В., Сапрыка В.А. Социальная иммунизация как инструмент противодействия манипулятивному влиянию на молодежь // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. № 33 (1). С. 27–32.

Ильина И.Е., Жарова Е.Н., Королева Н.Н. Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России // Интеграция образования. 2020. № 3 (100). С. 352–376.

Как цифровизация образования влияет на его ценность // Ведомости. 2025. 23 июня. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/06/23/1119170-kak-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vliyaet-na-ego-tsennost> (дата обращения: 12.10.2025).

Надуткина И.Э., Конев И.В., Каменева Т.Н., Знахарчук Ф.Р. Факторы формирования гражданской активности молодежи в условиях геополитической нестабильности // Власть. 2023. № 3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-grazhdanskoj-aktivnosti-molodezhi-v-usloviyah-geopoliticheskoy-nestabilnosti> (дата обращения: 27.11.2024).

На поддержку российских научно-образовательных центров направят около 4,7 млрд рублей // Информационное агентство ТАСС. Режим доступа: <https://nauka.tass.ru/nauka/16956927> (дата обращения: 11.10.2025).

Об особенностях правового регулирования отношений в сферах образования и науки в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 17 февраля 2023 г. № 19-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Раздел «Законодательство». Информ. банк «Российское законодательство (Версия Проф)». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439909/ (дата обращения: 11.10.2025).

Пантыкина Н.И. Роль самопрезентации в развитии академической карьеры молодых исследователей педагогических университетов новых субъектов Российской Федерации // Материалы пула научно-практических конференций: Материалы VI Международной научно-практической конференции, IX Международной научно-практической конференции и VI Международной научно-практической конференции, Сочи, 4–8 января 2025 года. Керчь: Керченский гос. морской технологический ун-т, 2025. С. 797–802.

В Курской области 31 педагог принял участие в программе «Земский учитель» // Курьер: [сайт]. Режим доступа: <https://kurierlgov.ru/content/news/v-kurskoj-oblasti-31-pedagog-prinyal-uchastie-v-programme-zemskiy-uchitel/9987> (дата обращения: 11.10.2025).

Рубан Л.С. Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 416–429.

Цыбулина П.И. Цифровизация жизни студента // Гуманитарные науки. Студенческий научный форум: Электронный сборник статей по материалам XLI студенческой международной научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2021 года. № 6 (41). М.: ООО «Международный центр науки и образования», 2021. С. 44–49.

Шевченко В.С. Проблемы популяризации современной науки в условиях изменяющейся реальности // Наука и общество: инструменты и решения глобальных проблем современности: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, Москва, 6 апреля 2024 года. СПб.: Печатный цех, 2024. С. 61–66.

Sharma V., Verma P., Singh A., Manocha T., Srivastava A. Awareness of Cybercrimes in Society 5.0: Perception of Generation-Z // 2024 International Conference on Intelligent Systems for Cybersecurity (ISCS). Gurugram, India, 2024. P. 1–6. DOI: 10.1109/ISCS61804.2024.10581028.

Social Technologies as a Tool for Strengthening Civic Resilience and Integrating Young Scientists from Russia’s Border Regions into the Scientific Environment

VALERIYA S. SHEVCHENKO

Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia;
e-mail: shevchenko_v@bsuedu.ru

Young scientists have always been and remain a vital resource for societal development; therefore, to ensure the stable development and prosperity of the state, it is essential to invest resources and efforts in the education and upbringing of the younger generation. This article examines the main challenges faced by young scientists in Russia’s border regions and identifies the role of social technologies in addressing these challenges. Social technologies enable access to information and educational resources and create new forms of interaction, which helps strengthen young people’s civic resilience, support their professional growth, and foster a sense of belonging to a unified community. Particular attention is paid to issues of academic integration, access to scientific infrastructure, digital resources, international communication, and professional sustainability. The empirical basis consists of an expert survey ($n = 60$) and a youth questionnaire ($n = 1,200$) conducted in the Belgorod and Kursk regions, as well as in the territories included in the project’s research design. Based on the data obtained, the main barriers to scientific careers are identified, and directions for the use of social technologies are proposed to expand access to education, scientific communication, networking, and psychological support. The article may be useful for research on young scientists, the digitalization of science, and regional educational policy.

Keywords: border regions, new regions, social technologies, civic sustainability, social immunity, integration of young scientists, scientific community.

Acknowledgment

The research was carried out under Project ZWG-2024-0021 “Social technologies of immunization of youth in border regions and new territories of Russia in the context of

civilizational contradictions,” executed as part of the scientific research program in socio-political sciences.

References

Baranova, I.O. (2019). Teoreticheskiye problemy issledovaniya sotsial'nogo immuniteta [Theoretical problems of social immunity research], in *Aktual'nost' pedagogicheskogo naslediya A.S. Makarenko v sovremennykh usloviyakh: Sbornik statey* [The relevance of A.S. Makarenko's pedagogical heritage in modern conditions: A collection of articles] (pp. 26–31), Moskva: Moskovskiy un-t MVD RF im. B.Ya. Kikotya (in Russian).

Doklad RAN: finansirovaniye nauki padayet, kolichestvo nauchnykh rabotnikov rastet [RAS report: science funding is falling, the number of researchers is growing], in *Nauchnaya Rossiya* [Scientific Russia]. Available at: <https://scientificrussia.ru/> (date accessed: 11.10.2025) (in Russian).

Ilina, I.E., Zharova, E.N., Koroleva, N.N. (2020). Podderzhka molodykh issledovateley: zarubezhnyye praktiki i vozmozhnost' ikh primeneniya v Rossii [Support for young researchers: foreign practices and the possibility of their application in Russia], *Integratsiya obrazovaniya*, no. 3 (100), 352–376 (in Russian).

Kak tsifrovizatsiya obrazovaniya vliyayet nay ego tsennost' [How digitalization of education affects its value], *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/06/23/1119170-kak-tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vliyaet-na-ego-tsennost> (date accessed: 12.10.2025) (in Russian).

Na podderzhku rossiyskikh nauchno-obrazovatel'nykh tse ntrov napravlyat okolo 4,7 mlrd rubley [About 4.7 billion rubles will be allocated to support Russian scientific and educational centers], in *Informatsionnoye agentstvo TASS* [TASS News Agency]. Available at: <https://nauka.tass.ru/nauka/16956927> (date of request: 11.10.2025) (in Russian).

Nadutkina, I.E., Konev, I.V., Kameneva, T.N., Znakharchuk, F.R. (2023). Faktory formirovaniya grazhdansko y aktivnosti molodezhi v usloviyakh geopoliticheskoy nestabil'nosti [Factors of formation of youth civic engagement in conditions of geopolitical instability], *Vlast'*, no. 3, 25–32. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-grazhdansko-y-aktivnosti-molodezhi-v-usloviyah-geopoliticheskoy-nestabilnosti> (date accessed: 11/27/2024) (in Russian).

Ob osobennostyakh pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sferakh obrazovaniya i nauki v svyazi s prinyatiyem v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki, Lugansko y Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti, Khersonskoy oblasti i obrazovaniyem v sostave Rossiysko y Federatsii novykh sub'yektov — Donetskoy Narodnoy Respubliki, Lugansko y Narodnoy Respubliki, Zaporozhskoy oblasti, Khersonskoy oblasti i o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiysko y Federatsii: federal'nyy zakon ot 17 fevralya 2023 g. no. 19-FZ (poslednaya redaktsiya) [On the specifics of the legal regulation of relations in the fields of education and science in connection with the admission of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region, Kherson region to the Russian Federation and the formation of new subjects within the Russian Federation — Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia region, Kherson region and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 19-FZ dated 02/17/2023 (latest edition)], in *Spravochnaya pravovaya Sistema “Konsul'tant Plus”. Razdel “Zakonodatel'stvo”. Inform. bank “Rossiyskoye zakonodatel'stvo” (Versiya Prof)* [Consultant Plus Legal Reference System. Sec. “Legislation”. Inform. bank “Russian Legislation (Prof Version)”]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439909/ (date accessed: 28.04.2026) (in Russian).

Pantykina, N.I. (2025). [The role of self-presentation in the development of the academic career of young researchers at pedagogical universities of new subjects of the Russian Federation], in *Materialy pula nauchno-prakticheskikh konferentsiy: Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i VI Mezhdunarodnoy nauch-*

no-prakticheskoy konferentsii, Sochi, 4–8 yanvarya 2025 goda [Proceedings of the pool of scientific and practical conferences: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, IX International Scientific and Practical Conference and at the VI International Scientific and Practical Conference, Sochi, January 4–8, 2025] (pp. 797–802), Kerch: Kerchenskiy gos. morskoy tekhnologicheskoy un-t (in Russian).

Ruban, L.S. (2020). Komparativnyy analiz rossiyskoy i zapadnoy sistemy obrazovaniya i podgotovki nauchnykh kadrov [Comparative analysis of the Russian and Western systems of education and training of scientific personnel], *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 20 (2), 416–429 (in Russian).

Sharma, V., Verma, P., Singh, A., Manocha, T., Srivastava, A. (2024). Awareness of Cybercrimes in Society 5.0: the Perception of Generation Z, in *The 2024 International Conference on Intelligent Cybersecurity Systems (ISCS)* (pp. 1–6), Gurugram, India. DOI: 10.1109/ISCS61804.2024.10581028.

Shevchenko, V.S. (2024). Problemy populyarizatsii sovremennoy nauki v usloviyakh izmenyayushcheysoy real'nosti [Problems of popularization of modern science in a changing reality], in *Nauka i obshchestvo: instrumenty i resheniya global'nykh problem sovremennosti: Sbornik nauchnykh trudov po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 6 aprelya 2024 goda* [Science and society: modern tools and solutions to global problems: a collection of scientific papers based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 6, 2024] (pp. 61–66), S.-Peterburg: Pechatnyy tsekh (in Russian).

Tsybulina, P.I. (2021). Tsifrovizatssiya zhizni studenta [Digitalization of student's life], in *Gumanitarnyye nauki. Studencheskiy nauchnyy forum: Elektronnyy sbornik statey po materialam XLI studencheskoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Humanities. Student Scientific forum: electronic collection of articles on materials of the XLI international student scientific and practical conference, Moscow, June 28, 2021], no. 6 (41), 44–49, Moskva: OOO “Mezhdunarodnyy tsentr nauki i obrazovaniya” (in Russian).

V Kurskoy oblasti 31 pedagog prinyal uchastiye v programme “Zemskiy uchitel” [In the Kursk region, 31 teachers took part in the “Zemsky Uchitel” program, in Courier: [website]. Available at: <https://kurierlgov.ru/content/news/v-kurskoy-oblasti-31-pedagog-prinyal-uchastie-v-programme-zemskiy-uchitel/9987> (date accessed: 11.10.2025) (in Russian).

Zainullina, F.K. (2018). Vospitaniye grazhdanskoy ustoychivosti u rezhisserov teatralizovannykh predstavleniy i prazdnikov v protsesse tvorcheskoy deyatel'nosti [Fostering civic stability among directors of theatrical performances and celebrations in the process of creative activity], *Vestnik KazGUKI*, no. 2, 97–100 (in Russian).

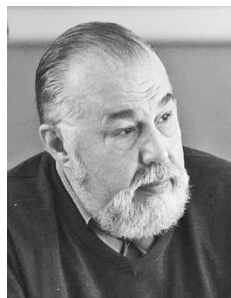
Zalivansky, B.V., Samokhvalova, E.V., Sapryka, V.A. (2025). Sotsial'naya immunizatsiya kak instrument protivodeystviya manipulyativnomy vliyaniyu na molodezh [Social immunization as a tool to counteract manipulative influence on youth], *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, no. 33 (1), 27–32 (in Russian).

Zhapuev, Z.A. (2012). Sotsial'nyy immunitet rossiyskogo obshchestva v usloviyakh institutsional'noy transformatsii: teoreticheskiye predposylki kontseptualizatsii i sotsiologicheskkiye ramki issledovaniya [Social immunity of Russian society in the context of institutional transformation: theoretical prerequisites for conceptualization and sociological research framework], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, no. 6, 178–182 (in Russian).

РЕЦЕНЗИЯ

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ СОБОЛЕВ

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: vlad_history@mail.ru

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПИВОВАРОВ

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: pivovaro@mail.ru

Рецензия на книгу:

**«Дневник кругосветного плавания Ф.П. Литке на шлюпе
«Камчатка» в 1817–1819 годах» / авторы-составители:
Л.И. Спиридонова, Г.Н. Федорова.
М.: Паулсен, 2026. 736 с.; ил.**

УДК: 910.4«17»(049.32)

DOI: 10.24412/2079-0910-2026-2-243-248

В рецензируемом издании (М.: Паулсен, 2026) впервые в полном объеме публикуется «Дневник кругосветного плавания Ф.П. Литке на шлюпе “Камчатка” в 1817–1819 годах», подготовленный архивистами РГАВМФ. Книга отличается строгой научной обработкой, включающей расшифровку рукописи, развернутые комментарии и справочные указатели. Дневник выступает как живой первоисточник, фиксирующий морской быт, гидрографические данные, межнациональные отношения и культурные наблюдения молодого офицера. Публикация восполняет существенный пробел в изучении истории российских кругосветных экспедиций

© Соболев В.С., Пивоваров Е.Г., 2026

и, соответствуя современным археографическим стандартам, адресована как специалистам, так и широкой аудитории.

Ключевые слова: РГАВМФ, Ф.П. Литке, шлюп «Камчатка».

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая на заседании XVII съезда Русского географического общества, предложил объявить 2027 г. Годом географии, поскольку на него «приходится еще целый ряд знаковых юбилеев, среди которых 200-летие первого председателя РГО великого князя Константина Николаевича»¹. Подобный интерес к историческому наследию Общества находит свое конкретное воплощение и в новой рецензируемой научной публикации. Авторы-составители, сотрудники Российского государственного архива Военно-Морского Флота Людмила Ивановна Спиридонова и Галина Николаевна Федорова (1952–2021), провели большую работу по подготовке к публикации уникального архивного источника — «Дневника кругосветного плавания Ф.П. Литке на шлюпе “Камчатка” в 1817–1819 годах».

На протяжении нескольких лет составителями велась кропотливая работа по расшифровке трудночитаемого почерка Ф.П. Литке, идентификации упоминаемых лиц, географических объектов, составлению необходимых комментариев и пояснений, переводу иноязычных фрагментов текста. При подготовке дневника к печати сотрудниками отдела научных публикаций С.В. Терениной и В.П. Ципленкиным была проведена повторная вычитка рукописи и ее сверка с подлинником, унификация археографического оформления, доработка научно-справочного аппарата и приложений. Историки-архивисты опирались на строгие академические стандарты, опубликованный текст документа снабжен исчерпывающим научно-справочным аппаратом, что делает книгу эталонным образцом современной археографии.

Вступительный очерк доктора исторических наук Дмитрия Николаевича Копелева выходит за рамки традиционного предисловия и является серьезным историческим исследованием. Известный историк флота воссоздал яркую картину богатой биографии Федора Петровича Литке. Исследователь указал на то, что ключевой фигурой, определившей становление Литке-морьяка, был муж его сестры — Иван Саввич Сульменев. Именно благодаря его влиянию и действиям молодой офицер получил шанс попасть на шлюп «Камчатка» (с. 9–13). По-новому историк флота взглянул и на взаимоотношения Ф.П. Литке с его воспитанником — великим князем Константином Николаевичем (с. 20–24). Эта духовная связь оказала прямое влияние на становление будущего генерал-адмирала, реформатора флота и одного из создателей РГО.

«Предисловие от составителей» (с. 41–50) написано заслуженным работником культуры РФ Л.И. Спиридоновой. В археографическом обзоре имеются все необходимые для данной публикации сведения: информация о корабле и его плавании; о месте и значении источника в комплексе всего документального наследия Ф.П. Литке; об истории изучения этого документального памятника в трудах дореволюционных, советских и современных исследователей. Большой интерес представляет предположение составителей о том, что автор «Дневника», возможно, и сам готовил его текст к изданию (с. 48). Однако это намерение удалось осуще-

¹ Выступление президента Российской Федерации В.В. Путина 23 октября 2025 г. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/78274> (дата обращения: 08.04.2026).

ствить лишь частично: только небольшой отрывок из путевых заметок был опубликован в журнале «Благонамеренный» в июне 1819 г.

Издание дневников ликвидирует существенный пробел в научной литературе, посвященной наследию российских исследователей Мирового океана. Ранее историкам науки были известны только фрагменты текста этого ценного исторического источника. История бытования рукописи сама по себе представляет большой научный интерес. Долгое время хранимая в семье Литке, она была приобретена Морским архивом лишь в 1923 г. благодаря инициативе родственницы адмирала². Экспертное заключение, которое дал тогда известный историк-архивист Георгий Алексеевич Князев, отметивший чрезвычайную ценность путевых заметок (с. 45), оказалось пророческим. Спустя столетие прогнозы выдающе-

гося археографа полностью подтвердились. Введение документального памятника в культурный и научный оборот, осуществленное сотрудниками РГАВМФ и издательства «Паулсен», является закономерным завершением долгого пути рукописи от семейного архива к специалистам и массовому читателю³.

Научная ценность издания определяется тщательной текстологической и комментаторской работой. Дневник снабжен подробными историко-археографическими пояснениями, именным, географическим и судовым указателями, терминологическим словарем. Исторические варианты написания топонимов сопровождаются их современными названиями. Важнейшей особенностью подготовки стала профессиональная работа с многоязычными вставками в оригинале. Включенные приложения — полный послужной список Ф.П. Литке, хронологический перечень его

² В семье не забывали о рукописи. В 1952 г. капитан II ранга Николай Федорович Литке защитил кандидатскую диссертацию на кафедре физической географии Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. В ней он подробно рассказал о ранних дневниках Федора Петровича (*Литке Н.Ф.* Роль адмирала Ф.П. Литке в развитии русской географической науки. Дис. на соискание уч. степени канд. геогр. наук. Л.: Б. и., 1951. С. 118–227). В этой работе он призвал издать ценные в научном отношении материалы: «Дневники плавания на шлюпе “Камчатка” — интересный материал, ожидающий своей очереди опубликования, особенно если его дополнить рисунками художника этой экспедиции М. Тиханова. Эти рисунки хранятся в Архиве Академии художеств в Ленинграде неопубликованными. По отзывам сотрудников Института этнографии СССР они представляют ценный этнографический материал» (*Литке Н.Ф.* Указ соч. С. 123). Передача документов в Морской архив, возможно, предотвратила их уничтожение: «Оставшиеся после Ф.П. Литке несколько больших связок с письмами и хранимые у моего двоюродного брата В. [Владимира] А. [Александровича] Литке погибли во время блокады Ленинграда» (Там же. С. 224).

³ Особенно приятно, что эта книга издана большим по современным меркам тиражом. Это делает ее достоянием не только узкого круга специалистов, но и дает возможность всем интересующимся историей русского флота ознакомиться с ценным историческим источником.

трудов и библиография исследований — превращают книгу в полноценный справочный комплекс.

События, запечатленные автором «Дневника», охватывают период кругосветного плавания с 15 августа 1817 г. по 11 сентября 1819 г. В отличие от сухих служебных журналов, записки молодого офицера наполнены живыми, образными картинками, эмоциональными и порой ироничными, но всегда меткими оценками. Приведем для примера одну яркую зарисовку морского быта от 26 декабря 1817 г.: «В день Рождества Христова <...> Поутру помолились мы усердно Богу. Служителям произведена была порция вина гораздо большая обыкновенной, отчего они все подпили и провели время в песнях и плясках <...>. К вечеру нашел жестокий шквал с дождем, мы беспокоились, думая, что люди наши, будучи довольно пьяны, не в состоянии будут исполнить своего дела, но, к удивлению нашему, они так хорошо и усердно работали, как только могли то делать в наитрезвейшем виде. Хомяк сделался векшою (*уст.* — белка), и тот, кто прежде без ужасу не мог посмотреть на марс, взлетал туда, как лучший матрос. О всемогущее вино!» (с. 133—134).

Наблюдательность автора не ограничивалась только жизнью корабля. С той же остротой и точностью фиксировал он и сложные межэтнические отношения, с которыми экспедиция сталкивалась во время стоянок на отдаленных побережьях. «Замечательно, — записывал Федор Петрович 11 августа 1818 г., — что наибольшие неприятности колошам суть алеуты, и обратно, колоши гораздо более алеут ненавидят, нежели русских. Если алеуты одни поймают колоша, то, наверное, убьют, также и колоши алеутам никогда пощады не дают и, сколько бы их ни попало, всех перебивают, русских же иногда берут в плен. А русские, натурально, без причины никого не убивают (!)» (с. 281). В этом месте дается комментарий составителей: «Текст отчеркнут справа на полях волнистой линией простым карандашом, рядом помета: NB».

Текст «Дневника», кроме многих достоинств, демонстрирует еще и исключительную добросовестность и исследовательскую страсть молодого офицера. Ежедневные комментарии, аккуратно структурированные по датам на полях, фиксируют весь маршрут экспедиции. Гидрографические и навигационные заметки, фиксация ветров, течений, приливов и отливов свидетельствуют о становлении Ф.П. Литке и как мореплавателя, и как ученого. Исследовательская строгость и привычка к систематической фиксации проявлялись у молодого офицера не только в узкопрофессиональных записях, но и в любых наблюдениях, которые он считал значимыми для понимания новой среды. Ярким подтверждением служит обширная заметка от 2 августа 1819 г., посвященная английской столице. При описании городской архитектуры и планировки он сохраняет тот же аналитический подход: последовательно разбирает объекты, отмечает пространственные ограничения, фиксирует визуальные эффекты и проводит сравнительные параллели с Санкт-Петербургом.

«Вообще Лондон, — отмечал Федор Петрович, — весьма беден зданиями, самые королевские дворцы заслуживают сожаление. Карлтонгоуз скорее можно принять за конюшни, нежели за обиталище короля; Дворец Св[ятого] Якова <...> ниоткуда не виден, Красный королевин дворец в St. James парке есть настоящая обветшалая казарма. И кроме огромного Соммерсетгоуза, которого фасады <...> прекрасны, не на что здесь посмотреть: я разумею из публичных или казенных зданий — о частных нечего и говорить. Теснота Лондона много препятствует красоте его, самая С[вято] Павловская церковь не имеет снаружи никакого вида, оттого что видишь ее не

прежде, как уже находишься возле самой церкви. Все театры (кроме Ковентгарденского и Дрюриленского) находятся между строениями, так что можно пройти мимо и не подозревая, что был возле театра. Лондон берет верх над Петербургом площадями» (с. 574).

Приведенные отрывки из текста «Дневника», а их могло быть гораздо больше, показывают, какую высокую историко-культурную ценность имеет публикуемый документ. Живая авторская речь, яркие и конкретные впечатления путешественника, характерная для эпохи оценочная лексика сохранены в первоизданном виде. Впечатляющий объем издания и богатый иллюстративный ряд свидетельствуют о бескомпромиссном следовании принципам современной научной археографии. Текст публикуется полностью, без купюр и адаптаций, что гарантирует его объективность, достоверность и ценность для последующих междисциплинарных исследований.

В заключение позволим себе выразить полную солидарность с автором предисловия Д.Н. Копелевым, который указал на то, что «Дневник» является восхитительным наброском одной из противоречивейших эпох российской истории, написанным образованным офицером, испытывавшим подлинную страсть и суеверный пиетет перед наукой.

Полагаем, что рецензируемое нами новое научное издание РГАВМФ (редакционная коллегия: доктор исторических наук Валентин Георгиевич Смирнов (научный редактор), С.В. Теренина, В.П. Ципленкин) станет ярким событием в развитии историографии истории российского флота; книга будет востребована и специалистами, и массовым читателем.

**Book Review: Diary of F.P. Litke's Circumnavigation
on the Ship "Kamchatka" in 1817–1819 / Authors
and compilers: L.I. Spiridonova, G.N. Fedorova.
Moscow: Paulsen, 2026. 736 p.; ill.**

VLADIMIR S. SOBOLEV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: vlad_history@mail.ru

EVGENIÏ G. PIVOVAROV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia;
e-mail: pivovaro@mail.ru

The edition is the first full publication of the “Diary of F.P. Litke’s Circumnavigation on the Ship “Kamchatka” in 1817–1819” (Moscow: Paulsen, 2026), prepared by specialists at the Russian State Archives of the Navy. The book is distinguished by its rigorous scholarly editing, including a transcription of the manuscript, extensive commentary, and reference indexes. The diary serves as a living primary source documenting maritime life, hydrographic data, interethnic relations, and the young officer’s cultural observations. The publication fills a significant gap in the study of the history of Russian round-the-world expeditions and, in line with modern standards, is addressed to both specialists and the general public.

Keywords: Russian State Archives of the Navy, F.P. Litke, ship “Kamchatka”.

Информация для авторов и требования к рукописям статей, поступающим в журнал «Социология науки и технологий»

Социология науки и технологий Sociology of Science and Technology

Журнал **Социология науки и технологий** (СНиТ) представляет собой специализированное научное издание.

Журнал создан в 2009 г. Учредитель и издатель: Федеральное государственное учреждение науки Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова Российской академии наук.

Периодичность выхода — 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77–75017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 11 февраля 2019 г.

Журнал имеет международный номер ISSN 2079-0910 (Print), ISSN 2414-9225 (Online).

Входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.08 — Философия науки и техники (философские науки),

22.00.01 — Теория, методология и история социологии (социологические науки),

22.00.04 — Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки).

Включен в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал индексируется с 2017, Т. 8, № 1 в Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics products and services).

Журнал публикует оригинальные статьи на русском и английском языках по следующим направлениям: наука и общество; научно-техническая и инновационная политика; социальные проблемы науки и технологий; социология академического мира; коммуникации в науке; история социологии науки; исследования науки и техники (STS) и др.

Публикации в журнале являются бесплатными для авторов. Гонорары за статьи не выплачиваются.

Направляемые в журнал рукописи статей следует оформлять в соответствии со следующими правилами (требования к оформлению размещены в разделе «Для авторов» на сайте журнала <http://sst.nw.ru/>)

Адрес редакции:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5.

Тел.: (812) 328-47-12

Факс: (812) 328-46-67

E-mail: school_kugel@mail.ru

<http://ihst.nw.ru>

В следующем номере

Д.В. Иванов, К.П. Гулькина. Критическая теория в мире алгоритмической рациональности.

О.Н. Субочева, Е.А. Гаврилина, Н.В. Оплетина. Современные тенденции реформирования инженерного образования: стратегические приоритеты и социально-гуманитарный контекст.

In the Next Issue

Dmitry V. Ivanov, Kseniia P. Gulkina. Critical Theory in the World of Algorithmic Rationality.

Oksana N. Subocheva, Elena A. Gavrilina, Nadezhda V. Opletina. Contemporary Trends in Reforming Engineering Education: Strategic Priorities and Social and Humanitarian Context.
